МЫСЛИТЕЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

МЫСЛИТЕЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Ф
Н

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ПРОГРЕССИВНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (XIX-НАЧАЛО XX в.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

«МЫСЛЬ»

МОСКВА — 1965

1 Ф
П 78

Настоящее издание включает впервые переведенные на русский язык произведения выдающихся представителей прогрессивной мысли Латинской Америки XIX — начала XX в.

Перевод с испанского и португальского

СОСТАВЛЕНИЕ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. Р. БУРГЕТЕ
РЕДАКЦИЯ ПЕРЕВОДА И ПРИМЕЧАНИЯ
А. В. ДЕРЮГИНОЙ

ФИЛОСОФИЯ ОБНОВЛЕНИЯ

Многовековая борьба народов Латинской Америки за национальную независимость имеет славную историю, полную ярких страниц.

Советские люди всегда с большой симпатией и интересом следили за этой борьбой, восхищаясь героическими подвигами сынов и дочерей далекого континента. Сегодня, когда победа социалистической революции на Кубе открыла новые перспективы для успешного завершения этой борьбы, доказав, что только социализм открывает угнетенным народам путь к подлинному освобождению, народы Латинской Америки смогли в полной мере оценить добрые чувства советского народа, оказывающего революционной Кубе искреннюю и бескорыстную помощь.

Мы чтим имена великих борцов за лучшее будущее народов Латинской Америки — Боливара и Сан-Мартина, Идальго и Морелоса, Сапата и Вилья, Марти и Сандино.

В борьбе народов Латинской Америки против поработителей выработались глубокие революционные традиции. Идеи передовых борцов за национальную независимость, дела и творчество которых пронизаны любовью к родине, к ее угнетенному народу, ненавистью к колонизаторам, стремлением создать более справедливый, более человечный общественный строй, и сегодня вдохновляют народы Латинской Америки в их национально-освободительной борьбе. Вот почему эти идеи, несмотря на

огромные изменения, происшедшие в мире, выдержали испытание временем, не потеряли своей остроты и действенности. Сегодня, когда во главе национально-освободительного движения в Латинской Америке становится пролетариат, вооруженный марксистско-ленинской теорией, революционные традиции прошлого латиноамериканских народов нашли в нем самого верного и бережного их хранителя и продолжателя, ибо марксизм впитывает в себя все самое лучшее, что выработали народы в процессе своей освободительной борьбы. «Для нас ясно,— писал журнал аргентинских коммунистов «Новая эра»,— что великая цель освободительного движения Мая * заключалась в освобождении нашей территории от иностранного господства, ликвидации экономической монополии феодального режима, демократизации государства и создании независимой и свободной нации и что для реализации этих целей патриоты 1810 года вдохновлялись передовыми идеалами своего времени». Именно поэтому, заключает он, «коммунисты и являются наследниками и самыми лучшими защитниками прогрессивных традиций Мая». Подчеркивая роль передовых революционных идей и традиций в сегодняшней борьбе народов Латинской Америки, Фидель Кастро говорил: «Если сегодня мы находимся на столь высокой ступени исторического развития и революционного мышления, то это потому, что она была подготовлена первым скромным шагом наших первых патриотов» **.

Таким образом, вопрос об отношении к идейному наследию народов Латинской Америки — актуальная теоретическая и политическая проблема. Одним из важнейших ее аспектов является отношение к философскому наследию этих народов.

Буржуазные историки философии, как правило, игнорируют богатое философское наследие народов Латинской Америки. Этот заговор молчания пытаются обосновать тем, что латиноамериканская философия якобы лишена самостоятельности и является лишь подражанием западноевропейской или в более поздний период

---

* Имеется в виду Майская революция 1810 г.

** «Noticias de Hoy», 14 de Marzo de 1962, p. 5.

североамериканской философии. В действительности же народы Латинской Америки имеют не только яркую историю борьбы против своих угнетателей, за национальную независимость, но также и богатую культуру, своеобразную философскую мысль; игнорировать или отрицать это богатое наследие выгодно лишь тем силам, которые и сегодня стремятся в новой форме продолжить эксплуатацию богатых недр и трудолюбивых народов Латинской Америки.

Когда мы говорим об истории культуры народов Латинской Америки как о едином целом, то имеем в виду наличие действительной общности духовного развития этих народов, сложившейся на базе общего исторического (экономического, социального, политического) их развития. Течения философской мысли также, несмотря на некоторые различия, имеют очень много общего и совпадают в своих основных тенденциях. Передовые мыслители в этих странах решают по сути дела одни и те же задачи и их учения часто приобретают не только национальное, но и общее для всех этих стран значение.

В истории философской и общественно-политической мысли народов стран Латинской Америки можно выделить следующие основные периоды. *Доколониальный период* — эпоха расцвета древних американских цивилизаций ацтеков, инков, майя и других народов, населявших Центральную и Южную Америку, время зарождения и становления двух форм их миропонимания: наивно-реалистического и религиозного. *Колониальный период* — распространение католицизма и господство средневековой схоластики. Здесь можно отличить несколько этапов: варварское уничтожение древней культуры и насильственное обращение индейцев в католическую веру (XVI в.); безраздельное господство католицизма и схоластики (XVII — первая половина XVIII в.); разложение и упадок схоластики, широкое проникновение революционных материалистических и атеистических идей и идеологическая подготовка борьбы за независимость (вторая половина XVIII — начало XIX в.). *Период революционной борьбы за национальную независимость, становления капиталистических отношений* (XIX — начало XX в.) — это период острого политического и идеоло-

гического столкновения прогрессивных и реакционных сил по вопросам национального развития, период формирования независимых латиноамериканских наций и их национального самосознания. Это период упорной борьбы рационалистической и материалистической философии против идеалистической философии и схоластики. Характерная особенность прогрессивной философской и общественно-политической мысли этого времени — поиски метода и путей для достижения подлинной независимости и социального обновления. *Современный период* (со второго десятилетия XX в. до наших дней) — основное содержание этого периода составляет антиимпериалистическая борьба латиноамериканских народов, выдающимся достижением которой явилась победа социалистической революции на Кубе. В этот период пролетариат, его партия и идеология становятся решающими факторами национально-освободительной борьбы, продолжают и развивают прогрессивные традиции прошлого.

Предлагаемый читателю сборник охватывает период революционной борьбы народов Латинской Америки за национальную независимость, против испанского и португальского господства, период становления буржуазных отношений в латиноамериканских странах (XIX — начало XX в.). В сборник включены работы мыслителей, которые в своем творчестве, несмотря на различие их философских концепций, выражают прогрессивные тенденции этой бурной революционной эпохи, являются активными борцами за лучшее будущее народов своих стран и всей Латинской Америки.

Революционные идеи этих мыслителей неразрывно связаны с прогрессивными гуманистическими тенденциями колониального периода, продолжают и развивают их. Поэтому рассмотрению особенностей прогрессивных традиций латиноамериканской мысли XIX — начала XX в. мы предпошлем краткую характеристику идеологической борьбы предшествующего периода.

* *
*

Прошло всего несколько лет после того, как Христофор Колумб в 1492 г. открыл Американский материк и

на вновь открытые земли устремилась разношерстная армия конкистадоров. *«Разбой и грабеж* — единственная цель испанских искателей приключений в Америке» *,— так охарактеризовал К. Маркс цель варварского процесса покорения коренных народов Нового Света. Движимые жаждой наживы, завоеватели не только жестоко расправлялись с непокорными индейцами, но и беспощадно уничтожали ценнейшие культурные памятники. Не понимая и не желая понять образа жизни местных народов, культурных традиций самобытных индейских цивилизаций, завоеватели прошли с огнем и мечом по всему Американскому континенту. Искореняя язычество, они жгли на гигантских кострах древние индейские кодексы, хранители мудрости, истории и культуры местных народов.

Народы Америки оказали завоевателям достойное сопротивление. Имена таких народных вождей, как Куаутемок и Тупак-Амару, сегодня стали символами борьбы народов Латинской Америки за свое освобождение.

На завоеванных землях испанские и португальские колонизаторы создали свою администрацию и установили феодально-крепостнический строй, в котором широкое распространение получило рабство. «Это был, — пишет Блас Рока, — своеобразный рабовладельческий режим, режим американского рабства... Посредством формулы, именовавшейся «энкомиендас», индейцы формально были объявлены крепостными, а на деле превращены в рабов и вынуждены трудиться исключительно на благо собственников» **.

В области идеологии основное внимание колонизаторов было направлено на распространение католической религии среди индейского населения, при этом «религиозные ордена, хотя они и были теоретическими братьями в вере христовой, спорили, как простые торговые синдикаты, из-за доходов, которые приносило обучение этой вере» ***.

---

* Архив Маркса и Энгельса, М., 1940 г., т. VII, стр. 100.

** *Блас Рока,* Основы социализма на Кубе, М., 1961, стр. 18—19.

*** *José Ingenieros,* La evolución de las ideas argentinas, Buenos Aires, 1956, p. 65.

История развития философской мысли на Американском континенте с XVI по XVIII в. есть, с одной стороны, история распространения и насаждения господствующего в феодальной Европе реакционного мировоззрения и схоластической философии и, с другой — история борьбы прогрессивных философских идей и революционных социальных воззрений, проникающих на американскую землю и возникающих там вопреки запретам и преградам колонизаторов, идей, ставших к середине XVIII в. знаменем борьбы передовых сил этих стран за национальную независимость и экономический и социальный прогресс.

Вся «научная» жизнь колоний находилась в руках католической церкви, главным образом доминиканцев и иезуитов. Первые были сторонниками ортодоксального томизма, тогда как иезуиты были сторонниками философского учения испанского иезуита Франсиско Суареса, претендовавшего на некое обновление томизма и требовавшего более самостоятельной роли философии по отношению к теологии.

Уже в первые годы после начала завоевания наметились два разных методологических подхода к решению основных социальных проблем, возникающих в сложных условиях испанской и португальской колонизации Нового Света: с одной стороны, метод, основанный на религиозном фанатизме и отстаивавший жестокое насилие, а с другой стороны, гуманистический метод, отстаиваемый некоторыми представителями просвещенного духовенства. И хотя общей философской основой этих двух методологических тенденций в данный период являлся по преимуществу томизм, тем не менее в них уже можно усмотреть первую попытку теоретического решения основных противоречий общественного развития Латинской Америки. Острое столкновение этих двух точек зрения произошло при обсуждении вопроса о путях колонизации. Вопрос ставился так: нужно ли доводить ее до конца насильственными методами, беспощадной войной и угнетением, поскольку-де индейцы — существа второго сорта, с которыми надо обращаться как с животными, или же следует завершить колонизацию с помощью мирных средств, идеологическим воздействием, воспитанием,

учитывая и используя положительные моменты индейской культуры, их обычаи и привычки и т. д., ибо индейцы (и в этом главный теоретический вопрос) такие же люди, как испанцы, с высоким умственным развитием и большими моральными достоинствами. Несколько упрощая, можно сказать, что в теоретическом плане в основе этих разногласий лежало различное решение проблемы человека.

Наиболее ярким эпизодом борьбы двух точек зрения на человека явилась полемика Бартоломе де Лас Касас (1474—1566) с Хуаном Хинес де Сепульведа, возникшая в связи с многочисленными выступлениями Лас Касаса, в которых он подвергал суровой критике деятельность испанских колонизаторов в Америке. Доказывая, что нет высших и низших рас, что порабощение американских народов нельзя оправдать религиозными мотивами, Лас Касас один из первых поднял голос протеста против расовой и культурной дискриминации, в защиту достоинства и прав человека.

Наметившиеся гуманистические тенденции опираются на учения таких прогрессивных европейских мыслителей, как Томас Мор, Эразм Роттердамский, Луис Вивес и др. Их идеи о веротерпимости, о свободе исследования, их осуждение войны и насильственных методов направлялись латиноамериканскими мыслителями против гегемонии церкви, засилья схоластических догм и явились попыткой освободиться от догматических схем канонизированного Аристотеля.

В XVII—XVIII вв. с целью изоляции колоний от нарождавшихся в Европе прогрессивных идей усиливаются цензура и контроль за поступающими из Старого Света книгами. С еще большей жестокостью преследуется прогрессивная мысль. Официальная схоластика стремится подавить все другие направления.

Но, несмотря на все препятствия, чинимые церковными властями, несмотря на засилье схоластики, в Латинской Америке все шире распространяются западноевропейские гуманистические учения. В середине XVIII в. в инквизицию поступают доносы, сообщения о распространении произведений Бэкона, Локка, Декарта, Ньютона и других передовых мыслителей. К 60-м годам XVIII в.

проникновение идей западноевропейской прогрессивной философии приняло угрожающие для схоластики размеры. Интерес к материализму и просветительству охватил не только отдельные круги передовой интеллигенции, но и некоторые слои нарождающейся буржуазии, а также ремесленников.

В этот период появляются первые философские работы латиноамериканцев, в которых наряду с критикой господствующей в колониях схоластической философии пропагандируются новые философские идеи и положения. Эти работы свидетельствуют о громадных трудностях, с которыми был связан процесс освобождения философии от пут схоластики и религиозного мировоззрения.

Большое значение для революционно-освободительной борьбы народов Латинской Америки имело распространение идей французской революции, французских просветителей, французского материализма и утопического социализма. Эти идеи оказали значительное влияние на многих руководителей национально-освободительного движения.

Процесс проникновения и распространения новых философских идей в Латинской Америке в конце XVIII в. оказался довольно сложным. Одни с восторгом приветствовали материалистические и рационалистические идеи и решительно отвергали схоластику. Другие же принимали новые идеи с оговорками. Они признавали ряд важных положений материалистических и рационалистических течений западноевропейской философии; однако, находясь под сильным влиянием религии, они оказались неспособными освободиться от некоторых схоластических идей. В условиях Латинской Америки такое сочетание старых и новых философских идей сыграло определенную положительную роль, ибо представляло собой своеобразную переходную форму от схоластики к новой философии и содержало острую критику ряда положений схоластической философии. Среди тех, кто пытался осуществить обновление философии таким путем, видную роль играли мексиканец Хуан Бенито Диас де Гамарра (1745—1783), кубинцы Хосе Агустин Кабальеро (1767—1835), Феликс Варела-и-Моралес (1787—1853) и др.

Опираясь на Декарта, Гамарра защищал самостоятельность разума по отношению к католической догме. Философия, согласно его учению, есть познание истинного посредством разума и рассудка. Гамарра считал, что подлинный философ не должен присоединяться ни к какой из существующих философских школ: «Тот, кто гордится званием философа, должен так воспылать желанием узнать истину, что, не присоединяясь ни к какой секте, не следуя ни за Аристотелем, ни за Платоном, ни за Лейбницем или Ньютоном, а только за истиной, не должен слепо следовать за словами какого-нибудь учителя» *.

Как и мексиканец Гамарра, кубинский философ Кабальеро остро критикует схоластику и призывает к изучению европейской прогрессивной философии. Его основное произведение — «Избирательная философия» (1797) — является одной из первых самостоятельных работ по философии на Кубе. Кабальеро возглавил борьбу за реформу народного образования на Кубе, которую удалось осуществить другому кубинскому философу — Феликсу Варела-и-Моралес. В области философии реформа положила начало вытеснению схоластического метода, привела к отрицанию авторитета святых и римских пап в философии. Варела ввел курс изучения новой философии, главным образом Декарта, а также физики и химии. Большое положительное значение имело введение преподавания на испанском языке вместо латинского.

Несмотря на то что Варела как священник много писал и говорил о боге и божественном, он, как правило, не навязывал своей философской системе выводы и положения, взятые из области веры, теологии, так как считал, что эти области имеют самостоятельное существование. О его философии образно говорили на Кубе, что «с приходом Варела философия сняла рясу и вошла в жизнь».

За необходимость изучения новых философских идей выступал в вице-королевстве Ла-Плата священник Хуан Балтасар Масиель (1727—1788). Масиель предложил создать такой университет, где «не будет необходимости следовать за какой-нибудь определенной системой, в особенности в физике, где можно будет отходить от Аристо-

* *Juán Benito Díaz de Gamarra*, Tratados, México, 1946, p. 165.

теля и учить согласно принципам Декарта, Гассенди или Ньютона... или, приспосабливая систему к объяснению естественных действий, следовать свету опыта, наблюдений и эксперимента, над чем так успешно работают современные академии» *.

Среди тех, кто в этот период решительно выступил против схоластики в защиту материалистической философии, в первую очередь можно назвать имя видного ученого и публициста мексиканца Антонио Алсате (1729—1790). Он основал «Литературную газету», которая превратилась в подлинную трибуну передовой мысли. Со страниц этой газеты Алсате вел упорную борьбу против томизма и фальсифицированного схоластами Аристотеля, противопоставляя схоластике философские теории Декарта, Гассенди, Ньютона. Разоблачая бесплодность схоластической философии, Алсате писал: «Какую пользу получили люди от ваших объемистых книг, от ваших нескончаемых рукописей? Спасли ли кого-либо от смерти ваши диспуты? Спаслось ли какое-нибудь здание от молнии с помощью вашего гвалта? ** Истинная философия, по его мнению, имеет своей целью содействие достижению счастья людей на земле.

Острая критика, которой подверглась схоластика со стороны прогрессивных сил, объясняется прежде всего тем, что для народов Латинской Америки она олицетворяла колониальное угнетение. Национальная независимость для них была немыслима без ликвидации засилья схоластики, которая много веков служила основным теоретическим обоснованием колониального угнетения.

По своей сущности борьба против схоластики и религиозного невежества за материалистическую философию и науку явилась важным моментом в идеологической подготовке революционной борьбы за национальную независимость Латинской Америки.

Обострение противоречий между феодальной и колониальной системами и потребностями экономического развития латиноамериканских стран привело к тому, что с

* Цит. по: *José Ingenieros,* La evolución de las ideas argentinas. Buenos Aires, 1956, p. 129.

** *José Antonio Alzate y Ramirez.* Las gacetas de Literatura, México, ed. Puebla, 1831, t. I, p. 326.

начала XIX в. широкое недовольство в этих странах вылилось в национально-освободительное движение, охватившее колонии и приведшее к их политическому освобождению. Однако наряду с задачей завоевания национальной независимости стоял ряд других задач, вытекающих из буржуазного характера революции, как, например: установление политической демократии, отмена рабства и пеоната, уничтожение феодальных отношений, мешающих развитию торговли и промышленности, перераспределение земли, отделение церкви от государства и др. Выполнение этих задач было тесно связано с конкретными условиями, в которых проходила борьба за национальную независимость в разных странах и от которых зависел больший или меньший успех их осуществления.

Своеобразные условия экономического и политического развития Латинской Америки наложили определенную печать и на развитие философской и общественно-политической мысли в этих странах. Латиноамериканцы в XIX в. не только сбрасывают цепи колониального рабства, но и переживают духовное обновление. Важной особенностью латиноамериканской философии этого периода является то, что разработка теоретических и методологических вопросов тесно связана с решением практических проблем национально-освободительной борьбы. Философские школы и направления рассматриваются и оцениваются с той точки зрения, как они решают основной политический вопрос для Латинской Америки — вопрос о национальной независимости. Передовые латиноамериканские мыслители видят свою основную задачу в изучении конкретной исторической действительности, ищут пути ее изменения и преобразования. Большое внимание они уделяют социологическим вопросам, вопросам воспитания и просвещения. Эти вопросы разрабатываются в острой борьбе с господствовавшим в колониальный период религиозно-феодальным мировоззрением. С помощью католической религии и католической философии, которая «обновляется» и дополняется эклектизмом Виктора Кузена, контрреволюция пытается обосновать необходимость сохранения старых феодальных порядков в странах, добившихся независимости. Прогрессивные силы прибегают для обоснования своих программ социального

обновления к передовым философским теориям европейского просвещения, английского и французского материализма и утопического социализма.

Естественно, что в каждой стране эта борьба принимает различные формы и остроту, однако цели и задачи, которые в этой борьбе выдвигают те и другие силы, имеют очень много сходного, ибо борьба за независимость и прогресс ставит перед ними одни и те же проблемы.

Стремления прогрессивных кругов Латинской Америки, надеявшихся в процессе борьбы за национальную независимость осуществить глубокие социальные преобразования, нашли, например, характерное выражение в деятельности передовой аргентинской интеллигенции, принадлежащей к так называемому «поколению 1837 г.». Его представители исходили из того, что историческое развитие Аргентины уже создало все необходимые предпосылки для осуществления коренной перестройки страны. Они ставят перед собой задачу создать программу национального обновления, которая исходила бы из реальных экономических и культурных особенностей страны и отвечала подлинным интересам народа. Резко выступая против слепого копирования опыта других стран, представители «поколения 37 года» критикуют просветителей XVIII и начала XIX в. Латинской Америки за то, что те недостаточно учитывали национальную специфику и распространяли европейские доктрины, не обращая внимания на существенное различие между социальным положением латиноамериканских и европейских стран; в этом они видят причину утопичности почти всех начинаний просветителей.

Однако программа, которую деятели «поколения 37 года» предложили аргентинскому народу, в значительной степени страдала тем же недостатком — утопизмом — прежде всего потому, что идеалистическое понимание истории не позволяло им ясно увидеть реальные классовые силы, на которые следовало опираться в осуществлении этой программы, хотя они в какой-то степени и учитывали исторические особенности Аргентины.

Ярким представителем этой плеяды борцов за национальную независимость и социальный прогресс является Эстебан Эчеверриа (1805—1851), мировоззрение которого

формировалось под значительным влиянием идей Сен-Симона.

В 1846 г. была опубликована работа Эчеверрия «Социалистическое учение Майской ассоциации», написанная еще в 1837 г. в виде воззвания и представляющая собой программу политических действий и социальных требований передовых сил Аргентины в этот период, объединенных в «Молодой Аргентине» — обществе, созданном 23 июня 1837 г. для борьбы за свободу народа, за классовое равенство, против национального угнетения, за братство между людьми, за прогресс. Наряду с общераспространенными буржуазными требованиями свободы, равенства и братства в «Социалистическом учении» говорится о том, что новая организация призвана продолжить прогрессивные традиции Майской революции, ибо великие мысли революции не осуществлены и аргентинцы являются независимыми, но не свободными. В этом документе указывалось на необходимость освобождения Латинской Америки от ретроградных традиций и выдвигалось требование уничтожения классового неравенства. Несмотря на тяжелые условия борьбы, связанные с господством контрреволюционных сил, «Социалистическое учение» оптимистично. В нем выражена вера в возможность осуществления принципов утопического социализма. Впервые в Латинской Америке решительно отстаиваются интересы пролетариев.

Анализ исторической действительности своих стран занимает преобладающее место также в исследованиях Хуана Баутисты Альберди (1810—1884) и Доминго Фаустино Сармиенто (1811—1888) в Аргентине, Хосе Мариа Луис Мора (1794—1850) в Мексике, Хосе де ла Лус Кабальеро (1800—1862) на Кубе и других. В них отражены стремления молодой латиноамериканской буржуазии, заинтересованной в быстрой ликвидации последствий колониального режима и в капиталистическом развитии своих стран, и делается попытка найти решение проблем общественного развития этих стран исходя из учета экономических и социальных условий.

Однако медленное и сравнительно слабое развитие стран Центральной и Южной Америки по пути капитализма сделало невозможным осуществление в первой

половине XIX в. тех программ буржуазных преобразований, с которыми выступали передовые деятели эпохи борьбы за независимость. Нарождающаяся латиноамериканская буржуазия не смогла в этот период ни укрепить свои позиции, ни воспрепятствовать укреплению контрреволюционных сил, установивших в разное время и при разных обстоятельствах диктаторские режимы, при помощи которых осуществлялась политика крупных землевладельцев, представителей армии и церковных магнатов, пришедших к власти после изгнания колонизаторов.

Продолжая оставаться на положении отсталых аграрных зависимых стран со слабой и односторонне развитой экономикой, латиноамериканские страны вскоре попадают в экономическую зависимость от развитых капиталистических держав, которые борются между собой за овладение богатейшими источниками сырья, выгодными рынками сбыта и сферами приложения капитала.

Лишь во второй половине XIX в. в латиноамериканских странах намечаются некоторые важные перемены, связанные с развитием промышленности и торговли. Развиваются буржуазные отношения, и молодая национальная буржуазия начинает обретать собственное лицо. Развитие промышленности привело к росту рабочего класса, который к концу XIX в. начал играть заметную роль в политической жизни этих стран.

Национально-освободительное движение в странах Латинской Америки вступает в новую фазу. Теперь прогрессивные либеральные слои национальной буржуазии, поддержанные революционно настроенной демократической интеллигенцией, ведут борьбу не только против феодальной реакции, но также против засилья иностранных монополий, за подлинную экономическую и политическую независимость.

Одновременно происходит дальнейшее обострение классовой борьбы. Оно выразилось в более решительных выступлениях крестьян, требующих ликвидации феодальной системы землепользования, в выступлениях индейцев и негров-рабов (Бразилия, Куба) за свое освобождение. Со своими требованиями выступает и рабочий класс. Однако в этот период рабочее движение и борьба кре-

стьянских масс развиваются изолированно друг от друга, что сильно ослабляет их.

В связи с развитием и укреплением в ряде стран Латинской Америки буржуазных отношений политическая и идеологическая борьба в этих странах вступает во второй половине XIX в. в новую фазу. Появляется ряд новых философских и социологических течений, отражающих изменения в соотношении классовых сил. Наиболее широкое распространение получают в этот период позитивизм и естественнонаучный материализм, которые служат методологической основой для решения проблем социального и культурного развития, возникших перед латиноамериканцами в новой исторической обстановке.

Позитивизм явился для латиноамериканской буржуазии важным средством борьбы против идеологии феодальной реакции. Для многих позитивизм и наука казались тогда синонимами, и это породило иллюзию, что успеха в борьбе за капиталистическое развитие Латинской Америки можно добиться на основе позитивистской «научной» методологии. В связи с этим необходимо отметить, что, хотя во второй половине XIX в. идеи позитивизма получили широкое распространение в Латинской Америке и оказали влияние на формирование мировоззрения значительной части прогрессивных мыслителей, он принимался ими со многими оговорками и добавлениями. Так, принимая контовскую классификацию наук, многие не соглашались с нигилистическим отношением Конта к философии. Солидаризируясь с его критикой схоластики и религии, многие не принимали контовскую «религию человечества». Другие, принимая материалистическую эволюционную теорию Спенсера, остро критиковали его агностицизм.

В целом позитивизм в Латинской Америке носил двойственный и противоречивый характер. Более того, в каждой из латиноамериканских стран он принимает не только различную форму и окраску, но часто и различное политическое значение, играя иногда прогрессивную роль, а в других случаях, как, например, в Мексике в период диктатуры Порфирио Диаса, служит средством ее идеологического обоснования. Кроме того, даже в рамках одной страны различные направления позитивизма

играют противоположную роль. Надо учесть также, что позитивизм в целом претерпевает значительную эволюцию и к концу XIX в. становится более реакционным, что выражает соответствующие изменения в позиции буржуазии. «Позитивизм, историзм XIX в., — пишет перуанский марксист Х. К. Мариатеги, — представляют прирученный рационализм. Они отражают настроения и интересы буржуазии, ставшей консервативной после своего прихода к власти» *.

Однако даже те латиноамериканские философы, которые были наиболее близки к идеям родоначальников позитивизма и считали себя их учениками, оказались вынужденными при применении принципов позитивистской доктрины в исторических условиях своих стран несколько видоизменить ее содержание.

Характерным в этом отношении является творчество известного мексиканского позитивиста Габино Барреда (1820—1881). В позитивистской философии он видел средство для реорганизации мексиканского общества. Однако он был далек от механического перенесения на мексиканскую почву учения Конта, тем более что по своему политическому содержанию учение Барреда не совпадало с учением Конта. Если Конт исходил из того, что французский либерализм является отрицательной силой, то Барреда утверждает обратное по отношению к мексиканскому либерализму, являющемуся, по его мнению, той положительной силой, которая ведет к прогрессу и порядку. Отражением специфических особенностей мексиканских условий явилась также и замена слова «любовь» из известной формулы Конта «любовь, порядок и прогресс» словом «свобода», которое в какой-то степени выражало основное содержание мексиканского либерального движения первой половины XIX в. — его стремление к национальной независимости.

В работах латиноамериканских позитивистов значительное место занимают методологические вопросы и проблемы логики. И хотя все эти работы не оригинальны, а лишь повторяют и популяризируют идеи европейских

---

* *Х. К. Мариатеги*, Семь очерков истолкования перуанской действительности, М., 1963, стр. 289.

позитивистов, они в условиях господства в высших учебных заведениях мертвых догм и схоластической логики имели прогрессивное значение, содействуя развитию и внедрению более научной методологии. Не случайно, что во многих странах (Бразилии, Мексике, Аргентине, Уругвае, Перу и др.) принципы позитивизма применялись при осуществлении реформ народного образования.

Идеи естественнонаучного материализма, получившие широкое распространение в Латинской Америке, в некоторой степени связаны с идеями позитивизма. Почти все представители этого направления первоначально находились под влиянием позитивизма, от которого, однако, они постепенно освобождались либо в результате сопоставления позитивистских схем и методов с итогами собственных научных исследований, либо в процессе революционной практики. Поэтому мы не можем согласиться с такими исследователями латиноамериканской философии, как А. Корн, Л. Сеа, М. Витиер, которые смешивают эти два направления.

Естественнонаучный материализм сыграл весьма прогрессивную роль в истории латиноамериканской философии и, несмотря на ряд недостатков (непоследовательность, метафизичность и др.), явился могучим орудием идеологической борьбы прогрессивных сил против обскурантизма церкви, агностицизма буржуазной философии, за социальный прогресс и национальное освобождение. Видными представителями этого направления являются Тобиас Баррето в Бразилии, Флорентино Амегино и Хосе Инхениерос в Аргентине, Хосе Энрике Варона на Кубе и др.

При анализе работ этих философов ярко вырисовываются некоторые основные черты их творчества, на которых следует несколько остановиться. Основу естественнонаучного материализма составляют материалистический монизм Геккеля и эволюционистская теория Дарвина. Однако латиноамериканские естественнонаучные материалисты не просто отстаивают и пропагандируют эти доктрины, но углубляют и дополняют их, основываясь на новых достижениях естествознания. Пытаясь преодолеть ограниченность метафизического метода механи-

стического материализма, они выдвигают ряд важных диалектических идей.

В XIX в. многие ученые-естествоиспытатели, которые по тем или иным причинам не были еще знакомы с марксизмом или оказались неспособными понять его глубоко научную сущность, все же продолжали пробивать себе дорогу к диалектической интерпретации процессов объективного мира, осуществляя переход к диалектическому мышлению, о котором Энгельс писал, что что оно «...может проложить себе путь стихийно, просто благодаря напору самих естественнонаучных открытий, не умещающихся больше в старом метафизическом прокрустовом ложе. Но это — длительный и трудный процесс, при котором приходится преодолевать бесконечное множество излишних трений» *. Эти слова вполне можно отнести к ряду представителей естественнонаучного материализма Латинской Америки. Пример такого длительного и тернистого пути стихийного формирования диалектико-материалистического мировоззрения представляет творчество выдающегося аргентинского ученого-естествоиспытателя Флорентино Амегино (1854—1911).

Амегино всемирно известен как антрополог и палеонтолог, горячий поборник теории Дарвина, автор многочисленных трудов, в которых он отстаивает материалистические взгляды на развитие природы. Рассматривая многообразие мира как результат исторического развития и изменения материи, Амегино обосновывает в своих работах положение о том, что вселенная — это совокупность четырех бесконечных: материи, движения, пространства и времени, существующих как единое целое и немыслимых вне их неразрывного единства.

Хотя в целом Амегино не смог полностью освободиться от метафизических шаблонов механистического материализма, имеется целый ряд высказываний, подтверждающих, что он пытался дать диалектическую интерпретацию процессов развития объективного мира. Для Амегино развитие есть результат взаимодействия противоположных — центробежной и центростремитель-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 20, стр. 369.

ной — форм движения, которые в природе проявляются по-разному, образуя более сложные формы движения. Это развитие может осуществляться как путем медленной эволюции, так и в виде бурных, быстротечных изменений, приводящих к глубоким качественным переменам. Большое значение для развития диалектических идей имело понимание Амегино единства материи и движения, понимание времени и пространства как форм существования материи.

Важное место в работах Амегино занимает проблема строения материи. При решении этой проблемы он исходит из характерного еще для древних атомистов представления о существовании предела делимости материи — атома. Атомы для Амегино — это наипростейшие неделимые частицы, поэтому любые «частицы материи, как бы малы они ни были, если они делимы, то они не атомы» *. Сущность учения Амегино о строении материи состоит в том, что он рассматривает ее структуру как бесконечное приближение к некоторому пределу делимости, но при этом не связывает этот предел ни с одной из известных частиц. И хотя это положение не давало решения вопроса и содержало известное противоречие, в то время оно все же играло большую положительную роль в борьбе против идеализма в естествознании.

Естественнонаучные материалисты подвергли острой критике позитивизм за его попытку отрицать возможность существования философии как науки. Так, Варона, отвергая идеалистическое определение философии как науки о неких нематериальных сущностях, вместе с тем не отрицает философию, как большинство позитивистов. Для него философия — это наука, представляющая собой обобщение данных частных наук, т. е. их своеобразный синтез. Философия, как и другие науки, имеет для Вароны глубокое практическое значение, являясь орудием познания объективной действительности.

Этому же вопросу посвящена работа Хосе Ингениероса «Тезисы относительно будущего философии». Однако оригинальное понимание предмета философии, изложен-

---

* *F. Ameghino,* Obras completas y correspondencia cientifica, La Plata, 1934, t. XIX, p. 239.

ное в этой работе, и задачи философской науки, отстаиваемой им в борьбе против позитивистского нигилистического отношения к философии, не свободны от некоторого налета позитивизма. Правильно подчеркивая, что философия есть обобщение данных конкретных наук и должна изучать наиболее общие законы бытия, а также указывая, что она не является ни наукой наук, ни философией наук, Инхениерос вместе с тем глубоко ошибался, считая, что философские обобщения имеют лишь характер гипотез, которые после своего подтверждения на опыте становятся предметом частных наук. Эти философские гипотезы, согласно Инхениеросу, отличаются от гипотез частных наук, опирающихся на опытное наблюдение какой-нибудь конкретной области, тем, что исходят из опытных данных, добытых из разных областей знаний, и имеют значение для всех этих областей.

Превращая философию в систему гипотез о наиболее общих законах бытия и подчеркивая, что внеопытность философских гипотез есть только временное явление, Инхениерос по сути дела не только смешивает предмет философии с предметом других наук, но и значительно ограничивает философию как науку, сводя ее в лучшем случае к определенному методу создания гипотез.

Важной особенностью естественнонаучного материализма являлась его борьба против идеализма и агностицизма. Так, Т. Баррето раскрывает научную несостоятельность эклектизма В. Кузена, показывает, что его распространение в Латинской Америке тесно связано с вырождением схоластики. С позиций естественнонаучного материализма впервые в Латинской Америке был подвергнут аргументированной критике агностицизм Канта и субъективный идеализм неокантианцев, а также интуитивизм Бергсона, получивший в начале XX в. большое распространение в ряде латиноамериканских стран.

Если в области философии прогрессивная латиноамериканская мысль пошла по пути отказа от идеалистических и метафизических схем позитивизма, стихийно приближаясь к диалектическому пониманию материального мира, то в области социальных идей она, порвав с кон-

серватизмом и антиреволюционностью позитивистской социологии, пошла по пути революционного демократизма. Революционно-демократические тенденции в Латинской Америке особенно отчетливо начали проявляться в последней четверти XIX — начале XX в. Это связано с ростом национально-освободительной борьбы, в которую в это время все более активно и сознательно включается рабочий класс.

Вера в осуществимость принципов «свободы, равенства и братства», столь ярко обнаруживающаяся в 30—40-х годах XIX в. (ср. «Социалистическое учение» Эчеверриа), с развитием буржуазных отношений во второй половине XIX в. уступает место уверенности в том, что социальное обновление должно быть достигнуто иным путем, на другой основе. Идея о необходимости революции, которая бы учитывала прежде всего интересы угнетенных крестьянских масс и рабочего класса, революции, которая, согласно выражению Х. Марти, была бы осуществлена народом и для народа и которая бы на деле покончила с экономическим и духовным гнетом империалистов, становится центральной проблемой революционно-демократической мысли Латинской Америки. Программы социального обновления, основанные на революционно-демократических идеях, сыграли огромную роль в борьбе народов Латинской Америки против гнета иностранных монополий и внутренней контрреволюции.

При анализе особенностей и характера революционно-демократических идей в Латинской Америке всегда надо иметь в виду, что в разных странах в зависимости от объективных исторических условий или от ряда причин субъективного характера они могут иметь или ярко выраженную форму или выступать лишь как тенденция. Характерным представителем такой тенденции в Бразилии является Тобиас Баррето (1839—1889), выступления которого против буржуазных порядков отмечены прежде всего печатью отрицания. Баррето — бунтарь, который ниспровергает принцип буржуазного равенства и считает, что в обществе, раздираемом глубокими классовыми противоречиями, братство есть не более как лицемерный принцип, проповедуемый католической церковью в своекорыстных интересах.

В Перу эта революционно-демократическая тенденция отчетливо выступает в творчестве писателя и революционера Мануэля Гонсалеса Прада (1848—1918). Философские и социологические идеи Прада трудно ограничить рамками какого-нибудь определенного течения. Революционно-демократические идеи сочетаются у него с буржуазным либерализмом и анархизмом, естественнонаучный материализм — с позитивизмом, хотя к последнему он относился довольно критически, говоря, что «ни одна книга не содержит столько догматических и произвольных утверждений, сколько труды, разработанные наследниками и эпигонами Конта» *.

В своих работах Прада выступает в защиту материалистической философии, единственной, которая, по его мнению, способна правильно ответить на многочисленные вопросы, поставленные перед человечеством развитием природы и общества. Призывая философов исходить из реального мира, изучать «вечные и нерушимые законы» развития вселенной, Прада вместе с тем резко выступал против тех, кто пытался наделить природу теологической целенаправленностью, понимание которой якобы недоступно рационалистической философии, и кто в связи с этим впадал в фидеизм и агностицизм. Выступая за распространение передовых философских идей, Прада вел упорную борьбу против господствующего в стране религиозного мировоззрения, сторонники которого проповедовали схоластические философские учения средневековья.

Центральное место в творчестве Прада занимают вопросы революционного изменения социальной действительности. Именно в революции он видел единственное средство добиться социальной справедливости и покончить с эксплуатацией, которая возникла благодаря насилию, как писал он, и, следовательно, бороться против нее силой есть лишь осуществление права, ответ на силу силой.

Поставив вопросы революции в центре своего творчества, Прада рассматривает науку, философию, литера-

---

* *M. G. Prada*, Selección y prólogo de Luís Alberto Sánchez, México, 1945, p. 75.

туру прежде всего как действенное оружие революционной борьбы.

В недавно изданной в нашей стране книге основателя Коммунистической партии Перу Х. Карлоса Мариатеги «Семь очерков истолкования перуанской действительности» содержится очень точная и образная характеристика творчества Гонсалеса Прада: «Воспитанный на националистических и позитивистских взглядах своего времени, Гонсалес Прада высоко ценил значение науки. Это вообще характерно для прогрессивной литературы той эпохи. Наука, разум, прогресс — вот мифы XIX века. Гонсалес Прада, который через либерализм и энциклопедизм пришел к анархистской утопии, был страстным приверженцем этих мифов...

Мышление Гонсалеса Прада, хотя и подчиненное всем основным мифам того времени, не было исключительно позитивистским. В Гонсалесе Прада горит огонь рационалистов XVIII века. Его разум отличается страстностью и революционностью» *.

В наиболее последовательной форме революционно-демократическая идеология выступает в творчестве выдающегося борца за независимость Кубы и всей Латинской Америки Хосе Марти (1853—1895). Вся его деятельность, все его работы, будь это стихи, повести, политический памфлет, речь на митинге или философское произведение, направлены на служение великой цели его жизни — освобождению своего народа от гнета колонизаторов, от социальной несправедливости. То исключительное место, которое занимают в творчестве Марти вопросы революционной национально-освободительной борьбы, объясняется прежде всего историческими условиями Кубы, которая к концу XIX в., несмотря на героическую борьбу народных масс, по существу продолжала оставаться испанской колонией.

В целях подготовки и организации революционного освобождения Кубы Марти создает Кубинскую революционную партию; в ее уставе, написанном Марти, говорится, что партия объединяет в своих рядах всех тех, кто

---

* *Х. К. Мариатеги*, Семь очерков истолкования перуанской действительности, стр. 288—289.

готов бороться за освобождение Кубы, за установление в ней демократических порядков. Партия ставила себе целью не только национальное освобождение Кубы, но и установление такого строя, при котором кубинский народ мог бы жить свободно, где одни люди не угнетают других.

В центре революционно-демократической программы, разработанной Марти, находится народ, который он рассматривает как основную движущую силу социального прогресса; поэтому программа демократических преобразований, которую Марти намеревался осуществить на освобожденной родине, исходила прежде всего из учета интересов трудящихся классов.

В своих работах Марти с большой убедительностью доказывает право народов на самоопределение и национальную независимость, показывая, что угнетение одних народов другими не может быть оправдано никакими мотивами.

Решительно выступая против испанских колонизаторов, Марти вместе с тем очень ясно видел, какую опасность для будущей независимой Кубы представляет американский империализм. Марти опасался, что американские империалисты попытаются использовать революционное движение на Кубе для укрепления своих позиций и свести на нет усилия кубинских революционеров.

Подчеркивая роль Марти в антиимпериалистической борьбе народов Латинской Америки, Вторая Гаванская декларация отмечает: «Еще в 1895 году Марти отметил опасность, нависшую над Америкой, и назвал империализм его именем: империализмом. Он предупредил народы Америки, что они более, чем кто-либо еще, заинтересованы в том, чтобы Куба не капитулировала перед алчностью янки, презирающих латиноамериканские народы. Своей кровью, пролитой ради Кубы и Америки, он скрепил последние слова в послании, которыми в его память кубинский народ начинает эту декларацию» *.

---

* Вторая Гаванская декларация. Приложение к книге «Фидель Кастро. Речи и выступления, 1961—1963», М., 1963, стр. 773—774. Имеется в виду письмо от 18 мая 1845 г. к другу Марти, мексиканскому политическому деятелю Мануэлю Мерка-

История показала, сколь обоснованными были тогда опасения Марти и сколько жертв пришлось принести кубинскому народу для того, чтобы освободиться от гнета американского империализма.

Поглощенный революционной борьбой, Марти находил время для глубокого изучения философских проблем, ибо он понимал, какое большое значение имеет правильный философский метод для решения вопросов общественного развития и революции. Включенные в настоящий сборник «Философские идеи» Марти представляют большой интерес прежде всего тем, что показывают направление его философских исканий. Необходимо, однако, отметить что эти записи сделаны Марти в период, когда он еще не освободился от влияния идей испанского краузизма. В дальнейшем материалистические тенденции его философских идей стали проступать более отчетливо. Если в предлагаемом читателю отрывке Марти еще не смог провести правильного разграничения между двумя основными направлениями в философии — материализмом и идеализмом, что вытекало из его не совсем ясного понимания основного вопроса философии, то несколько лет спустя он совершенно недвусмысленно стал на сторону естественнонаучного материализма. Если в этой работе он отождествляет материализм с вульгарным материализмом и истинную философию ищет в некотором синтезе материализма и идеализма, то впоследствии его критика идеализма, прежде всего субъективного идеализма, становится более острой.

Как показывает опыт современной революционной борьбы, свободолюбивые идеи Марти сохранили все свое значение для народов Латинской Америки. Марти — это знамя, которое и сегодня продолжает вдохновлять

ло. Это письмо, написанное накануне гибели Марти, 19 мая, можно считать его политическим завещанием. Вторая Гаванская декларация начинается следующими пророческими словами Х. Марти: «Наконец-то я могу написать... Каждую минуту я могу погибнуть за родину, пасть, выполняя свой долг... Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки. Все, что я сделал до сих пор, и все, что мне еще предстоит совершить,— все для этого» (там же, стр. 773).

мужественных борцов за свободу и демократию. Марти шагал рядом с борцами из Сиерра-Маэстры, и его революционно-демократические идеи легли в фундамент Кубинской революции.

Попытка дать практический ответ на ряд вопросов, касающихся настоящего и будущего исторического и культурного развития Латинской Америки, была сделана и другими прогрессивно настроенными мыслителями, пытавшимися, однако, решить их с идеалистических позиций. Наиболее интересны в этом отношении работы классика уругвайской литературы Хосе Энрике Родо (1872—1917).

Литературное творчество Родо весьма своеобразно, его книги — высокохудожественные литературно-философские этюды, где героями являются не люди, а идеи. Поэтому все его работы, насыщенные идеологическим содержанием, проводящие определенную философскую доктрину и преследующие ясные социально-политические идеалы, сыграли значительную роль в духовной жизни латиноамериканцев.

По мнению Родо, во всех областях человеческой деятельности происходит непрерывная борьба между двумя противоположными силами: разумом и иррациональными порывами, благородством и низменными инстинктами, возвышенной культурой и низменным утилитаризмом. В «Ариэле» эти противоречия выражаются в противопоставлении Ариэля и Калибана.

Будучи уверенным в победе сил, олицетворяемых Ариэлем, Родо пытается показать в своих работах, что́ необходимо сделать для этого. В связи с этим в центре внимания его творчества стоят два основных вопроса: чем должен руководствоваться человек, чтобы в своих поступках наиболее полно осуществить цельность человеческой природы и этим содействовать прогрессивному развитию человечества; в соответствии с какими принципами должно быть организовано общество для того, чтобы в нем человек смог всесторонне проявить свои способности и духовные качества.

Развитие личности понимается Родо как процесс непрестанного обновления, при котором новое возникает как отрицание старого. Но все эти процессы обновления

и развития происходят, согласно Родо, в недрах человеческого сознания, осуществляются через самопознание. Лишь в глубине своей души человек открывает все новые и новые аспекты. Истинная свобода для Родо — это свобода внутреннего созерцания, и, лишь погружаясь в свой внутренний мир, который никто и ничто не может нарушить, говорит он, вы сможете в действительности назвать себя свободными людьми. Родо приходит к выводу, что человеческие поступки зависят от неких внутренних свойств души, проявление которых зависит от внешних обстоятельств, воздействующих не на разум человека, а на его чувства.

Верно критикуя ряд недостатков капиталистического общества, Родо, однако, не призывает к его уничтожению, не борется за коренное переустройство социальных отношений, а лишь предлагает гуманизировать их.

Творчество Родо — это прежде всего критика империалистических притязаний США и разоблачение антигуманистических и лицемерных сторон буржуазной культуры, это попытка защитить ценности латиноамериканской культуры. Родо призывает латиноамериканцев верить в свои силы и способности, провозглашает превосходство идей гуманизма над утилитаризмом и опровергает расистские доводы новых колонизаторов. В этом его сила и прогрессивное значение. Однако написанные с идеалистических позиций книги Родо и его творчество в целом неверны в своем конструктивном аспекте. Предлагаемые им решения на самом деле ничего не решают. Выступая против утилитаризма, Родо впадает в другую крайность, отрывается от действительности, ибо пытается найти решение проблемы где-то в глубинах человеческой души.

В конце XIX в. с ростом рабочего класса и профсоюзного движения в Латинской Америке распространяются идеи научного социализма. В Бразилии, Мексике, Аргентине, Кубе, Уругвае и других странах создаются рабочие кружки, начинают выходить газеты, которые отстаивают интересы рабочих и пропагандируют марксистские идеи («Социалист» в Мексике, 1871 г., «Социалист» в Бразилии, 1896 г., «Защитник рабочего» в Уругвае, 1895 г., и др.).

Возрастает влияние марксизма на прогрессивных мыслителей этих стран. Они солидаризуются с отдельными его положениями и подкрепляют ими свои революционно-демократические идеи. Однако до подлинного понимания марксистского учения, и прежде всего диалектического материализма, эти мыслители еще не доходят. Это относится и к Х. Марти, который высоко ценил революционное учение Маркса. Марти писал: «Карл Маркс умер. Он заслуживает почестей, поскольку встал на сторону слабых...» «Карл Маркс учил, как построить мир на новых основах; он разбудил спящих и показал им, как выбить никчемные опоры» * Но понять подлинное содержание научного социализма Марти еще не смог.

Это относится также и к Баррето, и в особенности к творчеству Эуклидеса да Кунья (1866—1909), одного из первых бразильских мыслителей, указавших на необходимость социалистических преобразований как на единственное средство покончить с социальной несправедливостью и направить страну по пути подлинного социального обновления. И хотя Кунья понимал значение учения Маркса для освободительной борьбы трудящихся и считал К. Маркса «выдающимся учителем социализма», его собственные взгляды еще во многом были далеки от марксизма. Характерная черта идей Кунья — эклектизм. В философии это выразилось в попытке сочетать идеи позитивизма, марксизма и естественнонаучного материализма; в социологии — в попытке обосновать революционные и демократические идеи путем сочетания некоторых идей Маркса с концепциями географического детерминизма и «антропогеографии».

В целом творчество Кунья очень ярко отражает противоречия национально-освободительной борьбы периода, когда пролетариат еще не стал решающей силой революционного развития и его самосознание только начинало формироваться.

Процесс освоения марксистского учения в Латинской Америке в конце XIX — начале XX в. усложнялся не только объективными условиями общественного развития и классовой борьбы, но и недостаточным знакомством

---

* *José Martí,* Obras completas, La Habana, 1946, v. II, p. 1517.

латиноамериканских революционеров с произведениями Маркса и Энгельса, которые только в конце XIX в. начинают переводиться на испанский язык. Часто марксистские идеи доходят до Латинской Америки в искаженной форме, через работы европейских ревизионистов типа Бернштейна, Лория и др. Вместе с тем с ростом национально-освободительной антиимпериалистической борьбы и революционного движения идеи марксизма оказывают все большее влияние на революционно-демократическую мысль и начинают играть решающую роль в этой борьбе.

Характерным примером движения демократической мысли в сторону революционного марксизма является творчество Инхениероса. Если проанализировать его работы, написанные до 1917 г., и прежде всего «Основы психологии» (1913) и «Аргентинскую социологию» (1913), то сразу видна попытка сочетать биологическую концепцию истории с экономической теорией Маркса. В этих работах Инхениерос отстаивает неверное положение о том, что классовая борьба есть лишь частное проявление борьбы за существование, которая подчиняется биологическим законам. Однако эти неверные теоретические позиции не мешают Инхениеросу решительно выступить в защиту интересов рабочего класса, отстаивать прогрессивные демократические идеалы, провозглашать необходимость социалистической революции и социализма.

Первая мировая война еще более убедила Инхениероса в необходимости революционного уничтожения капитализма. В памфлете «Самоубийство варваров» он сурово заклеймил империализм, предсказав, что война должна закончиться крахом капитализма и победой народа.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда капиталисты всех стран наряду с военной интервенцией против Советской России пытались настроить против нее все мировое общественное мнение, организовав широкую кампанию лжи, клеветы и фальсификации истинных целей революции, Хосе Инхениерос был одним из тех, кто не поддался этому обману и выступил в защиту завоеваний социалистической рево-

люции, видя в ней событие всемирно-исторического значения, призванное оказать огромное влияние на судьбы революционной борьбы Латинской Америки.

Выступая в защиту первой страны социализма, Инхениерос стремился довести до широких народных масс основные принципы Октября, ибо считал, что они «предназначены стать основой будущего социального устройства» *. Одни названия его выступлений, собранных в книге «Новые времена», красноречиво говорят о характере той борьбы, которую вел Инхениерос в защиту молодой Советской страны. Это «Старые и новые идеалы», «Историческое значение максималистского движения», «Экономические уроки русской революции», «Моральные силы русской революции» и др. Значение этих работ состоит также и в том, что это была одна из первых попыток в Латинской Америке теоретически обобщить итоги революции и первых лет Советской власти.

Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало новой исторической эпохе, эпохе пролетарских и национально-освободительных революций, оказала огромное влияние на революционную борьбу народов Латинской Америки. В развитии философской и общественно-политической мысли Латинской Америки наступает новый период, соответствующий тому этапу национальной освободительной и революционной борьбы, когда пролетариат в союзе с революционным крестьянством становится основной движущей силой общественного развития; этот период неразрывно связан с предыдущим. Марксизм продолжает передовые материалистические традиции XIX в., а революционно-демократические идеалы находят в пролетариате верного хранителя, который в своей революционной деятельности последовательно борется за их осуществление. Марксизм показал народам Латинской Америки, каким путем надо идти, чтобы претворить в жизнь идеалы борцов за независимость, показал, какие классы и какая форма общественного устройства могут обеспечить достижение тех

* *J. Ingenieros,* Los tiempos nuevos, B. A., 1956, p. 8.

демократических идеалов, за которые отдали свою жизнь многие верные сыны Америки.

Марксизм подхватил знамя борьбы против реакционной идеалистической идеологии, против церковного мракобесия, средневекового обскурантизма, которое высоко держали прогрессивные мыслители прошлого.

Современная идеологическая борьба в странах Латинской Америки на каждом шагу подтверждает, что только марксизм является подлинным наследником передовых революционных традиций. Буржуазная философия современной Латинской Америки не только окончательно порвала с материалистическими традициями, но под флагом борьбы с позитивизмом ведет против них упорную борьбу. Эта борьба ведется с позиций интуитивизма, неокантианства, неотомизма и других современных течений объективного и субъективного идеализма, антинаучность которого уже подчеркивали Инхеннерос, Варона, Баррето и многие другие.

В последние годы в странах Латинской Америки появилось много исследований, посвященных изучению истории философской и общественно-политической мысли этих стран. В работах А. Корна, М. Витиера, С. Рамоса, Л. Сеа, Ф. Ларройо, А. Ардао, Х. Гаоса, К. Косты, Г. Франковича и других делается попытка рассмотреть историю философских идей этих стран на всех ее основных этапах *. Большое внимание уделяется исследованию творчества отдельных мыслителей или течений, а также философской мысли колониального периода. Характерная черта большинства этих работ — попытка затушевать значение материалистических традиций, стремление выхолостить революционное содержание учений передовых мыслителей прошлого. В этой связи большое значение имеют исследования латиноамериканских марк-

---

* *Corn A.*, Influencias filosóficas en la evolución nacional, Buenos Aires; *Vitier M.*, La filosofía en Cuba, México, 1948; *Ramos S.*, Historia de la filosofía en México, México, 1943; *Cea L.*, El positivismo en México, México, 1943. Dos etapas del pensamiento en Hispanoamérica: Del romanticismo al positivismo, México, 1949; *Larroyo F.*, La filosofía americana, México, 1958; *Cruz Costa*, Esbozo de una historia de las ideas en el Brasil, México, 1957, *Gaos J.*, El pensamiento hispanoamericano, México (s. f.).

систов по истории философской мысли своих стран. Работы А. Понсе и Э. Агости об Инхениеросе, Б. Марианнетти — об Эчеверриа, Маринелло и Э. Р. Леучсенринга — о Марти и другие, раскрывая особенности развития философии в Латинской Америке, дают возможность увидеть тесные узы, связывающие современную марксистскую мысль с передовыми традициями латиноамериканской философии *.

Произведения, включенные в настоящий сборник, впервые публикуются на русском языке. И хотя они далеко не исчерпывают все многообразие и богатство прогрессивной латиноамериканской мысли XIX — начала XX в., тем не менее мы надеемся, что они помогут читателю раскрыть новую страницу в истории культуры народов Латинской Америки, лучше понять особенности и характер их современной борьбы за национальную независимость и культурное обновление и будут способствовать сближению и укреплению дружбы между народами Советского Союза и Латинской Америки.

А. Р. Бургете

---

* *A. Ponce,* José Ingenieros, su vida y su obra, Buenos Aires, 1926; *Agosti H.,* Ingenieros ciudadano de la juventud; *B. A. Marinello,* José Martí, escritor americano, México, 1958; *Леучсенринг Э. Р.,* Хосе Марти — антиимпериалист, М., 1962.

ЭСТЕБАН ЭЧЕВЕРРИА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ 1837

К аргентинской молодежи и ко всем достойным сынам родины

1. Тираны посеяли раздор и воздвигли свой незаконный трон на обломках анархии.

2. Нет у нас ни закона, ни прав, ни родины, ни свободы.

3. Оскорбленные и изгнанные, мы бредем, как народ Израиля, в поисках обетованной земли.

4. Темнота, унижение, рабство — вот все, что нам досталось после революции, несмотря на пролитую кровь и жертвы наших героических отцов.

5. Про́клятый народ, словно мы приговорены несправедливым законом нести наказания за ошибки и преступления давшего нам жизнь поколения.

6. Наши муки — это танталовы муки: у нас есть желания, но мы не можем их осуществить, наша любовь к свободе — это химера, наши выступления в пользу родины тщетны.

7. Мы уже вполне взрослые люди и чувствуем в себе достаточно сил, чтобы носить тогу зрелости, но торжествующая глупость нам это запрещает; мы хотим жаловаться, но на нас надевают намордник.

8. Когда мы были детьми, мы под грохот пушек видели во сне родину, а проснувшись взрослыми, нашли вместо нее пустыню, усеянную трупами, и руины, и развивающийся над ними окровавленный братоубийственный стяг.

9. Там, под его сенью, сидит деспотизм, безмолвный и вечно преклоняющийся перед самим собой, а вокруг него кричит и взывает слепая толпа, как вокруг идола Ваала обманутые израильтяне.

10. «Вот моя родина, — восклицает он, — вот бог, покровитель аргентинцев; идите и преклонитесь; падите ниц, смиренные, у подножия его высокого трона, и он вас благословит; преклонитесь или будете прокляты; месть и бесчестье обрушатся на вас».

11. Тираны говорят своим соотечественникам: «Верьте или будете уничтожены». Воплощенный эгоизм — вот их бог, и ему они воздвигают алтарь из своих порочных сердец.

12. Презренны те из вас, кто, глупее животных, падает ниц перед чудовищным идолом.

13. Презренны те из вас, кто колеблется, когда тирания пожирает все лучшее, что есть у родины.

14. Презренны те из вас, кто, глумясь над страданиями родины, приносит ее в жертву жестокому властолюбию тиранов.

15. Да будет их уделом позор, рабство, бесчестье и постоянное проклятие поколений.

16. «И что же? — спросим мы. — Пойдут ли сыновья героев Мая и Июня [1], пойдет ли поколение гигантов, чтобы присоединиться к хору клятвопреступных идолопоклонников, у которых нет иного бога, кроме их эгоизма, иной родины, кроме их низменных желаний, для которых не существует человеческого достоинства».

17. Что сказали бы славные мученики за американскую независимость, покоящиеся в своих безвестных могилах!

18. Слушайте, слушайте их крик, слушайте, как вопиет их чистая кровь.

19. «Нашей задачей было дать вам независимость и оставить в наследство родину».

20. «Что вы сделали с ней? Вы ее продали с торгов, как публичную девку, продали тиранам; вы глумились над ней на глазах всего света; вы отдали ее как нечто презренное на растерзание хулителям и теперь, видя, как растоптаны ее достоинства и увяла ее свежесть и моло-

Эстебан Эчеверриа

дость, вы презираете и отталкиваете ее, как продажную женщину».

21. «Вставайте, вставайте, аргентинские патриоты, юные сыновья отцов родины нашей, придите; да не будут обмануты наши надежды».

22. «Неужели и вы оставите в наследство своим сыновьям бесчестье и рабство?»

23. «Разорвите сковывающие вас цепи, соединитесь нерасторжимыми узами и откройте святыни ваших сердец родине, которая нуждается в вас».

24. «Братайтесь и действуйте, не совершайте ошибок ваших отцов. Нас погубило то, что мы кричали: *«Свобода!», «Свобода!»*, но мы не были братьями: разобщенность сделала тщетными все наши жертвы».

25. «Честолюбивые эгоисты разжигают наши распри, чтобы пожать плоды нашего труда, и теперь родина гибнет в их грязных руках».

26. «Рабы, или люди, подчиненные абсолютной власти, не имеют родины, ибо родина — это не только земля, где мы родились, но также свободное и самое полное осуществление наших возможностей и самое полное пользование гражданскими правами».

27. «У вас нет родины: только гражданин имеет родину; она дана ему законом, а тирания отнимает ее. Толпа рабов продала вашу родину, но она не смогла продать ваши благородные сердца».

28. «Вставайте, достойные сыны отцов родины нашей, и, объединившись, идите на завоевание свободы и славного будущего аргентинской нации».

29. «В единстве сила; разобщенное царство погибнет — так сказал спаситель мира».

30. «Сплотиться, объединить силу ума и рук, чтобы дать отпор угнетению, — вот единственное средство создать когда-либо родину».

31. «Объединитесь и идите вперед: ваша задача велика, столь же велика, как и наша».

32. «Пусть страх не заставит вас отступить, пусть вас не страшат опасности, вспомните, что ваши братья также угнетены. Ваша и их свобода может быть отвоевана только кровью. Храбрость ведет к победе, патриотизм заслуживает награды, благоразумию сопутствует удача».

33. «Вспомните, что добродетель — это действие и что всякая мысль, которая не претворяется в жизнь, — химера, недостойная человека».

34. «Будьте всегда готовы, ибо наступает час крестового похода за освобождение. Царство истины не придет без борьбы».

35. «Борьба, которая вас ждет, будет жестокой, но вы победите с помощью бога и вашей стойкости и твердости».

36. «Падайте тысячу раз, но столько же раз и поднимайтесь. Свобода, словно великан из сказки, с каждым падением приобретает новый дух и новую силу: бури ее укрепляют, а мучения делают ее священной».

37. «Та свобода, которую вы завоюете, станет свободой для половины света. Борясь за освобождение своей родины, вы боретесь за освобождение американского гения».

38. «Инициатива в борьбе за свободу принадлежит вам, как она принадлежала вашим отцам в борьбе за американскую независимость».

39. «Нет, не оставайтесь безучастными, когда все народы мира, от востока до запада, от севера до юга, словно побуждаемые скрытой силой, борются за благоденствие и величие».

40. «Не почивайте в здании, воздвигнутом вашими отцами, ибо в нем притаилась погибель и тирания подстерегает ваш отдых».

41. «Мир идет вперед, идите вместе с ним, если хотите приобрести достоинство свободных людей».

42. «Но помните: чтобы победить, необходимо объединиться; только согласованным действием всех ваших сил вы сможете выполнить свою задачу и поднять родину до уровня свободной, независимой и могущественной нации».

Вот веление бога, вот призыв родины, вот священная клятва молодого поколения.

Трусу, эгоисту и клятвопреступнику — проклятие!

Тому, кто будет льстить тирании или продастся ее золоту, — проклятие!

Тому, кто предаст принципы свободы, чести и патриотизма, — проклятие!

Тому, кто дрогнет в великий день сынов родины, — проклятие!

Тому, кто обернется назад и усомнится, когда прозвучит труба, призывающая к возрождению родины, — проклятие!

Вот клятва нового поколения и всех грядущих.

Слава тем, кто не теряет бодрости в борьбе и веры в свои силы: победа будет за ними.

Слава тем, кто не отчаивается, верит в будущее и в прогресс человечества: они будут вознаграждены.

Слава тем, кто будет упорно трудиться, чтобы стать достойными сынами родины: с ними благословение потомков.

Слава тем, кто не мирится ни с какой тиранией, слава тем, в чьей груди бьется чистое, святое и гордое сердце.

Слава аргентинской молодежи, которая стремится к состязанию в добродетели и к осуществлению великих замыслов героических отцов родины, — вечная слава и процветание.

Буэнос-Айрес, август 1837 г.

Символические слова

1. Ассоциация.— 2. Прогресс.— 3. Братство.— 4. Равенство.— 5. Свобода.— 6. Бог — центр и периферия нашей религиозной веры; христианство — его закон.— 7 Честь и самоотверженность — движущая сила и норма нашего социального поведения.— 8. Признание всей подлинно революционной славы, как индивидуальной, так и коллективной; презрение ко всякой узурпированной и незаслуженной известности.— 9. Продолжение прогрессивных традиций Майской революции.— 10. Отказ от ретроградных традиций, подчиняющих нас старому режиму.— 11. Эмансипация американского духа.— 12. Организация страны на демократической основе.— 13. Согласование принципов.— 14. Слияние всех прогрессивных учений в одном центре.— 15. Искренность симпатий, объединяющих нас с двумя великими силами, боровшимися за власть во время революции.

I

1. Ассоциация

Общество есть факт, нашедший свое отражение на страницах истории, и необходимое условие, которое про-

видение дало человеку для свободного осуществления и полного развития его способностей, когда даровало ему во владение вселенную. Общество — это та обширная область, на которую распространяется власть человека, где развивается его ум и где последовательно проявляются результаты его неутомимой деятельности.

Без ассоциации нет прогресса, или, вернее, она является необходимым условием всякой цивилизации и всякого прогресса.

Трудиться для того, чтобы распространять среди всех классов дух ассоциации,— значит принять участие в великом деле прогресса и цивилизации нашей родины.

Истинная ассоциация может существовать только среди равных. Неравенство порождает ненависть и страсти, которые разрушают братство и ослабляют социальные связи.

Чтобы сделать эту ассоциацию более широкой и в то же время более крепкой и тесной, необходимо уравнять общественные различия, иначе говоря, приложить все усилия к тому, чтобы осуществилось равенство.

Чтобы общество полностью соответствовало своим целям, необходимо построить и организовать его так, чтобы общественные и личные интересы не приходили в столкновение и не причиняли вреда друг другу; иначе говоря, сочетать между собой два элемента: общественный и личный, отечество и независимость граждан. На союзе и гармонии этих двух принципов основываются все проблемы социальной науки.

Право человека и право общества одинаково законны.

Политика должна направить свои усилия к тому, чтобы через общество обеспечить каждому гражданину его свободу и индивидуальность.

Общество должно охранять личную независимость всех своих членов так же, как и все члены общества обязаны всеми силами содействовать процветанию родины.

Общество не должно поглощать гражданина или требовать, чтобы он полностью отказался от своих личных прав. Однако общественный интерес не допускает также исключительного преобладания индивидуальных интересов, ибо в таком случае общество распалось бы, поскольку между его членами не было бы никакой связи.

Воля народа или какого-либо большинства не может принимать законы, посягающие на права личности, потому что не существует на земле никакой абсолютной власти, которая являлась бы непогрешимым органом высшей справедливости, и потому что выше всех законов человеческих законы совести и разума.

Никакая законная власть не повелевает иначе как от имени права, справедливости и истины. Национальной воле, этой истинно общественной совести, принадлежит право истолковывать и суверенно решать вопрос относительно того, что является справедливым, истинным и обязательным — вот сфера позитивного закона. Но за этим законом в другой, более высокой сфере существуют права человека, которые, будучи основой и главным условием общественного порядка, стоят выше позитивного закона и господствуют над ним.

Никакое большинство, никакая партия или ассамблея не имеют права принять закон, который посягал бы на естественные права и охранительные принципы общества и который поставил бы в зависимость от прихоти одного человека безопасность, свободу и жизнь всех людей.

Народ, совершающий такое посягательство, неразумен или по меньшей мере безрассуден, ибо он пользуется правом, ему не принадлежащим, продает самого себя, хотя может этого не делать, и становится рабом, будучи свободным по божественному закону и своей природе.

Воля народа никогда не сможет признать справедливым то, что по существу несправедливо.

Ссылаться на государственные интересы, чтобы оправдывать нарушение этих прав,— значит применять макиавеллизм и фактически подчинять людей разрушительной власти силы и произвола.

Благо народа основывается на благоговейном и незабвенном уважении прав всех и каждого из членов, составляющих данный народ.

Для того чтобы общество было в состоянии осуществлять права над своими членами, оно должно быть к каждому из них равно справедливым, оказывать равное покровительство и принимать законы, обеспечивающие права личности, имущество и свободу. Оно обязано ограждать их от любой несправедливости или насилия; обузды-

вать их взаимные страсти для того, чтобы они не причиняли вреда друг другу; предоставлять им работу без ущерба для его собственного блага и для блага других членов общества; оно обязано ставить *каждого* под защиту *всех*, чтобы он мог мирно пользоваться тем, чем владеет, или тем, что он добыл своим трудом, искусством или талантом.

Общественная власть, которая не делает этого, которая вместо того, чтобы укреплять братство, сеет недоверие и ненависть, разжигает дух вражды и мщения, поощряет вероломство, слежку и доносы, стремится превратить общество в толпу доносчиков, палачей и жертв, является властью несправедливой, аморальной, отвратительной.

Деятельность правительства полезна, нравственна и необходима только в том случае, если оно стремится обеспечить каждому гражданину его неотъемлемые права, и прежде всего свободу.

Совершенство общества непосредственно зависит от свободы всех и каждого. Для его достижения необходимо проповедовать братство, бескорыстие и взаимопожертвование среди членов одной семьи — общества. Необходимо стремиться к тому, чтобы все индивидуальные усилия не были изолированными и сосредоточенными на своих эгоистических интересах, содействовали бы одновременно и сообща достижению единой цели — прогрессу и возвеличению нации.

Преобладание индивидуального над общественным нас погубило. Эгоистические страсти посеяли анархию на ниве свободы и уничтожили ее всходы; отсюда возникает нарушение социальных связей: эгоизм проникает во все сердца, всюду обнажая свой ненавистный уродливый образ; а поэтому одни и те же слова и символы не заставляют трепетать сердца, а умы не объединены единой верой в родину, братство и свободу.

Как оживить это разлагающееся общество?

Что сделать, чтобы в человеческом сердце возобладал общественный элемент, и как спасти родину и цивилизацию? Единственное средство для этого заключается в ассоциации — объединении всех усилий людей.

Ассоциация, прогресс, свобода, равенство, братство — термины, обозначающие великий социальный и гумани-

стический синтез, божественные символы счастливого будущего всех народов мира, всего человечества.

Свободы нельзя добиться иначе как через равенство, а равенство может быть осуществлено при помощи ассоциации, или объединения всех индивидуальных усилий, направленных к единой безграничной цели — *непрерывному прогрессу,* основной формуле философии XIX в.

Более совершенной будет та социальная организация, которая предоставит бо́льшие гарантии для развития равенства и свободы и обеспечит бо́льший простор свободному и гармоническому развитию человеческих способностей. Лучшим явится то правление, которое будет более соответствовать нашим обычаям и нашим социальным условиям.

Равенство — вот путь к достижению свободы; равенство и свобода являются принципами демократии.

Следовательно, демократия — это режим, необходимый нам и единственно возможный у нас.

Подготовить основы для организации и создания демократии, которая уже существует в зародыше в нашем обществе,— вот наша задача.

Ассоциация молодого аргентинского поколения представляет собой в своем первоначальном виде будущее аргентинской нации; ее задача по существу организационная. Она будет стремиться распространять свои идеи и свое учение, расширять область своих прогрессивных тенденций, привлекать людей к великой национальной ассоциации, объединяя их мнения и мысли, сосредоточивая их на служении родине и на принципах равенства, свободы и братства всех людей.

Она будет стремиться примирить и привести в согласие интересы гражданина и родины, личности и общества; она будет стремиться заложить основы для создания аргентинской национальности на демократических принципах.

Она в своем окончательном виде будет стремиться объединить два основных понятия нашей эпохи: *родину* и *человечество* — и сделать так, чтобы прогрессивное развитие нации осуществлялось в соответствии с прогрессивным развитием великой человеческой ассоциации.

II

2. *Прогресс*

«Человечество подобно человеку, который вечно живет и постоянно прогрессирует» *. Оно, стоя одной ногой в настоящем, а другой шагнув в будущее, идет без устали, как бы движимое божественным дыханием, в поисках рая, обещанного его надеждам.

Небо, земля, животный мир, человечество и вселенная в целом живут свойственной им жизнью, которая развивается и осуществляется во времени через ряд непрерывных стадий; этот закон развития называется законом прогресса.

Так же, как человек, все органические существа и природа, народы обладают собственной жизнью, постоянное развитие которой составляет прогресс, потому что жизнь во всем сущем есть не что иное, как непрерывная деятельность. Всякое общество существует благодаря прогрессу и для прогресса, и сама цивилизация есть не что иное, как неопровержимое доказательство человеческого прогресса.

Все старания человека и общества направлены на достижение желаемого благополучия. Благополучие народа порождается прогрессом и связано с ним.

«Жить в соответствии с законом своего бытия — это и есть благополучие. Только посредством свободного и гармонического развития всех своих способностей отдельные люди и целые народы могут достигнуть наиболее широкого применения этого закона» **.

Народ, который не стремится улучшить условия своего существования, не подчиняется закону своего бытия.

Революция для нас — это прогресс. Америка, веря в то, что она улучшит условия своего существования, освободилась от Испании; с тех пор она стала на путь прогресса.

Прогрессировать — значит идти вперед или направлять действие всех своих сил к достижению благополучия нации, другими словами, к реализации *закона ее бытия*.

---

* Паскаль.

** «Молодая Европа».

Европа — центр вековой цивилизации и человеческого прогресса.

Америка, следовательно, должна изучать прогрессивное движение европейской мысли, но не подчиняться слепо ее влияниям. Свободный выбор и свободное исследование есть право каждого, критерий всякого просвещенного разума. Америка должна заимствовать все то, что может содействовать удовлетворению ее потребностей; чтобы познать саму себя и освещать себе дорогу, она должна идти с факелом человеческого разума.

У каждого народа своя жизнь и свой разум. «Из развития и применения этого разума рождается особая миссия народа, которая содействует всеобщей миссии человечества. Эта миссия создает национальность. Национальность священна» *.

Народ, подчиняющий свой разум разуму другого народа, глуп и кощунствен.

Народ, который застыл на месте и не прогрессирует, не выполняет никакой миссии, никогда не создаст свой национальный облик.

Когда американский разум достигнет уровня европейского разума, воссияет солнце его полного освобождения.

III

3. Братство.— 4. Равенство.— 5. Свобода

«Братство людей — это взаимная любовь или такое благородное расположение, которое склоняет человека делать для других то, что ему хотелось бы получить для себя» **.

Христос обожествил братство своей кровью, а пророки освятили это братство своими муками.

Но человек был тогда слабым, потому что жил для себя и только самим собой. Человечества, или *согласия (единодушия) рода человеческого,* идущего к единой цели, *не существовало.*

---

* «Молодая Европа».

** Там же.

Тираны и эгоисты легко затмили своим смертоносным дыханием божественный свет слова спасителя и, чтобы господствовать, втравили в борьбу отца с сыном, брата с братом, семью с семьей.

Слепой и замкнутый в своем *Я*, человек счел справедливым пожертвовать благополучием других народов во имя своих страстей, и люди стали воевать и терзать друг друга, как звери.

«Согласно божественному закону и закону человечества, все люди — братья. Поэтому всякий акт эгоизма является покушением на братство людей» *.

Эгоизм — смерть души. Эгоист не чувствует ни любви, ни милосердия, ни симпатии к своим братьям. Все его действия направлены на удовлетворение своего *Я*; все его мысли, вся его деятельность вращаются вокруг своего *Я*; долг, честь и справедливость являются для его порочной души пустыми и лишенными смысла словами.

Эгоизм обожествляет себя и делает свое сердце центром вселенной. Все тираны — это воплощение эгоизма.

Долг всех людей, сознающих свою миссию,— бороться с ним лицом к лицу до его полного уничтожения.

Братство — вот та золотая цепь, которая должна связать все чистые и действительно патриотические сердца; без него нет ни силы, ни единства, ни родины.

Всякое дело, всякое слово, направленное на ослабление этой связи, является покушением против родины и человечества.

Набросим же покрывало забвения на ошибки наших предков: человеку свойственно ошибаться. Взвесим на весах справедливости их дела и посмотрим, что сделали бы мы сами в соответствующих условиях. Тем, чем мы являемся и чем мы станем в будущем, мы обязаны им. Откроем же святилище наших сердец тем, кто заслужил благодарность родины и пожертвовал собой ради нее.

Эгоисты и злодеи понесут заслуженную кару: суд потомков ожидает их. Девиз нового поколения — братство.

---

* «Молодая Европа».

*
* *

«Согласно божественному закону и закону человечества все люди равны» *. Для осуществления равенства необходимо, чтобы люди осознали свои права и взаимные обязанности.

Равенство состоит в том, чтобы эти права и обязанности были провозглашены и одинаково признаны всеми, чтобы никто не мог уклониться от действия закона, который их выражает, чтобы каждый человек принимал равное участие в соразмерном пользовании плодами своего разума и труда. *Любая привилегия есть покушение на равенство.*

Нет равенства там, где господствует класс богатых и где он пользуется бо́льшими правами, чем другие классы;

где определенный класс монополизирует общественные должности;

где влияние и власть парализуют действие закона для одних и усиливают его для других;

где суверенными являются только партии, а не нация;

где налогообложение несоразмерно доходам и деятельности каждого;

где класс бедных один несет самые тяжелые общественные повинности, такие, как воинская и др.;

где последний представитель власти может безнаказанно нарушать безопасность и свободу гражданина;

где награды и должности раздаются не в соответствии с заслугами, доказанными делами;

где каждый чиновник является властелином, перед которым гражданин должен склонять голову;

где чиновники являются раболепными прислужниками власти, а не наемными работниками, находящимися на службе нации;

где партии по прихоти жалуют титулы и награды;

где уважаются не талант и честность, а только глупость и низкая лесть.

Покушением на равенство являются также всякие привилегии, предоставляемые какой-либо гражданской, военной или религиозной корпорации, академии или уни-

---

* «Молодая Европа».

верситету, а также всякий исключительный и чрезвычайный закон.

Общество или власть, которая его представляет, обязаны обеспечить всем его членам одинаковую защиту, безопасность и свободу; если они предоставляют их одним и не предоставляют другим, то существует неравенство и тирания.

Общественная власть аморальна и не соответствует своим целям, если она не защищает слабых, бедных и нуждающихся, т. е. если она не использует средства, предоставленные ей обществом для того, чтобы обеспечивать равенство.

Равенство связано с просвещенностью и благоденствием граждан.

Разъяснять массам их истинные права и обязанности, воспитывать их, с тем чтобы сделать их способными к осуществлению своих гражданских прав и обязанностей, чтобы они осознали свое достоинство свободных людей, защищать их и побуждать к труду, воспитывать в них трудолюбие, предоставить им средства для достижения благоденствия и самостоятельности — вот способ сделать их равными.

В демократическом обществе должна существовать только одна *иерархия* — та, которая берет свое начало в природе и так же неизменна и необходима, как она.

Деньги никогда не смогут стать источником благодеяний, если они не находятся в руках чистых, добродетельных и целомудренных. Судьба может быть благосклонной к глупым и грубым душам, порочным и эгоистическим сердцам, но ни их золото, ни лесть презренной толпы не наделяют их тем, в чем *отказала* им природа: *способностями* и *республиканскими добродетелями.*

Для того чтобы человек господствовал над вселенной и возвышался над всеми творениями, бог, высший разум, пожелал, чтобы он выделялся умом и рассудительностью.

Разум, добродетель, способность, заслуги, доказанные делами,— вот единственная иерархия, имеющая естественное и божественное происхождение.

Общество не признает заслуг, не доказанных делами. Оно спрашивает генерала, осыпанного титулами и медалями: какую полезную для родины победу одержал ты?

Оно спрашивает у представителей власти и богачей: какое облегчение принесли вы страданиям и нуждам народа? У частных лиц: за какие дела вы пользуетесь хорошим отношением и уважением ваших сограждан и человечества? И всех вместе: при каких обстоятельствах вы показали себя способными, добродетельными и патриотами?

Тот, кому нечего ответить на эти вопросы и кто, несмотря на это, открыто заявляет о своих претензиях и жаждет превосходства над другими, неразумен и достоин лишь жалости и презрения.

Решение проблемы социального равенства заложено в принципе: «От каждого по его способности, каждому по его делам» *.

* *
*

«Согласно божественному и человеческому закону все люди свободны».

«Свобода — это право каждого человека беспрепятственно использовать свои способности для достижения своего благоденствия и выбирать средства, которые могут служить ему для этой цели» **.

Свободное осуществление индивидуальных способностей не должно ни причинять вреда, ни нарушать права других. Не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы сделали тебе. Человеческая свобода не имеет других границ.

Не существует свободы там, где человек не может по своему желанию менять место своего жительства;

где ему не позволено распоряжаться плодами своего умения и труда;

где он должен приносить в жертву власти свое время и свое имущество;

где он может быть унижен и оскорблен наемными убийцами на службе власти, творящей произвол;

где без предварительного следствия и без какой-либо другой процессуальной формы человек, не нарушивший

---

* Сен-Симон.
** «Молодая Европа».

закона, может быть брошен в тюрьму или лишен возможности пользоваться своими физическими и умственными способностями;

где ограничивается его право устно или письменно выражать свои мнения;

где ему навязываются религия и культ, отличные от тех, которые его совесть искренне считает истинными;

где можно по прихоти вторгаться в его дом, отрывать его от семьи и изгонять на чужбину;

где его безопасность, жизнь и имущество зависят от каприза какого-либо представителя власти;

где его принуждают браться за оружие без абсолютной на то необходимости и тогда, когда общий интерес не требует этого;

где ставятся препятствия и условия для занятия каким-либо делом, например изданием книг и т. д.

IV

6. Бог — центр и периферия нашей религиозной веры; христианство — его закон[2]

Естественная религия[3] — это тот властный инстинкт, который побуждает человека почитать своего создателя *.

Отношение человека к богу подобно отношению сына к отцу: оно имеет моральную природу. Бог — чистый источник нашей жизни и наших способностей, наших надежд и радостей; взамен этих благ мы отдаем ему единственный дар, какой он мог бы пожелать: преданность наших сердец.

Но человеку было недостаточно естественной религии, ибо, не обладая ни достоверностью, ни жизненностью, ни признанием, она не удовлетворяла потребностей его совести, и стало необходимым, чтобы позитивные религии,

---

* В нескольких параграфах, и в этом в особенности, содержатся некоторые критические суждения, вызванные исключительным положением, в котором находилась наша страна. Их смысл не ускользнет от читателя из Рио-де-Ла-Плата. Тем не менее мы предупреждаем об этом, ибо при «абстрактном» рассмотрении эти суждения могут показаться ошибочными и противоречивыми читателям, далеким от нашего дела.

основывающие свой авторитет на исторических фактах, провозгласили те законы, которые должны руководить этими тесными отношениями между человеком и его создателем.

Лучшая из позитивных религий — христианство, ибо оно является не чем иным, как раскрытием моральных побуждений человечества.

Евангелие — это закон бога, ибо оно есть моральный закон совести и разума.

Христианство принесло в мир братство, равенство и свободу и, восстанавливая человеческий род в его правах, освободило его. Христианство в своей основе является прогрессивной и цивилизующей религией.

Мир был погружен во мрак, слово Христа осветило его, и из хаоса возник новый мир. Человечество было мертво и с божественным дыханием воскресло и получило жизнь.

Евангелие — закон любви, и, как говорит святой Иаков, закон совершенный, представляющий закон свободы. Христианство должно быть религией демократии.

Изучи все и выбери хорошее, учит Евангелие; оно провозглашает, таким образом, независимость разума и свободу совести, ибо свобода состоит главным образом в праве исследования и выбора.

Любая религия предполагает культ. Культ — это видимая сторона или внешнее выражение религии, как слово — необходимый элемент выражения мысли.

Религия — это молчаливое соглашение между богом и человеческой совестью; она создает такую форму духовной связи, которая объединяет творение с его творцом. Следовательно, человек должен направлять свою мысль к богу таким образом, как он сочтет более полезным. Бог — единственный судья действий человеческой совести, и никакая земная власть не имеет права узурпировать эту божественную привилегию; она не сможет сделать это, даже если захочет, потому что совесть свободна.

Если подавить свободу совести, то голос и руки будут выполнять обряды даже машинально, но сердце будет внутренне отрекаться от них и сохранять эту свободу в священной неприкосновенности.

Если свобода совести есть право личности, то свобода отправления религиозных культов есть право религиозных общин.

Было бы противоречием, признав свободу совести, не признавать также и свободу религиозных культов, которая есть не что иное, как непосредственное применение первой.

Всякое вероисповедание и отправление религиозных культов будут свободными только тогда, когда им не будут чинить никаких препятствий и когда члены любой религиозной общины будут равны в гражданских и политических правах с остальными гражданами.

Религиозное общество независимо от общества гражданского; надежды первого обращены к иному миру, надежды второго сосредоточены на земле. Миссия первого духовная, второго — светская. Тираны выковали из религии цепи для человека, и из этого возник нечистый союз власти и алтаря.

На правительстве не лежит обязанность регламентировать вероисповедания и ставить себя между богом и человеческой совестью; но оно должно защищать принципы, охраняющие общество, и обеспечивать соблюдение общественной морали.

Если какая-либо религия или религиозный культ попытаются публично или в иной форме, действиями или письменно оскорбить общественную мораль и нарушить общественный порядок, то правительство должно активно противодействовать этому беззаконию и уничтожить их.

Власть правительства в отношении религиозных культов должна ограничиваться лишь заботой о том, чтобы они не причиняли вреда друг другу и не сеяли беспорядка в обществе.

У государства как политического организма не может быть какой-либо религии, ибо, не являясь личностью, оно лишено собственно сознания.

Кроме того, существование господствующей религии представляет несправедливость по отношению к равенству людей и посягает на него, поскольку господствующая религия провозглашает отлучение от общества тех, кто не исповедует ее веру и лишает их естественных прав, не освобождая от социальных обязанностей.

Принцип свободы совести несовместим с существованием государственной религии.

Если государство признает свободу совести, оно не должно объявлять одну какую-либо религию господствующей и покровительствовать только ей: все религии должны быть одинаково уважаемы и защищаемы, пока их мораль чиста и их культ не нарушает общественного порядка.

Слово *терпимость* в области религии и религиозного культа говорит лишь об отсутствии свободы и означает оскорбление прав человека. Терпят лишь плохое или то, что мешает; право же признают и провозглашают. Человеческий дух — свободная сущность; свобода — нерушимый элемент природы и дар божий.

Священник — исполнитель религиозного культа, его сан — общественная обязанность. Задача священника — сделать людей *моральными*, проповедовать братство, человеколюбие, т. е. закон мира и любви — закон бога.

Священник, который с алтаря разжигает страсти и призывает к мести, нечестив и совершает кощунство.

Любите своего ближнего как самого себя, любите ваших врагов, говорит Христос,— вот слово священника.

Священник должен проповедовать терпимость, а не преследовать неверующих или тех, кто безразличен к религии. Принуждение порождает лицемеров, а не искренне верующих, разжигая в то же время фанатизм и войну.

«Как будут верить слову священника, если он сам не соблюдает закона. Он, который говорит, что знает бога, а не соблюдает его заповедей, является лжецом, и в его словах нет истины» *.

«Мы не требуем слепого повиновения,— говорит святой Павел.— Мы учим, доказываем, убеждаем». Fides suadenda non imperanda [Веру проповедуют, а не навязывают], повторяет святой Бернард.

Миссия священника исключительно духовная; поэтому, вмешиваясь в мирские страсти и интересы, он подрывает и оскверняет святость своего дела и вызывает у людей презрение и ненависть вместо любви и почитания.

---

* *San Juán,* Ep. IX, cap. 20.

Священники и служители Христа не должны занимать светские должности и осуществлять светскую власть. Regnum meum non est de hoc mundo [Царство мое не от мира сего], сказал им их божественный учитель и таким образом указал им границы власти его церкви.

Священники, будучи членами государства, находятся под его юрисдикцией и не могут образовать привилегированное сословие в данном обществе. Как и остальные граждане, они должны выполнять его повинности и обязанности, подчиняться его гражданским и уголовным законам, его власти. Все люди равны, только заслуга и добродетель порождают превосходство *.

V

7. Честь и самоотверженность — движущая сила и норма нашего социального поведения

Мораль регулирует действия частного лица, честь — человека как члена общества. Мораль относится к индивидуальному сознанию и является нормой поведения человека по отношению к самому себе и к себе подобным. Честь относится к сознанию человека как члена общества и является нормой его поведения по отношению к обществу.

Существует определенное несоответствие между некоторыми положениями Евангелия и современной организацией общества **.

---

* Мы не могли и не хотели касаться всех моментов, которые охватывает религиозный вопрос; мы довольствовались указанием на наиболее существенные в данном случае и на те, которые имеют значение для состояния нашего общества.

** Христианство учит отречению от мирских дел, отказу от земных интересов, растворению человека в боге или только в идее спасения своей души — доктрине, совершенно противоположной обязанностям общественного человека и гражданина. Христианство проповедует гуманность и говорит: если тебя ударили по одной щеке, подставь руке своего врага другую,— унижение, которого не допускает достоинство общественного человека. Христианство говорит: regnum meum non est de hoc mundo, etcetera [царство мое не от мира сего и т. д.].

Существуют определенные поступки, которые мораль одобряет в человеке как частном лице и осуждает их в человеке как лице общественном. И для этого необходимо употребить термин «честь», широко применяющийся по отношению к человеку как члену общества, поведение которого отличается честностью и правдивостью, принимая во внимание, что этот термин обозначает мораль в действиях человека.

Честь и мораль — два тождественных понятия, которые приводят к одинаковым выводам.

Мораль станет догмой христианина и частного лица, честь — догмой гражданина и члена общества.

Честный человек не изменяет принципам.

Честный человек правдив, он не нарушает своего слова, не оскверняет святости присяги; он любит истину и справедливость, он милосерден и добр.

Честный человек не нарушает долга, он справедлив, добр и не торгует своими милостями, когда получает высокое звание.

Честный человек — хороший друг: он не предает врага, который просит его защиты. Честный человек добродетелен, он хороший патриот и гражданин.

Честный человек ненавидит тиранию, ибо он верит в прицинпы и не является эгоистом; тирания же — воплощение эгоизма.

Честный человек, если это необходимо, жертвует собою во имя справедливости и свободы.

Нет ни чести, ни добродетели без самопожертвования, а для самопожертвования нет места при бездеятельности.

Тот, кто бездействует, когда родина находится в опасности, не достоин быть ни человеком, ни гражданином.

Добродетель всех добродетелей — это действие, ведущее к самопожертвованию.

Самопожертвование — это такое благородное состояние души, которое побуждает человека, нередко заглушая требования собственного интереса и эгоизма, посвящать свою жизнь и свои способности служению дела, которое он считает справедливым, достижению благоденствия своей родины и себе подобных; побуждает выполнять свои обязанности человека и гражданина всегда и несмотря ни на что и, если это необходимо, пролить

кровь ради осуществления столь высокой и благородной миссии.

Итак, у каждого человека есть своя миссия. Каждая миссия обязательна.

Лишь тот достоин похвалы, кто, сознавая свою миссию, всегда готов жертвовать собою во имя родины, во имя святого дела свободы, равенства и братства.

Лишь тот достоин славы, кто трудится во имя прогресса и блага человечества.

Лишь тот заслуживает уважения и внимания, кто верит в свои способности и добродетели.

«Знайте, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими».

«И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом.

Так как сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих» *.

Учение Христа является нашим учением, ибо оно есть учение о спасении и искуплении.

Тот, кто хочет возвыситься. должен жертвовать собой для других.

Тот, кто хочет возвеличить свое имя, должен стремиться к тому, чтобы воздвигнуть себе памятник в сердцах своих сограждан.

Тот, кто стремится к славе, должен создавать ее делами своего разума и своих рук.

Свобода приобретается только ценою крови. «Свобода — это тот хлеб, который народы должны добыть в поте лица своего» **.

Эгоизм трудится для себя, а жертвы несут другие.

Самопожертвование — смертный приговор эгоистическим страстям.

Это они принесли отечеству войну, разрушения и тиранию. Только жертвуя собой, мы добьемся его освобождения, прославим доблести тех, кто дал ему жизнь и снискал для него благородную славу.

---

* Матф. XX, 25, 27 и 28.

** Ламенне.

VI

8. Признание всей подлинно революционной славы, как индивидуальной, так и коллективной; презрение ко всякой узурпированной и незаслуженной известности

Исходя из установленных и признанных нами выше принципов, мы будем считать заслуженной только ту славу, которая была приобретена честным путем, не запятнана несправедливостью или беззаконием, а добыта героизмом, стойкостью и самопожертвованием, которая оставила на поле битвы или в кабинете, печатно или устно неизгладимые следы своего существования,— словом, всю ту славу, которую может одобрить неподкупное суждение философии.

Есть большое различие между *славой* и *известностью*. Тот, кто хочет известности, добивается ее. Она заключается в титуле, в звании, в чине, в должности, в определенном богатстве, в игре случая, в речах друзей, в низкой лести и в событиях личной жизни человека.

Известность — это тот фимиам, которого жаждут мелкие души и бессердечные люди.

Но известность часто оказывается в одном и том же гробу с тем, кому она принадлежала, и в один день превращается в дым, пыль, в ничто. Напрасно тщеславие будет запечатлевать свое *имя* на каменной плите, которая его прикрывает. Этого имени никто не знает, оно загадка, которую никто не понимает, это нечто, что было и чего уже нет, как любое животное и растение. Неизвестно, зачем бог дал ему образ человека и запечатлел на его лице достоинство ума и здравого смысла.

Слава — это нечто иное. Слава подобна вечнозеленому растению, которое никогда не желтеет. Слава дает такие глубокие корни, что они достигают самого сердца земли; величественная, как ливанский кедр, она поднимается до облаков.

Слава проникает во все сердца и укореняется в них; слава — это непрерывный хвалебный гимн, который народ или даже все благодарное человечество слагает в честь ума, добродетели и героизма.

Слава — это богатство великого человека, добытое в поте лица его.

Великий человек тот, кто, сознавая потребности своего времени, своего века, своей страны и веря в свою силу, спешит удовлетворить их и настойчивым упорством и жертвами, мечом или пером, своей мыслью или своими делами воздвигает себе памятник в сердцах сограждан или даже всего человечества.

Великий человек тот, чья жизнь — целая цепь свершений и побед, мечтаний и разочарований, мучительного беспокойства и невыразимого наслаждения, получаемого им вследствие осуществления великой цели его стремлений.

Великий человек тот, чья личность так обширна, так сильна и активна, что он охватывает своей деятельностью все другие человеческие личности и содержит в себе самом, в своем сердце и в своей голове зародыши мыслей и чувств всего человечества.

Великий человек тот, кто перстом божьим предназначен возвышаться над массами и выделяться среди всех силой своего гения.

Великий человек может быть воином, государственным деятелем, законодателем, философом, поэтом, ученым.

После бога выше всего гений. Превосходство гения составляет славу и апофеоз его разума. Гений — это по преимуществу разум.

Всякое другое превосходство не более как ребяческое тщеславие, безмозглое невежество. Но от вершины всемогущего гения до наиболее низкой ступени общества есть тысяча ступеней, на которых могут разместиться другие виды славы, такие же истинные, но более скромные; есть тысячи мест для заслуженного человека, тысячи лавров, которых могут жаждать способности, добродетель и героизм, если только они идут честным путем и в своих действиях руководствуются честными стремлениями.

Законно то стремление, которое согласуется с законом и идет к своей цели по пути, начертанному им. Всякое иное желание — это не более как разгул низменных страстей, прикрытых маской истинной добродетели.

Тот, кто чувствует себя способным что-либо совершить, довести до конца великий замысел, занять высокое место, должен добиваться этого, не попирая ни законов, ни справедливости и не употребляя тех средств, к которым прибегают бездарность и коварство.

Хитрость — это животный инстинкт, который в высокой степени присущ людям ограниченного ума и которым они бесстыдно пользуются для достижения своих низменных целей. Добродетель и способности ходят с открытым лицом, лицемерие и тупость его прячут.

При отсутствии этих условий нет истинной личной славы. В этом горниле мы проверим значение нашей революционной деятельности, на этих весах ее взвесим, этой меркой ее измерим сами и хотим, чтобы этой же меркой измеряли нас и другие.

Мы недавно вступили на путь прогресса; мы находимся еще вначале того пути, по которому собираемся идти; у нас нет ни славы, ни достоинств — ничего. Вскоре после того как мы завершим наш путь, мы предстанем перед судом грядущих поколений и они взвесят наши дела на тех же весах, на которых мы взвешиваем дела прошлого поколения.

По нашему мнению, мало имеется людей, заслуживших ту славу и те почести, которые им воздает энтузиазм общественного мнения и их сторонников. Мы оставляем за собой право пересмотреть их заслуги и определить их истинное место. К чему сведется тогда вся эта пресловутая известность? В каком виде предстанут перед нами все эти ничтожные великие люди? Все эти пигмеи, которых невежество и тщеславие сделали колоссами?

Трудно распознать истинные заслуги общественного деятеля, когда они не подтверждаются всеобщим мнением, а превозносятся только его сторонниками, побуждаемыми к этому своими личными страстями и интересами. Мы, которые еще не участвовали в общественной жизни, не принадлежали ни к какой партии, не загрязнили свои души произволом и неразумностью гражданской войны, являемся достаточно компетентными судьями, способными глубоко понять это и воздать каждому согласно его делам. И мы выполним это, невзирая ни на что и без всяких недомолвок.

Все нации имеют своих великих людей, которые являются постоянными символами их славы.

Слава великих людей — самое дорогое достояние нации, ибо она является выражением ее просвещенности и прогресса, ее интеллектуального и материального богатства, всей ее цивилизации и могущества.

Счастливы нации, насчитывающие среди своих сынов много великих людей! У нас их немного, но их слава составляет достояние родины, и мы ее не отдадим.

Единственная слава, которую может признать философия за солдатом,— это слава, завоеванная на полях сражений в борьбе за независимость и свободу родины.

Вы, военные, кичащиеся тем, что носите на своих плечах знаки отличия и на груди медали, взгляните на них хорошенько: не обрызганы ли они братской кровью? Устыдитесь и выбросьте их, если это так: иначе ваша слава — детище проклятия.

Единственная заслуга, которую может признавать философия за магистратом, законодателем или государственным деятелем,— это та, которая чиста и несет неизменные следы мудрости, ума и здравого смысла.

Вы, законодатели и государственные деятели, гордые своей властью, чье имя повторяет толпа, посмотрите сначала, достойны ли вы этих почестей и принесли ли мысли и дела ваши какую-либо пользу родине.

Единственная заслуга, которую может признать философия за мыслителем, литератором или писателем,— это та, которая просвещает и цивилизует, расширяет сферу человеческого знания и резцом гения запечатлевает на алмазе свои бессмертные дела.

Вы, литераторы, писатели и мыслители, тщеславно гордящиеся своим званием и той лестью, которую расточает вам слепая толпа, объясните нам истинное значение ваших дел, покажите плоды вашего гения, сокровище вашей науки и мудрость вашего учения; покажите скорее, ибо мы бредем заброшенные и сбившиеся с пути, без света; ради бога, будьте человеколюбивы к вашим братьям! Посмотрите лучше, не похороните ли вы вместе с вашим именем и вашей славой это пресловутое сокровище.

Коллективная слава революции — это слава, добытая героическими усилиями нации в борьбе за независимость, патриотами Мая и Июня, она священна и истинна.

Философия может допустить только освободительные битвы, ибо из крови, пролитой в них, вырастает свобода, а из руин и трупов, усеявших поля сражений, возникает новая жизнь, возрождается народ.

Гражданская война и завоевания несут только смерть и тиранию; они детище ненависти. Разве это лавры, если они обагрены кровью братьев и угнетенных!

Народ, история которого богата истинно славными делами,— великий народ; у него есть будущее и собственная миссия.

Аргентинский народ донес знамя политического освобождения до Эквадора. Инициатива социального освобождения также принадлежит ему. Знамя этого освобождения станет символом двух революций: на нем будет изображение солнца, обновляющего жизнь половине мира.

VII

9. Продолжение прогрессивных традиций Майской революции

Американская революция, занятая, как и все великие революции мира, исключительно разрушением готического здания, воздвигнутого тиранией и насилием в века невежества, не имела ни времени, ни достаточной передышки для возведения нового здания; но тем не менее она провозгласила те истины, которые длительный и мучительный процесс просвещения человеческого духа открыл для того, чтобы они служили основой преобразования современного общества.

Революционеры Мая сознавали, что первым требованием Америки было требование фактической независимости от метрополии и что для того, чтобы заложить основы свободы, необходимо было прежде всего освободить родину. Увлеченные этой мыслью, они тем не менее заглянули в будущее и наметили для грядущих поколений путь великого дела освобождения Аргентины.

В их декретах и законах, принятых среди опасностей борьбы и грохота орудий, были намечены вечные принципы, вошедшие в кодексы всех свободных наций.

Свобода личности состоит в возможности свободно выражать свои мысли устно и письменно без предварительной цензуры. В своих законах они утверждали, «что социальный организм должен гарантировать и укреплять права человека, бороться с нищетой и несчастьями граждан и способствовать их процветанию и просвещению; что невежество — причина той безнравственности, которая душит все добродетели и порождает все преступления; что ни один гражданин не может быть осужден без судебного разбирательства и законного приговора; что тюрьмы существуют для безопасности граждан, а не только для наказания преступников; что преступление есть нарушение действующего в данном обществе закона; что каждый гражданин должен нести такие жертвы, каких потребует от него необходимость и безопасность родины, не исключая самой жизни; что каждый гражданин должен, со своей стороны, содействовать охране и укреплению прав своих сограждан и общественному благу; что любой житель Буэнос-Айреса, даже будучи в состоянии опьянения или сна, не должен таить в себе замыслов против свободы своей родины. И наконец, они заявляют, что лишь народ — источник и создатель всякой власти» *.

Прекрасная и величественная программа! Но как мы далеки от ее осуществления! Эти столь священные принципы не стали законами нашего общества, а превратились в абстракции, недоступные общему пониманию.

Несмотря на это, законодатели революции сделали все, что могли. Они, без сомнения, понимали, что разум народа не созрел еще, чтобы оценить значение этих принципов, что в его чувствах, обычаях и миропонимании сохранились еще некоторые вредные инстинкты, противостоящие всему новому и непонятному; но нужно было действовать, и они действовали.

---

* Все эти цитаты дословно списаны из наших революционных уставов; нам представляется излишним увеличивать их количество.

Они нуждались в народе для того, чтобы с его помощью очистить от противников поле, где должно было прорасти семя свободы, и они провозгласили его неограниченный суверенитет.

И это было не заблуждением, вызванным невежеством, а необходимостью эпохи. Нужно было привлечь к новому делу голоса и руки масс, обещая им в качестве приманки всемогущий суверенитет. Необходимо было дать понять *рабу,* что он имеет одинаковые права со своим *господином* и что те, кто его до сих пор угнетали, были не больше как мелкими тиранами, которых он мог уничтожить первым же проявлением своего мужества. И вместо того чтобы сказать: *суверенитет основывается на разуме народа,* они сказали: *народ является носителем суверенитета.*

Но когда, после уничтожения тиранов, народ стал действительно носителем суверенитета, его суверенитет стало трудно ограничить. Ибо он был правом, приобретенным ценой крови и героизма народа. И чтобы взять власть в свои руки, честолюбивые и коварные люди часто разжигали в народе низменные инстинкты и толкали его к нарушению законов, которые он, будучи суверенным, сам создал. Они подстрекали народ к свержению созданных тогда правительств, к анархии и нарушению общественного порядка, к тому, чтобы он безудержно предавался капризам своих желаний и неистово удовлетворял свои неразумные страсти.

Принцип всемогущества масс должен был породить все те бедствия, которые он произвел, и завершиться установлением деспотизма.

Но этот принцип принес также и много полезных результатов. Перед революцией народ был чем-то не имеющим ни имени, ни влияния; после революции он превратился в гиганта и задушил в своих объятиях испанского льва. В прошлом бессильная и ничтожная толпа, чернь поднялась на поверхность общества не как жалкая пена, а как власть, предназначенная самим провидением для того, чтобы диктовать законы и превосходить любую другую земную власть.

Суверенитет перешел от угнетателей к угнетенным, от королей к народу, и внезапно на берегах Ла-Платы роди-

лась демократия; и демократия будет расти: ее будущее безгранично.

Этот народ, ослепленный до сих пор своим всемогуществом, поймет, придя в себя, что это могущество не было просто божьим даром, а было дано ему, чтобы он пользовался им в рамках права как орудием благоденствия. Народ станет просвещенным: принципы Майской революции дойдут наконец до его сердца и станут нормой его действий.

Вот поколение, которое идет вслед за поколением Мая. Дитя его, наследующее его мысли и традиции, рожденное на заре свободы, оно тревожными глазами ищет в темном небе родины прекрасное светило, которое взошло над его колыбелью.

Обогащенное знаниями и опытом, оно продолжит дело своих отцов.

Оно знает все, что несовершенно в учреждениях, созданных в процессе конфликта между неопытностью и необходимостью, и готовится дополнить и усовершенствовать их с помощью света и прогресса общественного сознания.

Это поколение будет стремиться привести указанные учреждения в соответствие с достижениями общественного разума и приложит силы к тому, чтобы они превратились в политическое *кредо* всех умов и стали живой и постоянной реальностью.

VIII

10. Отказ от ретроградных традиций, подчиняющих нас старому режиму

Во всякой революции всегда борются две идеи *: идея застоя, которая стремится сохранить status quo и придерживается традиций прошлого, и идея преобразующая и прогрессивная, старый режим и современный дух. Каждая из этих двух идей имеет своих представителей и привер-

* Под революцией мы понимаем не хаос гражданской войны, а полный развал старого социального строя или полную перестройку внутренней структуры общества и его внешней политики.

женцев, и вражда и борьба между ними порождают войны и бедствия революции.

Для нас победа революции — это победа новой и прогрессивной идеи, это победа священного дела свободы отдельного человека и всего народа. Но эта победа не стала полной, ибо две идеи до сих пор еще скрыто враждуют между собой и новый дух еще не уничтожил полностью дух мрака.

Современное американское поколение несет в своей крови привычки и тенденции прошлого поколения. На его челе заметны если не подавленность раба, то еще свежие рубцы прошлого рабства.

Освободилось его тело, но не его разум.

Можно было бы сказать, что революционная Америка, уже освободившаяся от когтей испанского льва, еще находится под влиянием его чар и могущества.

Независимая Америка еще несет на себе признаки подчинения — остатки имперской одежды той нации, которая была ее госпожой, и украшает себя ее ливреей, изъеденной молью.

Это чудовищно! Девственница, полная жизни и силы, покрыта жалкими лохмотьями; демократия, украшенная геральдическими знаками монархии и напудренным париком аристократии; новый век, втиснутый в оболочку старого; юноша, идущий дряхлым шагом старика; труп и живой человек, покрытые одним и тем же саваном. Революционная Америка, до сих пор завернутая в пеленки той, которая была ее мачехой!

В основном два роковых наследия Испании — ее обычаи и ее законодательство — отрицательно влияют на прогрессивное движение американской революции.

Для создания нового политического режима требуются новые элементы.

Обычаи общества, основанного на классовом неравенстве, никогда не смогут побрататься с принципами демократического равенства.

Испания оставила нам в наследство *рутину*, а рутина в моральном плане есть не что иное, как отказ от права исследования и выбора, т. е. самоубийство разума. В практическом плане это значит следовать по проторенной дорожке, не вводить ничего нового, всегда создавать вещи

по одному и тому же образцу и подгонять под единую мерку; но демократия требует действий, нововведений, постоянного применения всех способностей человека, ибо движение есть сущность его жизни.

Испания воспитала нас в духе слепого уважения к традициям и непогрешимому авторитету определенных доктрин; а современная философия провозглашает принцип независимости разума и не признает никакого другого авторитета, кроме того, который она одобряет, никакого иного критерия, чтобы судить о каких-либо принципах и доктринах, кроме всеобщего одобрения человечества.

Испания прививала нам уважение и учтивость к мнениям убеленных сединами, но седины могут быть признаком старости, а не ума и рассудка.

Испания учила нас быть покорными и суеверными, демократия же хочет, чтобы мы повиновались закону, были религиозными и обладали чувством гражданственности.

Испания воспитывала в нас вассалов и колонов, а родина требует, чтобы мы были просвещенными в соответствии с достоинством свободного человека.

Испания делила общество на сословия, иерархии, по профессиям и ремеслам и создавала законы для духовенства, дворянства, третьего сословия и безымянной толпы. Но демократия, устраняя все сословные преграды, говорит нам, что нет другой иерархии, кроме той, которую устанавливает закон управления обществом; что должностное лицо вне учреждения, где оно выполняет свои функции, ничем не отличается от остальных граждан; что священник, военный, адвокат, коммерсант, ремесленник, богатый и бедный — все одинаковы; что последний из плебеев является человеком, равным в правах остальным, и на его челе запечатлено достоинство его природы; что только честность, талант, гений порождают превосходство; что тот, кто занимается даже незначительным, но полезным делом, если он обладает способностями и добродетелью, стоит не ниже священника, адвоката и всех тех, кто применяет свои способности в любой другой профессии; что не существует профессий более и менее благородных, ибо благородство состоит не в том, чтобы носить рясу, и не в том, чтобы иметь титул, а в деятельности; и что вообще в демократическом обществе заслуживают уважения

лишь достойные, мудрые и добродетельные люди — те, кто содействует своими природными данными благополучию и процветанию родины.

Чтобы уничтожить в себе вредные всходы, взошедшие в период испанского владычества, и полностью освободиться от устаревших традиций, необходимо радикально изменить наши привычки: это и явится делом воспитания и новых законов.

Полуварварское законодательство, созданное в мрачные времена капризом или волей одного человека с целью защищать интересы и укреплять господство определенных классов; законодательство, созданное не для удовлетворения потребностей нашего общества, а для укрепления тирании метрополии; законодательство, предназначенное колонам и вассалам, а не гражданам; законодательство, которое увековечивает социальные раздоры и различия, являясь причиной разорения как отдельных лиц, так и целого государства, открывает широкий простор бесчестью и злоупотреблениям, мудрствованию темной и сомнительной юриспруденции, полной схоластического крючкотворства. Короче говоря, законодательство, которое не имеет никаких корней в сознании нации и подрывает принцип равенства и демократической свободы, никогда не подойдет для независимой Америки.

Наше законодательство должно стать частью сознания и обычаев нашей нации.

Воспитывая народ, направляя его по правильному пути, можно будет подготовить основы законодательства, соответствующие состоянию нашего общества и нашим потребностям.

Законодательный процесс происходит медленно, ибо обычаи не изменяются сразу, мгновенно.

На улучшение обычаев особенно большое влияние оказывают законы. При плохих законах обычаи портятся, при хороших улучшаются.

Пороки народа почти всегда коренятся в его законодательстве. Опыт Америки это подтверждает. Американские обычаи — детище испанских законов.

Наши позитивные законы должны быть согласованы с принципами естественного права. Jus privatum latet sub tutela iuris publici [Частное право находится под защитой

публичного права]*, ибо, подобно тому как разум является основой всякого права, так и естественный закон является первоначальным правилом и источником всех других законов.

Наши законы должны быть всеобщими, иначе говоря, одинаково обязательными для всех; сила закона именно в том и состоит, что он распространяется на всех.

Они определят каждому гражданину пределы его соответствующих прав и обязанностей и укажут ему, что́ является полезным и что́ вредным для его личных интересов, а также и для интересов всего общества.

Если закон должен быть единым для всех, то никакой гражданский, военный или религиозный класс не будет иметь особых законов, а будет подчинен общему закону **.

На осуществление этих принципов должны быть направлены все устремления наших законодателей.

Полный свод американских законов, разработанный в связи с постепенным развитием демократии, стал бы прочной основой величественного здания эмансипации американского духа.

IX

11. Эмансипация американского духа

Великая идея революции не осуществилась. Мы независимы, но не свободны. Испания больше не угнетает нас, но ее традиции тяготеют над нами. Из недр анархии родилась контрреволюция.

Идея застоя, испанская идея, выйдя из своего мрачного убежища, вновь торжествующе поднимает свою тупую голову и изрыгает проклятия против духа преобразования и прогресса.

Но ее победа будет недолговечной. Бог пожелал (и история человечества подтверждает), чтобы идеи и дела,

---

* Бэкон.

** Подвергнув острой, истинно философской критике испанские законы, действующие у нас и открыто противоречащие принципам равенства и демократической свободы, Ассоциация молодого аргентинского поколения воздерживается от того, чтобы дать полную классификацию этих законов. Характер этого произведения не позволяет нам вдаваться в подробности.

которые изжили себя, исчезали с мировой арены и навсегда погружались в бездну прошлого, как исчезают одно за другим и поколения. Бог пожелал, чтобы сегодняшний день не был похож на вчерашний, чтобы нынешний век не был монотонным повторением предыдущего, чтобы то, что уже было, не возродилось и чтобы как в моральном, так и в физическом мире, как в жизни человека, так и в жизни народа все развивалось и прогрессировало, находилось в состоянии неустанной деятельности и непрерывного движения.

Контрреволюция — это не что иное, как медленная агония дряхлеющего, уходящего века, ретроградных традиций старого режима, исторически уже отживших идей. Кто сможет, нарушая законы бога, возродить этот поднимающийся в своем бреду призрак, уже завернутый в могильный саван? Не в этом ли состоят бесплодные усилия некоторых ослепленных умов? Химера!

Революция глухо рокочет в недрах нашего общества. Чтобы поднять голову, она лишь ждет нового появления светила, обновляющего жизнь страны. Она оттачивает во мраке свое оружие и заостряет свои огненные языки в тюрьмах, где ее подавляют и вставляют ей кляп; она воспламеняет сердца всех патриотов; она в тишине вынашивает свои преобразующие планы и приобретает на досуге бóльший ум и бóльшую мощь.

Революция приближается, но она в кандалах. Молодому поколению выпала участь разбить их и завоевать славу зачинателей в великом деле освобождения американского духа; это освобождение имеет две задачи: *эмансипация политическая и эмансипация социальная.*

Первая задача решена, вторую необходимо решить.

Свобода родины связана с ее социальной эмансипацией.

Социальной эмансипации Америки можно достигнуть, только отвергнув то наследство, которое оставила нам Испания, и сосредоточив всю силу наших способностей на создании американского социального облика.

Социальный облик народа состоит из всех элементов цивилизации: политического, философского, религиозного, научного, художественного и промышленного.

Американская политика будет стремиться организовать

демократию, или, иными словами, равенство и свободу, обеспечивая посредством соответствующих законов всем членам ассоциации и каждому отдельному ее члену наиболее широкое и свободное применение его естественных способностей. Она признáет принцип независимости и суверенности каждого народа, начертав золотыми буквами на крутых гребнях Анд под сенью всех американских знамен божественный девиз: *национальность священна.* Она установит правила, которыми должны будут руководствоваться американцы в отношениях между собой и с другими народами мира.

Философия признает индивидуальный разум единственным судьей того, что касается личности, а коллективный разум, или consensus [согласие],— суверенным судьей всего того, что касается общества.

Философия будет стремиться установить в обществе союз индивидуального и коллективного разума, гражданина и родины.

Философия освещает веру, объясняет религию и подчиняет ее также закону прогресса *.

Философия ищет в неживой природе закон ее собственного развития, в животном мире — закон развития жизни во всех существах, в истории — нить прогрессивных традиций каждого народа и всего человечества и, следовательно, проявление предначертаний провидения. В искусстве философия ищет индивидуальную и социальную мысль, там она их сопоставляет и объясняет, или, выражаясь метафизическими понятиями, она ищет гармонического выражения конечной и преходящей жизни и жизни абсолютной, бесконечной и общечеловеческой.

---

* Философия уже предчувствует и возвещает рождение рациональной религии будущего, более широкой, чем христианство, которая послужит основой для развития человеческого духа и для реорганизации европейских обществ, такой религии, которая полностью удовлетворит современные нужды человечества. Кто будет проповедником этой религии? Само человечество. Эта идея, составляющая основной принцип доктрины Леру[4] и его школы, еще не вышла из области умозрительных построений, и мы ограничиваемся лишь упоминанием о ней, ибо еще не время обсуждать вопросы, которые она содержит. Мы полностью верим в христианство; кроме того, мы принимаем его как религию народа, мы даже хотим видеть его господствующим во всей его чистоте и во всем его величии.

Философия подчиняет рациональным законам производство и материальную деятельность человека.

В итоге философия является наукой о жизни во всевозможных ее проявлениях: от минерала до растения, от растения до инфузорий, от насекомых до человека, от человека до бога.

Философия — это око разума, рассматривающее и интерпретирующее непреложные законы, управляющие физическим и моральным миром, иначе говоря, вселенной.

Религия — это моральная основа, на которой покоится общество, божественный бальзам сердца, чистый источник наших грядущих надежд и таинственная лестница, по которой поднимаются к небу наши земные мысли.

Наука учит человека познавать самого себя, проникать в тайны природы, поднимать свои мысли до создателя и находить средства для улучшения и совершенствования как общества, так и личности.

Искусство в своем божественном вдохновении охватывает все моральные и эмоциональные стороны человечества: доброе, честное, истинное, прекрасное, возвышенное, божественное; личность и общество; конечное и бесконечное; любовь, предчувствие, видения души и самые смутные и таинственные догадки, возникающие в сознании. Все это оно постигает и охватывает своим пророческим духом, все оно рассматривает сквозь сверкающую призму своего воображения, все оживляет огненным дыханием своего созидающего слова, украшает великолепными красками своей палитры и превращает в невыразимую и возвышенную гармонию. Искусство воспевает героизм и свободу и прославляет великие деяния, внешние и внутренние проявления жизни нации.

Промышленность дает в руки человеку средства для покорения сил природы, для создания своего благосостояния и установления господства над вселенной.

Политика, философия, наука, религия, искусство, промышленность — все должно быть направлено на создание демократии, все должно оказывать ей свою поддержку и активно содействовать ее укреплению и упрочению.

В естественном, гармоническом и полном развитии всех этих элементов состоит проблема эмансипации американского духа.

X

12. Организация страны на демократической основе

Равенство и свобода — две главные оси или, лучше сказать, две стороны демократии.

Демократия исходит из необходимости равенства классов и твердой поступью идет к завоеванию царства более широкой свободы — свободы личной, гражданской и политической.

Демократия не форма правления, а самая сущность всех республиканских правлений, созданных всеми для блага общества, или ассоциации.

Демократия — это режим, основанный на свободе и равенстве классов.

Все современные политические объединения стремятся установить равенство классов; рассматривая прогрессивное движение европейских и американских наций, можно утверждать, «что постепенное развитие равенства классов является законом провидения, так как оно обладает его основными чертами: это развитие всеобщее, длительное, оно изо дня в день выходит из-под власти человека, и все события и люди, не сознавая этого, содействуют его распространению и упрочению» *.

Демократия — это правление большинства или согласие коллективного разума, которое действует на основе закона и служит для суверенного решения всего того, что представляет интерес для общества.

Это единое и всеобщее согласие составляет суверенитет народа.

Суверенитет народа не ограничен во всем, что касается общества в целом: в политике, философии, религии; но народ не суверенен в том, что касается отдельной личности — ее совести, ее собственности, ее жизни и свободы.

Ассоциация была создана в целях общего блага; она является основой всех личных интересов или живым символом силы и ума каждого отдельного ее члена.

---

* Токвиль.

Цель ассоциации — создать демократическое правление и обеспечить всем и каждому из ее членов наиболее широкое и свободное удовлетворение их естественных прав, наиболее широкое и свободное применение их способностей.

Следовательно, суверенный народ, или большинство, не может нарушать эти индивидуальные права и ограничивать применение тех способностей, которые являются одновременно источником, связью, условием и целью ассоциации.

Как только нарушаются эти права, договор теряет свою силу, ассоциация распадется и каждый будет поступать так, как ему заблагорассудится, и будет основывать свое право на своей силе.

Отсюда следует, что границами коллективного разума является право, а границами индивидуального разума — суверенность разума народа.

Право человека предшествует праву ассоциации, личность по закону божественному и человеческому является исключительным хозяином своей жизни, своей собственности, своей совести и своей свободы. Жизнь человека — это дар божий, его собственность — продукт его труда, его совесть — око его души и внутренний судья его поступков, его свобода — необходимое условие для развития его способностей, которые бог дал ему для того, чтобы он жил счастливо, свобода — это сущность его жизни, ибо жизнь без свободы — это смерть.

Право ассоциации, таким образом, включено в область индивидуальных прав. Суверенный народ, или большинство, диктует основные социальные и позитивные законы с целью укрепить и санкционировать первичный, т. е. естественный, закон индивида. Таким образом, человек, вступив в общественные отношения, не только не утратил какой-то части своей свободы и прав, но, наоборот, объединившись с другими, он создал ассоциацию с целью обеспечить и расширить свои права и свободу.

Если позитивный закон народа соответствует естественному закону, это закон действительный и все должны ему подчиняться, в противном случае они будут наказаны как его нарушители; если же позитивный закон

нарушает закон естественный, то он является не действительным, а тираническим, и никто не обязан ему подчиняться.

Право личности сопротивляться тираническим решениям суверенного народа, или большинства, является, следовательно, законным, как и право противопоставлять силе силу и уничтожать вора или убийцу, который будет покушаться на нашу собственность или жизнь, ибо это право рождается из самих условий общественного договора.

Суверенитет народа неограничен по сравнению с гражданскими правами человека.— Принцип первый.

Суверенитет народа абсолютен, если он основан на разуме. — Принцип второй.

Суверенен только коллективный разум, коллективная воля несуверенна. Она слепа, капризна, неразумна; воля жаждет, разум исследует, взвешивает и принимает решения.

Из этого следует, что суверенитет народа может основываться только на *разуме народа,* что он призван управлять разумной частью социальной общности.

Невежественная часть общества остается под опекой и защитой закона, диктуемого единогласием разумного народа.

Итак, демократия не является абсолютным деспотизмом ни масс, ни большинства: это режим, основанный на разуме.

Суверенитет — это наиболее великий и торжественный акт разума свободного народа. Разве могут способствовать этому акту те, кто не понимает его значения? Те, кто из-за своей ограниченности не способен отличить хорошее от плохого в сфере общественных дел? Те, у кого из-за их невежества отсутствует понимание целесообразного, кто лишен собственного мнения и, следовательно, склонен поддаваться влиянию злонамеренных людей? Кто ради своего неразумного желания мог бы подвергать опасности свободу родины и само существование общества? Как может, спрашиваю я, видеть слепой, ходить калека, произносить слова немой, т. е. как может содействовать суверенным актам тот, кто не имеет для этого ни способностей, ни независимости?

Другим условием для осуществления суверенитета является полезная деятельность. Бездельник, бродяга, человек без определенных занятий, также не может быть полноправным гражданином, потому что, не будучи связан с обществом каким-либо интересом, он легко отдаст свой голос за золото или под угрозами.

Тот, чье благополучие зависит от воли другого и кто не пользуется личной независимостью, в меньшей степени сможет пользоваться и суверенитетом, так как он с трудом пожертвует своим корыстным интересом ради независимости своего разума.

Следовательно, необходима опека над человеком невежественным, бродягой, теми, кто не пользуется личной независимостью. Закон не запрещает им использовать суверенные права в своих интересах, пока они находятся в меньшинстве; он не лишает их этих прав, а лишь ставит одно условие для пользования ими: эти люди должны стать свободными.

Но не всегда народ, массы располагают средствами для достижения своего освобождения. Общество или *правительство,* его представляющее, обязано сделать эти средства доступными для них.

Такое правительство будет содействовать развитию промышленности, оно упразднит ограничительные законы, задерживающие ее развитие, не будет обременять ее налогами и предоставит ей возможность свободной и плодотворной деятельности.

Оно осветит все области общественной жизни и протянет свою благодетельную руку бедным и обездоленным. Оно будет стремиться поднять класс пролетариев до уровня других классов, освобождая сначала его тело, с тем чтобы впоследствии освободить его разум.

Чтобы освободить невежественные массы и открыть им дорогу к суверенитету, надо их воспитывать. Массы обладают лишь инстинктами: они больше чувствуют, чем размышляют, они хотят добра и не знают, где оно находится, желают быть свободными и не знают дороги к свободе.

Воспитание масс должно быть систематическим.

Религия, воспитывая их морально, взрастит в их сердцах семена добрых нравов.

Начальное образование даст им возможность приобрести больше знаний и постигнуть в дальнейшем права и обязанности, которые на них налагает гражданство *.

Хотя невежественные массы и лишены временно прав осуществлять суверенитет, или политическую свободу, тем не менее они в полной мере пользуются личной свободой: их естественные права неприкосновенны так же, как права всех членов общества; гражданская свобода защищает их так же, как и остальных; те же самые гражданские, уголовные и конституционные законы, принятые народом, защищают их жизнь, их собственность, их совесть и свободу, привлекают их к ответственности, когда они совершают преступления, осуждают их или оправдывают.

Невежественные массы не могут участвовать в принятии закона, формулирующего права и обязанности членов общества, пока они остаются под опекой и в меньшинстве. Хотя этот закон дает им средства освобождения, тем не менее он держит их еще под опекой и защитой.

Демократия ведет к уравниванию условий, к равенству классов.

Равенство классов включает личную свободу, свободу гражданскую и свободу политическую. Когда все члены ассоциации будут абсолютно и полно обладать этими свободами и сообща осуществлять суверенитет, тогда демократия окончательно установится на незыблемой основе равенства классов.— Принцип третий.

Мы раскрыли сущность демократии и очертили границы суверенитета народа. Рассмотрим, как действует народ или, иными словами, в какой форме выражаются его решения, т. е. как он осуществляет демократическое правление.

Народ делегирует своих полномочных представителей для выработки закона, оставляя за собой право санкционировать его.

Полномочные представители выражают интересы и разум народа.

---

* Ассоциация своевременно представит полный план народного образования и предложит соответствующие меры для его осуществления.

Законодатель пользуется временным и ограниченным суверенитетом; его норма — разум.

Законодатель издает основной закон и формулирует в нем права и обязанности гражданина и условия общественного договора.

Он разделяет социальную власть на три большие области, которые вместе представляют собой символическое единство демократического суверенитета, и определяет их границы и сферу деятельности.

Законодательная власть представляет разум народа, судебная — его справедливость, а исполнительная — его действия или волю; первая принимает и издает закон, вторая им руководствуется, а третья проводит его в жизнь. Законодательная власть принимает законы, устанавливает налоги и является непосредственным органом, выражающим желания и потребности народа; судебная власть является орудием социальной справедливости, выраженной в законах, а исполнительная власть — администратором и непогрешимым управляющим социальными интересами.

Правда, эти три власти самостоятельны, но вместе с тем, не изолируя себя и не обрекая на бездеятельность, не создавая взаимных препятствий для поддержания некоего химерического равновесия, они пойдут различными путями, но в согласии друг с другом к единой цели — социальному прогрессу. Их сила будет результатом объединения трех сил, их воли соединятся в единой воле. И, так же как разум, чувство и воля составляют моральное единство личности, эти три власти образуют развивающееся демократическое единство, или подлинный орган суверенитета, предназначенный для окончательного решения всех дел, касающихся ассоциации.

Условия общественного договора написаны, краеугольный камень общественного здания заложен, правительство создано и воодушевлено идеей основного закона. Законодатель представляет этот закон народу, и народ его утверждает, если он является живым символом его разума.

Задача законодателя исчерпана.

Если основной закон не является выражением общественного разума, провозглашенным законными предста-

вителями народа, если они не отразили в этом законе интересы и мнения уполномочивших их, если они не стремились выразить их мысли, другими словами, если законодатели, игнорируя свою миссию и жизненные потребности народа, который они представляют, стали, как жалкие плагиаторы, списывать тут и там отдельные главы конституций других стран, вместо того чтобы создать свою конституцию, которая имела бы жизненные корни в народном сознании, то их труд будет уродливым недоноском, безжизненным телом, эфемерным, недейственным законом и общественное мнение никогда не сможет его санкционировать.

В таком случае законодатель не оправдал надежды тех, кто ему доверил; он глупец.

Но если, наоборот, деятельность законодателя полностью удовлетворяет общественный разум, то его труд велик, благороден и подобен божественным творениям.

В таком случае ни народ, ни законодатель, ни какая-либо социальная власть не смогут поднять свою кощунственную руку на эту святыню, где божественными буквами начертан высший и неприкосновенный закон, закон законов, который все и каждый признали, провозгласили и перед богом и людьми поклялись его уважать.

Суверенитет, так сказать, воплощен в этом законе: в нем разум и согласие народа, в нем порядок, справедливость и свобода, в нем защита демократии.

Этот закон со временем может быть пересмотрен собранием представителей, избранных народом для этой цели, улучшен и приведен в соответствие с прогрессом общественного разума, но пока не наступит время, указанное в самом этом законе, его власть всемогуща, его воля господствует, его дух возвышается над всеми доводами.

Никакое большинство, никакая партия, никакая ассамблея не могут посягнуть на него, не превратившись в узурпатора и тирана.

Этот закон служит пробным камнем для всех других законов: его свет их освещает и все мысли и дела социального организма и учрежденной этим законом власти проистекают от него и соответствуют его духу Он та сила, которая дает движение, и вокруг него вра-

щаются, как светила вокруг солнца, все силы, составляющие мир демократии.

Учредив таким образом демократию, суверенитет народа исходит из этого пункта и начинает свою постоянную неограниченную деятельность, не выходя за пределы того, что предписывает ей основной закон; его право не может идти дальше этого.

В лице своих представителей он создает и упраздняет законы, каждый день вносит новое, всюду проявляет свою деятельность и везде вызывает непрерывное движение, прогрессивное изменение социального механизма.

Каждый акт проявления его воли — это новое творение, каждое решение его разума — прогресс.

Политику, религию, философию, искусство, промышленность — все он рассматривает, анализирует, подчиняет своему желанию, утверждает; глас народа — глас божий.

Из сказанного следует вывод, что если народ лишен знаний и нравственности, если зачатки конституции, так сказать, не рассеяны в его обычаях, чувствах, воспоминаниях, традициях, то задача организовать его неосуществима; что законодатель призван не создавать основной закон или приспосабливать к своей стране законы других стран, а познавать побуждения, потребности, интересы — все, что составляет интеллектуальную, моральную и физическую жизнь того народа, который он представляет, провозглашать их и выражать в виде закона. И только те могут и должны быть законодателями, кто соединяет в себе наибольшие способности, испытанную добродетель и самые полные знания данной нации, ее духа и ее требований.

Отсюда также вытекает, что если законодатель сознает свой долг, то прежде, чем исследовать, какую форму правления следовало бы предпочесть, он должен установить, в состоянии ли народ быть управляемым конституцией, и если да, то предложить ему не лучшую и наиболее совершенную теорию, а ту, которая более всего подходит к условиям его жизни.

Солон говорил, что он дал афинянам не лучшие законы, а те, которые они были в состоянии принять.

Из этого вытекает, что если общественный разум еще не созрел, законодатель ничего не должен предприни-

мать, ибо он не в состоянии осознать ни значения своего высокого звания, ни важности той роли, какую он играет; он участвует в фарсе, которого сам не понимает, издавая и переписывая законы с такой же легкостью, с какой он писал бы бумаги в своей конторе и приводил бы в порядок свои личные дела.

В итоге мы приходим к выводу о необходимости подготовить законодателя, прежде чем поручать ему дело создания конституции.

Законодатель не может быть подготовлен к своей деятельности, если к ней не подготовлен народ. В состоянии ли законодатель творить добро, если народ не знает, в чем оно состоит, если он не чувствует преимуществ свободы, если предпочитает бездействие деятельности, свои привычки — нововведениям, то, что он знает и осязает,— тому, чего он не знает и что кажется ему чуждым?

Поэтому, чтобы подготовить народ и законодателя, необходимо *прежде всего создать условия для разработки закона,* т. е. распространить те идеи, которые должны усвоить законодатели и которые должны воплотиться в законах, популяризировать их, сделать достоянием общественного мнения.

Одним словом, необходимо просветить разум *народа* и *законодателя* в политических вопросах, прежде чем приступать к *созданию нации.*

Только при этом условии мы достигнем того, чего мы все так настойчиво желаем: появления *будущего законодателя,* или национального правительства, способного понять недуги, которыми страдает общество, и излечить их, удовлетворить его желания и заложить основы вечного и нерушимого общественного порядка.

До тех пор пока общественный дух не достигнет необходимой зрелости, *конституции* будут лишь способствовать анархии и развивать в сознании людей презрение ко всякому закону, ко всякому правосудию и к самым священным принципам.

Демократия, *будучи самоуправлением народа,* требует постоянного осуществления всех способностей человека и не может укрепляться иначе как с помощью просвещения и нравственности.

Исходя из принципа равенства классов, демократия стремится укорениться в идеях, привычках и чувствах народа, разрабатывает свои законы и создает свои учреждения с целью распространения и упрочения своего господства.

Все усилия наших правителей и законодателей должны быть направлены на осуществление идей демократии.

Ассоциация молодого аргентинского поколения считает, что в нашем обществе демократия существует в зародыше. Задача ассоциации — проповедовать демократию, распространять ее дух и посвятить свою деятельность тому, чтобы она когда-либо воплотилась в республике.

Ассоциация знает, сколько препятствий будут чинить ей определенные аристократические пережитки, ретроградные традиции, законы, отсутствие знаний и нравственности.

Ассоциация понимает, что создать демократию за один день невозможно, что конституции не импровизируются, что свобода основывается только на знаниях и обычаях, что общество не сразу просвещается и становится нравственным, что разум народа, стремящегося быть свободным, созревает только с течением времени; но, веря в будущее и полагая, что высокие цели революции были направлены не только на свержение старого социального порядка, но также и на построение другого, нового, она будет трудиться в полную меру своих способностей, дабы будущие поколения, получив плоды ее труда, имели в своих руках гораздо больше средств, чем мы, для создания и организации аргентинского общества на незыблемой основе равенства и демократической свободы.

XI

13. Согласование принципов

Одним из многих препятствий, которые стоят сегодня и еще долго будут стоять на пути реорганизации нашего общества, является анархия, царящая во всех сердцах и умах, а также отсутствие общей веры и способностей формировать, укреплять общественный дух и придать

ему неодолимую силу. У нас нет никакой прочной основы, на которую мог бы опереться разум каждого отдельного человека, никакой нормы, никакой доктрины, никакого жизненного принципа, который привлекал бы, объединял и воодушевлял разобщенных членов социального организма; нет никакого бальзама, который успокаивал бы страдающие сердца, никакого лекарства против душевного волнения и беспокойства, никакого света, который вывел бы сыновей родины из той ужасной бездны, куда их бросили необузданность страстей и злоупотребления тирании.

Каждый человек, замкнутый в своем эгоизме, смотрит с глупой улыбкой, как колесница торжествующего деспотизма топчет славу и завоевания его родины, попирает законы и права нации, мчится по трупам и крови его братьев. Каждый молча слушает возгласы и приветствия толпы, покорно идущей по следам этой колесницы и восхваляющей могущество и подвиги деспотизма.

Что порождает этот маразм общественного духа? В чем причина атрофии стольких благородных сердец? Как объяснить это моральное явление, которое всегда бывает во время великих социальных кризисов, после бедствий, потрясений и безумств гражданской войны? Дело в том, что любое потрясение изнуряет, что после лихорадки и бреда наступает внезапный упадок сил и в безумии политических страстей народы, как и отдельные люди, теряют былую силу свою и мужество, целомудрие своего сердца, огонь и энергию своего здорового отрочества. Дело в том, что разочарования погасили надежды, интенсивная деятельность и продолжительная борьба за укрепление свободы оказались бесплодными и неэффективными, принципы и доктрины не дали никаких результатов и вера всех людей, всех партий, всех патриотов постепенно исчезла; свое бессилие они стали скрывать в пустынном убежище скептицизма и сомнения, увидев, как анархия и деспотизм ожесточенно дерутся между собою за сокровище, добытое стойкостью и героизмом людей.

К счастью, народы не подчинены тому закону фатального уничтожения, который постепенно гасит жизнь и надежды отдельного человека. Личность исчезнет, но

останутся ее дела. Каждое поколение, рожденное из недр небытия, вливает новую кровь и новую жизнь в социальный организм. Можно сказать, что плоть человека есть плоть земли, но дух его есть дух человечества. Каждое поколение наследует жизненный дух поколения, сошедшего в могилу. С каждым поколением расцветает дерево надежды — надежды на прогрессивное будущее народов и человечества.

Эта способность вечной связи человека с человеком, поколения с поколением, постоянное воплощение духа одного поколения в другом есть то, что составляет жизнь и сущность общества. Общество не является простым скоплением людей, оно составляет однородный организм, своеобразная жизнь которого обусловлена связью людей между собой и одного поколения с другим.

Новое поколение еще не истощено: оно только начинает жить и несет в себе всю энергию, все желания и все надежды отрока; но оно страдает от той же боли, что и старшие поколения, и окружено той же мрачной атмосферой; в его сердце царит анархия, его ум полон хаоса и борьбы противоречий.

Что еще могло оно унаследовать? Рожденное в бурю, выросшее в непогоду, оно не видело в окружающем мраке тот факел, который указал бы ему путь к покою и спасению. Его дух должен был испытать сильные потрясения и искать там, где он мог найти, необходимые средства для своей деятельности.

У старшего поколения не было ни родины, ни свободы. Что такое жизнь без родины и свободы? — вынуждено было спросить оно самого себя. Его действиям недоставало стимула, его вере — символа, его надеждам — цели, его уму — опоры. Поэтому их мысли заколебались, пришли в столкновение друг с другом и потекли в противоположном направлении, находясь на грани спекуляций и сомнения, неуверенности и истины.

Чтобы выйти из этого *хаоса,* мы нуждаемся в свете, который озарял бы нам путь, в веровании, которое бы нас воодушевляло, в религии, которая бы нас утешала, в моральной опоре, в общем *критерии* достоверности, который служил бы основой деятельности всех умов и преобразования родины и общества.

Таким краеугольным камнем, такой исходной точкой являются наши принципы.

Политика, наука, религия, искусство, промышленность — все в зародыше существует в нашем обществе, но в виде первозданного хаоса. В них, если хотите, есть много идей, но нет системы политических, философских, эстетических учений, нет истинной науки, ибо наука состоит не в накоплении множества идей, а в том, чтобы эти идеи были идеями здравыми и систематизированными и представляли, так сказать, религиозную догму для того, кто их разделяет.

По той же причине наша интеллектуальная культура нуждается в гармоническом развитии, равномерном движении, в особой разработке, цель которой — распространять здоровые принципы, добиться единообразия верований, ликвидировать анархию духа, обеспечить простор для распространения прогрессивных учений, успокоить тревоги и волнения и удовлетворить наиболее жизненные потребности нашего общества.

Согласование принципов создает единство и братство всех членов аргентинской семьи и сосредоточивает их усилия на единственной цели — свободе и возвышении родины.

XII

14. Слияние всех прогрессивных учений в одном центре

Мы не претендуем на решение вопроса о том, что хорошо и что плохо, или на составление амальгамы из разнородных элементов. Наша философия — это не философия бессилия.

Мы хотим создать систему общих убеждений и лучезарных принципов, которые служили бы нам компасом в том деле, которое мы начинаем.

Девиз нашей философии — *безграничный прогресс.*

Символы нашей веры — *свобода, равенство, братство, ассоциация.*

Мы идем к *демократии.* Организовать общество таким образом, чтобы посредством прогресса достигнуть равенства и свободы,— вот наша основная идея.

Наша исходная точка и наша цель — демократия.

Политика, философия, религия, искусство, наука, промышленность — вся умственная и материальная деятельность людей должна быть направлена на создание царства демократии.

Мы не хотим политики, преследующей другие цели.

Мы отвергаем философию, не содействующую развитию демократии.

Религия, которая ее не поддерживает и не проповедует, не наша религия.

Бесплодно искусство, если оно не пронизано духом демократии и не отражает жизни личности и общества.

Нам не нужна наука, которая не освещает демократии путь.

Мы отвергаем промышленность, если она не стремится освободить массы и сделать их равными, а сосредоточивает богатства в руках немногих.

Чтобы достигнуть полного осуществления равенства классов и освобождения масс, необходимо, «чтобы все социальные учреждения имели своей целью интеллектуальный, материальный и моральный прогресс наиболее многочисленного и бедного класса».

«Общество или власть, которая его представляет, должна предоставить всем своим членам возможность получить образование; она несет ответственность за прогресс общественного разума» *.

Цель политики — создать ассоциацию на основе демократии.

Для достижения этой цели необходимо прежде всего создать условия для разработки закона или, другими словами, подготовить *народ и законодателя,* прежде чем созвать конгресс, который должен будет учредить демократию.

Личное право человека предшествует праву гражданскому.

Личное право человека так же законно, как право гражданское.

Союз и гармония гражданина и родины, личности и общества.

---

* Французский Конвент.

Суверенитет зиждется только на коллективном разуме народа. Всеобщее избирательное право есть нелепость.

Девиз французских ультрадемократов: все для народа и благодаря народу — не наш; наш девиз: *все для народа и благодаря разуму народа.*

Представительное правление является необходимым инструментом прогресса, понятной и неразрушимой формой демократии.

Нам нужны такая политика, религия, философия, наука, искусство и промышленность, которые приводят к единому моральному решению вопроса, которые распространяют и провозглашают истины, связанные между собой и имеющие целью установить гармонию между сердцами и умами или тесный союз всех членов аргентинской семьи.

Демократия — это то основное единство, которое мы ищем посредством объединения всех прогрессивных учений; она будет тем фокусом, в котором сойдутся все наши усилия и замыслы.

Прогрессивными для нас будут только те учения, которые, имея в виду будущее, стремятся стимулировать последовательное развитие равенства классов и которые всегда будут в авангарде поступательного движения человеческого духа.

Мы заимствуем знания у европейского разума, но на определенных условиях.

Стиль нашей интеллектуальной жизни будет одновременно и национальным, и общечеловеческим: мы всегда будем уделять внимание как прогрессу других наций, так и прогрессу нашего общества.

Наш труд будет двояким: мы будет изучать и применять наши знания к жизни, собирать семена и высевать их, познавать потребности нации и содействовать всеми нашими силами нормальному развитию ее жизни и ее светлому будущему.

Все, что означает прогресс, все, что является истинным в мыслях и учениях сторонников революции, мы одобрим и воспримем.

Слава нации и наших выдающихся революционеров — наше наследие, ибо она блестящий ореол нашей

родины; мы не окажемся неблагодарными или предателями.

Мы не стремимся освободиться от прогрессивных традиций революции; напротив, мы являемся их продолжателями, ибо такова задача, завещанная нам по наследству. Мы хотим быть достойными сыновьями наших героических отцов.

Идеи Майской революции — наши идеи; мы хотим их полностью претворить в жизнь, каков бы ни был результат наших усилий и надежд, какая бы судьба нас ни ожидала. Тирания, насилие и предубеждение тщетно будут вести против нас войну и пытаться чинить нам непреодолимые препятствия; ничто не сможет лишить нас силы духа: вера, которая нас воодушевляет, нерушима. Бог, родина, голос нашей совести и разума заставляют нас отдать свои силы святому делу равенства, демократической свободы и полного освобождения родной земли и, если нужно, пролить свою кровь за них.

Да пожертвуем оставшиеся годы нашей жизни на благо грядущих поколений. Если мы одержим победу, они благословят наши имена; если безвременно погибнем, они прольют слезы над нашими несбывшимися, но благородными намерениями и продолжат начатое нами дело, если они, как и мы, будут внимать голосу родины и повиноваться закону провидения.

Трудиться во имя прогресса и полного освобождения нашей родины — значит приступить к большому и величественному делу революции и соревноваться в доблести с теми, кто его начал.

XIII

15. Искренность симпатий, объединяющих нас с двумя великими силами, боровшимися за власть во время революции *

Последним результатом слияния учений, о котором идет речь в настоящем параграфе, является политическое и социальное слияние.

* Это «символическое слово» было десятым в первоначальном порядке размещения; но его объяснение, будучи по особым

Гармония в интересах, гармония в мыслях, гармония всюду, гармония между людьми, гармония в настоящем и прошлом нашей политической жизни.

Для этого необходимо всеобщее прощение всех прошлых заблуждений, необходим закон забвения, применяемый ко всем моментам, всем событиям, всем историческим чертам американской революции.

Майская революция раскололась при рождении и продолжает оставаться расколотой и теперь; как и французская революция, держа оружие в обеих руках, она одну из них простирала вперед для завоевания свободы, а другою не переставала разрывать на куски свое собственное чрево: двойная борьба анархии и независимости, славы и бесчестья, того, что делало страну одновременно счастливой и несчастной, что прославляло и в то же время позорило нашу революцию, наших людей и наши дела.

Современная анархия — детище анархии прошлого; ненависть, антипатии, которые мы от нее унаследовали, не наши, они чужды нам. Нужно прервать эту пагубную преемственность, которая увековечит нашу анархию. Да будет возведен тройной санитарный кордон между обоими поколениями, чтобы положить конец ненависти, раздиравшей их эпоху и эпоху, в которую мы росли. В историю необходимо внести мир, чтобы он существовал в настоящем, которое есть дитя прошедшего, и в будущем, которое есть дитя настоящего.

Различные группировки: моренистов, сааведристов, ривадавистов, росистов[5],— на наш взгляд, неразумны. Мы

причинам отложено в Буэнос-Айресе в 1837 г., было сочтено целесообразным довести до конца в Монтевидео, и оно было помещено в конец учения. Так как в его редакции делается ссылка на предыдущее, мы допустили такое перемещение, предполагая, что читатели заметят, что предшествующий параграф должен быть последним, потому что он суммирует все учение. Сеньор Альберди, редактор, опубликовал его со следующим замечанием:

«Считалось, что после опубликования этого учения не должна откладываться дальнейшая разработка этого символического слова. Необходимо было изменить стиль, чтобы быстро отредактировать то, что было спокойно продумано; поэтому в параграфе отсутствует единство стиля».

не признаем личных партий, мы не примыкаем без разбора ко всем людям, мы являемся сторонниками принципов. Мы не признаем дурного человека во главе принципов прогресса и свободы. Для нас революция едина и неделима. Тот, кто ей помогает, достоин славы; тот, кто ее запятнал, достоин презрения. Тем не менее мы забываем ошибки одних, чтобы думать только о славе других.

Все наши люди, все наши события имеют две фазы: славы и заката. Юность сталкивается лицом к лицу со славой своих отцов и закрывает глаза на их слабости.

Мы должны критически относиться к суждениям наших отцов о самих себе. Они были разобщены и в пылу борьбы часто смотрели друг на друга глазами ненависти и малевали друг друга черными красками. Если верить их словам, все они были кучкой мошенников. Если верить тому, что мы видим, они были поколением гигантов, ибо мы живем в мире, созданном их руками. Таковы факты, таковы результаты, такова история; на этом незыблемом фундаменте должны основываться любая известность, любой титул, любое историческое суждение. Мы не должны обращаться к сомнительным доказательствам и пристрастным односторонним характеристикам. Мы потомки наших отцов, нам надлежит судить об их жизни. Мы выскажем свое суждение на основе истинной истории и ее дел. Всякий раз, когда один из наших отцов поднимает свой голос, для того чтобы злословить о людях своей эпохи, мы должны заставить его замолчать. Они не являются компетентными судьями относительно друг друга.

Каждая книга, каждое воспоминание, каждая страница, вышедшие из-под их пера и повествующие о людях и фактах американской революции, должны быть нами прочитаны со всей тщательностью, если мы не хотим заплатить однажды черной неблагодарностью и забвением за славные горести целого поколения.

Все периоды революции, все люди, все партии, принявшие в ней участие, принесли и пользу, и вред делу американского прогресса. Мы прощаем им и, однако, не оправдываем все то зло, которое они совершили, мы при-

знаем и принимаем все хорошее. Никакой период, никакой человек, никакая партия не смогут обвинить нас в том, что мы отказали им в нашем справедливом признании.

Все аргентинцы одинаковы для нас, каковы бы ни были их происхождение, цвет кожи, положение, чин, возраст, профессия, класс. Мы признаем только одну-единственную силу — *родину*, один-единственный цвет — цвет *Мая*, одну-единственную эпоху — *тридцать лет республиканской революции*. С высоты этих выдающихся фактов мы не желаем знать, что такое *унитарии и федералисты*[6], *красные и голубые, плебеи и богатые, старые и молодые, жители Буэнос-Айреса и провинции, год 10-й и год 20-й, год 24-й и год 30-й*. Жалкие деления, исчезающие как дым перед тремя великими началами: *народом, знаменем* и *историей* аргентинцев. У нас нет иного критерия, чтобы оценить значение времен, людей и событий, кроме величия тех дел, которые они нам оставили. В этом, как и во всех остальных делах, у нас следующий принцип: каждой эпохе, каждому человеку, каждому событию — по их способностям, а каждой способности — по ее делам.

Мы видели борьбу двух принципов на протяжении всей эпохи революции, и до сих пор победа полностью не одержана. Это заставило нас поверить в то, что силы этих принципов равны и что их одновременное существование в аргентинском обществе является необходимым и неизбежным. Мы рассмотрели соответственно силу обоих принципов — принципов *унитариев* и *федералистов* — и пришли к следующим выводам.

Предпосылки для создания унитарного государства

Колониальные

Единство политическое, гражданское, юридическое, территориальное, финансовое, административное, религиозное. Единство языка. Единство происхождения. Единство обычаев.

Единство убеждений и республиканских принципов.

Единство представительных форм.

Единство самопожертвования в борьбе за освобождение.

Единство поведения и действий в этой борьбе.

Различные договоры о единстве, которые были прерваны, конгрессы, президентства, общие директории, которые с более или менее длительными перерывами можно было наблюдать в период революции.

Единство дипломатическое. Единство славы. Единство знамени. Единство оружия. Единство внешнего престижа.

Инстинктивное тактическое единство, которое бессознательно обнаруживается всякий раз, когда говорят: *аргентинская республика, аргентинская территория, аргентинская нация, аргентинская родина, аргентинский народ, аргентинская семья,* а не житель Сант-Яго, Кордовы, Буэнос-Айреса. Само слово «аргентинский» является предпосылкой для единства.

Предпосылки для создания федеративного государства

Различия, провинциальные разногласия, систематически насаждавшиеся колониальной тиранией и возрожденные республиканской демагогией.

Длительные периоды разобщенности и абсолютной независимости провинций друг от друга во время революции.

Особенности провинций, связанные с климатическими условиями и почвой, за которыми следуют другие особенности: в характере, в навыках, в произношении, различие в продуктах промышленности и сельского хозяйства.

Огромные расстояния, отделяющие одни провинции от других.

Отсутствие каналов, дорог, средств для организации регулярной системы связи и транспорта.

Многолетние муниципальные традиции.

Опыт, приобретенный провинциями в области законодательства и управления.

Фактическое подчинение местных властей соответствующим провинциям.

Частичный суверенитет, предоставленный Майской революцией каждой провинции и существующий до настоящего времени.

Невозможность отнять у провинций и их властей те стихийные завоевания, от которых, завладев ими однажды, они никогда не откажутся, т. е. от самоуправления — свободы.

Обидчивость и последствия провинциального самолюбия.

Вечная зависть преимуществам Центральной провинции.

Из всего этого мы должны сделать вывод о необходимости полного отказа не личного характера, а политического от всякой симпатии, которая могла бы связать нас исключительно с определенными тенденциями, вытекающими из какого-нибудь одного из принципов; очень далекие от того, чтобы способствовать развязыванию войны, провинции, утомленные борьбой, уже ищут некое гармоническое соединение, на котором бы покоились неизменными свобода каждой провинции и преимущества всей нации; такое решение оказывается неизбежным и единственным при подходе к двум большим сторонам аргентинской проблемы: нации и провинции — формулы, призванной сегодня управлять современной политикой и состоящей, как было уже сказано в другом месте, в согласовании частного с общим или, другими словами, *свободы* с *ассоциацией*.

Это решение является не только требованием современного положения в Аргентине, но также политической и парламентарной необходимостью, вытекающей из господствующих умонастроений, ибо нельзя лучше, чем в согласовании двух соперничающих принципов, прийти к законному и славному миру людям, расколотым на две партии — *унитариев* и *федералистов*.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ 1848

I

Во Франции только что завершилась невиданная в истории огромная по своему размаху революция. В течение трех дней под ударами национального восстания пала июльская династия. Под ее обломками были навсегда погребены последние остатки феодального монархического режима, гильотинированного в 93-м году. Ловкий основатель этой династии увидел, что словно по мановению волшебного жезла исчез результат его восемнадцатилетних усилий и на первый трон мира, который он намеревался оставить своей семье, твердо взошло новое величество, его величество народ, для того чтобы провозгласить республику. Солдаты побратались с этим народом. Почти не было пролито крови, и король баррикад, так легко забывший свое королевское происхождение и скрывшийся за границу, не оставил после себя во Франции ни чувства восхищения, ни симпатии.

Что означает все это? Какой имеет смысл? Произошло ли эфемерное событие, вызванное преходящими причинами, или одна из тех коренных революций, которые открывают новую эру в жизни человечества? Почему Европа волнуется, словно наэлектризованная, слыша крики республики, издаваемые мощным голосом французского народа? Почему Америка, поднявшись на снежные вершины Анд, затаив дыхание, довольная, слушает доносящийся из-за морей гул, похожий на то, словно половина человечества занята чудесным трудом просве-

щения и обновления? Это огромный вопрос, который мы должны решить! Это далеко еще не решенная проблема, которую европейская философия, озаренная провидением, изучит и поймет во всем ее объеме и глубине!

Что касается нас, американцев, то мы не можем и не желаем рассматривать это великое событие иначе как с американской точки зрения, т. е. в связи с тем влиянием, которое оно рано или поздно неизбежно окажет на общественную жизнь и исторические судьбы Южной Америки.

При современном состоянии христианских народов невозможно, чтобы какая-либо политическая или социальная революция, свершившаяся в любом крупном европейском обществе, в той или иной степени не затронула бы и не взволновала индивидуальную мысль и общественную жизнь других народов. Тем более если эту революцию осуществляет передовой по своим идеям и действиям народ, который в течение двух веков по праву шествует, как король, во главе человеческого прогресса, ибо ему даны голова и сердце: разум, чтобы познавать вещи, а практическое чувство — чтобы претворять в жизнь постигнутое разумом.

Несмотря на отдаленность Америки, невежество и отсталость, которые ей приписывают, несмотря на деспотизм реакционных правительств и препятствия, которые они чинят ей, чтобы помешать ее общению с Европой, Америка не сможет избежать ни проникновения идей, породивших республику во Франции, ни тех событий, которые возникнут в ней самой.

Народ, массы Америки до определенного времени останутся равнодушными к этому гигантскому, но далекому гулу борьбы за освобождение, на которую поднимаются европейские народы; но некоторые американские ученые и мыслители, знающие Европу, поймут источник этого движения, проследят его развитие, и рано или поздно идеи республиканской Франции овладеют умом этих людей, достаточно сильных для того, чтобы взволновать сердце народных масс и привести в движение американское общество. Так именно и случилось, когда Америка развернула свое знамя борьбы за независимость; то, что имело место во Франции во времена великих событий,

выступает на различных этапах Американской революции. Такова судьба человеческой мысли — передаваться от человека к человеку, от народа к народу, от поколения к поколению, чтобы затем внезапно и решительно проявиться в практической и общественной жизни. Так происходил процесс цивилизации человечества; в этом общении и в постоянной и последовательной передаче творений человеческого духа состоит единая и вечная жизнь человеческого рода, из этого возникает его прогресс и неограниченная возможность к совершенствованию.

Как бы то ни было, на положении различных южноамериканских государств и той форме правления или том деспотическом режиме, который там господствует, рано или поздно отразятся раскаты обновляющего движения, начатого Францией в Европе. Произойдет то же, что во времена испанского владычества, когда Америка, можно сказать герметически закупоренная и отрезанная от общения с остальным человечеством, смогла, несмотря на это, различить луч света европейской мысли и насытить свою кровь и свой мозг живительным воздухом революций Франции и Соединенных Штатов.

Если идеи республиканской Франции, распространяясь по свету, неизбежно должны будут проникнуть в Америку и оказать на нее свое благотворное или вредное воздействие, очень важно, чтобы Америка с ними познакомилась и оценила их, изучила их происхождение и их последствия и различила в них то, что имеет значение для прогрессивного движения французского и европейского общества, и то, что может оказать влияние на развитие американской революции и общественной жизни, ибо несомненно, что американское общество подчинено иным условиям жизни и прогресса, отличающимся от условий французского и вообще европейского общества.

Америка может заимствовать многое из республиканской Франции. Задача, которую она решила, интересы, которые она отстаивает, и права, которые она провозглашает, цели, к которым она стремится, являются общими и для других народов. Поэтому весь мир восторженно и единодушно приветствовал ее знамя как знамя всего человечества.

Но Америка должна также помнить, что слепой дух подражания и поклонения всему европейскому и фанатизм преувеличения не раз приводили американских законодателей и государственных деятелей к грубым заблуждениям и способствовали тому, что они начинали придерживаться доктрин и систем, противоречащих общественной жизни и потребностям этих народов. Именно эти приводящие к плохим последствиям ошибки людей, облеченных властью, способствовали дискредитации в народе наиболее здравых учений, наиболее полезных и либеральных учреждений. Поскольку эти ошибки преподносились в ослепляющей и покоряющей форме, они принесли народу не одно горькое разочарование, а также почти не оставили никакой надежды на улучшение условий его жизни.

С большой искренностью эти государственные деятели полагали, что они смогут внести в общественную жизнь своей страны идеи или заимствовать учреждения, возникшие в Европе в результате действительных ее потребностей и для поддержания в нормальном равновесии существующего в ней порядка вещей. История не одного американского государства доказывает, что этот путь несвоевременных и неудачных попыток приводил лишь к потрясениям в обществе и к оживлению реакции.

Эти государственные деятели не признавали закона времени и места в области общественного прогресса, они не понимали, что развитие, чтобы быть постоянным и плодотворным, должно быть нормальным, иначе говоря, подчиненным закону взаимосвязи и последовательности и что этот закон является результатом исторических традиций и воспитания общества. Они забывали, что Америка вчерашнего дня не могла идти в ногу с развитой Европой, не хотели видеть, что не все европейское, хотя и хорошее, может быть принято и осуществлено в ее обществе, где нет ни морального, ни политического образования, нет ни обычаев, ни традиций.

Поэтому сейчас, как и раньше, опасность состоит в том, что дух подражания или ультрареформистские тенденции могут овладеть умом общественных деятелей Америки и вызвать потрясение американского общества.

Америка уже знает по довольно горькому опыту, что ничто не причиняет такого вреда делу свободы и прогресса, ничто не приносит таких бедствий, как эти попытки неудачных реформ, эти преждевременные попытки создания учреждений, чуждых тому обществу, которое не созрело еще и недостаточно воспитано, чтобы понять их и принять.

Поэтому, чтобы прошлые ошибки не повторялись вновь, мы считаем полезным дать широкое, но точное в своей синтетической форме представление о Февральской революции во Франции и показать, насколько это движение связано с развитием революции в области идей и с развитием общественной жизни в Америке. Это и будет целью настоящей работы. Чтобы доказать исторический параллелизм, мы ограничимся лишь Аргентинской республикой, поскольку процесс американской революции и общественные условия различных американских государств одинаковы. Кроме того, в нашей стране в различные эпохи в более систематической и полной форме, чем в какой-либо другой стране Америки, появлялись те политические и социальные доктрины, которые последовательно господствовали во Франции начиная с революции 1789 г.

Мы надеемся оказать этим услугу не только нашей стране, но также и тем американским государствам, чья общественная жизнь имеет те же источники и, по-видимому, идет через те же препятствия к единой цели — прогрессу и совершенствованию.

Что касается нашего правила оценивать европейские события, а также метод и условия, при которых мы должны принимать, согласно нашему пониманию, европейские идеи и учреждения в Америке, то мы ограничимся лишь воспроизведением написанного в 37-м году[1].

«Мы обратимся к свету европейского ума, но при определенных условиях.

Стиль нашей интеллектуальной жизни будет одновременно национальным и общечеловеческим. Мы всегда будем уделять внимание как прогрессу других наций, так и прогрессу нашего общества.

Наш труд будет двояким: собирать семена и сеять их, познавать потребности страны и содействовать всеми

нашими силами нормальному развитию ее жизни и ее светлому будущему.

Для нас прогрессивными будут только те учения, которые, имея в виду будущее, стремятся дать толчок постепенному достижению равенства классов, или демократии».

II

Философский смысл Февральской революции во Франции

«Человеческий род проходит все стадии человеческого воспитания» (Лессинг).

«Videtur homo ad perfectionen venire posse» (Leibniz) [«Ясно, что человек способен достичь совершенства» (Лейбниц)].

«Человечество подобно человеку, который живет вечно и постоянно чему-то учится» (Паскаль).

Французская революция имеет свой философский смысл. Она представляет собой живое воплощение синтетической мысли, внесенной философией в недра французского общества и постепенно усвоенной им. Это происходит потому, что в крупных европейских обществах немыслима и неосуществима какая-либо социальная революция без того, чтобы человеческий разум заранее не подготовил бы ее элементы, и без того, чтобы в умах тех, кто ее начинает, не существовала бы зрелая направляющая и господствующая идея, которая регулировала бы силу и развитие этой революции.

Эта направляющая и творческая мысль содержит все: частные и общие идеи, преходящие и постоянные интересы, индивидуальные, общественные и международные отношения, представления о всякого рода социальных институтах — одним словом, все элементы общественной жизни и цивилизации народа. Охватывая все это, она стремится направить общество на осуществление необходимых преобразований, соответствующих его моральным, интеллектуальным и материальным потребностям.

Это не абстрактная мысль, не порождение одного лишь разума, а рациональная концепция, выведенная из

познания самой истории и живого общественного организма и возведенная в категорию закона последовательного возникновения социальных явлений, составляющих жизнь целой нации.

Эту идею разрабатывает и раскрывает философия, ибо только она, изучая историю, может постигать самую сущность общих законов прогрессивного развития человеческой цивилизации и только она, исходя из прошлого и настоящего, может предсказать будущее.

Но философия данной эпохи не является паразитическим растением, которое не имеет собственных корней: она имеет корни в прошлых эпохах. Философия XIX в. является законной дочерью философии XVIII и предыдущих веков.

Пьер Леру в своем известном произведении о *законе преемственности, соединяющем XVIII в. с XVII в.*, и в своем блестящем и глубоком труде, озаглавленном «О человечестве, его принципах и его будущем», ясно показал, что Франция, после того как она в XVII в. благодаря Декарту двинула дальше развитие психологии и создала двух его последователей в лице Мальбранша и Арно, предоставила Англии и Германии разработку картезианских идей, т. е. абстрактное изучение *Я* или сущности человеческого духа. Сама же Франция сосредоточила внимание на конкретном решении проблемы о человеке и человечестве и на том, чтобы создать основы *учения о способности его к совершенствованию* — учения, которое должно спасти мир. Он показал, что XVIII век начинается и кончается этим учением и что на рубеже двух веков оно было призвано дать людям новые знания об их бытии и судьбах, вселить в них более живое чувство своей силы и открыть замечательную эру XIX в.

Действительно, если рационализм, рассматривая человека как существо, способное к добродетелям, должен был сделать вывод, что человек есть *ощущение, чувствование, разум,* невидимо объединенные друг с другом, ибо именно они составляют триединство его души, то возникла необходимость, чтобы философия, изучая человека в его естественном состоянии, в его взаимоотношениях с себе подобными и с вселенной, подготовила бы и другое решение проблемы, которое вместе с психологическим реше-

нием давало бы нам полное определение человека во всех его связях. Эту попытку и сделала Франция к концу XVIII в., провозгласив устами Тюрго и Кондорсе учение о способности человека к совершенствованию, предшественниками которого были Паскаль, Перро, Фонтенель и др.

Почти одновременно с этим Бэкон в Англии, Вико в Италии, Лейбниц, Лессинг, Кант, Фихте и другие в Германии внесли свой вклад в разработку этого учения. Наконец, Сен-Симон в наше время, используя наследие целой плеяды французских мыслителей, передал его, обогащенное собственным трудом, новым поколениям, воскликнув пророчески: «Золотой век, который слепая традиция помещала до сих пор в прошлом, находится впереди нас. Будущее предстанет перед глазами народа не как подводный камень, а как открытый порт. Пойдемте все, как один, вперед, написав на нашем мирном знамени, согласно прекрасному выражению древнего поэта: *«Земной рай впереди нас»*».

После смерти этого апостола совершенствования, наступившей в 1825 г., школа Сен-Симона провела огромные исследования с целью найти историческое и научное подтверждение доктрины своего учителя и начала методическую пропаганду ее в печати. Июльская революция, в какой-то степени обязанная этому учению, фактически была наиболее торжественным выражением того, что Франция не забыла свою миссию зачинателя прогресса в мире и что она усвоила основные положения школы Сен-Симона как свое законное наследство.

В условиях наступившей свободы печати и открывшегося пути для осуществления идеальных устремлений человеческого духа школа Сен-Симона, которая предсказывала *золотой век в будущем* и претендовала на синтетическое решение всех социальных проблем, устремилась к реорганизации французского общества; она возглавила развитие философии, оставив далеко позади вскоре забытую эклектическую школу. Последняя, игнорируя прогрессивные традиции французской философии, мирилась в силу своей беспомощности и эгоизма с реставрацией и, поддерживая Хартию о божественном праве и объясняя прошлое и настоящее неким законом исторического

фатализма, признавала положительным и законным все то, что было насильно навязано и носило преходящий характер. Журнал «Независимый» и «Энциклопедический журнал» были в течение нескольких лет трибуной для пропаганды ее учения.

И действительно, организационно оформившись и претендуя, как мы сказали ранее, на синтетическое решение всех социальных вопросов, школа Сен-Симона попыталась осуществить свой идеальный проект общества, привлекая для этого прозелитов с помощью активной и красноречивой проповеди. Представшая за это перед судом, обвиненная и осужденная жестокой властью, она должна была распасться, уже раздираемая глубокими разногласиями по основным вопросам своего учения. Впоследствии, заявив открыто о своей политической позиции и увеличив количество членов республиканских клубов, она стала распространять в обществе начала всех будущих учений, которые сегодня провозглашает республиканская Франция.

Но Леру, великий метафизик школы, объединившись с поистине энциклопедическим умом Рейно и другими сторонниками этого учения, выдающимися учеными и литераторами, предприняли тогда издание *Энциклопедии XIX в.*[2]

Это глубокий и во всех отношениях значительный труд, несмотря на обилие специальных монографий и трактатов по различным отраслям человеческого знания, которыми обладает наша эпоха. Этот труд, специально предназначенный для систематического изложения и дальнейшего развития учения о способности человека к совершенствованию, подытоживает и с новой точки зрения исследует всю интеллектуальную деятельность Франции вплоть до настоящего времени.

Только по названию тождественная систематической Энциклопедии прошлого века, она тем не менее ее продолжает или, лучше сказать, основывается на ней, чтобы дополнить тот великолепный памятник, которым французский ум услаждал человечество на протяжении немногим более полувека. Но в то время как Энциклопедия XVIII в., критическая по духу и научная по содержанию, готовила, с одной стороны, почву для вос-

становления науки в соответствии с аналитическим и экспериментальным методом Декарта и Бэкона, а с другой — вливала разъедающий и разрушительный яд внутрь прогнившего общества и одряхлевшего, разлагающегося общественного строя, неспособного к процветанию, Энциклопедия XIX в. вследствие разрушения верований и мнимой реабилитации всего прошлого ограничивается лишь делом реорганизации общества, его преобразования, основанного на прогрессивных традициях философии французской революции 1789 г. Энциклопедия XVIII в. ставила своей главной задачей разрушить и уничтожить в самой основе вековое здание всякого деспотизма — теократические, аристократические и монархические привилегии; разоблачить все священные обманы, раскрыть происхождение всех социальных узурпаций и бедствий; бороться со всеми предрассудками и заблуждениями, освященными временем и обычаями; восстановить человека и человечество в своих правах и, наконец, провозгласить освобождение разума и учение о способности человека к совершенствованию. Энциклопедия XIX в., дочь Энциклопедии XVIII в., считая, что овладела завоеваниями последней и что наступила эра духовного возрождения, вбирает в себя, будучи догматической в своей основе, все первоначальные принципы, открытые философией в истории для такой реорганизации общества, которая соответствовала бы требованиям эпохи и гармонически претворила в жизнь законы и требования человеческой жизни.

После того как это было осуществлено, Леру, руководитель и основной сотрудник Энциклопедии XIX в., которую можно рассматривать как наиболее выдающийся и надежный печатный орган современной философии во Франции, в своей книге «О человечестве» ограничился историческим и метафизическим доказательством закона прогресса, или постоянного и последовательного развития жизни человечества.

В этом труде, который послужил нам руководством для выяснения основных вопросов, Леру дает два определения, рассматривая их как главный результат философских исследований за последние два века по вопросу об индивидуальном и общественном человеке, иначе

говоря, о его жизни, происходящей в общении с человеческим родом.

1. Человек есть единство ощущения, чувствования и разума.

2. Человек не является только способным жить в обществе животным, как считали древние; человек живет в обществе, а не вне общества; кроме того, это общество способно совершенствоваться, и человек совершенствуется в этом совершенствующемся обществе.

Вот в чем, восклицает он, великое открытие современности и высшая истина философии!

Итак, если человек является общественным животным, если он по воле творца предназначен жить в непрерывном общении с себе подобными, если это не только потребность, но также и закон его бытия, то обязательно должен существовать естественный и нормальный способ общения и объединения человека с человеком или людей между собой.

Если человек способен к совершенствованию и общество также способно к совершенствованию, то должен существовать естественный и нормальный способ вызывать и претворять в жизнь эту индивидуальную и общественную способность. Существует закон солидарности и взаимного участия, который должен управлять коллективным общественным трудом и определять его цель.

Наконец, если общество способно к совершенствованию, то во всех человеческих обществах существуют взаимные обязанности и способность к общему совершенствованию. Следовательно, между ними существует общность судьбы и взаимодействие, необходимое для осуществления этого совершенствования.

Более того, судьба человека состоит в том, чтобы жить в постоянном общении не только с себе подобными, но также и со вселенной, и с богом, ибо, как мы сказали выше, с психологической точки зрения человек есть единство ощущения, чувствования и разума. Ощущения связывают его со всем тем, что не есть он, чувства позволяют ему войти в общение с себе подобными, наслаждаться и страдать вместе с ними; способность к познанию позволяет ему познавать себя, постигать законы природы и человечества и следовать им.

Это необходимое общение человека с себе подобными, со вселенной и с богом, общение, без которого он живет только потенциально, является неотъемлемым правом человека: признание этого права создает свободу человека.

Результатом этого тройного проявления возможностей человеческого *Я* являются *собственность, семья и отечество* или *государство,* также необходимые выражения общения* человека с себе подобными и со вселенной. Ибо человек живет не только самим собой и не только для себя, но также и тем и для того, что есть не он.

Итак, чтобы человек действительно существовал, необходимо, чтобы он ощущал свое существование в себе подобном или в существах, его окружающих, причем таким образом, чтобы его *Я* воплощалось в этих существах, объективно выступающих перед ним в каждый момент его жизни. Необходимо, чтобы его личность проявлялась в семье, в отечестве, в собственности, и при этом полностью, как эманация самого его существования. Следовательно, человек немыслим без семьи, без отечества, без собственности.

Но семья, отечество, собственность могут поглощать человека, тиранически господствовать над ним, ограничивая и нарушая его право на общение с себе подобными, со вселенной и с богом. Отсюда тирания, с одной стороны, и рабство — с другой, отсюда зло для раба и преступление тирана, война между угнетателем и угнетенным.

Возникло это в прошлые времена. Человек последовательно был рабом то семьи, то отечества, то собственности и до сих пор не достиг того, чтобы владеть полнотой своих прав.

Почему это произошло? Потому что игнорировался или нарушался божественный закон общения человека с себе подобными и со вселенной и закон солидарности всех людей; потому что семья превратилась в *касту* для

---

* Общение, связь или взаимодействие тех возможностей, которыми располагает каждый человек, также означает единство и союз, вытекающий из этого общения. Жизнь, утверждает Леру, есть общение с богом, с себе подобными и со вселенной.

угнетения человека, отечество и собственность превратились в *касту* для его угнетения; или, что то же самое, потому что часть людей превратилась в привилегированных представителей народа, предназначенных господствовать над остальными, не признавая и узурпируя их неприкосновенное право.

Но приближается эра полного освобождения человека. В большей части христианских обществ деспотизм кастовой семьи исчезает. В некоторых обществах деспотизм отечества или государства-касты существует в организованном виде, а в других — день ото дня теряет под собой почву. Но деспотизм такой касты, как собственность, еще господствует во всей Европе. Отсюда эксплуатация человека человеком или бедного богатым, отсюда возникновение *пролетариата* *, последней формы порабощения человека собственностью.

Человек уже не раб душой и телом, как в древних обществах, семьи и отечества-касты; он уже не является рабом своего клочка земли, как это было в средние века и до сих пор еще в России. Но собственник, владелец средств производства, в силу плохой организации труда навязывает человеку один из видов тяжелого рабства **.

Пролетарий работает день и ночь для обогащения праздного собственника, он обливается пóтом, чтобы прокормить себя и свою семью. Вознаграждение за его труд не является справедливым, его едва хватает на пропитание. Пролетарий не может сделать никаких сбережений для того, чтобы дать образование своим детям, лечиться во время болезней, удовлетворять свои непред-

---

* *Пролетариат* — это понятие, включающее в себя все классы трудящихся и наемных рабочих. *Пролетарий* — это тот, кто не имеет никакой собственности и живет на заработную плату, которую он получает за свой труд.

** Вопрос об организации труда является, без сомнения, самым трудным из всех вопросов, поставленных на повестку дня республиканской Францией, и может считаться неразрешенным до сих пор. Однако он изучается и исследуется не напрасно: будущее его разрешит. Так всегда происходило со всеми важными общественными вопросами: они сначала казались химерическими или неразрешимыми, когда же с течением времени получали разъяснение, человеческий разум признавал их в качестве бесспорных истин и превращал в социальные институты.

виденные нужды и обеспечить себе спокойную старость. Одним словом, пролетарий никогда не сможет ни стать собственником, ни выйти из своего нищенского положения, ни получить возможности пользоваться каким-либо общественным правом.

Владелец средств производства эксплуатирует его, поскольку заставляет его, как рабочую скотину, служить собственной выгоде за нищенскую зарплату, если вовсе не выбрасывает его из своих предприятий, когда он болен и уже не способен работать. И сколько пролетариев в периоды промышленного или торгового кризиса или в результате изобретения машин не находят применения своим рукам, оказываются доведенными до нищенства, а часто и до преступления или, отчаявшись, пишут на своем освободительном знамени этот ужасный девиз рабочих Лиона: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!» *

Между тем пролетарий такой же человек, как и остальные люди, и он в силу божественного закона и своей природы, в силу своего неотъемлемого права на общение с себе подобными и со вселенной имеет права, равные правам тех, кто наслаждается семьей, имеет отечество и обладает собственностью. И прежде всего он имеет право жить и обеспечивать себя своим трудом.

Вы, богачи, властители, организующие общество на свой манер и обладающие в нем всей властью, чтобы угнетать ваших братьев; вы, считающие себя привилегированной расой, вы не признаете или нарушаете их неотъемлемое право на пользование теми же благами, вы посягаете на божественный закон единства и общности интересов всех людей.

Такая организация общества, являясь, к несчастью, в той или иной мере условием существования пролетариата во всех христианских странах Европы и Америки, исключая Соединенные Штаты, обнаруживает коренной порок в организации современных обществ, который нарушает или уничтожает права человека, особенно право на собственность и отечество; она выявляет прежде всего

---

* Восстание *мютюэлистов* или трудящихся города Лиона в 1834 г.

отсутствие высшего принципа сочувствия и нравственности, который служит регулятором при распределении труда и вознаграждении за него или при взаимном пользовании благами, предоставляемыми собственностью и отечеством.

Этот принцип есть не что иное, как божественный закон единства и общности всех людей, до сих пор плохо еще понимаемый. По этой причине зло господствовало и продолжает господствовать на земле. Поэтому семья, отечество и собственность породили рабство и бедствия для большей части человеческого рода, вместо того чтобы способствовать благоденствию и общему совершенствованию.

Но чтобы освободиться от зла путем познания этого божественного закона, который видит благо всех и каждого отдельного человека в единстве и общности всех людей, человечеству потребовалось много времени. Ему необходимо было пройти через все испытания, пережить все формы рабства, перестонать под железной пятой всех тираний, чтобы раскрыть божественный принцип своего освобождения и очищенным во всей полноте своих прав приступить к осуществлению своих великих судеб. История есть не что иное, как это последовательное воспитание человеческого рода.

Философия XIX в., изучая и постигая историю, открыла человечеству врата в рай совершенствования. Только что устами первого народа мира бог открыл в мире эру полного освобождения человека.

Когда этот обновляющий принцип будет всюду понят и должным образом претворен в жизнь, общество, которое до сих пор было скоплением постоянно враждующих человеческих существ, разделенных на касты, на хозяев и рабов, угнетателей и угнетенных, превратится в действительную *ассоциацию* людей, равных в правах и обязанностях; в этой ассоциации под сенью божественного закона общности солидарных существ все будут жить и работать для взаимного блага и совершенствования. Тогда наступит конец войнам между нациями. Человеческий род образует одну семью, объединенную узами этого же закона, и осуществит предсказанный французской революцией в 92-м году Священный союз народов, чтобы

навсегда положить конец всем видам рабства и всем тираниям.

Для того чтобы прекратились несчастья и войны, чтобы исчез деспотизм, чтобы не стало никаких рабов, чтобы человек восстановил свои права и свое достоинство,— для этого, говорит Леру от имени французской философии, необходимы:

такая семья, чтобы человек мог развиваться и совершенствоваться в ее лоне, не будучи угнетаемым;

такое отечество или общество, чтобы человек мог развиваться в них, не будучи угнетаемым;

такая собственность, чтобы человек мог развиваться и совершенствоваться через нее и посредством нее, не будучи угнетаемым.

Такова программа будущего.

Теперь подведем итоги.

Человек, общество и человеческий род способны к совершенствованию.

В силу божественного закона и закона своего бытия человек имеет неотъемлемое право на общение с себе подобными, со вселенной и с богом. Его свобода состоит в осуществлении своих прав: ограничение или нарушение этих прав есть преступление и тирания.

Человек не может жить нормально, развиваться и совершенствоваться, не обладая полнотой этих прав.

Семья, отечество, собственность — необходимые проявления свойств человека по отношению к себе подобным и ко вселенной — должны быть организованы таким образом, чтобы человек мог свободно развиваться и совершенствоваться в их лоне, чтобы вместе с совершенствованием человека равным образом развивалось и совершенствовалось общество, включающее семью, отечество и собственность.

Если существует необходимое общение между всеми людьми, то люди солидарны между собой, т. е. среди них существует высший принцип взаимных обязанностей и ответственности. Этот принцип есть не что иное, как моральный закон, или закон долга, вытекающий из потребностей самой природы человека.

Если между обществами или народами существует необходимое общение, то они также солидарны.

Взаимная солидарность* между людьми и народами есть не что иное, как евангельский завет о милосердии, понятый и примененный философией более широко и полно, не что иное, как закон солидарных между собой людей, как закон тождества, а следовательно, отождествления *Я* и *не-Я*, человека и ему подобных.

Милосердие христианства было неосуществимо, ибо оно пренебрегало *Я*, или свободой человека, и отрывало его от необходимого общения с себе подобными, заставляя его отрекаться от самого себя и от всего земного для того, чтобы растворить человека в боге. В отношении к ближнему оно ограничивалось сочувствием и бесплодным сожалением. Для христианина человеческие существа не представляли собой ровным счетом ничего вне их отношения к богу, единственному центру стремления его души, а милосердие не признавало между человеческими существами никакой связи, необходимой для этой земной жизни.

Взаимная солидарность может существовать, лишь будучи организованной.

Взаимная солидарность всех людей в моральном и социальном смысле есть *братство*, или взаимная любовь, которая сближает и посредством необходимых связей объединяет их в общность, в обоюдную обязанность, в бесконечное тяготение ко всем разумным существам.

Следовательно, в братстве осуществляется моральный закон, или закон долга, касающийся отношений людей между собою в обществе и отношений между народами.

Отсюда принцип братства**, провозглашенный республиканской Францией и впервые примененный ею к

---

* «Солидарность» — то же самое, что обязанность, взаимная ответственность и взаимное участие. Отсюда «солидарные», или участники,— это люди, несущие одинаковую обязанность и ответственность.

** Одиннадцать лет прошло с тех пор, как мы провозгласили в Буэнос-Айресе философский принцип братства, не объясняя его, как сделали это позже. Тогда, как и сейчас, мы считали, что свободу и равенство в нашей стране можно обеспечить только на основе принципа нравственности и единства и при условии, что все социальные институты будут проникнуты духом этого принципа. Сегодня, когда республиканская Франция на-

общественной жизни, принцип, предназначенный дополнить синтез индивидуального и общественного человека и положить начало демократическому триединству свободы, равенства и братства,— принцип, без которого свобода и равенство являются химерическими или дезорганизующими общества. Вслед за Францией все свободные народы мира сделают это обновляющее триединство девизом на своих знаменах.

Поэтому все люди *свободны, равны* и *являются братьями.*

Свободны общаться с себе подобными и со вселенной и в этом общении и посредством него развивать и совершенствовать себя как личность.

Равны в правах и обязанностях или солидарны в осуществлении добра и общественного прогресса, но соразмерно своим способностям и деятельности.

Они братья, чтобы сообща работать во имя прогресса и безграничного совершенствования человека, общества и человеческого рода.

Общество или государство относится с исключительным сочувствием и великодушно заботится о нетрудоспособных, о сиротах, о неграмотных, о собственниках — обо всех своих сыновьях, ибо признает себя морально солидарным с их судьбой, руководствуясь тем же моральным принципом солидарности всех своих членов.

Государство, безусловный глава общества, осуществляет подлинное социальное покровительство, защищает всех своих членов, знает их нужды и стремится удовлетворить их без какого-либо различия. С целью улучшения и совершенствования жизни своих граждан оно предоставляет им образование и идет во главе социального прогресса, написав на своем миролюбивом знамени: свобода, равенство, братство.

Все народы свободны, равны и являются братьями.

Свободны вступать в общение между собой и со вселенной и осуществлять с помощью этого общения свое совершенствование.

чертала на своем знамени лозунг демократического триединства, к которому мы тогда призывали, и когда она находится на пути к тому, чтобы утвердить принцип братства, у нас есть основания считать, что мы шли по правильному пути.

Равны в правах и обязанностях, но соразмерно своим способностям и деятельности.

Они братья, чтобы сообща работать во имя прогресса и безграничного совершенствования человеческого рода.

Человеческий род — это единая семья, которая под бдительным оком провидения идет по пути прогресса к своим неведомым судьбам.

По воле творца и в силу закона человеческой природы существует необходимое общение всех народов и все они между собой солидарны.

Когда все народы признают божественный закон единства и общности человеческого рода и объединятся с целью добиться общего совершенствования, моральный принцип братства озарит их и будет руководить ими в их взаимоотношениях, положив конец войнам, в которых они истребляли друг друга. В результате осуществления этого принципа, который сделает их взаимно ответственными и солидарными и который сделает благо всех благом каждого и благо каждого благом всех, сильные и преуспевающие народы станут помогать слабым и отсталым, будут спасать угнетенных и, уважая право и справедливость, явятся зачинателями действительного распространения прогресса и свободы в мире. В этом состоит великая и благодетельная миссия, которую бог возложил на народы, сделав их великими.

Отсюда новый принцип — принцип братства всех народов, провозглашенный республиканской Францией в 92-м и в 48-м годах, принцип, который может быть осуществлен во всем мире сейчас, но не мог быть осуществлен тогда. Этот принцип призван изменить основы международного права, преобразовать взаимоотношения между народами и мирным путем объединить их усилия и надежды в священном и благородном стремлении к прогрессу и совершенствованию.

Именно для того чтобы осуществить в будущем эту великую и утешительную надежду человечества, Франция восстала в феврале и перед всем миром провозгласила себя республикой.

И человечество возликовало, услышав голос Франции, словно бог своими устами провозгласил новую эру воз-

рождения, подобную той, которую христианство пророчит вот уже восемнадцать столетий.

Франция — это передовой народ, который во имя философии и человечества, повинуясь божественному вдохновению, впервые победоносно поднимается на борьбу, после того как освятил своей кровью принципы нового христианства.

Бог наделил Францию умом во всех областях, необходимым для выполнения столь высокой и благородной миссии. Бог сделал ее сильной как в теоретическом мышлении, так и в практической деятельности. Бог вложил в ее руку королевский скипетр, скипетр мысли, и дал большое и благородное сердце, полное любви к человечеству. Поэтому ее живое слово порождает добро, поэтому, отечески приветствуя все народы мира, она призывает их к священному союзу свободы, равенства и братства — союзу, призванному освободить и возродить человеческий род, союзу, который в прошлом предвосхитило христианство и который осуществит философия в будущем.

В этой части работы мы пользовались философским языком, потому что этого требовал рассматриваемый нами вопрос. Каждая наука имеет свой собственный язык, и литература каждой страны обогащается, применяя язык философии.

Та часть нашей работы, в которой речь идет об *историческом, политическом и социальном смысле* Февральской революции, и, наконец, об историческом параллелизме между Францией и Аргентинской республикой, будет более доступной, и мы постараемся популярно изложить в ней ту философскую теорию, которую мы поспешили опубликовать, потому что она дает ключ к пониманию синтетической мысли и символического лозунга Февральской революции.

ДОМИНГО ФАУСТИНО САРМИЕНТО

ФАКУНДО
1845

Глава I

Физическая характеристика Аргентинской республики, ее особенности, обычаи и идеи

> L'étendue des pampes est si prodigieuse qu'au nord elles sont bornées par des bosquets de palmiers et au midi par des neiges éternelles.
>
> (Head) *

1

Американский континент на юге омывается Магеллановым проливом. На небольшом расстоянии к западу от Тихого океана параллельно берегу тянутся Чилийские Анды. Территория, простирающаяся к востоку от этой цепи гор и к западу от Атлантического океана и от Рио-де-Ла-Платы на юге до Уругвая на севере, получила название Объединенные провинции Ла-Платы, и на ней все еще льется кровь из-за того, как ее назвать: Аргентинской республикой или Федеративной республикой Аргентины [1]. На севере расположены Парагвай, Гран-Чако и Боливия, границы с которыми у Аргентины недостаточно ясны.

Обладая огромной протяженностью, страна совершенно не заселена на окраинах, а по судоходным рекам еще не прошло ни одно суденышко. И эта огромная протяженность есть то зло, от которого страдает Аргентин-

* Территория пампа столь обширна и удивительна, что на севере ее обрамляют пальмовые рощи, а на юге — вечные снега.

ская республика. Пустыня окружает ее со всех сторон и даже проникает в глубь ее территории. Огромные безлюдные пространства без единого человеческого жилища составляют обычно естественные границы между провинциями. Необъятность во всем: необъятные равнины, необъятные леса, необъятные реки, горизонт, всегда неопределенный, покрытый туманной дымкой, которая не позволяет различить вдали ту линию, где кончается земля и начинается небо. С юга и с севера ей угрожают дикие племена, которые ждут лунных ночей, чтобы подобно стае гиен напасть на скот, пасущийся в полях или находящийся в беззащитных поселениях. В одиноком караване повозок, который медленно пересекает пампу, временами останавливаясь на отдых, путники, собравшись вокруг скудного огня, машинально обращают взоры на юг, прислушиваясь к отдаленному шелесту ветра, который колышет сухие травы, и пытаясь сквозь глубокий мрак ночи различить роковые очертания орды дикарей, которая, спрятавшись, в любое мгновение может захватить их врасплох. Если слух не различает никакого шума, если взор не может проникнуть сквозь темную завесу, скрывающую это безмолвное одиночество, путники, чтобы окончательно успокоиться, обращают свой взгляд на уши какой-либо лошади, стоящей у костра, чтобы убедиться, что они спокойно опущены и неподвижны. Тогда они продолжают прерванный разговор или подносят ко рту куски вяленого, наполовину сожженного солнцем мяса, служащего им пищей. Если же поблизости нет диких племен, то человека, находящегося в пампе, охватывает страх перед ягуаром, который может его подкараулить, или перед змеей, которая может его ужалить. Столь опасная жизнь — обычное и постоянное явление в пампе — накладывает, по моему мнению, на аргентинский характер отпечаток стоической покорности перед насильственной смертью. Насильственная смерть становится одним из обязательных дополнений к жизни аргентинцев, она превращается в обычную смерть и может, пожалуй, в какой-то степени объяснить то безразличие, с которым аргентинец убивает сам и встречает смерть, не производя при этом на остальных особенно глубокого и продолжительного впечатления.

Заселенная часть этой богатой природными дарами страны с самыми разнообразными климатическими условиями может быть разделена на три различные зоны, которые навязывают населению различные условия существования соответственно тому, в какой форме оно вынуждено иметь дело с окружающей его природой. На севере, где аргентинская территория сливается с Чако, густой непроходимый лес покрывает огромные, можно было бы сказать, неслыханные пространства, если вообще в Америке что-либо может быть неслыханным. В центре и в зоне, протянувшейся параллельно Андам, пампа на большом расстоянии чередуется с сельвой, или тропическим лесом. Местами лес преобладает, переходя в засушливых областях в хилые, покрытые колючками заросли кустарника, а там, где протекает какая-либо река, снова появляется сельва. Наконец, на юге преобладает пампа. Ее гладкая зеленая поверхность простирается бесконечно далеко, причем ее равнинность почти не нарушается. Пампа производит впечатление безбрежного моря на земле, хотя на карте она просто земля; эта земля все еще ждет, что ее заставят производить всевозможные культурные растения.

Можно было бы указать на обилие судоходных рек как на важную особенность страны. Эти реки встречаются на востоке и, сливаясь, образуют Ла-Плату, величаво несущую свои могучие воды в океан, который принимает ее в свои берега с явными признаками замешательства и одновременно уважения. Но эти огромные каналы, вырытые заботливой рукой природы, не вносят никаких изменений в национальные обычаи. Потомок испанских авантюристов, колонизировавших страну, питает отвращение к судоходству и чувствует себя в тесном пространстве бота или лодки, как в тюрьме. Когда большая река преграждает ему путь, он спокойно раздевается, готовит свою лошадь и направляет ее вплавь к какому-либо острову, виднеющемуся вдали. На нем всадник и лошадь отдыхают, и так от островка к островку они наконец преодолевают все расстояние.

Аргентинский гаучо презирает самый большой дар, ниспосланный провидением народу, он видит в нем скорее препятствие для своего передвижения, чем могучее

Доминго Фаустино Сармиенто

средство для его облегчения. Таким образом, то, что стало источником развития других стран, то, что создало славу древнему Египту, возвеличило Голландию и является причиной быстрого развития Северной Америки — судоходство по рекам и сеть каналов,— остается мертвым капиталом, не используемым жителями Бермехо, Пилькомайо, Параны, Парагвая и Уругвая. По Ла-Плате поднимаются вверх по течению маленькие суденышки с итальянскими матросами и некоторые большие суда. Но движение происходит лишь на несколько лиг вверх по течению и сразу почти полностью прекращается. Испанцам не было дано влечения к мореходству, каким в столь высокой степени обладают северные саксонцы. Иной дух нужен для того, чтобы всколыхнуть эти артерии, в которых сейчас застыли живительные токи страны. Из всех этих рек, которые должны были бы принести цивилизацию, мощь и богатство в самые затерянные глубины континента и сделать из Санта-Фе, Энтре-Риоса, Корриентеса, Кордовы, Сальта, Тукумана и Жужуя совершенно другие поселения, доставляя им водным путем богатство и культуру, только одна река приносит выгоды тем, кто проживает на ее берегах: это Ла-Плата, в которую вливаются все реки.

В ее устье расположены два города — Монтевидео и Буэнос-Айрес, которые получают сейчас попеременно преимущества от своего завидного положения. Буэнос-Айресу предстоит стать самым большим городом обеих Америк. Благодаря своему мягкому климату и господствующему положению в судоходстве — к нему стекаются сто рек страны — этот город, раскинувшийся на огромной территории, соединяющий тринадцать внутренних провинций, у которых нет иной возможности вывозить свои продукты, как только через него, стал бы американским Вавилоном, если бы дух пампы не оказал на него влияние и если бы он не уничтожал на местах ту часть богатства, которую реки и провинции должны всегда приносить Буэнос-Айресу. Только он один на всей огромной территории Аргентины связан с европейскими странами, только он один пользуется преимуществами внешней торговли, он один имеет власть и получает доходы. Напрасно провинции просили его, чтобы он хоть

немного поделился с ними цивилизацией, промышленностью и европейским населением. Неразумная колониальная политика делает его глухим к этим просьбам. Но провинции отомстили ему, направив на него в лице Росаса[2] то варварство, которое у них было в избытке.

Достаточно дорого заплатили те, кто говорил: «Аргентинская республика кончается на Арройо-де-Медио». Сейчас она простирается от Анд до моря. Варварство и насилие, выйдя за пределы провинций, обрушились на Буэнос-Айрес. Нельзя сетовать на Буэнос-Айрес за то, что он большой; он будет еще больше, ибо такова его судьба. Мы должны были бы прежде сетовать на провидение и просить его выровнять поверхность земли. Но поскольку это невозможно, примем же как должное то, что сделано рукою творца, и обрушим свое недовольство на невежество и насилие, которые сводят на нет все блага, щедро предоставленные природой народу как для самого Буэнос-Айреса, так и для провинций, и которые сбивают этот народ с правильного пути. Вместо того чтобы нести во внутренние провинции просвещение, богатство и прогресс, Буэнос-Айрес создает для них только оковы, посылая туда опустошительные орды и мелких тиранов. Он также мстит за то зло, которое провинции принесли ему, выдвинув Росаса!

Я указал на это главенствующее положение Буэнос-Айреса, сохраняющего монополию в сношениях с Европой, чтобы показать, что в нашей стране существует единый территориальный центр, настолько объединяющий все вокруг себя, что если бы Росас искренне выдвинул лозунг: *«Федерация или смерть!»*, он все-таки пришел бы к той унитарной системе, которая установлена сегодня. Мы хотели единства на основе цивилизации и свободы для всех провинций, а нам дали единство, основанное на варварстве и рабстве. Но придет время, когда все войдет в свое русло. Сейчас важно знать, что развитие цивилизации происходит только в Буэнос-Айресе; пампа же является наихудшим проводником для передачи и распространения этой цивилизации в провинциях, и в дальнейшем мы увидим, к чему это приводит. Но кроме всех этих временных явлений, свойствен-

ных определенным частям нашей территории, есть еще общая и постоянная особенность, характерная для всей территории страны. Независимо от того, покрыта ли наша земля пышной и гигантской тропической растительностью или хилыми, колючими и постоянно цепляющимися кустарниками, один вид которых показывает, каким скудным количеством влаги поддерживается их жизнь, сменяются ли эти кустарники пампой с ее плоским и однообразным рельефом, поверхность земли является в общем ровной, низменной, причем ее безграничную равнинность не нарушают даже горные возвышенности Сан-Луис и Кордова в центре и некоторые отроги Анд на севере. Эта особенность явится новым объединяющим фактором для нации, которая обоснуется когда-нибудь на этом огромном безлюдном пространстве, ибо известно, что горы, расположенные между соседними странами, и другие естественные преграды способствуют разобщенности народов и сохранению их отсталости. Северная Америка призвана быть федерацией не столько благодаря первоначальной независимости ее плантаторских хозяйств, сколько благодаря тому, что она широко раскинулась на побережье Атлантического океана, а также благодаря тому, что внутренние области имеют выходы к морю по рекам Св. Лаврентия на севере, Миссисипи на юге и по многочисленным каналам в центре. Аргентинская же республика едина и неделима.

Многие философы считают, что равнины открывают путь деспотизму, так же как горы служат опорой для защиты свободы. Эта безграничная равнина, простирающаяся от Сальта до Буэнос-Айреса и от него до Мендосы на расстоянии более чем семьсот лиг, позволяет большим и тяжелым повозкам проезжать, не встречая препятствий, по дорогам, для которых человек почти не должен был вырубать деревья и кустарники. Эта равнинность рельефа является одной из наиболее значительных особенностей внутреннего облика республики.

Для обеспечения себе путей сообщения человеку достаточно собственных усилий и того, что дает дикая природа. А если бы на помощь человеку пришло строительное искусство и общественные силы попытались бы

восполнить слабость индивида, то громадные трудности этого дела устрашили бы даже наиболее предприимчивых и тогда бесполезность усилий выявила бы всю неуместность строительного искусства. Таким образом, в области строительства дорог дикая природа долго еще будет диктовать свои законы и влияние цивилизации останется здесь слабым и неэффективным.

С другой стороны, такая большая протяженность равнины придает жизни внутренних провинций определенное, довольно заметное сходство с Азией. Часто, видя спокойную и сияющую луну, всходящую из-за высоких трав, я невольно приветствовал ее словами Вольнея, описавшего древние руины Азии: La pleine lune à l'orient s'elevait sur un fond bleuâtre aux plaines rives de Euphrate [«Полная луна поднималась на востоке, над голубоватой гладью Евфрата»]. И действительно, в безлюдных просторах Аргентины есть нечто напоминающее безлюдные просторы Азии. Человеческая душа находит некоторую аналогию между пампой и равнинами, расположенными между Тигром и Евфратом, некоторое сходство между одинокой вереницей повозок, пересекающих наши безлюдные равнины, чтобы после многомесячного пути прибыть в Буэнос-Айрес, и караваном верблюдов, направляющимся в Багдад или Смирну. Наши обозы подобны эскадре небольших судов, и возницы их по своим привычкам, языку и одежде отличаются от других людей, так же как моряк отличается от жителей суши.

Глава такого обоза является настоящим вожаком, так же как и вожак каравана в Азии. Для этой роли необходимы смелость, граничащая с безрассудной отвагой, железная воля, чтобы сдерживать удаль и своеволие сухопутных флибустьеров, которыми вожак один должен управлять и командовать в суровых условиях пустыни, где им неоткуда ждать помощи. При малейшем неповиновении он хватается за железный хлыст и обрушивает на дерзкого удары, наносящие раны и увечья. Если же сопротивление продолжается, то прежде чем прибегнуть к пистолетам, которыми он обычно пренебрегает, он соскакивает с лошади, держа в руке огромный нож, и быстро восстанавливает свой авторитет благодаря мастер-

скому владению этим оружием. Погибший от рук вожака не оставляет после себя права на апелляцию, ибо власть убившего его считается законной.

В результате этих особенностей в аргентинской жизни начинает устанавливаться господство грубой силы, превосходство более сильного, безграничная и ни перед кем не отвечающая власть тех, кто правит, правосудие, осуществляемое без процедур и разбирательств. Кроме того, обоз повозок движется вооруженным, имея одну или две винтовки в каждой повозке, а иногда и небольшую вращающуюся пушку, установленную на передней повозке. Если на него нападают дикари, повозки располагаются кругом, связываются между собой и почти всегда победоносно отражают нападение дикарей, жаждущих крови и грабежа. Табуны пасущихся мулов часто попадают беззащитными в руки этих американских бедуинов, и пастухам редко удается избежать смерти. Во время этих длинных путешествий аргентинский бедняк приобретает привычку жить вдали от общества и в одиночку бороться с природой, ожесточаясь в лишениях и не располагая другими средствами к жизни, кроме своей ловкости и умения преодолевать окружающие его опасности.

Народ, населяющий эти обширные районы, состоит из двух различных рас — испанцев и индейцев, которые, смешиваясь, образуют нечто среднее; по цвету кожи эти метисы мало отличаются от индейцев. В районах Кордовы и Сан-Луиса преобладает чисто испанская раса и часто в полях можно встретить пасущих овец девушек, таких белых и таких красивых, какими хотели бы быть элегантные дамы столицы. В Сантьяго-де-Эстеро основная масса крестьянского населения говорит еще на языке кечуа[3], что указывает на их индейское происхождение. В Корриенте крестьяне говорят на очень забавном испанском диалекте. «Дай мне, генерал, удачу!» — говорили Лавалье[4] его солдаты.

В окрестностях Буэнос-Айреса еще встречаются солдаты с андалузскими фамилиями, а в самом городе преобладают иностранные фамилии. Черная раса, почти исчезнувшая везде, кроме Буэнос-Айреса, оставила после себя самбо и мулатов, которые живут в городах и

являются звеном, связующим цивилизованного человека с невежественным. Эта раса восприимчива к цивилизации, одарена талантом и благородным стремлением к прогрессу.

Однако из слияния этих трех расовых групп возник однородный тип, отличающийся стремлением к праздности и нежеланием заниматься полезной деятельностью; только воспитание и требования социальной жизни побуждают его к труду и выводят его из обычного состояния. Возникновению этого печального явления во многом, вероятно, содействовало приобщение индейцев к новым порядкам, установленным колониальными властями. Американские расы живут в праздности и даже под принуждением оказываются неспособными посвятить себя упорному и постоянному труду. Этим была вызвана идея ввозить в Америку негров, что привело к столь роковым результатам. Но не более деятельной показала себя и испанская раса, когда в американских пустынях она оказалась во власти собственных инстинктов. Сравнение немецких и шотландских колоний — поселений к югу от Буэнос-Айреса — с поселениями внутренних территорий Аргентинской республики вызывает у нас чувство сожаления и стыда. В первых дома побелены, их фасады всегда опрятны, их украшают цветы и красивые кустарники; в этих домах простая, но разнообразная мебель, медная или оловянная посуда всегда начищена, кровати с красивыми пологами, а жители постоянно заняты работой. Производя из молока сливочное масло и сыры, некоторые семьи получили такие большие доходы, что смогли переехать в город и живут там с комфортом. Аргентинские поселения — позорная оборотная сторона этой медали: грязные, одетые в лохмотья дети, живущие вместе с собаками; мужчины, валяющиеся на полу в полном безделье; всюду нищета и неряшливость, вместо жилищ нищенские ранчо, вся мебель которых состоит из маленького столика и сундука,— словом, всюду следы варварства и небрежности.

Эта нищета, которая, правда, начинает уже исчезать, но все еще свойственна пастушеским районам, и послужила причиной слов, вырвавшихся у Вальтера Скотта в порыве досады из-за унижения английского оружия.

«Широкие равнины Буэнос-Айреса,— говорит он,— населены дикими христианами, известными под названием гаучо, основной мебелью которых являются лошадиные черепа, пищей служит сырое мясо и вода, а излюбленное развлечение состоит в том, чтобы загонять лошадей в диких скачках. К сожалению,— добавляет этот истинный гринго,— они предпочли свою национальную независимость нашим хлопчатым тканям и муслинам» *. Было бы неплохо предложить это Англии и посмотреть, сколько вар полотна и сколько рулонов муслина отдала бы она за то, чтобы завладеть этими равнинами Буэнос-Айреса.

На этом описанном нами безграничном просторе разбросаны четырнадцать городов — центров провинций, которые в соответствии с их географическим расположением можно было бы перечислить в следующем порядке: Буэнос-Айрес, Санта-Фе, Энтре-Риос и Корриентес на берегу Параны; затем Мендоса, Сан-Хуан, Ла-Риоха, Катамарка, Тукуман, Сальта и Жужуй, расположенные почти параллельно хребту Чилийских Анд; наконец, Сант-Яго, Сан-Луис и Кордова в центре. Но этот способ перечисления аргентинских городов не объясняет ни одного из тех социальных явлений, которые я исследую. Моей цели отвечает классификация, вытекающая из образа жизни населения сельских районов, который оказывает решающее влияние на формирование характера и психического склада этих людей. Я уже говорил, что близость рек не вносит каких-либо изменений, ибо судоходство на них очень ограничено и не оказывает никакого влияния. В настоящее время все аргентинские города, за исключением Сан-Хуана и Мендосы, живут за счет продуктов скотоводства. Тукуман занимается также и земледелием; Буэнос-Айрес, помимо того что владеет миллионами голов крупного рогатого скота, занят также сложной и разнообразной деятельностью, характерной для современной цивилизации.

Аргентинские города имеют облик, характерный почти для всех американских городов: город с прямыми улицами, население которого разбросано на большой терри-

* Life of Napoleon Bonaparte, vol. II, p. 1.

тории. Исключением является Кордова, построенная в короткий срок на ограниченном пространстве и имеющая облик европейского города, еще более подчеркнутый множеством башен и куполов многочисленных и великолепных храмов. Город является центром аргентинской, испанской и европейской цивилизации; в нем расположены ремесленные мастерские, торговые предприятия, школы, колледжи, судебные учреждения — все, что характеризует жизнь культурных народов. Изящество манер, комфорт, европейская одежда, фрак и сюртук находят себе здесь применение и соответствующее место. Я не случайно сделал это тривиальное перечисление. Центральный город пастушеской провинции иногда является в ней единственным городом, и случается, что невозделанные поля сливаются с его улицами. На небольшом расстоянии от города простирается пустыня, она подступает к нему и теснит его. Дикая природа превращает эти города в небольшие оазисы цивилизации, разбросанные на невозделанной равнине, простирающейся на сотни тысяч квадратных миль, где почти не встречается крупных селений. Буэнос-Айрес и Кордова — два города, в окрестностях которых находится наибольшее количество селений и других очагов цивилизации и муниципальных учреждений, а это представляет собой уже значительный факт. Городской житель носит европейскую одежду и ведет образ жизни, который мы наблюдаем в других частях света; в городах существуют муниципальные организации, упорядоченные формы правления, законы, идеи прогресса, учебные заведения и т. д. За пределами города все меняется: сельский житель носит другую одежду, которую я назвал бы американской, потому что она одинакова для всех наших народов; у него другие обычаи, своеобразные и ограниченные потребности. Кажется, что существуют два различных общества, два чуждых друг другу народа. Более того, сельский житель далек от того, чтобы стремиться походить на горожанина, он с презрением отвергает его роскошь и его хорошие манеры, его одежду, фрак, плащ, его седло; вообще ничто европейское не может без осуждения появиться в деревне. Вся цивилизация сосредоточена в городах и отвергается за их пределами. Тот, кто осмелился бы по

явиться в деревне одетым в сюртук и на английском седле, навлек бы на себя насмешки и грубые нападки крестьян.

Рассмотрим теперь внутренний облик обширных сельских районов, окружающих города, и попытаемся проникнуть во внутренний мир их жителей. Я уже говорил, что во многих провинциях безводные пустыни являются их вынужденными границами. Этого почти нет в тех провинциях, где большая часть населения живет в сельской местности. Например, в провинции Кордова, насчитывающей 160 тысяч человек, лишь 20 тысяч живут в пределах города, в то время как большая часть населения живет в сельской местности, как правило равнинной. Эта равнина почти всюду представляет собой пастбище; она то покрыта лесами, то лишена крупной растительности, а в некоторых местах покрыта такой обильной и чудесной травой, что искусственный луг не может сравниться с нею. Мендоса и особенно Сан-Хуан составляют здесь исключение, потому что их население живет одним только земледелием и необработанной земли почти нет. В основном же всюду преобладают пастбища, разведение скота является не только занятием жителей, а средством их существования. Сам пастушеский образ жизни невольно вызывает в нашем воображении представление об Азии с ее равнинами, на которых тут и там разбросаны юрты калмыков, казахов и арабов. Первобытная жизнь, чисто варварская и неизменная жизнь Авраама, характерная для современного бедуина, существует и на землях Аргентины, хотя она довольно странно модифицирована цивилизацией.

Арабское племя, кочующее по азиатским просторам, объединено под руководством какого-либо старца или военачальника; но здесь есть общество, хотя оно не связано постоянно с какой-либо частью территории. Религиозные верования, древнейшие традиции, неизменные обычаи, почитание стариков — все это составляло кодекс законов, обычаев и форм правления, на которых основывались мораль, как ее тогда понимали, порядок и организация племени. Но прогресса здесь нет, ибо не может быть прогресса без оседлости, без города, который развивает способности человека, побуждает к производствен-

ной деятельности в промышленности и увеличивает его возможности.

На аргентинских равнинах нет кочующих племен. Скотовод владеет землей на правах собственника и прикреплен к определенному участку земли, который ему принадлежит. Однако чтобы занять землю, необходимо было разрушить объединения людей и разбросать семьи по этой огромной территории. Представьте себе территорию в две тысячи квадратных лиг, всю заселенную, но так, что жилища скотоводов расположены на расстоянии четырех, иногда даже восьми лиг, а самые близкие — на расстоянии двух лиг друг от друга. Развитие движимой собственности и наслаждение роскошью возможны и здесь, несмотря на такую разобщенность людей. Удача может помочь воздвигнуть великолепное здание и в пустыне, но сила примера в подобных условиях исчезает. Здесь, в условиях разобщенности и одиночества, нет необходимости утверждать свое достоинство, которая так чувствуется в городах. Неизбежные лишения здесь оправдывают естественную лень, а ограниченность в пользовании благами цивилизации влечет за собой проявление всех черт варварства. Общество, как таковое, здесь исчезло, осталась только феодальная семья, изолированная и замкнутая. Поскольку единого общества нет, любая форма правления становится невозможной, муниципалитета не существует, полиция практически не может осуществлять свои функции, а гражданское правосудие не в состоянии настигнуть преступника. Не знаю, существует ли в какой-нибудь другой части современного мира такая чудовищная форма общественной жизни, как эта. Она является полной противоположностью римской муниципии, объединявшей все население на своей территории, откуда оно выходило обрабатывать окрестные земли. Существовала, таким образом, сильная социальная организация, достижения которой подготовили возникновение современной цивилизации и сказываются до сих пор. Эта форма организации общественной жизни населения пампы напоминает древнюю славянскую слободу, но с той только разницей, что последняя занималась земледелием, ее население не было так распылено и поэтому больше поддавалось управлению. Она отличается от

кочующего племени тем, что племя хотя и не владеет землей, но кочует, сохраняя определенную форму общественной организации. Наконец, она несколько напоминает феодальные формы средневековья, когда бароны жили в сельской местности, откуда совершали набеги на города и разоряли деревни. Но здесь нет ни барона, ни феодального замка. Если где-нибудь и возникает власть, она кратковременна и демократична: она не передается по наследству и не может существовать долго, так как вблизи нет ни гор, ни укрепленных мест. В результате даже дикое племя пампы имеет организацию, более способствующую моральному развитию, чем организация нашего сельского населения.

Но особенно значительным в социальной организации этого общества является его сходство с жизнью античного общества, с жизнью Спарты или Рима, хотя в то же время есть и одно существенное различие. Свободный гражданин Спарты или Рима перекладывал на плечи своих рабов всю тяжесть физического труда, производства средств существования, в то время как сам жил без забот, занимаясь только делами форума, государства, вопросами мира и войны и борьбою партий. Скотоводство приносит те же выгоды, а нечеловеческие функции древнего илота здесь выполняет скот. Спонтанный рост его поголовья создает и беспредельно увеличивает богатства владельца, руки человека уже не находят применения, его труд, ум и время перестают быть необходимыми для сохранения и увеличения средств к существованию. А если для создания материальной базы жизни ничего этого (руки, ум, время) не нужно, то скотоводу в отличие от римлянина негде применить свои нерастраченные силы. У него нет ни города, ни муниципии, ни тесных общественных связей; следовательно, нет основы для общественного развития; будучи разобщенными, скотоводы не имеют общественных потребностей, которые нужно было бы удовлетворять,— одним словом, у них нет *res publica*.

Моральный прогресс, развитие духовной культуры, о которых не заботились арабские и татарские племена, в условиях пампы не только оставлены без внимания, но само их существование фактически невозможно. Где

поместить школу, которую могли бы посещать дети, рассеянные на расстоянии десяти лиг вокруг? Поэтому цивилизация полностью исключена, а варварство является нормальным *, и хорошо, если домашние обычаи имеют хотя бы какую-то моральную основу. Религия страдает от тех же последствий распада общества. Формально существует церковный приход, но перед алтарем нет слушателей, священник бежит из пустующей церкви или становится безнравственным от безделья и одиночества. Пороки, продажа церковных должностей, варварство проникают в его келью и превращают его моральное превосходство в честолюбие и стремление к богатству, в результате чего он часто в конце концов становится главарем банды.

Я был свидетелем сельской сцены, достойной старых времен еще до создания у нас института священников. В 1838 г. я находился в Сиерра де Сан-Луис, в доме одного скотовода, излюбленными занятиями которого были игры и молитвы. Он построил церквушку, где воскресными вечерами сам проводил службу, выполняя это божественное занятие вместо священника, которого уже много лет не было в этой деревне. Это была картина в духе Гомера: солнце шло к закату, стада возвращались в свои загоны, оглашая воздух беспорядочным мычанием. А в это время хозяин дома, шестидесятилетний мужчина с благородным лицом, в котором европейская раса подчеркивалась белизной кожи, голубыми глазами и высоким открытым лбом, распевал молитвы и ему отвечал хор из двенадцати женщин и нескольких здоровенных парней, чьи лошади, еще недостаточно укрощенные, были привязаны у двери церквушки. Окончив молитву, он произнес пламенную проповедь.

Я никогда не встречал голоса более благоговейного, усердия более чистого, веры более твердой и молитвы более красивой, более соответствующей обстоятельствам. Он просил у бога дождя для полей, плодовитости для скота, мира для республики, безопасности для путников...

---

* В 1826 г. во время моего годичного пребывания в Сиерра де Сан-Луис я научил читать шестерых юношей из состоятельных семей, младшему из которых было 22 года.

Я предрасположен к слезам и в этот раз плакал до рыданий, ибо в моей душе пробудилось вдохновенное религиозное чувство, почти незнакомое мне ощущение, так как я никогда не видел сцены более религиозной. Мне показалось, что я перенесся во времена Авраама и пребываю наедине с ним и богом, раскрывающимся в природе. Голос этого человека, чистый и простодушный, заставил дрожать все струны моей души и проник до самых глубин моего существа.

Религия в скотоводческих районах сведена к естественной религии. Христианство существует, как и испанский язык, в виде постоянной традиции, но оно извращено, засорено грубыми суевериями, не носит на себе печати просвещения, культа и убеждений. Почти во всех удаленных от городов сельских местностях, когда приезжают торговцы из Сан-Хуана или Мендосы, к ним приносят троих или четверых детей в возрасте от нескольких месяцев до года, прося, чтобы они их окрестили, уверенные, что благодаря своему хорошему воспитанию они могут сделать это должным образом. Нередко случается, что когда приезжает священник, к нему являются здоровые парни, укрощающие коней, прося, чтобы он совершил помазание и окрестил их условно.

Посмотрите, как воспитывается человек в условиях сельской жизни, где отсутствуют цивилизация и прогресс, которые могут иметь место только тогда, когда люди объединены в общество. Женщины занимаются домашними делами, готовят пищу, стригут овец, доят коров, изготовляют сыр и ткут те грубые ткани, в которые одеваются. Все домашние дела, все домашнее производство выполняют женщины, на них лежит весь труд. Мужчины в лучшем случае, и то только некоторые, немного занимаются разведением маиса для нужд семьи, потому что хлеб не является обычным питанием. Дети с удовольствием упражняют свои силы, тренируясь в бросании лассо и болы, которыми они без устали преследуют телят и коз. Когда же они садятся на лошадь, а это происходит как только они научатся ходить, они выполняют некоторые виды работ уже верхом. Позже, когда они становятся более сильными, они объезжают поля, часто

падая с лошади и снова вскакивая на нее, выискивая заячьи поры, преодолевая препятствия, учась лучше управлять лошадью. Возмужав, они полностью отдаются делу приручения диких коней, и смерть — это наименьшее наказание, ожидающее их, если в какой-то момент им не хватит сил или мужества. Уже в юношеском возрасте они получают полную независимость и освобождаются от труда.

Именно с этого момента начинается общественная жизнь гаучо, ибо на этом его воспитание закончено. Надо видеть этих испанцев только по языку и сохранившимся смутным религиозным представлениям, чтобы понять, какой непокорный и гордый характер рождается в борьбе одинокого человека с дикой природой, разумного существа — с животным. Надо видеть эти серьезные, обросшие бородой лица, похожие на лица азиатских арабов, чтобы понять, какую презрительную снисходительность вызывает у них вид городского жителя, который хотя и прочитал много книг, но не может свалить на землю и убить дикого быка, не умеет без чьей-либо помощи добыть себе коня в открытом поле и никогда не ходил на ягуара, держа в одной руке кинжал, а в другой — свернутое пончо[5], чтобы сунуть его в пасть зверя в то время, как будет пронзать ему сердце, после чего зверь падет к его ногам. Эта привычка преодолевать трудности, всегда одерживать верх над природой, бросать ей вызов и побеждать ее удивительно развивает чувство значительности человека и его личного превосходства.

Аргентинцы любого общественного положения, и образованные, и неграмотные, обладают высоким мнением о своем значении как нации; все остальные американские народы упрекают их за эту чванливость и чувствуют себя оскорбленными их самомнением и высокомерием. Я думаю, что такое мнение не лишено оснований, но это не вызывает у меня сожаления. Жалок тот народ, который не верит в себя! Он не рожден для великих дел! Но зато какой вклад в дело борьбы за независимость одной части Америки внесло высокомерие аргентинских гаучо, которым казалось, что под солнцем нет ничего лучшего, кроме них самих,— ни более мудрых, ни более могущественных людей! Европеец для них самый последний из

всех, потому что не может удержаться на лошади, встающей на дыбы *.

Хотя это национальное тщеславие по своему происхождению не отличается благородством и идет от низших классов, его последствия не становятся от этого менее благородными, как воды реки не становятся менее чистыми от того, что она берет начало в грязных и зараженных источниках. Непреклонна та ненависть, которую вызывают у них образованные люди, и неодолима их неприязнь к их одежде, обычаям и манерам. Из того же теста и аргентинские солдаты, и легко представить себе, какую храбрость и выносливость могут породить подобные привычки во время войны. Особенно если добавить, что с детства они привыкли убивать скот и этот акт необходимой жестокости приучает их проливать кровь и делает их сердце невосприимчивым к стонам их жертв.

Итак, жизнь в пампе развила в гаучо физические способности, а не умственные. Привычка преодолевать препятствия и властвовать над природой составляет основу его характера. Он силен, высокомерен и энергичен. Без какого-либо образования и без потребности в нем, без потребностей в современных средствах жизни он счастлив в своей нищете и лишениях, которые он не ощущает, поскольку он никогда не знал высших наслаждений, не испытывал стремления к ним. Таким образом, если отсутствие общественных связей порождает варварство, обусловливающее невозможность и бесполезность морального и интеллектуального воспитания, то, с другой стороны, такая жизнь не лишена своих привлекательных сторон. Гаучо не работает: пищу и одежду он находит готовыми у себя дома, то и другое он получает от своего скотоводческого хозяйства, если он собственник, или в доме своего хозяина или родственника, если он ничем не владеет. Заботы, которых требует скот, сводятся к тому, чтобы ловить его и пасти. Клеймение скота подобно сбору

---

* Генерал Мансилья[6] говорил во время французской блокады: «Что могут сделать нам эти европейцы, не умеющие проскакать целую ночь на лошади?» И огромная толпа заглушила голос оратора шумом аплодисментов.

винограда у земледельцев является настоящим праздником, встречаемым всеобщим ликованием; сюда собираются все люди, живущие на двадцать лиг вокруг, чтобы продемонстрировать свое необыкновенное умение владеть лассо. Гаучо прибывает на этот праздник на своем лучшем скакуне, который идет медленно и размеренно; останавливая его на расстоянии, чтобы лучше наслаждаться зрелищем, он сидит, сложив ноги на шее лошади. Если его охватывает энтузиазм, он медленно сползает с лошади, раскручивает свое лассо и бросает его на быка, бегущего с быстротой молнии в сорока шагах от него. Поймав его, как и намеревался, за копыто, он спокойно свертывает свое лассо.

ГАБИНО БАРРЕДА

ПИСЬМО К МАРИАНО РИВА ПАЛАСИО, ГУБЕРНАТОРУ ШТАТА МЕХИКО 1870

...Я посылаю вам экземпляр «Основного закона о народном образовании», действующего в штате Мехико, и последний устав, изданный министерством народного образования с целью способствовать осуществлению этого закона.

В этом уставе кроме общих положений, касающихся распорядка в школах и изучаемых в школах предметов, в разделе о подготовительных школах вы найдете план последовательного изучения предметов, составляющих пропедевтические курсы.

...С первого взгляда вы можете заметить, что обучение наиболее важным предметам, входящим в пропедевтические курсы, начинается с математики и заканчивается логикой. Между ними включается такой предмет, как естествознание; в первую очередь изучается космография и физика, затем география и химия и, наконец, естественная история живых существ, т. е. ботаника и зоология... В промежутках между звеньями этой научной системы изучения предметов вклинивается обучение иностранным языкам в том порядке, в каком это необходимо. Так, мы начали с обучения французскому языку, поскольку на этом языке написано большинство книг, которые могут быть использованы в качестве учебных пособий, а также потому, что мы могли бы использовать и те знания этого языка, которые были приобретены учениками в начальных школах. По тем же сооб-

ражениям будет изучаться английский язык. И наконец, обучение немецкому языку вводится в тех случаях, когда это вызвано необходимостью. Относительно латинского языка вы также найдете нововведение, состоящее в том, что его изучение учащиеся должны начинать не в начале, а в конце пропедевтического курса.

...Перейдем теперь к тем научным дисциплинам, которые составляют содержание пропедевтических курсов, и порядку их изучения.

Относительно первого вопроса — хотя нам кажется излишним настаивать перед таким глубоко понимающим человеком, как вы, на целесообразности и даже необходимости того, чтобы все люди, и особенно те, кто посвящает себя гуманитарным наукам, получали полное и единое образование по крайней мере в той части, которая составляет основу их профессиональной подготовки,— мне хотелось бы высказать одно наиболее важное, на мой взгляд, соображение, поскольку вы поручили мне в этом письме (которое должно служить вам меморандумом) уточнить все эти положения, хотя некоторые из моих аргументов могут показаться очевидными...

Орден Иисуса, за которым всегда признавалась дальновидность в выборе средств, наиболее соответствующих поставленным целям, с первых же шагов понял, какие чрезвычайные выгоды вытекают из единого и руководимого им обучения представителей влиятельных классов общества для формирования поведения этих людей в соответствии с желаниями ордена. И действительно, его основная цель заключалась в том, чтобы завладеть процессом обучения и сделать его единым для всех. Он ничего не жалел и шел на любые жертвы, чтобы осуществить свою задачу, исключительное значение которой он до сих пор понимает, и поэтому, несмотря на свой упадок, борется еще, чтобы не выпустить из своих рук это важнейшее средство общественного влияния.

Как получилось, спросите вы меня, что, несмотря на то что этот мощный рычаг морального воздействия столько лет находился в руках иезуитов, современное поколение более или менее высвободилось из-под их опеки? Ответ на этот вопрос содержится во втором условии, без которого согласно вышесказанному немыслимо

Габино Барреда

настоящее образование. Причина лишь временного характера успеха иезуитов состоит в том, что образование, которое они давали, не было и не могло быть энциклопедическим. Эти наставники учащейся молодежи всегда оставляли за пределами учебной программы множество знаний весьма важного практического значения. Одни из этих знаний отбрасывались потому, что не носили систематизированного характера, чтобы оказывать влияние в ту эпоху. Другие — потому, что их ошибочно считали необходимыми только для определенных профессий. Отбрасывались также почти все те знания, содержание которых вступало иногда в явный, иногда в скрытый конфликт с доктринами и догмами, которых придерживались иезуиты. Химия, естествознание, подлинно научная астрономия и даже бóльшая часть физики именно в силу этих причин были исключены ими из общей учебной программы. Лишь математика — и только самая элементарная — вошла составной частью в их программу...

Две причины, как вы видите, сильно содействовали провалу учебного плана иезуитов. Во-первых, их реакционные замыслы, которых одних уже было бы достаточно, чтобы свести на нет их хорошо согласованные усилия. Во-вторых, неполный и односторонний характер обучения, которое орден давал молодежи.

Несмотря на это, отцы ордена иезуитов еще сохраняют влияние в этой важнейшей социальной области. Но под мощным воздействием общественного мнения иезуиты были вынуждены вопреки их собственным желаниям расширить программу средней школы.

Но только то образование может стать наиболее прочным фактором мира и общественного порядка, которое не упускает ни одной важной области естественных наук и дает знания о явлениях природы — от простых до самых сложных — в форме теоретического и практического анализа их сущности и которое развивало бы мышление и чувства человека, а не навязывало насильно тот или иной взгляд, ту или иную религиозную или политическую догму и не боялось, что факты могут противоречить авторитету. Повторяю, образование, основанное именно на таких принципах и имеющее целью

найти истину, т. е. то, что реально существует, а не то, что мы создаем себе в своих представлениях, станет неисчерпаемым источником наслаждения, ибо оно сделает всех граждан способными одинаково и правильно толковать факты и, насколько возможно, приведет в согласие мнения людей...

Интеллектуальное воспитание, и это необходимо подчеркнуть, является основной целью пропедевтического обучения. Разнообразные и прочные знания, которые учащиеся получают при прохождении пропедевтических курсов,— большое их преимущество, но главное здесь дисциплина мышления, полученная в процессе обучения.

...После изучения математики следует изучение космографии, или элементарной астрономии, по той причине, что среди всех наук после механики космография занимается изучением наиболее простых явлений, встречающихся в природе, а также потому, что в этой науке, как и в механике (являющейся как бы введением в космографию и физику), находят наиболее широкое и непосредственное применение математические теоремы. Кроме того, те здравые знания реального механизма космической системы, которые дает космография, и те многочисленные заблуждения, которые рассеивает эта наука в умах обучающихся, уже давно сделали ее изучение незаменимой основой всякого систематического образования.

Затем идет физика, изучающая более сложные свойства тел и требующая применения новых методов и новых средств исследования.

...Далее химия, в которой экспериментальный метод находит свое наиболее полное применение, а индукция является основным логическим средством. Здесь изучаемые свойства материальных тел наиболее многочисленны и наиболее сложны и процесс познания осуществляется восхождением ко все более сложным идеям и методам.

Затем идут ботаника и зоология, изучающие явления, свойственные живым существам. В этой области наблюдение, опыт и сравнение являются средствами получения научных данных.

...Изучение географии и истории оставлено для третьего и четвертого годов обучения, поскольку для понимания географии необходимы знания, даваемые космографией, без которых нельзя понять, что такое полюсы, параллели, меридианы, климат и т. д.

История изучается после географии или одновременно с ней, что способствует повышению интереса учащихся и более успешному усвоению этих наук.

Соображения как логического, так и социального порядка, о которых я уже говорил, подтверждают абсолютную необходимость того, чтобы при прохождении пропедевтических курсов все учащиеся изучили полный цикл научных теорий, без знания которых они никогда не смогут выполнить своих социальных функций так успешно, как этого требует прогресс...

Разумеется, как вы сами поймете, я буду говорить о логике и идеологии [1], которые в старых учебных планах рассматривались как введение к изучению философии и естественных наук. Между тем в принятом нами плане они являются как бы завершением и обобщением всего процесса изучения естественных наук и философии.

Это важное изменение обнаруживает и содержит в себе самом глубокий философский смысл распределения и порядка изучения предметов, входящих в пропедевтические курсы.

...Изучение таких наук, как физика, химия, биология и т. д., которые успешно используют эксперимент, является лучшим или, вернее, единственным средством, с помощью которого можно постепенно устранить злоупотребление индукцией и одновременно успешно противостоять чрезмерному дедуктивному рационализму.

Сочетание этих двух важных методов, индуктивного и дедуктивного, или, лучше сказать, двух сторон единого метода, подкрепленное всеми остальными средствами, какие человеческое мышление может применить для познания истины и формулирования воззрений, обусловленных как чисто теоретическими, так и практическими потребностями, является тем, что должно сегодня составить курс логики. После всего изложенного не остается сомнения в том, что подобный курс только тогда может быть начат с надеждой на успех, когда ум учащегося

уже достаточно развит и когда он уже практически умеет пользоваться всеми этими науками, т. е. в конце пропедевтических курсов.

Софистический и поверхностный аргумент, который иногда хотят выдвинуть против изучения логики в конце пропедевтического обучения, сводится к тому, что такое расположение предметов якобы умаляет значение логики, делает ее ненужной для тех исследований, которые должны быть проведены ранее. Но подобный аргумент нельзя признать состоятельным после тех объяснений, которые я попытался дать вам. Из этих объяснений явствует, что на последние курсы приходится лишь абстрактная логика, рассматриваемая как искусство и как спекулятивная наука, но не практическая и конкретная логика, полный курс которой состоит из последовательного ряда знаний, полученных учащимися на протяжении всего обучения.

Идеология и психология изучают законы, которым подчиняются наиболее значительные и высокоразвитые, а следовательно, и наиболее сложные свойства человеческой психики. Поэтому их следует изучать только после остальных предметов, большинство которых (например, изучающие органическую жизнь) служит для них необходимой базой. Они могут также изучаться одновременно с логикой, по существу рассматриваемой как наука о законах, которым подчинен человеческий дух в одном из наиболее важных своих проявлений, т. е. в мышлении.

Посмотрим теперь, не противоречат ли чисто практические соображения и индивидуальный интерес учащихся общественным требованиям и требованиям метода обучения или же индивидуальный интерес согласуется с общими интересами, доказывая таким образом полное соответствие, которое обязательно должно быть между всеми действительными потребностями.

Всякий, кто хочет избрать профессию, одинаково нужную как для себя, так и для зависящих от него лиц, должен сделать выбор в соответствии со своими наклонностями и способностями. Путь, по которому до сих пор шли в важном и трудном деле — в выборе профессии, с самого начала обучения не мог не привести к ошибкам

и печальным разочарованиям, заставляя зачастую учащихся терять драгоценное время, чтобы затем вновь приступить к овладению другой профессией. Заметьте, как здесь очевидна непоследовательность: учение о божественном *предопределении* с некоторых пор отброшено в теории большинством теологов, а на практике оно фактически не проводится всей церковью. Этот предварительный отбор людей для выполнения того или иного рода деятельности не только противоречил божественной справедливости, но и не в состоянии был гарантировать, что человек справится с порученным ему делом. Поэтому католическая церковь, хотя и придерживалась догмы о непогрешимости ее главы и о постоянной прямой его поддержке со стороны божественного разума, тем не менее установила в качестве общего и постоянного правила производить все назначения ее людей на те или иные должности и присваивать им чины всегда a posteriori, т. е. после того как кандидаты показали, что они обладают необходимыми для этого качествами. От папы до последнего священника все подчиняются этому правилу проверки. Только главы семейств и защитники специального образования считают, что они могут обойти это правило. Полагаясь на какой-то особый святой дух, о котором церковь и не упоминает, они заставляют своих детей и вообще всех учащихся овладевать теми или иными профессиями, не учитывая их действительных склонностей, а зачастую и их желаний. Все эти недостатки устраняются, если сделать обучение единым и полным для всех...

Рассмотрим вопрос о том, нужна ли одна или несколько подготовительных школ, должно ли обучение в них проводиться разным преподавательским составом под различным руководством или же, наоборот, как я пытался показать вам, оно должно быть однородным и осуществляться под руководством одного директора, глубоко понимающего направленность нашего развития и действующего совместно с единым сплоченным преподавательским составом. В результате тесного общения, возникающего благодаря работе в одной школе и правильному руководству, преподаватели могли бы достигнуть единомыслия, столь необходимого для получения

желаемых результатов обучения молодежи в данный период.

Такая правильная постановка вопроса, более всего соответствующая закону об образовании, уже сама содержит в себе его разрешение и исключает необходимость в дискуссиях... Нельзя, чтобы грандиозные социальные цели, преследуемые этим законом, осуществлялись подготовительной школой с двумя или несколькими разными по духу преподавательскими составами, соперничающими друг с другом, поскольку это опять вызвало бы ту непримиримую вражду, которая служила моральной пищей учащимся старой школы в первый же день обучения...

Другим очень важным социальным последствием, вытекающим из объединения всех учащихся в единую школу, является быстрое стирание в Мексике расовых и социальных различий в ходе единого обучения в одном и том же учреждении. Кроме того, между учащимися могут возникнуть узы братства и новые семейные связи — единственное средство, которое может привести к отмиранию пагубного деления людей на расы...

ТОБИАС БАРРЕТО

РЕЧЬ БЕЗ ПИДЖАКА *
1877

Господа! Мне предстоит еще раз изложить вам, притом в более отчетливой форме, идею создания *Народного клуба* Эскады. Первое собрание, которое мы провели, не было и не могло быть вполне удовлетворительным с этой точки зрения, поскольку помимо большой трудности говорить понятно для неподготовленной аудитории тогда было преждевременным подробно излагать цели и задачи этого общества, это не принесло бы ему пользы. Хотя я и подумал, что подобная сдержанность с моей стороны могла дать основание предположить, что в основе этой моей инициативы лежит известная таинственность и секретность, которые можно будет лишь постепенно рассеять, однако это предположение было бы ошибочным и в высшей степени несправедливым.

---

* Предварительное замечание о «Речи без пиджака».— В сентябре 1877 г. мне пришла в голову мысль организовать в этом городе небольшой Народный клуб наподобие других, которые кое-где уже существуют. Как все злополучные идеи, которые в нашей стране имеют свойство развиваться с такой же быстротой, с какой, согласно народному поверью, прорастает чеснок, посаженный в ночь святого Жоана, моя идея тут же дала ростки; однако с такой же быстротой она увяла и погибла. Это была одна из многих иллюзий, которые поддерживали мой дух в этом прекрасном краю, куда я, между прочим, прибыл, чтобы похоронить самое дорогое для моего сердца и моего воображения — мою мать и мое будущее!.. Это была,

Идея, которая кладется в основу этого общества, как и других аналогичного характера, не может быть, правда, сведена к какому-то краткому определению, она не исчерпывается в сотнях речей. Только детям позволительно воображать, что можно уместить на ладони какую-либо звездочку, которая им представляется на небе величиной с монету и пригодной для игры. Точно так же лишь глупцы могут верить, что вдохновляющую и руководящую идею корпорации, созданной с гуманными политическими и социальными целями, каков бы ни был круг ее деятельности, можно изложить на листе бумаги и рассмотреть все ее привлекательные стороны и положения при тусклом свете старых фраз, посвященных воспеванию тех кумиров, которым мы сегодня поклоняемся.

Однако верно также, господа, что когда проповедуется благородная идея, то, как бы густо ни было облако, которым она окутана, народный гений проникает в ее сущность и интуитивно познает ее ценность и масштабы. И я не хочу скрывать, что объединение, подобное нашему, главным фактором которого является народный дух, демократический порыв века, включает в себя, естественно, и некоторую долю реакции и протеста против тирании вещей, некий зародыш бунтарства против

без сомнения, еще одна иллюзия, однако не такая длительная, не такая обманчивая, как, например, существование цветов с их всего лишь однодневной жизнью,— моя иллюзия длилась две недели.

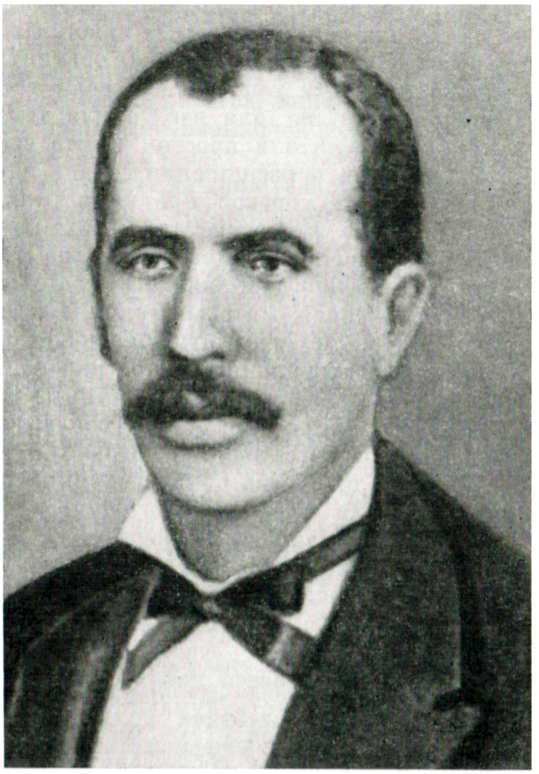
В связи с намерением осуществить свой план я и произнес приводимую ниже речь. Опубликованная вскоре же в газете «Jornal do Recife», она, конечно, не могла не показаться приятной для одних и нудной для других. Так оно и получилось.

Прошли дни, кое-что изменилось, и я понял, что, для того чтобы придать более постоянную форму этому продукту *иных времен,* я должен опубликовать свою речь отдельной брошюрой, как я сейчас это и делаю, сопровождая ее текст примечаниями, которые как бы иллюстрируют мой образ мыслей.

Вот что я счел нужным сказать об истории издания этой книжки. В остальном же пусть читатель сам составит о ней суждение, как ему покажется лучше и справедливее.

Эскада, 11 февраля 1879 г.

Автор.



Тобиас Баррето

бесстыдства богов и вносит, таким образом, каплю камеди в чашу нектара сильных мира сего.

Однако это не вступает в противоречие со спокойным и искренним характером нашего намерения и не может послужить для так называемых законных властей достаточно веским основанием, чтобы обвинить нас *в попытке мятежа.* Поэтому успокойтесь: если тут и есть какой-то секрет, то он не для вас, а для тех, у кого длинное и тонкое ухо, кто в простом факте свободного дыхания, в сокращении и расширении сердца народа видит что-то похожее на морской прилив и отлив, угрожающие поглотить их; это секрет для тех, по мнению которых малейшее усилие, направленное на то, чтобы выйти из этого угнетенного и жалкого состояния, уже представляет собой план мятежа точно так же, как кровь, которая бурлит и течет ручьем, может быть, по мнению кинжала, революционной; это, наконец, секрет для тех, кто, имея основательные причины присоединиться к нам, быть вместе с нами, не соизволит, однако, появиться здесь из-за сомнения, которое им внушает контакт с такими политическими поводырями, каковыми являемся все мы, люди *труда, не состоящие на государственной службе,* люди, лишенные родины, не нашедшие места за ее пиршественным столом, но которые, несмотря ни на что, хранят надежду в груди и стрелу в колчане!.. Для них осуществление какого-то права может принять масштабы опасного явления, зловещей тучи, которая таит в себе бурю. Что касается нас, то мы не беспокоимся из-за этого, а они пусть думают что угодно; мы будем продолжать идти вперед.

Я возвращаюсь, господа, к обсуждению основного вопроса нашего собрания, который в общих чертах уже был мною обрисован, когда мы тут собирались в первый раз. Постараюсь прежде всего говорить ясно. Я появляюсь в вашей среде не для того, чтобы вы любовались моей персоной, а для того, чтобы вы меня поняли. Муза, которая меня тут вдохновляет, слишком скромна для того, чтобы заставить меня выражаться изысканно, заставить, так сказать, надеть парадный костюм, вышитый золотом, и тем более *французским золотом.* Я намерен предложить вам нечто домашнее, нечто такое, что можно

назвать речью без пиджака,— вот такую речь я вам и произнесу. Если путешествие коротко и приятно, если я пригласил вас принять в нем участие, то разве не было бы экстравагантностью, дополненной невежливостью, если бы я захотел ехать верхом, в то время как остальные идут пешком? Итак, никаких формальностей, никаких ораторских жестов, никакого риторического корсета; не спеша, совершенно спокойно я изложу вам то, что интересует всех нас.

В свое время священник Лакордэр сказал, что оратор находится в самом неблагоприятном положении, когда ему приходится обращаться к людям, занятым едой; однако, на мой взгляд, существует еще более неблагоприятное положение — это когда говорят с людьми, которые голодны, если только речь не идет о том, чтобы насытить их или по крайней мере умерить их голод. Так выглядела бы, несомненно, перед вами моя позиция как инициатора создания *Народного клуба,* если бы мне пришла на ум нелепая мысль заняться иными делами, которые не были бы связаны с недостатками нашей политической жизни, с нищетой, и в частности, с наихудшей нищетой — духовной, в условиях которой мы трудимся, с унынием, глухой совестью — одним словом, со всеми признаками недуга, убивающего нацию, *с отказом от себя самого, с забвением своих прав* из-за отсутствия справедливости и свободы, в которых все мы испытываем жажду и голод. Мне не следует, и это было бы сейчас несвоевременным, обозревать ситуацию во всей стране, положив на анатомический стол большое тело Бразилии, чтобы подвергнуть строгому исследованию все его органы. Ни для меня, ни для вас не будет представлять интереса, если мы рассечем государство на его естественные составные части и возьмем в качестве объекта рассмотрения провинцию. Ограничиваюсь поэтому муниципалитетом, и конкретным муниципалитетом,— тем, в котором мы с вами живем. Это часть, кусок чудовищного трюмо, но в этом кусочке столь же хорошо отражается наше лицо, наш национальный характер, как и во всем зеркале.

Что больше всего бросается в глаза, что больше всего поражает взор наблюдателя, что представляет собой

самое знаменательное явление в муниципальной жизни, которое можно назвать *показателем* общей жизни страны,— так это отсутствие социальной сплоченности, разобщение индивидуумов, то, что приводит к состоянию абсолютной изоляции, к состоянию неорганических атомов, можно сказать, почти неосязаемой пыли. Между нами говоря, если что и организовано, так это государство, а не нация; это правительство, администрация в лице своих высших чиновников при дворе, в лице людей, заменяющих их в провинциях, в лице своих самых низких прихвостней в муниципалитетах; это не народ, который остается *аморфным* и дезорганизованным, не связанным между собой ничем, кроме общности языка, дурных обычаев и раболепия.

Граждане не могут или, вернее, не хотят каким бы то ни было образом объединять свою деятельность.

Никакое благородное стремление не связывает одних с другими; они не обладают ни защитной силой против притеснений со стороны властей, ни интеллектуальной и духовной силой для самостоятельной жизни — таков в общем самый значительный факт, который наблюдатель устанавливает, хотя, как мне кажется, он нигде не проявляется столь обремененным дурными последствиями, как в Эскаде. Здесь жители муниципального округа, главным образом горожане, производят впечатление путешественников, которые собираются вечером в одном и том же *ранчо,* но, как только рассветет, каждый отправится своей дорогой, почти не рассчитывая встретиться вновь. Таким образом, из того обстоятельства, что люди живут *врозь,* чувствуют и думают *врозь,* вытекает безразличие, с которым каждый смотрит на то, что лично его не касается, и, пока не придет его день, бесстрастно созерцает чужие страдания, не сознавая, что, как сказал поэт,

Страданий груз — удел всеобщий,
Его влачит весь род людской,—
Но то, что взял один на плечи,
Не понесет уже другой.

Этим дело не ограничивается. Безучастность, которую я только что отметил, проявляется не только в из-

вестном отсутствии искренней любви и милосердия в чисто человеческих отношениях, но также в отсутствии патриотизма в национальных отношениях, в отсутствии политического сознания и личного достоинства в местных делах. Против этого духовного недуга, которым страдает народ Эскады, наш *клуб* намеревается применить лекарство, которое если и не абсолютно эффективно, то во всяком случае представляет собой паллиатив.

И важно предупредить: *Народный клуб Эскады* не использует в качестве руководящего принципа ни одно из модных словечек и меньше всего пресловутую триаду: *свобода, равенство и братство* — три слова, удивляющие тем, что они объединены, ибо означают они три взаимно исключающих, противоречивых понятия, в особенности два первых. И чтобы меня не обвинили в склонности к парадоксам, я позволю себе попытаться доказать это; такая задача тем более интересна, что среди нас наверняка нет ни одного, кто принадлежал бы к этой *революционной троице,* и поэтому для нас весьма важно знать, достаточно ли нам лишь одного из данных условий, либо мы нуждаемся во всех них, а также возможно ли достижение всего этого.

Но прежде всего надо подчеркнуть, что свобода и равенство противоречивы и взаимно исключают друг друга; это не вызывает сомнения. Свобода — это право, которое имеет тенденцию на деле стать принципом жизни, условием прогресса и развития; равенство между тем не является ни фактом, ни правом, ни принципом, ни условием; оно всего-навсего постулат разума или, скорее, чувство. Свобода — это нечто, о чем человек может сказать: я есмь!.. равенство — нечто такое, о чем он только говорит: *если бы оно было возможно!..* Свобода, предоставленная самой себе, своей собственной деятельности, вызывает, конечно, неравенство, точно так же как равенство, взятое в качестве практического принципа, естественно влечет за собой порабощение. Свобода — это то состояние, при котором человек может употребить как свои собственные силы, так и силы окружающей природы и в пределах возможного достигнуть цели, которую он сам избирает. Итак, где

для индивида возникает помеха в применении своих сил и в отношении действий, которые не противоречат свободе других или общественным потребностям, там он подвергается опеке, там не существует свободы ни гражданской, ни политической, ни какой-либо другой. Равенство — такое состояние общественной жизни, при котором индивиду не предоставляется каких-либо особых благ, как не предоставляется ему также особого положения. Всеобщая равная зависимость или всеобщее равное подчинение... Осуществление свободы отвечает самому благородному импульсу сердца и сознания человека; осуществление равенства может удовлетворить лишь самое низкое из чувств — зависть. То обстоятельство, что эти два понятия не согласуются, что они являются взаимно исключающими и противоречащими друг другу, особенно хорошо доказывает Французская революция, которая началась во имя свободы, но выродилась в фанатизм равенства и дошла в руках деспота до абсурда. Французский народ уподобился тогда городу, оказавшемуся затопленным, причем осталась стоять лишь одна огромная башня посреди необъятного озера — фигура Наполеона! Так осуществился в лучшем виде идеал Мирабо — la monarchie sur la surface égale [монархия на основе всеобщего равенства]. Индивиды или народы, которые забывают о свободе из стремления к равенству, подобны собаке из басни, которая выпускает из зубов кусок мяса, увидав свое отражение в реке.

Этих слов достаточно, сеньоры, чтобы дать вам понять, каков мой образ мыслей на этот счет. Что же касается братства, то скажу вам откровенно: я считаю его скорее религиозным понятием, чем политическим. В тех пределах, в каких оно может быть осуществлено, братство не является жертвой со стороны какого-либо лица, выражающейся в том, что в ответ на одну пощечину подставляют другую щеку; это просто союз всех, кто придерживается одной идеи — идеи родины, кто одержим одним чувством — чувством справедливости. И осуществленное на таких началах братство становится плодотворным, ибо приводит к завоеванию свободы, отбрасывая в сторону сумасбродные мечты о несбыточном равенстве.

Между тем вы вправе спросить меня: как получится, что мы достигнем цели, которую вы нам предлагаете, мы, люди в своем большинстве четвертого либо третьего и второго сословия — рабочие, деятели искусства и литературы,— мы, у которых ничего нет и которые ничего собою не представляют, если учесть, что наши права узурпированы полудюжиной счастливцев, представляющих собою наших доверенных лиц? Вопрос серьезный, но ответ на него можно дать. Верно, что, несмотря на все внешние черты и конституционные положения, бразильское общество вообще и особенно отчетливо в данном городе представляет собою общество, основанное на привилегиях если не созданных законом, то узаконенных обычаями, причем закон является соучастником этих глупых обычаев, не оказывая им должного сопротивления. Стоит ли говорить об отсутствии различий между гражданами, если речь идет только о различиях, основанных на талантах и способностях, если талант и способности не служат на деле тому, чтобы подчеркивать различие между индивидами, рассматриваемыми в качестве общественных фракций. Общим знаменателем является дворянство или его заменитель — богатство.

Верно, что наше население разделено не только на классы, но и на касты.

И не только на социальные касты, но также на касты политические, каковыми, несомненно, являются две партии, борющиеся за власть, причем господство одной партии равнозначно преследованию другой, видоизменяемому лишь в зависимости от степени подлости ренегатов и перебежчиков. Все это верно, господа; и тут мне приходит на память один факт, который может служить иллюстрацией: когда десять лет тому назад епископом Пернамбуко был назначен господин Кардозо Айрес, преданный ныне *славному забвению,* как все скончавшиеся или доживающие свой век епископы, то в первой своей проповеди, написанной по-латыни, он обратился к своим прихожанам, употребив тройную формулу: духовенство, дворянство и народ — clero, optimatibus et populo, но не plebi, и эта классификация вызвала публичное осуждение его. Должен признаться, что я

и сегодня еще не понимаю ни единого слова из критических замечаний и протестов, которые она оказалась способной возбудить. Епископ, который жил в свое время в Риме, знал наши дела лучше, чем все протестовавшие. Бразилия была тогда, как продолжает быть поныне, все той же: привилегированное духовенство, несмотря на высокое жалованье, выплачиваемое священнослужителям за их труд, несмотря на то, что они получают за мессу столько, сколько адвокат не всегда получает за ведение дела, сколько мелкий торговец не зарабатывает на субботнем базаре, сколько ремесленник не выручает за свои изделия,— несмотря на все это, священники не платят налога, как такового, хотя их промысел, чрезвычайно доходный, нисколько не пострадал бы от участия в общих расходах, хотя бы в размере сотой доли от их дохода. После духовенства — избранное дворянство, в большинстве своем недалекое, претенциозное и поступающее еще хуже, чем духовенство, ибо последнее по крайней мере не приказывает сечь граждан или сажать их в карцеры при энженьо [1].

Я не говорю об экономическом классе в узком смысле слова, ибо его существование ограничивается *борьбой за капитал* и не имеет ничего общего с нашей *борьбой за справедливость*. Дальше идет народ, мрачный, страдающий под бременем нищеты народ, на лбу которого нередко вместе с клеймом несчастья судьба ставит также клеймо неблагодарности; народ, который представляет собой число, но число отвлеченное, которое само по себе не является силой; народ, преследуемый, униженный, угнетенный вплоть до того, что великие бросают кости, споря из-за того, кому он достанется, как евреи некогда разыгрывали тунику мученика Голгофы.

Я не преувеличиваю, господа, это правда. Бразильский народ или в более узком смысле народ Эскады принимается в расчет как то, что может быть присвоено, если еще не присвоено. Хотите доказательства из числа многих других? Я вам его приведу, слушайте внимательно. Вы, должно быть, помните, как в прошлом году, когда дело касалось подсчета голосов в данном приходе,— в тот период низости и обмана, который, однако, сегодня

меня уже не поражает, ибо впоследствии я навидался тут еще более грязных подлостей,— тогда обе борющиеся партии с целью доказать, какая из них имеет большинство, с детской наивностью опубликовали в печати только соотношение у них *числа энженьо!..* У либералов энженьо больше, говорили одни. Однако не столько, сколько они утверждают, возражали консерваторы и добавляли: если даже у либералов на несколько энженьо больше, зато энженьо консерваторов крупнее по размерам, плотнее населены и богаче... Вот оно!

Чего нам еще надо? Если это не был вопрос *материального характера,* т. е. вопрос о большем числе быков, лошадей и невольников, включая голосующих граждан, значит, слова потеряли свой смысл или я потерял разум. Ибо очевидно, что, по собственному признанию сторон, в Эскаде образовалась *сахарократия,* которая считает себя вправе быть хозяевами всех, кто прибыл поздно и не нашел немного земли, чтобы назвать ее своей, причем в процессе этого хозяйничанья они безжалостно орудовали *дубинкой угнетения.*

Все это, повторяю, господа, ясно как солнечный свет, обо всем этом мы знаем по собственному горькому опыту. Однако верно и то, что мы не должны отчаиваться. Суд народа — да будет мне дозволено так выразиться,— направленный на то, чтобы вернуть утраченную позицию, является скорым; в политической области — это своего рода запрещение unde vi [силой]. Еще не настал год и день, чтобы попытаться это сделать, раз народ предпочитает не использовать средство, которое законы разрешают тем, у кого украдены материальные ценности, и которое было бы абсурдным не разрешить в равной степени тем, у кого *украдены* более священные вещи, чем клочок земли, раз мы еще не дошли до того состояния подлости и нарушения моральных устоев, при котором жизнь дороже чести и собственность дороже жизни. От этого языка волосы встают дыбом; это более, чем язык *сторонника порядка,* он может показаться верхом странности; и все же, господа, в этом моем вине есть вода; не такое вино обычно пьют на банкетах демократии. Как бы там ни было, я, однако, не колеблюсь заявить: народ Эскады, к которому я обращаюсь, должен выйти

из-под опеки. Взяв на себя заботу о своем благополучии и оспаривая у власть имущих право распоряжаться этим городом как филиалом своих поместий, он должен подняться на высоту власти, с которой они обязаны считаться, хотят они этого или нет, и не оставаться лишь наименьшей величиной, *тысячной* долей силы, ошибка в которой не нарушает расчетов. Народу Эскады важно убедиться, что ему не на кого рассчитывать, кроме как на самого себя, на свой собственный характер, которому не свойственны покорность и унижение. Важно убедиться, что никто о нем не думает, никто им не интересуется. Магнаты муниципалитета, как бы они ни уверяли в противном, не могут уклониться от обвинения в том, что все они одинаково презрительно относятся к этому городу. Доказательством служит тот поразительный факт, что нет ни одного землевладельца, каким бы богатым он ни был, кто имел бы в городе здание, достойное его, соответствующее его положению и влиянию, к которому он, вероятно, стремится. Нет хотя бы одного, который здесь что-либо строил в крупном или мелком масштабе. Есть даже много таких, которые могут сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз они посетили центр муниципалитета, да еще останется незанятым один палец, чтобы захватить щепотку нюхательного табаку.

Это своеобразное и знаменательное явление, я думаю, не повторяется в ином месте, по крайней мере со столь ясным намерением проявить пренебрежение к населению города. Было бы легкомысленным и постыдным возражение, которое выдвинули мне, указав на то, что расходы по строительству новой начальной школы были почти целиком произведены за счет этих самых землевладельцев. Бесспорно, но что из этого следует? Это *ханжество,* если не хвастовство своими богатствами, либо просто знак уважения к рясе капуцина.

Не предавайтесь иллюзиям, господа. В отношении демократичности людей, посвятивших себя народному делу, есть опыт, и я попытаюсь сказать вам, как француз Бейль[2]: «J'invite à se mefier de tout le monde, même de moi...» [«Я советую вам не доверять никому, даже мне...»]

Я доверился бы только вам, ибо важно, чтобы вы подняли голову, я доверился бы вашим усилиям, которые следует умножить, вашему собственному характеру, который нужно изменить.

Муниципалитет Эскады и подобно ему вся провинция, а подобно провинции и вся страна жаждут некоего большого события. Не знаю, какое оно будет, но оно должно произойти.

Я не еврей, чтобы верить в Мессию, я не обладаю наивностью ранних христиан, чтобы верить в пришествие, но я философски верю в исторические законы, которые управляют судьбами народов; эти законы должны осуществляться и у нас. Кометы пролетают не по одной и той же орбите, и нации не следуют по одному и тому же пути. Со всей страны поднимается как бы гул проклятий и стенаний, это близится катастрофа. Нечего бить себя в грудь, молить о милосердии. Никто нам не поможет, коли спасение не придет от нас самих. Давайте откажемся от наших предрассудков, от нашей осторожности, от наших опасений, и мы станем свободным народом.

Да, господа мои, нам не хватает свободы: не той, которая состоит в том, чтобы говорить, кричать, оплевывать и чернить ближнего (ибо этой свободы у нас в избытке), но той свободы, которая выражается в достойных и похвальных действиях. Один осведомленный писатель сообщает нам, что на портике нового здания германского парламента помещен среди других портрет знаменитого либерального депутата Карла Мати, под которым начертано следующее его изречение: *«Свобода — это цена победы, которую мы одержали над самими собой»*. Это и есть, господа, то, что должно лежать в основе наших чаяний, это и есть то, чего нам не хватает: цена одержанной победы не столько над злонамеренным и ненавистным правительством, сколько в первую очередь над самими собой, над своими сумасбродствами и над нашей легкостью, с которой мы поддаемся запугиванию либо искушению своих страстей.

Однако у меня мрачные опасения на этот счет. Возможно, уже поздно получить свободу. Заметьте хорошенько: поздно, а не рано. Я не принадлежу к школе

терпеливых теоретиков, которые считают, что народ еще не созрел для свободы. Как будто можно научиться плавать, не входя в воду, или научиться ездить верхом, не садясь на лошадь! Это нелепости, подобные тем, что проповедуются людьми, которые хотят, чтобы народ научился пользоваться свободой, не обладая ею.

Именно противоположное вызывает у меня опасения. Я опасаюсь, как бы с нами не случилось того, что произошло с самым сильным воплощением новейшего византизма — империей Наполеона III.

У этого злополучного режима было две фазы: одна — движение по прямой линии по стезе деспотизма, без уступок, без отклонений — это был период восхождения к его апогею; другая — упадок и ослабление — это был период уступок и либеральных экспериментов, который длился до окончательного падения империи и национальной катастрофы.

Период этот продолжался с 1852 г. по ноябрь 1860 г., когда был издан первый декрет, по которому деспотизм соизволил сократить свой размах, и далее от уступки к уступке, т. е. от слабости к слабости, вплоть до 1870 г.,— я хочу сказать, до Седана!.. Данный факт, господа, подтверждает следующую истину: любое правительство рискует пасть, когда оно отказывается от своих принципов и проявляет непоследовательность, так же как нация в результате абсолютизма может дойти до такого состояния, когда она будет неспособна установить свободный режим. Я не верю, что наша libertas quea sera tamen... [«свобода, хотя и запоздалая...»][3] будет совершенно бесполезной. Бразилия уже производит впечатление мальчика с седой головой. Мы испорчены. Когда мы убедим императора пожаловать нам немного больше воздуха, не будет ли это уже не вовремя, не будет ли уже все потеряно вплоть до чести? Я этого опасаюсь!.. Вам нет причины удивляться параллели. Если и существует какое-то различие, то оно отнюдь не в нашу пользу. Всего за несколько лет до падения Второй империи один политический мыслитель Германии сказал о ней, что, несмотря на наличие конституции, несмотря на существование сената и законодательного корпуса, которые были не чем иным, как *бюрократическим* механизмом,

наполеоновское правительство представляло собой не что иное, как чистый абсолютизм, сдерживаемый страхом перед бомбами Орсини [4].

Отлично. Писатель сказал правду, однако не всю правду. Не только страх перед бомбами Орсини умерял правительство Наполеона, которое могло называться социализмом на троне. Его умеряло также сочувствие к нуждающимся классам, постоянное внимание, проявлявшееся к интересам четвертого сословия,— пункт, который всегда составлял основу мировоззрения нового бонапартизма.

Абсолютистское правление Наполеона умерялось также sociétés des secours mutuels, cités ouvrières, société industrielle de Mulhouse [обществами взаимопомощи, рабочими городками, промышленным обществом Мюлуза]; оно умерялось также кухнями императорского принца, которые снабжали трудящихся едой по чрезвычайно дешевым ценам, бесплатными банями столицы, Grand Café Parisien, сооруженным у ворот Сан-Мартин, неподалеку от рабочих кварталов, где бедняк мог за гроши выпить свой стаканчик, сидя на бархатном диване при блеске канделябров. Между тем что мы здесь имеем? Тоже чистый абсолютизм, умеряемый, однако, лишь *битвой при Лваи* [5], Фоска, банкротством государства, коррупцией министров, *нищетой* народа и *путешествиями* короля. Или, может быть, по крайней мере вы, граждане Эскады, имеете основания считать себя счастливыми? Вы, которые с трудом зарабатываете хлеб насущный в поте лица своего, вы, к которым, как и к большей части страны, применимо то, что однажды сказал Гладстон о своей Англии: «В девяти случаях из десяти жизнь не более как *борьба за существование!*» И какая борьба! Борьба с природой, которая нередко проявляет к вам жестокость; борьба с обществом, которое противодействует вам не менее злобно; борьба с капиталом, который смотрит на вас с недоверием и не удостаивает вас поощрением; борьба с государством, которое умножает налоги, увеличивает трудности, лишает перспектив на будущее; и в этой борьбе на четыре фронта вам приходится добывать средства для жизни и для воспитания своих детей!.. Я не социалист: не принадлежу к числу тех, кто

считает себя способным росчерком пера устранить почти неизлечимые человеческие страдания. Но я не подпеваю также хору манчестерской школы; не считаю, что нищета является всегда наказанием за нежелание трудиться, что как следствие любое средство для облегчения нищеты означает поощрение бездеятельных и ленивых. Открыто говорится, что Эскада наредкость богата, что это один из самых богатых муниципалитетов провинции. Хочу верить, что это так. Однако не странно ли, что, будучи столь обеспеченным муниципальным округом, жители города выглядят с этой стороны отнюдь не привлекательно? Из двадцати тысяч человек населения округа на город приходится около трех тысяч. Эти три тысячи душ или, вернее сказать, эти три тысячи ртов распределяются скорее всего следующим образом:

90% нуждающихся, почти бедняков,
8% живущих сносно,
1,5% живущих хорошо,
0,5% относительно богатых.

Подобная картина, которая, возможно, грешит избытком розового цвета, не может, однако, дать иного представления о нашем экономическом положении, как лишь об ужасной нищете, смягчаемой надеждой на удачу в лотерее. В условиях этой печальной конъюнктуры что делает государство, что делает провинция, что делает коммуна для населения, чтобы уменьшить его трудности и обеспечить его работой? Они поступают так, словно на спину животного, упавшего от усталости, навьючивают еще несколько килограммов с целью помочь ему подняться. Государство и провинция выжимают ежегодно из этого муниципалитета (не упоминая о других каналах, а лишь о том, что поступает от двух податных контор) от 25 до 30 миллионов реалов. Это то, что поступает от населения. Теперь посмотрим, каковы расходы: 10% от этой суммы тратится на народное образование; 15% — на правосудие и его органы; 20% — на полицию; 1—2% — на церковь; остальные же средства, а именно более половины, расходуются на другие цели, причем надо еще заметить, что расходы на местную полицию

являются единственными, которые приносят практический и реальный результат, поскольку гражданин во многих случаях получает по спине благодетельный удар *дубинкой.* В свою очередь муниципалитет выполняет с таким же рвением свои функции, и в конце концов неизвестно, на что тратятся его доходы. Ибо повсюду и со всех сторон наблюдаются те же болезненные симптомы, те же стремления, та же тревога. Совесть у людей как бы потеряла центр духовного притяжения и беспокойно колеблется в поисках точки опоры. Просвещение почти равно нулю, как равно нулю и желание обучаться; пример мы имеем у себя дома. Вы только что слышали, что расходы на школы этого города значительно ниже расходов на полицию,— явный признак умственной отсталости. Этим дело не ограничивается. По мнению компетентных лиц, нормальная пропорция между числом жителей в той или иной местности и числом лиц, которые должны посещать школу, составляет 12—15%, если эта местность претендует на то, чтобы считаться передовой. Так вот, из трех тысяч душ, которые, как мы говорили, живут здесь, лишь четыре процента с небольшим фактически посещают существующие пять учебных заведений, и это при 7% всех детей, записавшихся в школу!.. Как видите, у нас еще существует некоторое предубеждение против дьявольского искусства читать и писать, пользуясь ироническим выражением итальянца Аристидеса Габелли[6].

Прибавьте это к прочим явлениям нашего упадка.

Народный клуб Эскады, господа, не претендует — ибо это было бы смешно — воздвигнуть плотину сопротивления против потока стольких бед, беглый обзор которых я только что сделал; но он намерен внушить народу этого города живейшее чувство сознания своего значения, пробудить в нем негодование против угнетателей, сочувствие к угнетенным. И есть моменты — я уже сказал с известным основанием,— когда сочувствие тоже может решать проблемы.

Я кончил.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ
[к «Речи без пиджака»]
1879

I

По поводу Французской революции

Это особенно хорошо доказывает Французская революция, которая, начавшись во имя свободы, выродилась в фанатизм равенства и дошла в руках деспота до абсурда.

Я спешу выступить против ложного представления, которое может создаться у читателя, если он сочтет меня на основании этих слов *одним из многих,* для кого Французская революция представляет итоги всей философии истории и которые черпают из нее, и только из нее, знания и примеры высокой политической мудрости. Такое представление помимо всего прочего выставило бы меня в невыгодном свете, обнаружив противоречие с высказанными ранее взглядами.

Действительно, если я и не принадлежу к отсталой, обскурантистской школе людей, клевещущих на прошлое, которые по убеждению или по прихоти еще сегодня крестятся в ужасе перед призраками, ассоциирующимися с воспоминаниями о 89-м годе, я не увеличиваю также число идиотов свободы, видящих во Французской революции лишь провиденциальный акт, поправку к Голгофе, второе искупление и, следовательно, начало подлинной истории человечества. Не знаю, выше ли я или ниже этих двух различных видов интуиции, но я знаю, что далек от них. Не впустую в этом смысле читаются исследования Зибеля, труды Трейчке; я уже не верю в божественные откровения, которые пришли к нам со времен *брюмера* или *термидора*[7]... Так называемая Французская революция, по поводу которой профессор Луиджи Сеттембрини[8] из Неаполя в своих «Уроках итальянской литературы» настойчиво доказывает, что она должна рассматриваться как латинская революция, уже давно назревшая среди народов одной расы и осу-

ществленная по инициативе Франции,— это великое событие среди ряда других крупных событий современного мира не содержит в себе чего-либо загадочного или таинственного и весьма мало заключает в себе поэтического и почетного. Здесь неподходящее место для того, чтобы подробно распространяться на этот счет, чтобы отстаивать точку зрения, не соответствующую принятым предубеждениям и подрывающую основы господствующего мнения. Но следует подчеркнуть: Франция, которая была в этом веке необычайно плодовита в создании всякого рода *философий*, так же как и ее международная выставка этого года, которая изобиловала *конгрессами* по различным вопросам, начиная с конгресса по проблеме женского равноправия и кончая конгрессом, посвященным защите лошадей и других животных; Франция, которая умеет философствовать de omnibus et quibusdam aliis [обо всем и еще кое о чем] вплоть до того, что мы ей обязаны даже философией нищеты, которая, впрочем, послужила лишь тому, чтобы обнаружить, как показал Карл Маркс, *нищету философии*[9]; наконец, Франция, которой немногого недостает, позаботилась дать нам также философию безрассудства, которая заняла почетное место среди других философий... философию... *уголовного права*, церковного и религиозного права; она не выполнила бы своей гуманной и цивилизаторской миссии, если бы не имела также своей законченной системы, своей *философии революции*, написанной в книгах и внедренной в умы.

Признаюсь, я не верю в догмы этой старой философско-политической ортодоксальности и восстаю при столкновении с ними. При нынешнем состоянии развития история новейших народов, в особенности народов Америки, нуждается в более важных событиях, в более полезных решениях, чем в разрушении тронов и обезглавливании коронованных правителей. Требования века все более и более расширяются в соответствии с бесплодными категориями *прав человека и народного суверенитета*.

Тем не менее я уверен: не один идолопоклонник модной страны из числа суетливых людей, о которых Катон уже в свои первые дни говорил, что они отличаются

двумя качествами — rem militarem et argute loqui [воинственностью и острым языком], что как раз отражает славу и дух нынешнего времени,— не один, повторяю, поклонник модной страны покачает презрительно головой. Причина простая: пустые головы качаются легко. Но что же важно? Я не принадлежу к категории счастливцев, которые, по выражению Хартполь Лекки[10], *ценою истины* покупают мир, согласие со всеми, как и не считаю нужным выполнять совет Гёте:

Sagt es niemand, nur den Weisen,
Weil die Menge gleich verhöhnet
[Не говори никому, разве только мудрым,
Ибо толпа сразу же поднимет насмех].

Наоборот, зачастую именно перед простонародьем сильнее чувствуешь обязанность не замалчивать свои убеждения, несмотря на его заносчивость и даже именно из-за нее. Кроме того, я не думаю, чтобы мы жили в мире, где существует четкое различие между *учеными*, с которыми говорят, и *массой*, в отношении которой проявляется сдержанность. К этой последней, к которой и я принадлежу, отлично подходят слова Макиавелли:

Nel mondo non é se non volgo
[В мире нет ничего, кроме черни].

Я хорошо знаю, что в подобном случае позиция писателя, который не охвачен общей *ленью мыслить* и может поэтому кое-что сказать, подобна позиции королевы Гандари в индийской сказке: «Старый король Дрибарастра был слеп; когда ему однажды понадобилось предстать перед народом вместе со своей женой Гандари, та вышла с завязанными глазами, чтобы не показаться лучше, чем ее дорогой супруг...»

Вот так и писателю тоже нужно показываться с повязкой на глазах, добровольно слепым и невежественным, чтобы он был как раз на уровне своего *дорогого* читателя. Индийская сказка не говорит, какую кару понесла бы Гандари, если бы она показалась без вуали на лице; но мы знаем, что ожидает неосторожного писателя, который *осмеливается* иметь лишнюю идею, не заимствованную из общего источника своей почтенной публики; по выражению Пеллетана, оно, это мучениче-

ство эпохи, выглядит смешным, хотя среди нас — и это то, что меня ободряет,— оно еще не осуществлено эффективно: из-за небрежности и глупости палачей нельзя в сущности найти хотя бы одного мученика.

II

Братство — просто религиозное понятие

> Что же касается братства, то... я считаю его скорее религиозным понятием, чем политическим...

Обратите внимание читатель: *религиозное понятие*, а не понятие *моральное*.

Чувство, заставляющее видеть в человечестве одну лишь семью, если действительно и существует, относится не к сфере морали. Человеческие чувства, как таковые,— те самые, что требуют больше самопожертвования и самоотречения, чувства, которые сильнее возвеличивают человека перед его совестью, не имеют в качестве основы, первопричины любовь и преданность *роду человеческому*, который в конечном счете является не чем иным, как видом алгебраической формулы, отвлеченным числом, каковым пользуются только для удобства выражения. Мораль не имеет ничего общего с бредовыми идеями легкомысленных умов, подразумевающих под схемой братства естественный и целесообразный порядок вещей, при котором кот уживается с мышью, волк с ягненком. Принцип «non sibi sed toto genitum se credere mundo» [«не только себе, но всему роду человеческому»] не является принципом человеческой морали, нормой поведения людей, которые живут и любят жизнь, но высшим парадоксом варварского стоицизма, который рассчитывает отомстить за бедствия человечества, поставив перед ним неразрешимые проблемы.

Апостолы *всеобщего мира*, философские капуцины *человеческого братства* полностью обманывают себя, если только не хотят, наоборот, обмануть других. «Я отношусь с большим сочувствием и питаю большое уважение к моим настоящим родственникам,— говорит

Фицджеймс Стефен, — чтобы осмелиться назвать братьями человеческие существа, немало из которых заслуживают моего презрения и ненависти. Род человеческий столь многочислен, столь полон различий, так мало знаком индивидууму, что никто не может без особой причины любить весь народ, как родню. У фанатиков человечества в лучшем случае в уме существуют лишь призраки, которым не соответствует ничто реальное и определенное...» К этому добавляется другое соображение, не менее заслуживающее быть отмеченным, а именно: в тот день, когда человечество составило бы одну лишь семью, согласно пожеланиям его пророков, оно перестало бы существовать, потому что если исчезнет борьба, то исчезнет и жизненный стимул. Каждый народ имеет свою цель, свой путь; человечество же не имеет *собственной цели* и, таким образом, не может продолжать существовать и прогрессировать, не оставаясь разделенным на государства, нации и расы, которые соперничают, вступают друг с другом в противоречия и борются между собой. Человеческое развитие осуществляется путем контрастов, так же как часовая стрелка приводится в движение качанием маятника.

Я человечества еще не утвердилось и никогда не сможет утвердиться ясным и определенным образом с помощью действий, которые выражают силы и тенденции не одной расы или одного народа, а всего рода человеческого. Типичные представители — это не только люди той или иной нации, той или иной определенной эпохи. Человечество, как *общее целое,* как органическая система, не имело до сих пор и никогда не будет иметь представителя. Тот самый Мессия, о котором говорят, что он якобы придет освободить род человеческий от *дьявольского плена* — места, где еще и поныне не один демон держит в плену бедного Адама, явился не чем иным, как олицетворением всего того выдающегося и замечательного, что было у еврейского народа и в течение многих веков накапливалось в его истории. Иисус был, несомненно, крупнейшим *представителем,* которому, я согласен, можно выразить наше уважение; но он был представителем лишь своей нации, каким был Александр у греков, Цезарь у римлян, Данте в Италии,

Лютер в Германии и немногие другие феномены морального и интеллектуального величия народов.

Принцип индивидуализации, который является основным принципом всех существ, не касается человечества, иначе говоря, человечество не является индивидуумом, силой или совокупностью сил, которые сознательно или бессознательно сотрудничают во имя достижения единой цели. Человеческий союз, братство не может существовать так же, как существует *человеческая история, человеческий язык.* Хотя и говорится — и пусть даже это действительно так,— что человек является *историческим существом,* эта истина не перестает все же подвергаться известным ограничениям. Ибо в противном случае каково было бы, например, *историческое* значение папуаса или эскимоса либо других многих неприспособленных к жизни остатков народностей или презираемых *примитивных* племен, которые остались вне сферы действия всеобщего эволюционного процесса?

Мы не строим иллюзий; понятие человечества является лишь категорией мышления, если не фантастической схемой, которая во встревоженных душах может возвыситься до степени постулата сердца, вздоха *«эх, если бы».* Эх, если бы в самом деле мы все были братьями и, как братья, любили бы друг друга! Нет, несомненно, ничего более прекрасного. Но и ничего более неосуществимого. Это иной способ выражения обычной формулы большой человеческой иллюзии: *эх, если бы я был счастлив!* «Надежда на будущее положительное счастье человечества и волей-неволей на сотрудничество в целях всеобщего развития представляет третью стадию иллюзии»,— сказал Э. Гартман [11]. Известно, что это философ, который вместе с Байроном, Шопенгауэром и Леопарди [12] входит в так называемую группу четырех апостолов пессимизма, лейтмотивом которых является наводящее тоску «Vanitas vanitatum» [«Суета сует»], отраженное в сильных словах прекрасного итальянского лирического поэта:

Arcano é tutto
Fuorché il nostro dolor
[Таинственно все,
Исключая наше страдание...]

Известно, повторяю, что Гартман разбил на *три стадии* иллюзорные стремления человека; причем третьей и последней из них является фантастическое стремление к *царству божьему* на земле, при котором блаженство каждого будет заключаться именно во всеобщем блаженстве.

Грандиозная мечта, однако, вечная мечта!
А факты говорят очень громко.

Что стало с «unum ovis et unus pastor» [«овцой и пастырем»], что стало с христианской любовью, с евангельским милосердием, с братской сплоченностью между единокровными детьми одного отца, *пребывающего на небесах?* Что стало с великим храмом на востоке Иосафатовой долины[13], там, где царит мир, правда и единение? Замечательный букет de fables convenues [*популярных басен*]! Христианская любовь стала лицемерной фразой, масонский гуманизм — смешной бравадой. Церковь, которая именует себя первым проводником этой христианской любви, проповедует пост, а сама объедается, советует пить воду, а сама пьет вино, тогда как масонская ложа в свою очередь продолжает скрывать от глаз непосвященных свой страшный секрет, заключающийся как раз в ее... *ничегонеделании.* Недостаточно выставлять и изображать человечество «*как всеобщее целое,* объединенное узами братской любви, чтобы общее усилие принесло все, что есть истинного, прекрасного и хорошего», нужно, главное, организовать его для достижения этой цели. Но... каковы они и где они — органы этого огромного альянса?

Самая значительная социальная организация, которой располагает история после Римской империи,— католицизм представляет как бы громадное дерево, стремящееся достать небо своими ветвями и укрыть под своей сенью войско либо загнать в свои сети народы земли. Католицизм в глазах тех, кто хочет видеть, представляет ярчайший пример бесполезности усилий, употребляемых на то, чтобы *сделать* род человеческий *единообразным.* Не рассматривая католицизм как *политический шедевр человеческой мудрости* и вместе с тем считая его наделенным *выдающимся социальным духом,* как указывает Огюст Конт (на его пристрастие и чуть ли не энтузиазм

в отношении католической религии я, между прочим, обращаю внимание не только верующих, которые осуждают его, толком не зная его взглядов, но и всех устаревших господ позитивистов, которые безоговорочно обожествляют его и выступают от его имени против церкви и священников), не заходя так далеко, как старый пророк «Западного позитивистского комитета», я думаю, однако, что если католицизму не посчастливится привести человечество к единой системе вероисповеданий и обычаев, поведения, чувств и действий, как прямо или косвенно выражено в его программе, то никакая другая ассоциация, религиозная или политическая, никогда не сможет этого достичь.

То, что остается, следовательно, от всех грез о вечном мире и гармонии между людьми, от всех этих фантастических миров, созданных на небесах для поселения там счастливых верующих, считающих себя детьми божьими и, основываясь на этом, требующих для своего рода осуществления высших судеб, то, что остается от всего этого, весьма грустно и мало созидательно: всегда «homo homini lupus» [«человек человеку волк»], причем решительно отвергается формула «homo homini Deus» [«человек человеку бог»], и остается верным в отношении человечества то, что сказал Шеффель[14] о природе вообще:

Denn der Grosse frisst den Kleinen,
Und der Grösste frisst den Grossen,
Also löst in der Natur sich
Einfach die sociale Frage
[Большим малый пожираем,
А большой захвачен еще более крупным.
Таким путем просто разрешается
Социальный вопрос в природе].

III

Церковь и театр. Религия

Это ханжество, если не хвастовство своими богатствами, либо просто знак уважения к рясе капуцина.

Прошу прощения у тех, кого данные слова могут случайно обидеть из-за предположения, кстати ошибоч-

ного, что в них содержится дискредитация достойного миссионера, подарившего храм этому городу. И я не переменил мнения: я остаюсь верным однажды выраженной мною мысли, что он оказал той религии, какую мы исповедуем, в высшей степени важную услугу; и в результате находившаяся в оппозиции небольшая часть *молящейся* публики, та самая, которая так строго критиковала архитектуру монаха, волей-неволей продолжает ходить в капуцинскую церковь облегчать свое бремя грехов, забывая, таким образом, изо дня в день великую опасность умереть раздавленным под крышей и стенами *плохо построенного* сооружения, которое может легко обрушиться.

Я не имею счастья быть образцовым верующим, одним из тех, которые, главным образом после обеда, когда религиозное настроение приятнее, наслаждаются сладким созерцанием божественных вещей. Природа позабыла одарить меня вдохновением, которое творит святых. Я так же мало понимаю в языке набожных душ, которые говорят мне о чистых откровениях сверхчувственной жизни, как мог бы понять слова женщины, которая стала бы мне рассказывать о страданиях при родовых схватках. И если верно, как говорил Гёте, что глаз есть продукт света, то, проведя точную параллель, вера есть продукт бога, и я должен сознаться, что до сего дня этот орган у меня не развился: еще не появился этот *«второй глаз»*. Но я также признаюсь, что не считаю себя поэтому вправе сомневаться в наличии света, который, по утверждению других, они видят. Верно, Гёте не назначил меня своим привилегированным переводчиком.

Тем не менее мне иной раз кажется, что я открыл более широкий горизонт, чем мой благочестивый сосед, которому из пещеры, где он продолжает сидеть,— пещеры его верований удается видеть кое-как лишь уголок неба. Хотя иной раз мне кажется, что церковь — это анахронизм, а сутана — мрачная штука: будто священники *носят траур по богу!*.. Однако я тут же избавляюсь от такого безбожия и возвращаюсь к сознанию своего невежества; хотя бы потому, как говорится у нас в народе, воспитанном в католическом духе, *мудрыми маль-*

чики не родятся и поскольку жизнь сама по себе — доказательство идиотизма — пункт, в котором, впрочем, добрые люди сталкиваются не с одним философом,— мне посчастливилось войти в число живущих идиотов.

Итак, если я не отношусь к святой церкви с любовью и преданностью нежно любящего сына, то я и не желаю ей зла, хотя мне, так же как и д-ру Фаусту, невинная Маргарита могла бы с основанием сказать:

Zur Messe, zur Beichte bist du
Längst nicht gegangen
[...В церкви не был уж давно ты,
На исповедь не ходишь уж давно].

Следовательно, нетрудно понять, каково мое отношение к церковным делам. Когда я говорю о храме и капуцине, это все равно что я говорю о театре и актере или о казарме и солдате sine ira et studio [без гнева и предвзятости], объективно, исторически. Не может быть и речи, что я, касаясь сооружения главной церкви этого прихода, намеревался противопоставить религиозному чувству экономические аргументы и намекнуть на бесполезную трату значительного капитала, вложенного в непроизводительное дело. Это уже отсталая точка зрения, и нет ничего более бессмысленного, как предоставить слово политической экономии для рассуждений о делах, которые ей совершенно чужды. Это все равно что выслушать ее мнение об орбите планет или о размерах звезд.

Напрашивается вопрос: *какую выгоду* получает народ от этого храма? На это легко ответить так: *а какую выгоду* получает народ от всего остального, что не является храмом? Театр, например, скажут, является общественной необходимостью, школой исправления и морализации. Пусть так. Но церковь — другое дело. Однако здесь у меня нет ничего общего с читателем-католиком, хотя тот, возможно, уже таращит глаза, собираясь принять меня за *одного из своих*. Эстетические потребности, которым удовлетворяет театр, не более глубоки и настоятельны, чем религиозная потребность, удовлетворением которой занимается храм; и верующие имеют основание требовать для себя тех же прав, каких требуют дилетанты всех видов. Следует отметить лишь

одно обстоятельство: в сущности как там, так и тут существует только субъективная истина. Действенность религии как морализующего средства столь же слабо доказывает объективную реальность ее содержания, как и влияние театра на развитие так называемого общественного сознания доказывает истинность событий, изображаемых на сцене.

Но все же религия и театр против этих доводов условности, хотя, впрочем, не в силах справиться с ними. Экономисту и статистику не дано знать интимные изменения, которые могут произойти у человека в час спектакля или в час благочестия. Можно, конечно, возразить: народ выходит из храма и погружается в грязь порока. Однако он выходит также из театра, где только что аплодировал поучительным сценам героизма, и тут же отправляется совершать подлости. Основываясь на экономическом доводе целесообразности, доходят до того, что требуют упразднения тюрьмы из-за тысячу раз доказанной неэффективности ее нравственного воздействия на сознание преступника.

Как бы того ни хотели и сколь бы смело ни пытались, никогда не удастся искоренить идеал из сознания и сердца человека, и форма, в которой идеал проявляется всего нагляднее народу,— это как раз религиозная форма. То, что религия стала безумством, показателем слабости умственного развития, или, более того (как это стремился доказать, оперируя вескими доводами, знаменитый русский нигилист Михаил Бакунин), то, что религия стала протестом человеческой природы против бедствий и узости окружающей действительности и с прекращением этих бедствий религия утратила бы смысл своего существования,— все это имеет малое отношение к вопросу. Истина всюду одна и та же: пока народ обращается к священнику за тем, что не рассчитывает найти у философа, и пока он хочет сделать *просфору* своей единственной духовной пищей, совершенно бесполезно отнимать у него сладкую и утешительную иллюзию его верований.

«Религиозное суеверие,— говорил далее Бакунин,— не может быть побеждено с помощью образования, с помощью ассоциаций, газет и любых других орудий про-

паганды... Чтобы покончить с религией, недостаточно интеллектуальной пропаганды, нужна наряду с ней социальная революция». Какая удивительная и вместе с тем глубокая и точная мысль! В самом деле, озаряйте народ каким угодно светом, удесятеряйте количество школ и во сто крат увеличивайте число учителей, но оставьте порочную организацию общества неизменной, и вы добьетесь лишь того, что усилите у народа ощущение своей нищеты. Наука есть развитие сознания. «С повышением культуры народа,— говорит Гартман,— усиливается и его недовольство жизнью».

Следовательно, нет достаточного основания, главным образом в нашей среде, иметь религию, лишенную своего назначения обманывать и утешать. Еще много времени — а кто может гарантировать, что не всегда? — социальный организм будет выполнять религиозные функции и не будет иметь для них специальных органов. Поскольку человек, сталкиваясь в этом мире только с жестокостью, несправедливостью и горем, создает себе с помощью фантазии лучший мир, похожий на волшебный остров, где он найдет отдохновение от тяжелых и невыносимых условий существования, то религия будет, как была и до сих пор, мощным фактором в истории наций. Возможно, позже, по мере того как древний принцип мудрости «timor Domini» [«страх божий»] стал бы уступать дорогу «horror Domini» [«ужас перед богом»], этой своеобразной *теофобии,* которая охватывает не один рассудительный разум, в особенности когда два коня колесницы жизни — доход и расход не составляют доброй пары,— возможно, позднее трагедия обернется в комедию и нынешняя серьезность наших священных дел не найдет оправдания в душе потомков; однако менее известно, останутся ли тогда нетронутыми церковные бенефиции. «Через сто лет любой американский школьник, возможно, будет считать Бригама Юнга [15] архиплутом, а священную книгу мормонов — творением безумца; однако это не устраняет того факта, что они построили город и оставили неизгладимые следы цивилизации на Дальнем Западе». Так выразился Карл Френзель [16], и его мысль остается справедливой, если ее применить к любой другой религиозной секте.

Итак, мы приходим к убеждению, что религия является тем, что она есть, а именно стремлением к неизвестному, высоким предчувствием, потребностью, восторгом души, а возможно, и нелепостью, как сказал Г. Гейне. Но так или иначе, она может быть чем угодно; во всяком случае там, где она проявляет искренность, религия необъяснима и не может быть сведена к интеллектуальной формуле.

Восемь лет тому назад автор этих строк написал по аналогичному поводу следующие строки, которые он просит разрешения повторить: «Мы не понимаем, чем была бы душа, оторванная от всех невидимых нитей, на которые ее иногда подвешивают и раскачивают между небом и землей. Мы не понимаем жизнь без аромата какого-либо поэтического цветка, какой-либо мистической иллюзии, от которой несвободны самые храбрые герои чистой метафизики. *Истина не единственный хлеб, которым питается разум; истина не единственная мера вещей.* Когда этот парадокс проникнет в наши верования, прекратятся многие столкновения, потому что логика сумеет сдержаться и не захочет диктовать законы в чужих владениях...» (Americano, n. 6, 1870).

Эти слова, которые я написал с убеждением, приобрели в моих глазах тем большую ценность и значение, что несколько лет спустя я имел удовольствие прочитать почти идентичное мнение известного ученого проф. Крёнига. Он сказал: «Истина и красота в сущности не имеют ничего общего между собой. Многое из истинного не является прекрасным; многое из того, что красиво, не истина. Точно так же как мы наслаждаемся бесчисленными стихами и другими произведениями искусства, мы можем наслаждаться многими религиозными учениями, не считая их вместе с тем истинными» («Das Dasein Gottes», 1874).

Признавая, таким образом, что у меня недостаточно хорошее зрение, чтобы даже с помощью самых совершенных научных приборов видеть издалека то, что другим кажется, будто они видят свободно невооруженным глазом; будучи совершенно незнаком с тем, как осуществляется этот вид *спектрального анализа* божества, который многие производят в глубине своих размышлений

и из него получают познания о психологической конституции высшего существа, я тем не менее имею мужество предполагать у моих ближних моральное уродство, считать их изуродованными вследствие того, что у них есть лишний орган, а может быть, дефективным являюсь я... так как у меня одного *органа не хватает*...

IV

Ошибочное мнение

> Кометы не пролетают по одной и той же орбите, и нации не следуют по одному и тому же пути.

Тут подразумевается ссылка на бытующее среди нас ошибочное мнение, что история одного народа, в особенности в политической области, может служить нормой поведения для другого народа. Так, мы видим, что еще и сегодня не один культурный либо претендующий на это ум намекает то на Францию, то на Англию, то на Соединенные Штаты, поучая бразильское монархическое правительство, как ему поступать! И нередко они доходят до того, что, смешивая событие с законом, хотят декретировать свержение императора по той же причине и в такой же форме, как были свергнуты Карл X и Луи Филипп!

Сейчас нет нужды говорить о том, насколько это рассуждение убого и наивно.

У каждого народа есть своя история, и у каждой истории свои факторы. Нет двух наций с одинаковым развитием, как нет и двух индивидуумов с одним характером. И более того, одна и та же форма правления делает судьбу государств столь же похожей между собою, как могла бы быть, пожалуй, сходной участь двух людей только лишь потому, что они родились в один и тот же день и что... одеты в костюмы из материала, взятого из одного куска. «Наблюдение за отношениями между иностранными нациями,— говорит Леонард Фрейнд,— действительно всегда поучительно в той мере, в какой все, что может быть сравнимо, вызывает размышление; тем не менее какой-либо народ отнюдь не может с выгодой воспользоваться чужим опытом, как

это может сделать отдельный индивидуум. Ибо в конечном счете люди знают и верят лишь в то, что отыскивают сами, в то, что исследовано и испытано лично...»

Эта истина равносильна закону, от которого мы, бразильцы, не смогли бы уклониться. Сфера политического мира не изрезана меридианами и параллелями, она не признает anticios и pericios, которые живут под одним и тем же градусом широты или долготы, подверженные влиянию одного и того же социального климата. Определение Гёте, который сказал, что история науки похожа, мол, на большую *фугу,* где поочередно слышатся голоса разных народов, не подходит в точности к истории политики. В первом случае наблюдается повторение и продолжение общей темы, здесь же дело обстоит иначе: народ не вправе повторять или имитировать даже себя самого, ибо существует угроза опуститься до дешевого комизма, свойственного всем карикатурам. «Горе имитаторам, — говорится в одном стихотворении, — однако втрое большего сожаления заслуживают политические имитаторы; они самое опасное явление, которым гнев богов может наделить несчастную нацию». Я не колеблюсь воспользоваться этими словами К. Френзеля.

Таким образом, я в общем убежден, что мы когда-либо сможем подняться и прославиться, не воспользовавшись революционной программой той или другой страны, не надевая чужую *конституционную одежду.*

Александр Гумбольдт [17] назвал английскую конституцию *океаническим продуктом;* мы будем счастливы, если и конституция, которая нами управляет, могла бы, пожалуй, называться *продуктом сельвы.* Национальная политика, соответствующая характеру народа, является единственно действенной и полезной, ибо только она тоже способна к развитию.

V

О свободе

Свобода — это цена победы, которую мы одержали над самими собой...

В этом прекрасном изречении Мати виден как бы отблеск Гёте:

Nur der erringet Freiheit sich und Leben,
Der täglich sie erobern muss
[Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой].

Здесь также узнается источник сходной мысли знаменитого еврея Людвига Бёрне: «Быть свободным — это ничто; стать свободным — это все». Действительно, сила доказывается в борьбе, а борьба в свою очередь пробуждает и рождает силу. Как видите, это еще одна из форм учения Дарвина, согласно которому сама свобода уже не делит с богом и дьяволом судьбу стать субъектом для того, у кого нет соответствующего дарования, *имени, у которого есть лишь звательный падеж,* возглас, *междометие,* чтобы вступить в область опыта и стать в так называемом духовном мире тем, что, например, представляет собой (пусть читатель не пугается) мужская мускулатура, настоящая мужская борода в физическом мире. Это результат частного развития и это также продукт struggle for life и natural selection [борьбы за существование и естественного отбора], этих злободневных крамольных словечек, у которых между тем сам мятеж не в состоянии отнять их высокую ценность и глубокое научное значение. Однако это относится не только к природе и обществу, с которыми человек живет в открытой борьбе, но также и к его внутреннему миру, борьбе лицом к лицу со своими страстями, vis-à-vis с самим собой. Свобода всегда завоевание.

То, что сказал Шопенгауэр о человеческом разуме — богине философии, развенчанной им и низведенной до простых размеров качества, *созданного* или *приобретенного,* зиждется целиком на свободе, этой другой *богине,* чей языческий культ был не менее опасным и сегодня не менее нелеп, чем культ его гордой сестры *. Как и наука разума, наука свободы — а можно и в самом деле говорить о таковой — еще не является тем, чем должны быть все отрасли человеческого познания,— наукой отношений, истин, соответствующих фактам. Она

* Разум — богиня философии, как свобода — богиня черни (из лекции по гражданскому праву, прочитанной Тобиасом Барретo).

еще не является, сказал я, но станет ли она ею в один прекрасный день? Станет, без сомнения. Несколько позже концепция свободы станет настолько отличной от нынешней, насколько уже сегодня она в значительной степени отличается от сакраментальных формул старого либерального катехизиса. Таким образом, за исключением упрямых французских маньяков и еще кое-кого из обманщиков либо глупцов, принадлежащих к другим нациям, которые *солидаризируются с французской группой* (предположив здесь на мгновение осуществленной мечту Сен-Симона и воспользовавшись его выражением), за исключением этих лиц, число которых, кстати, трудно определить — дюжина их или легион, никто больше не говорит об идеальной свободе и не верит в ее чудодейственные эффекты. Божественная природа этого выражения, так же как и природа Иисуса, относится к числу поэтических безумств и фантастических созданий.

Впрочем, мне могут возразить: А Стюарт Милль?.. Что ты скажешь о Стюарте Милле, чья знаменитая книга «On Liberty» [«О свободе»], которую он сам считал своим самым значительным трудом, именуется политическим евангелием XIX в.? И где до сих пор был лучше пропет гимн свободе, о которой мы мечтаем и какую мы хотели бы иметь, чем в этой золотой книжице?

Возражение веское, но все же оно не таково, чтобы на него нельзя было ответить.

При упоминании о Стюарте Милле и о его образцовой книжке, которую в настоящее время больше восхваляют, чем читают, мне приходят на память — сам не знаю, в силу какого психологического закона, — злые слова Генриха Гейне: «Француз любит свободу, как свою невесту, англичанин — как жену, немец — как свою бабушку». Оставляя в стороне то, что сказано о старой *бабушке* и молодой *невесте,* мы рассмотрим свободу лишь как жену, ввиду того что Милль был англичанином, законным сыном, по свидетельству Трейчке, «того среднего, подлинно немецкого класса Англии, который со времен Ричарда II как в добре, так и в зле путем серьезного стремления к правде, так же как и путем *мрачного и фанатичного рвения,* представлял главным образом внутренний мир, духовную деятельность этой страны».

Итак, Милль, наверно, любил свободу, как свою жену. Он поступил в отношении свободы так же, как в отношении вдовы Тейлор, которая умерла госпожой Милль: ее мозг нормального объема и веса он окружил идеальным ореолом, вплоть до того что приписал ей дарование, большее, чем его собственное, изобразил ее как свою учительницу и вдохновительницу, — в общем, одарил ее на небе *умом, которого она не имела на земле.* Вот так он поступил и в отношении свободы: он занялся старой темой notum lippis et tonsoribus, о которой уже больше пятидесяти лет тому назад Жоффруа сказал, что она была бы поэтической, если бы была содержательной; он улучшил и идеализировал ее, придав ей там, вверху, в сфере абстракций и благочестивых желаний, характер высшего уважения, какого она не имеет, не могла иметь здесь, внизу, в обиталище нищеты, в практическом и позитивном мире.

Не знаю, усложняет ли или упрощает вопрос то обстоятельство, что Милль пошел по стопам Г. Гумбольдта в использовании той же темы, которую великий немец задолго до него пытался осветить, но, конечно, не может не вызвать удивления, с одной стороны, то, что Стюарт Милль, которому в его открытии сопутствовал бесплодный Лабулэй [18] («L'état et ses limites» [«Государство и его границы»]), предложил современным культурным народам как высшее desideratum, как единственную цель, которую надо достигнуть безоговорочно и независимо ни от чего, то, что Гумбольдт в молодости смог постичь лишь случайно под влиянием бюрократической атмосферы Фридриха Вильгельма II и то лишь как своего рода сопротивляющийся утешитель; с другой стороны, вызывает удивление то, что английский мыслитель, явно намереваясь дать также *нечто свое,* промахнулся и угодил мимо цели, направив против общества оружие, которое тот, кому он подражал, навел против государства.

Cela va sans dire [само собой разумеется], я не из тех, кто, возможно, считает естественным и разумным социальный деспотизм во всем его широком толковании, не менее угнетающий, хотя и менее явный, чем политический деспотизм. Но я также не индивидуалист в точном смысле доктрины, т. е. в смысле отказа для всего обще-

ства от всякого и любого права вмешиваться в поведение индивидуума, «если данное поведение (это обычное ограничение сектантов) не влечет за собой как следствие оскорбление другого лица». Борьба, которую, мол, таким образом индивидуум ведет против общества, утверждая свою независимость и подчеркивая свой личный суверенитет, является одной из самых характерных черт человеческой экстравагантности. Из этой борьбы не выходит невредимым даже самый сильный гений, самый возвышенный ум. И следует заметить: индивидуализм, увлеченный логикой, имеет в качестве одного из своих самых прекрасных практических последствий американский *револьверизм*[19] — индивидуализм Стюарта Милля и его соратников, в содержание которого входит своеобразный социальный радикализм, не так уж чужд, как это может показаться, поэтической меланхолии *детей века,* надменности, *манфредовской злости* потомков Байрона.

Возможно, я первым осмелился подчеркнуть такое сближение, раскрыть такое сходство происхождения духовных течений, по виду столь различных. Неважно. Я настаиваю на своем убеждении: публицист, автор очерка «On Liberty» [«О свободе»], и все его ученики также заплатили роковую дань парадоксам эпохи, также отпили из байроновской чаши не меньше, чем, к примеру, любой корифей *Молодой Германии, Молодой Англии или Молодой России*[20], горько-сладкой наливки грубой независимости, открытой войны против общества, против его условных барьеров, его традиционных предрассудков. Читатель думает и возражает тогда: кто же в этом веке первым утверждал со всей откровенностью и смелостью, кто решительнее всех отстаивал право субъективности «даже перед адскими силами», как сказал Карл Эльзе? Без сомнения, английский поэт, не тот...

dont le monde encore ignore vrai le nom,
Esprit mysterieux, mortel, ange ou demon,
[подлинное имя которого миру еще неизвестно,
Таинственный, смертельный ум, ангел или демон]

в фривольной фразе Ламартина, но просто революционный дух, тщеславный аристократ, *великолепный фат*, по выражению Хазлита, чувствовавший себя, как он сам говорил о Данте,

In the solitude of kings
Without the power that makes them wear a crown
[В одиночестве королей
Без власти, что вынуждает их носить корону].

А чем была, чем тогда является вся *психоцентрическая* поэзия Байрона, как не чистым индивидуализмом, чистым радикализмом? Мы не продвинемся дальше, если ему припишем первый толчок в нынешнее время; при столкновении с романтической реакцией этой социальной философии, которая характеризует нашу эпоху, предлагается удалить с почвы истории большое число предрассудков, которые она считает крупнейшими препятствиями для нормального развития человеческого разума. Вот почему вполне понятно то, что говорил Гервинус[21], а именно что в одном гении Байрона как бы проявляются и американский *республиканизм,* и немецкий *свободный дух,* и французская *революционная страсть,* и англосаксонский *радикализм.* И все это, осмелюсь я добавить, развилось, разрослось по всем направлениям розы ветров и распространилось по культурному миру подобно наводнению. Достаточно характерным для разрушительной тенденции, которая впоследствии в руках эпигонов должна была выродиться в мессианистские программы и донкихотские угрозы, явился тот странный факт, что в *карбонарии* Байрон нашел, по его собственному выражению, подлинную поэзию политики. Не является ли еще одним шагом вперед власть над умами сегодняшних ясновидящих революционеров, прославленных и непрославленных в прозе и поэзии воинов, которые претендуют исправить историю, орудуя огнем и мечом?..

Я далек от мысли, которая была бы, без сомнения, странной, подходить с одной меркой к индивидуализму Милля и, например, к русскому, немецкому или итальянскому радикализму, соединить английского публициста с группой Герцена, Мадзини, Георга Гервега, Арнольда Руге и остальными. Я далек от намерения, не менее странного и еще более глупого, оторвать хотя бы листок от венка научных и литературных достоинств, украшающего бюст знаменитого мыслителя, свести к простым размерам спутника звезду первой величины... Но эта оправданная скромность не мешает мне перечеркнуть своим

карандашом еще одну ложную идею знаменитого автора, который, как сказал Гнейст[22], опираясь на логическую экономику и экономическую логику, стал излюбленным философом трудолюбивого современного общества, недовольного, нетерпимо относящегося к любой видимости тирании, как и не мешает мне признать в его высказываниях в пользу индивидуума узы связи и зависимости, которые охотно или неохотно, сознательно или бессознательно привязывают его к нетерпеливому, недовольному патриарху индивидуализма наших дней. Я хорошо знаю, что установление таким путем генетической связи между Стюартом Миллем и лордом Байроном не может не вызвать некоторого противоречия; и, в самом деле, трудно поверить, что яблоко упало так далеко от яблони, хотя, впрочем, это можно допустить, ибо вулкан способен развеять свой пепел еще намного дальше. Но факт остается фактом: учение Милля и его апостолов в области индивидуальной свободы, дополненное со знанием дела и дифференцированное, дает лишь в результате, так сказать, *теоретизацию байронизма*. Вот и все. И здесь я чувствую себя обязанным повторить прекрасные слова выдающегося современного писателя итальянца Франческо де Санктиса[23].

«L'individualismo, diz elle, é presso al suo termine: tutte le vie per le quale ei si é messo ci conducono inevitabilmente negli affanni del dubbeio. Noi assistiamo ansiosi a'suoi ultimi e funesti effetti nella scienza, nell'arte, nella politica, nella economia, ne'costumi: scetticismo nella scienza, subbiettivismo nell'arte, anarchia in politica, pauperismo in economia, egoismo ne'costumi: ecco i suoi amari frutti (Saggi critici)» [«Индивидуализм,— говорит он,— близится к своему концу: все пути, по которым он пошел, неизбежно приводят к заботам и сомнениям. Мы с тревогой наблюдаем последние пагубные последствия индивидуализма в науке, в искусстве, политике, экономике, в праве. Скептицизм в науке, субъективизм в искусстве, анархия в политике, пауперизм в экономике, эгоизм в правах — вот его горькие плоды...» («Критические этюды»)].

Что я скажу теперь о французских сектантах знаменитой школы?[24] Ни слова. В стране, где каждый инди-

видуум — Нарцис, публика — кристальный источник, в котором он созерцает себя и любуется собой; в стране, самой скверной стране мира (выражение это не мое, а Стендаля), *которую глупцы называют прекрасной Францией...* где все жесты и поведение индивидуума как будто рассчитаны на аплодисменты и как бы всегда сопровождаются словами... *«что об этом скажут?!»;* наконец, в стране, где вежливость, в итоге тоже становящаяся своеобразной тиранией, насилием над личностью, является более чем придатком — заменителем морали и в результате нарушается статья уголовного кодекса с меньшими угрызениями совести, чем священное правило пресловутой французской учтивости; в таком случае желание освободить индивидуума от власти и влияния общества — это просто красивая фантазия, одна из лучших глав «Philosophie pour rire».

Из этих рассуждений, возможно несколько пространных, однако не поверхностных, можно понять, насколько необходимо изменить концепцию свободы, которая сходна с символической кровью пресловутой бескровной жертвы; хоть она и святая и заслуживает почитания, тем не менее сохраняет способность опьянять. И я действительно лишь наблюдаю грустное и смешное зрелище, когда *опьяневший* от свободы служитель Христа обычно с риском спускается с алтаря, спотыкаясь о собственную голову *из-за ежедневных* возлияний во имя спасителя мира.

Таким образом, особенно важно приложить усилия, чтобы полностью устранить из круга наших политических и социальных интуиций вредное влияние этой вульгарной страсти, которая превращает свободу в нечто идеальное, сверхчеловеческое; а отсюда до превращения ее во что-то мифологическое, в сильфа или гнома лишь один шаг. Любой идеал носит возвышенный и легко улетучивающийся характер. Одно это объясняет, почему либеральные метафразеры со своей игрой воображения, со своими кораблями, пребывающими всегда под распущенными парусами в ожидании ветра, который понесет их *в страну счастья,* зачастую оказывают деспотическим правительствам бо́льшую услугу, чем даже сами теоретики абсолютизма.

Я уже писал, что свобода всегда завоевание; но это не противоречит тому, чтобы она была также наследием, но не в риторическом и тривиальном смысле, а в научном смысле филогенетического факта, выражаясь языком Геккеля. В соответствии с принципами своей «Монистической мысли» Людвиг Нуаре[25] утверждает, что «человеческая свобода представляет поздно созревший плод долгого неустанного труда бесчисленных поколений, она представляет определение этого великого прошлого, и только из него и проистекает наша нынешняя свобода...». Гёте в свое время сказал: «Что ты унаследовал от своих родителей, получи, чтобы им владеть».

Свобода — одно из благ, входящих в состав этого унаследованного достояния, которое всего важнее *получить собственной силой.*

* *
*

В заключение скажу несколько слов pro domo sui [в защиту себя].

В связи с высказанными мною здесь со всей откровенностью и честностью идеями, вероятно, найдется кто-либо, кто сочтет себя вправе усомниться в моем либерализме. Ведь существует либеральная ортодоксальность, которая не выносит ни малейшего отступления со священной земли своей догматики. Поэтому я буду в глазах всех заблудшей овцой, либеральным гетеродоксом. Но больше всего пугает не этот грех сам по себе; важнее самого преступления усугубляющее его экзотическое обстоятельство, заключающееся в том, что я поддался вредоносным немецким доктринам.

Я помешан на Германии, она моя неизлечимая *слабость.* Если у меня нет причин гордиться, то нет и причин стыдиться этого. Я просто чувствителен, сколь бы крепки ни были мои доспехи...

Общество, в котором я живу, не обладает, наверно, достаточной силой, чтобы унести меня, как щепку, захваченную бурными водами наших рек; но и я в свою очередь недостаточно силен, чтобы отклонить общество с его пути, чтобы переделать его по своему образу и подобию; отсюда постоянное несогласие между нами,

отсюда нечто трагическое в моей жизни, что, возможно, сделало бы меня мизантропом и несчастным человеком, если бы природа не наделила меня экспансивным характером, в тысячу раз более расположенным к радости, чем к грусти.

Однако это тоже не противоречит ранее выраженным мною идеям: я нападаю не на корни общества, но, если так можно выразиться, лишь на его ветви; я объявляю войну не его обычаям, не его нравам, но лишь его политическим недостаткам, с которыми — не знаю, причина это или следствие моих литературных недостатков,— я еще недостаточно боролся.

ХОСЕ МАРТИ

ИСПАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА ПЕРЕД ЛИЦОМ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1873

Слава и победа — только стимулы для выполнения долга. В практической жизни идей власть есть лишь уважение ко всем проявлениям справедливости, твердая воля перед лицом гордого и жестокого суда. Когда же исчезает уважение к справедливости, когда не признается выполнение долга, позор покрывает победу и славу, а власть влачит бессмысленное и гнусное существование.

Я, как человек доброй воли, приветствую побеждающую республику; я ее приветствую сегодня, но стану проклинать ее завтра, если одна республика будет душить другую республику, если один народ, добившийся наконец свободы, будет подавлять свободу другого народа, если одна нация, утверждающая свое существование, будет угнетать и порабощать другую нацию, которой приходится доказывать ей, что она хочет быть нацией. Если свобода тирании ужасна, то тирания свободы внушает отвращение, потрясает, страшит.

Свобода не может быть плодотворной для народов, лицо которых обагрено кровью. Испанская республика открывает счастливую эру для своей родины: она должна очистить свое лицо от всех пятен, покрывающих его, — ведь нельзя спокойно и уверенно идти по дорогам угрызения совести и притеснения, по дорогам, которые ведут хотя бы к малейшему нарушению желания народа и мешают пониманию этого желания.

Нельзя уважать волю, подавляющую другую волю. На свободном, глубоко сознательном волеизъявлении, на осознании священнейших прав человека, на идее, пронизывающей все гражданские свободы, высится сегодня Испанская республика. Сможет ли она когда-либо навязать свою волю тому, кто выразит свою собственную волю путем всеобщего голосования? Сможет ли она когда-либо отвергнуть единодушную волю народа, если сама она поднимается по воле народа, воле, свободной и единодушной?

Я не сужу заранее о действиях Испанской республики и не считаю, что она должна быть робкой или трусливой республикой. Но я предупреждаю ее, что действие всегда имеет тенденцию к несправедливости, я напоминаю ей, что несправедливость есть смерть для уважения со стороны других, я предупреждаю ее, что быть несправедливым — это значит обязательно быть проклятым, я заклинаю ее, чтобы она никогда не позорила всеобщее сознание чести, которое, разумеется, не исключает чести родины, но которое требует, чтобы честь родины входила во всеобщую честь.

Кубинский народ, сформировавшийся под воздействием республиканских идей, понимал, что при правительстве, которое отрицало за ним право иметь свою честь, дело с его честью обстояло плохо. А поскольку у кубинского народа ее не было и поскольку он испытывал настоятельную потребность в ней, он стал искать ее в самопожертвовании и мученичестве, там, куда обычно отправлялись за ней испанские республиканцы. Я гневно отвел бы свой взор от тех жалких испанцев-самоубийц, которые стали бы отрицать за этим притесняемым, угнетенным, разоренным, преданным народом право на восстание, санкционированное столькими восстаниями Испанской республики. Куба была отдана во власть честолюбивым ее поработителям; она была предана и отдана произволу ее тиранов-эксплуататоров. Так неоднократно заявляла провозглашенная республика. Победившая республика неоднократно называла их тиранами. Она меня слышит — пусть она меня защитит.

Для Кубы борьба означала смерть ее самых любимых сынов, утрату ее процветания, которое она проклинала,

Хосе Марти

потому что это процветание было рабским и бесчестным, потому что правительство позволяло ей иметь богатство ценой бесчестья, а Куба предпочитала нищету этой проклятой уступке правительства. Эта твердая воля Кубы крайне неприятна тем, кто осуждает борьбу рабов за свою честь.

Куба просила, умоляла, жаловалась, надеялась. Какое право осуждать ее имеет тот, кто отвечал на ее просьбы насмешкой, новыми издевательствами над ее надеждой?

Пусть в добрый час заговорит гордость поруганной чести — несчастные, кто не понимает, что честь — только в удовлетворении требований справедливости; пусть в добрый час торговец защищает источник богатства, ускользающий от его вожделения; пусть в добрый час кое-кто утверждает, что Испании не нужно отделение Антильских островов. Я понимаю, наконец, что любовь к торговле может помутить рассудок, я понимаю, что в мозгу может жить безрассудство, понимаю, что чрезмерная гордость может осуждать то, что́ сама для себя возвышает, ищет и приобретает; но я не понимаю, как может быть грязь там, где должно быть сердце.

Богачи Кубы благословили ее нищету, поле боя обагрилось кровью мучеников, но Испания знает, что живые не испугались мертвых, что вооруженное восстание было следствием революционного процесса, что свобода нашла еще одну родину, которая была бы испанской, если бы Испания хотела, но которая стала свободной вопреки воле Испании.

Повстанцы не прекращают борьбу. Как Испания сожгла Сагунт, так Куба сожгла Баямо[1]; борьба, которую Куба хотела гуманизировать, по-прежнему жестока по воле Испании, которая отвергла гуманизацию; вот уже четыре года, как Куба без передышки, не подавая и признака ослабления своего упорства, требует свободы, требует ее, умирая, столько же раз, сколько требовали своей свободы, независимости, свободы чести и освобождения от гнета испанские республиканцы. Не может быть такого честного республиканца, который осмелился бы отрицать за народом право, использованное им самим во имя своего освобождения.

Моя родина кровью пишет свое непреложное решение. Над трупами своих сынов поднимается она, чтобы заявить, что твердо желает своей независимости. И люди борются и умирают. Умирают и сыны Испании, и сыны моей родины. Но придет ли Испанская республика в ужас, узнав, что испанцы умирают, сражаясь с другими республиканцами?

Моя родина хотела, чтобы Испания уважала ее волю, являющуюся волей честных людей; Испания должна уважать волю Кубы, которая хочет того же, чего хочет Испания, но Куба хочет этого одна, потому что она одна этого требовала, потому что она одна потеряла своих дорогих сынов, потому что ни у кого не было мужества защитить ее, потому что она понимает, как велика ее жизнеспособность, потому что она знает, что война, полная ужасов, всегда должна быть кровавым бедствием, потому что она не может любить тех, кто обращался с ней безжалостно, потому что на фундаменте из свежих трупов и дымящихся развалин не воздвигается здание согласия и мира. Пусть не взывают к ней те, кто попирал ее достоинства. Пусть не пожелают кровавого мира те, кто знает, что этот мир должен быть именно таким.

Республика отрицает право завоевания. Но ведь именно право завоевания сделало Кубу испанской.

Республика осуждает тех, кто угнетает. Но ведь именно право угнетения и позорной эксплуатации, право ожесточенного преследования Испания постоянно использовала по отношению к Кубе.

Следовательно, республика не может удерживать то, что было приобретено на основании права, которое она отрицает, и что было сохранено путем ряда нарушений права, которое она проклинает.

Республика поднимается на основе всеобщего избирательного права, на основе единодушной воли народа.

И Куба поднимается таким же образом. Ее плебисцит — это ее мартиролог. Ее волеизъявление — это ее революция. Когда же народ наиболее решительно выражает свои желания, если не тогда, когда он поднимается с оружием в руках для борьбы за них?

А если Куба провозглашает свою независимость по тому же праву, по какому провозглашается республика, то как может республика отрицать за Кубой ее право быть свободной — то же самое право, которым воспользовалась Испания, чтобы стать свободной? Как может республика отрекаться от самой себя? Как может она вершить судьбу какого-либо народа, навязывая ему такую жизнь, к которой он не проявляет своей полной, свободной и очевиднейшей воли?

Председатель республиканского правительства заявил, что если бы Учредительные кортесы не проголосовали за республику, то республиканцы отказались бы от власти и вновь перешли бы в оппозицию, почитали бы волю народа.

Как же может тот, кто таким образом предоставляет всеобъемлющую власть воле одного народа, не слушать, не уважать и не почитать волю другого народа? При республике быть кубинцем перестало уже считаться преступлением, тем страшным первородным грехом моей горячо любимой родины, который можно было смыть, только приняв крещение в купели бесчестья и унижения.

Да здравствует испанская Куба! — воскликнул тот, кто должен был быть президентом Ассамблеи, и Ассамблея воскликнула это вместе с ним. Прийдя к власти путем голосования, они отказывают в праве на голосование тотчас же после прихода к власти; те, кто сказал так, как сказал сеньор Мартос [2], расправились с разумом и справедливостью, расправились с благодарностью. Нет! Во имя свободы, во имя уважения воли других, во имя суверенной воли народов, во имя права, во имя совести, во имя республики — нет! Да здравствует испанская Куба, если она этого хочет, а если она хочет, то да здравствует свободная Куба!

Если Куба решила достичь своего освобождения; если она всегда хотела своего освобождения, чтобы стать республикой; если она стала добиваться своих прав раньше, чем их добилась Испания; если она сумела жертвовать собой во имя свободы, то захочет ли Испанская республика силой подчинять себе ту страну, которую мученичество учредило как Кубинскую республику? За-

хочет ли Испанская республика господствовать на Кубе против ее воли?

Могут сказать, что поскольку Испания предоставляет Кубе права, которые она требовала, то ее восстание не имеет сейчас никакого смысла. Я не могу без горечи думать об этом жалком аргументе, и, по правде говоря, в жестокости моих доводов нужно будет винить тех, кто их вызывает. Испания уже хочет делать добро Кубе. Какое право имеет Испания быть благодетельной, после того как она была столь жестокой? А если это делается для того, чтобы восстановить свою честь, то какое она имеет право требовать оплаты свободой народа чести, которой у нее не было вовремя, и благодеяний, которых народ у нее не просит, ибо он уже сумел их завоевать? Как смеет она желать, чтобы сейчас было принято то, чего она столько раз не хотела дать? Как может кубинская революция согласиться с тем, чтобы Испания как хозяйка предоставляла права, защита которых стоила Кубе столько крови и траура? Испания изо всех сил замаливает свои колониальные грехи, которые довели ее до такой крайности, что она сама уже не имеет права устранить их. Ее ошибки закономерно обрекают ее на то, чтобы не казаться доброй. Она имела бы право быть доброй, если бы она не причинила столько величайшего зла. Она имела бы право быть доброй, если бы она была хотя бы гуманной в войне, которую она сделала жестокой и бесчеловечной.

Я сейчас забываю о том, что Куба выразила твердую решимость не принадлежать Испании; я думаю лишь о том, что Куба уже не может принадлежать ей. Пропасть, отделяющая Кубу от Испании, по воле Испании заполнилась трупами. А на трупах не живут ни любовь, ни согласие; не заслуживает прощения тот, кто не умел прощать. Куба знает, что республика не приходит, сея только смерть, но Куба не может забыть долгие дни казней и страданий. Испания пришла слишком поздно; закон времени осуждает ее.

Республика знает, насколько отделяет ее от несчастного острова широкое пространство, заполненное мертвецами; республика, как и я, слышит их страшные голоса. Республика знает: для того чтобы удержать за собой

Кубу, нужно нагромоздить новые трупы, пролить реки крови; она знает: для того чтобы порабощать, подчинять, нарушать волю другого народа, нужна гибель ее собственных сынов. И согласится ли она на их гибель ради того, что было бы равносильно если не гибели ее, то самоубийству ее чести.

Ужасно, если она пойдет на это! Презренны те, кто осмеливается проливать кровь людей, требующих тех же свобод, которых требовали они сами! Презренны те, кто таким образом вероломно отрекается от своего права на счастье, на честь, на уважение людей!

Говорят о целостности территории. Атлантический океан опровергает этот смехотворный довод. Тем, кто так злоупотребляет патриотизмом народа, тем, кто так убеждает и обманывает его, рука врага могла бы указать один пункт: суровая рука — Флориду, невежественная рука — обширную Луизиану.

И не земля составляет то, что называют целостностью родины. Родина — это нечто большее, чем угнетение, нечто большее, чем участки земли, где нет ни свободы, ни жизни, нечто большее, чем право обладания силой. Родина — это общность интересов, общность традиций, общность целей, самое сладостное и утешительное слияние любви и надежды.

Да и живут кубинцы не так, как живут испанцы; история испанцев — это не история кубинцев; то, что для Испании было неувядаемой славой, для кубинцев было по воле Испании глубочайшим несчастьем. Куба торгует и поддерживает связи с одними странами, а Испания — с другими. У них нет ни общих стремлений, ни одинаковых целей, ни дорогих воспоминаний, которые могли бы объединить их.

Кубинская душа с горечью думает о печали, которую принесла ей испанская душа; она ведет отчаянную борьбу против господства Испании; а поскольку нет, следовательно, никакой общности, никакого сходства, которые делают родину целостной, то взывают к призраку, который не может откликаться; когда ссылаются на целостность родины, то ссылаются на обманчивый вымысел. Объединить народы могут только узы братства и любви.

Если Испания никогда не хотела быть сестрой Кубы, то на каком основании она претендует сейчас на то, чтобы Куба была ее сестрой? Подчинить Кубу испанской нации означало бы применить к ней право завоевания, которое сегодня больше, чем когда-либо, унизительно и омерзительно. Республика не может его осуществить, не навлекая на свою голову проклятия честных народов.

Куба неоднократно требовала у Испании права, которые Испания сегодня намеревается предоставить ей. И если Испания неоднократно отказывалась предоставить ей эти права, предоставить ей то, что было у нее самой, то как смеет она удивляться тому, что Куба в свою очередь отказывается принять как запоздалый дар честь, которую она доказала благороднейшей кровью своих сынов, честь, которой она и сегодня добивается, проявляя при этом такую непреклонную волю и стойкость, которые никто не может сломить?

Не безумие ли претендовать на то, чтобы слились воедино два народа, побуждаемые различными потребностями, обладающие самыми противоположными характерами, окруженные различными странами, глубоко разделяемые прошлыми жестокостями, — при условии, что у кубинского народа нет никаких оснований любить Испанию и никакого желания принадлежать ей, при условии, что кубинский народ помнит о всех страданиях, которые ему причинила Испания, — чтобы объединились эти два народа, разделенные характером, обычаями, потребностями, традициями, отсутствием любви и объединенные только воспоминаниями о трауре и страданиях?

Говорят, что отделение Кубы означало бы дробление родины. Это было бы так, если бы этот эгоистичный и гнусный образ господства и корысти был родиной. Но если бы это даже и было так, сохранение за Испанией Кубы против ее явно выраженной и сильной воли — ибо всегда сильна воля народа, который борется за свою независимость,— именно это и было бы тем дроблением чести родины, о котором говорят. Навязывать свою волю свойственно тиранам. Угнетать свойственно подлецам. Испанская республика никогда не захочет быть тиранической и подлой. Она не должна приносить таким образом в жертву благо родины, к которому она, преодолев

столько трудностей, благородно пришла. Она не должна запятнать таким образом честь, которая так дорого ей стоила.

Если единодушная и упорная борьба Кубы говорит о ее самом твердом желании добиться своей свободы; если воспоминания, объединяющие ее с Испанией, полны горечи и страдания; если Куба считает, что за звучность испанского языка она дорого платит жизнью славных сынов своих, загубленных Испанией, то захочет ли эта новая Испания, возрожденная Испания, называющаяся Испанской республикой, покрыть себя позором самого несправедливого, жестокого, неразумного угнетения? Это было бы ужасной ошибкой, но я надеюсь, что столь низкое дело никогда не будет иметь места.

На Кубе 400 000 негров-рабов, свободу которых провозгласили революционеры раньше, чем это сделала Испания; а в правительственных политических тюрьмах содержатся глупые десятилетние негры, одиннадцатилетние дети, почтенные восьмидесятилетние старики и выжившие из ума столетние негры. Их избивают на улицах, их калечат побоями; так и живут они униженными, так и умирают. На Кубе расстреливают и подозрительных, и уполномоченных правительства, и женщин, насилуемых и унижаемых. Мгновенной смертью умирают те, кто сражается за родину, а медленной, мрачной смертью — те, мгновенную смерть которых нельзя было оправдать. Здесь есть командиры, приговоренные к тюремному заключению за издевательства над трупами повстанцев, — были и такие, которых прощали за то, что они клали на стол части тела изувеченного повстанца,— здесь столько ужасов, что я не хочу ни напоминать о них республике, ни говорить ей, чтобы она не допускала их, так как они настолько чудовищны, что указывать ей на то, что их нужно прекратить,— значит посягать на ее честь.

Но это доказывает, насколько уже невозможно объединение Кубы с Испанией, если это объединение мыслится как плодотворное, честное и полюбовное; насколько необходимо справедливое и патриотическое решение. Это доказывает, что судьбу народов можно решать, только действуя совершенно справедливо, и что уважать

родину, которая обезображена надменными людьми, унижена честолюбивыми, опозорена невежественными и которая за свои действия на Кубе так мало заслуживает счастья, можно, только строго соблюдая справедливость.

Куба требует независимости, на которую ей дает право ее собственная жизнь, и она знает, что у нее есть эта собственная жизнь: твердая настойчивость ее сынов, богатство ее земли, подлинная независимость ее территории, а главное — и эта причина важнее всех других, — потому что такова твердая и единодушная воля кубинского народа.

Если Куба должна сохраниться для Испании и если она может сохраниться только при условии, что это сохранение будет означать забвение справедливости, нарушение права, навязывание воли, лишение чести, то презрения достоин будет тот, кто захочет сохранить богатство Кубы такой ценой; презрения достоин будет тот, кто позволит народам думать, что Куба ради богатства принесет в жертву свою честь.

Сегодня, когда добродетель есть только выполнение долга, а не его героическое преувеличение, республика, которая, как таковая, должна всякую власть выводить из воли народа, не допустит унижения Кубы; пусть сумеет она создать свое правительство на основе мудрой и благородной справедливости, пусть не правит она народом против его воли, пусть не ведет борьбу против самой себя, пусть не позорит себя, пусть не боится, пусть не подчиняется требованиям ни смехотворного тщеславия, ни чрезмерной гордости, ни скрытого честолюбия; пусть она признáет независимость Кубы, поскольку и право, и необходимость, и все республики, и величие республиканских идей признают эту независимость; пусть она таким образом покончит со своим господством над Кубой, что покроет Испанию неувядаемой славой, хотя это явится всего лишь результатом воплощения ее принципов, строгим осуществлением справедливости. Достаточно времени Испания находилась под гнетом нерешительности и страха; пусть же Испания обретет наконец мужество добиваться своей славы.

Быть может правительство республики опасается, что испанский народ не оценит это возвышенное решение?

Это означало бы признание того, что испанский народ не является приверженцем республики.

Быть может, правительство республики не решается убедить народ, что именно этого требует его подлинная честь? Это означало бы, что правительство предпочитает власть удовлетворению совести.

Быть может, республиканское правительство не думает так, как думаю я? Это означало бы, что Испанская республика не считается с волей суверенного народа и что она не поняла идеала республики.

Я не думаю, что она отступит перед страхом. Но если она отступит, то это отчуждение ее права послужило бы первым сигналом к утрате остальных прав.

Если Испанская республика не будет поступать так, как она, по моему разумению, должна поступать, потому что она не разумеет, как я, то это значит, что она ставит пережитки своих прошлых ошибок выше, чем распространение новых идей, величественное благодаря их безграничности и чистоте; что ее разум все еще смущает неразумная гордость за весьма печальную славу, желание сохранить то, чем она никогда не должна была владеть, ибо она никогда не умела этим владеть.

А если она думает, как я, если она натолкнется на сопротивление и попытается преодолеть его, даже в том случае, если ее усилия и не увенчались бы победой, если она признает независимость Кубы, потому что сыны Кубы заявляют, что заставить их принадлежать Испании можно только силой, а республика не может использовать право силы, чтобы угнетать другую республику, — она ничего не потеряет, потому что Куба уже потеряна для Испании; она не оторвет ничего от своей территории, потому что Куба уже оторвалась; она осуществит республиканский идеал в его подлинной чистоте; она провозгласит себе жизнь, точно так же как провозгласит свое самоубийство, если не согласится на независимость Кубы; она подтвердит свои свободы, ибо тот, кто отказывает в свободе управлять самим собой народу, который сумел быть свободным, не заслуживает того, чтобы пользоваться этими свободами; она избежит пролития крови республики, а если не избежит его, то будет угнетателем и братоубийцей; она признает, что теряет — а потеря уже

произошла — владение народом, который не желает принадлежать ей, который доказал, что, для того чтобы жить спокойно и во славе, он не нуждается ни в ее покровительстве, ни в ее правительстве; и, наконец, поступая справедливо и избежав пролития чистой и драгоценной крови, она обменяет территорию, которую она и так потеряла, на уважение со стороны людей, на восхищение народов, на несказанную и вечную славу в грядущие времена.

Если республиканский идеал состоит в том, чтобы республиканский строй был установлен во всем мире, если согласно этому идеалу люди должны жить как один народ, как провинция бога, то какое право имеет Испанская республика мешать тем, кто идет туда, куда он желает идти? Испания будет более чем несправедливой, более чем жестокой и подлой, если она нанесет ущерб себе и тем самым делу всемирного гражданства. По сравнению с правом всего мира чего стоит право Испании? По сравнению с грядущей божественной природой чего стоит неудержимое желание господствовать, чего стоят права, приобретенные завоеванием и обагренные кровью вследствие никогда не прекращавшегося, но всегда освящавшегося угнетения?

Куба хочет быть свободной. Испытывая неисчислимые лишения, она пишет это своей кровью, драгоценной для республики, ибо это молодая, героическая и американская кровь. Трус тот, кто под влиянием страха не сделает того, чего требует его совесть. Братоубийственной будет республика, которая будет душить другую республику.

Куба хочет быть свободной. И так же как народы Южной Америки добились независимости от реакционных правительств, так же как Испания добилась независимости от французов, Италия — от Австрии, Мексика — от наполеоновского честолюбия, а Соединенные Штаты — от Англии, так же как все народы добились независимости от своих угнетателей, Куба в силу закона своей непреклонной воли, в силу закона исторической необходимости должна добиться своей независимости.

Могут сказать, что республика больше не будет угнетателем Кубы, и я знаю, что она, возможно, и не будет им, но ведь Куба раньше Испании стала республи-

кой. Разве может она согласиться с тем, чтобы кто-то как хозяин пожаловал бы ей республиканское правление, которое она сама себе нашла среди свободных и мучеников?

Пусть же Испанская республика не покрывает себя позором, пусть не сковывает развития своего торжествующего идеала, пусть не убивает своих братьев, не обагряет кровью одних своих сынов других своих сынов, пусть не противится независимости Кубы. Ибо в противном случае Испанская республика была бы республикой несправедливой и бесчестной, а правительство свободы — правительством, удушающим свободу.

[ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ]
1877

1

Восток вторгается на Запад.

Гностицизм. — Ереси.

Раньше начинали с Фалеса.

Каков основной или материальный принцип физического мира?

Индия — Китай — Персия — Египет.

Западная Азия. Халдея. Финикия. Сирия. Малая Азия. Палестина.

Народы Севера. — Славяне. Скифы. Кельты. Азгард и германцы.

Античность. Бурже. — Арболес.

Как это вернулось в Индию?

Прошлый век. — Анкетиль Дюперрон.

Вольней, Саси; Сирия.

Шампольон — Египет.

Рамаяна — ее природа.

Индия включает в себя Гималаи, Инд, океан и Ганг.

Философию Индии можно разделить на три периода:

теологическо-философский;

философские системы;

буддизм и секты.

Источники. —

Веды [1].

Законы Ману [2].

Пураны [3].

Рамаяна. Махабхарата [4].

Брахма. — Высший закон.

Философия — это познание причин всех видов бытия, их различий, аналогий и связей.

История — это познание того, каким образом эти причины развивались.

Доктрины Востока то в чистом виде, то в сочетании с греческими, то в сочетании с христианскими вторгаются на Запад.

Я могу написать две книги: одну, из которой будет видно, что я знаю, о чем писали другие, — удовольствие, никому не нужное, и особенно для меня.

И другую, в которой я буду изучать себя через самого себя: удовольствие оригинальное и самостоятельное.

Мое искупление через меня, которое понравится тем, кто захочет искупления.

Я, следовательно, оставляю в стороне то, что знаю, и вхожу в мое бытие.

Что мы такое? Чем мы были? Чем мы можем быть?

Азгард [5]

Иодах и Скандах; Кшатрии Гимарата; отбирают у нас мед из наших ульев, плоды наших деревьев, наших девушек; возьмем солнечный город.

От Скандаха — Скандинавия.

Веды — Эдды [6].

Фалес.

Дюгетиль.

Рамаяна.

2

Наблюдаемая природа — единственный философский источник.

Человек — наблюдатель, единственный носитель философии.

Но есть два вида бытия: один вид, который можно потрогать, и другой, который потрогать нельзя. Я могу выделить породы, составляющие гору, и выставить их в музее; но я не могу выделить элементы, которые посто-

янно составляли, составляют и, возможно, вечно будут составлять мое мышление и чувство.

То, что можно потрогать, называется осязаемым, а то, что можно проверить зрением, — видимым. То, что нельзя ни потрогать, ни увидеть, невидимо и неосязаемо.

Таким образом, в нас самих имеется часть осязаемой природы, как рука, и часть неосязаемой, как симпатия.

Изучение осязаемого мира называется физикой; а изучение неосязаемого мира — метафизикой.

Чрезмерная приверженность первой школы к физике называется материализмом; чрезмерная приверженность второй школы к неосязаемому известна под названием спиритуализма, хотя его и не следует так называть.

Все философские школы можно свести к этим двум. Аристотель дал научное средство, которое уже дважды на протяжении великой истории мира так сильно возвысило физическую школу. У Платона и божественного Иисуса была чистейшая душа и вера в потустороннюю жизнь, которые делают столь поэтической и долговечной метафизическую школу.

Обе школы вместе составляют истину; каждая же школа в отдельности — только часть истины, которая погибает, если ей не помогает другая школа. Нет необходимости выдумывать бога, раз его можно доказать. При помощи науки приходят к богу. Бог не как человек-созидатель, а как безбрежное море духа, в котором в конечном итоге должны смешаться — уже решенные — все виды высокомерного несогласия людей. Это, вероятно, может утверждать Поэзия, которая интуитивна, но с этим утверждением не должна спешить философия, которая экспериментальна.

Бог невидим; суждения людей противоречивы; природа же постоянна и величественна; нельзя ни привести доказательство существования бога, ни установить существование его; к суждениям людей прибегать неблагоразумно, ибо суждения существуют в силу того, что стремятся уничтожить друг друга; приблизимся же к великой матери-природе; откроем великую книгу, страницы которой написаны веками, действия и факты которой — океаны, величественное познание которой теряется в неосязаемом и невидимом.

Сколько мира есть еще за миром воздуха, который я постиг! — жаловался на нашу мелкость мир аэростатов.

Повторяем для ясности: одна часть природы осязаема и, следовательно, материальна; философия, которая изучает эту часть, называется физической философией. Другая часть нематериальна, она трактует о том, что обычно либо с целью опровержения, либо с целью признания этого называется духом. Философия, которая изучает эту часть, называется метафизикой.

Должны ли законы реального и осязаемого мира даваться интуицией индивидуума, существа антилогического?

Это неразумно, так как законы вещей должны выводиться из наблюдения над вещами; метафизика же законы природы приписывает интуиции, и именно в этом и заключается ее ошибка.

Должны ли высокие побуждения неосязаемого и необыкновенного человеческого духа, отличающегося своей высокой сущностью от всего того, что его окружает, подчиняться мелким причинам, действие которых не доказано?

Это также неразумно, ибо гипотеза относительно духовного не поддается научной проверке; именно в этом и заключается ошибка физической школы, которая в своих крайностях дошла до отрицания всякого духовного явления.

Мы утверждаем: чтобы знать, нужно исследовать; самым вероятным источником истины является наше собственное исследование; исследование — верное средство для того, чтобы знать, как применить нашу способность к познаваемой вещи; наблюдение и осмысление того, что наблюдалось: рефлексия.

Таким образом, в философии есть субъект, который познает и, будучи взятым отдельно, порождает немецкую субъективную философию; познаваемый объект, будучи взятым отдельно, порождает современную натуралистическую философию; средства познания.

Из этого делается вывод, что философия должна изучать человека, который наблюдает, средства, которыми он наблюдает, и то, что он наблюдает: философия внутренняя, философия внешняя и философия отношений.

Философия — это наука о причинах.

Познавать возможные причины и использовать смелые и правильные средства для исследования неизвестных причин — это и значит быть философом. Постоянно думать с помощью элементов науки, рожденных из наблюдения, обо всем, что попадает в сферу нашего разума, и о причине всего этого — в этом и состоят элементы, нужные для того, чтобы быть философом. Следовательно, эти элементы суть наблюдение и размышление.

Любой другой элемент помогает проверять, но не является твердой основой философии. Мы не должны утверждать то, чего не можем доказать. Интуиция — это помощь, часто большая, но она не является научным и несомненным путем, ведущим к познанию.

Я бы не утверждал, что я должен существовать в более высокой форме, чем существую, если бы во мне не было практических доводов для доказательства этого.

Практический довод означает не материальный, а экспериментальный довод.

Я не утверждал бы о наличии постоянной и гармоничной связи духа и тела, если бы я сам не был подтверждением ее.

Я не утверждал бы, что в случае необходимости применения силы моральные стимулы — воля, достоинство, патриотическая гордость, воспитание — выше средств материальных, силы, привычки, мускулатуры, если бы я не был живым примером этой истины.

Мы невольно стремимся к тому, чтобы дать себе отчет во всем. Одни, обладающие спокойным умом, следуют за импульсом других. Другие же, обладающие мятежным умом, исследуют импульс других и стремятся применить свой собственный. Ришелье говорил о Корнеле, что у него не было esprit de suite [последовательности]. Ни один великий человек, достойный бога, не имеет ее.

Мы не можем познать причины вещей в них самих. Причины не раскрываются нам непосредственно. Всегда перед нами находится результат акта творения, а в нас всегда живет желание познать, как это творение осуществлялось. У кого мы можем об этом спросить?

У бога? Ох, он не отвечает, потому что нас научили верить в бога, который не является настоящим. Настоя-

щий вменяет в обязанность труд как средство достижения досуга, исследование как средство достижения истины, честность как средство достижения целомудрия. Как радостно умирает мученик! С каким удовлетворением живет ученый! Он выполняет свой долг, а это, если и не является целью, представляет собой средство.

У кого мы спросим? У веры? Ох, ее недостаточно. Во имя веры много лгали. Должно верить в высшее бытие согласно нашим высоким внутренним волнениям — в неизмеримую творческую силу, которая утешает; в любовь, которая спасает и соединяет; в жизнь, которая начинается со смерти.

Всего этого требует внутренний естественный голос, первый голос, который услышали первобытные народы и который слышит человек любой эпохи. Но вера мистическая, вера в космическое слово брахманов, в необыкновенное слово магов, в традиционное, метафизическое и неподвижное слово священнослужителей, вера, которая вопреки движению Земли говорит, что она движется иначе; вера, которая за то, что утверждает механик из Валенсии, заковывает его в кандалы и ослепляет его; вера, которая осуждает как колдунов маркиза де Вильена, Бэкона и Галилея; вера, которая сначала отрицает то, что потом бывает вынуждена признать, — эта вера не средство достижения истины, а средство, затемняющее ее и препятствующее открытию ее; эта вера не помогает человеку, а мешает ему; она не отвечает ему, а наказывает его; она не удовлетворяет, а раздражает его. У свободных людей уже другая вера. Их вера — вечное знание. А средство ее — доказательство.

С этой научной верой можно быть отличным христианином, любящим деистом, совершенным спиритуалистом. Чтобы верить в небо, в котором нуждается наша душа, нет необходимости верить в ад, который наш разум отвергает.

Итак, у кого же мы будем спрашивать? У природы. Светящиеся тела находятся на небе; темные тела — на земле. Постоянное беспокойство, не имеющее ни веса, ни цвета, ни формы, яркое, как свет,— в мышлении каждого человека. Кто или что движет звезды? Кто или что создало землю? Кто такой или что такое это любопытное,

неугомонное, меланхоличное и мятежное существо, которое сидит в нас самих?

Спрашивать у книг? Одна школа говорит нам, что движения души — это нервные движения, но так как эта школа не говорит нам, в каком нерве помещается честь мужчин, целомудрие женщин, материнская любовь, любовь к родине, мы отвергаем из-за отсутствия доказательств эту философию, которая не смогла доказать то, что она утверждает. Другая школа говорит нам, что дух — господин тела, но так как мы своими глазами видим, что хотя и правда, что страдание, будучи явлением духовным, иногда вредит телу, но правда также и то, что яд, физическая боль, злоба иногда расстраивают рассудок, мы отвергаем эту вторую школу, как и первую, за то, что она претендует на исключительность, за то, что она теоретизирующая и претенциозная.

Поскольку исследования других приводят нас к этой путанице, что же мы должны делать, чтобы знать? Исходя из нашего собственного критерия, мы должны изучить исследование, которое было осуществлено другими, или, что более надежно, самим провести исследование.

Нельзя видеть вещь, не глядя на нее. Нельзя понять вещь, не исследуя ее. Исследование — глаз разума.

Следовательно, мы сами являемся первым средством познания вещей, естественным средством исследования, естественным философским средством.

Что такое природа? Дикорастущая сосна, старый дуб, бурное море, реки, текущие к морю, как к вечности идем мы, люди; природа — это луч света, пробивающийся сквозь тучи и превращающийся в радугу; это человеческий разум, который, приближаясь и поднимаясь на крыльях души, восходит к блаженству. Природа — это все, что существует в любой форме, в любом виде духа и тела; водные потоки — рабы своего русла; корни — рабы земли; ноги — рабы, как и корни; души — рабы в меньшей степени, чем ноги. Таинственный внутренний мир, чудесный внешний мир, такой, какой он есть — безобразный, блестящий или мрачный, близкий или далекий, огромный или чахлый, водный или земной, весь упорядоченный, весь измеренный, за исключением неба и душ людей, — это и есть природа.

3

Хорош тот философский метод, который, анализируя человека, берет его во всех проявлениях его бытия и при наблюдении не оставляет в стороне как нечто второстепенное и такое, чем можно пренебречь, то, что в силу своей, быть может, неясной и сложной первоначальной сущности не легко поддается наблюдению.

Для всех этих построенных на песке систем, по форме строгих и окаменевших, а по существу несовершенных, изучающих внешние явления, характерны научная слабость, философская нищета, заслуживающая порицания анемия, на которую они сами себя обрекли.

Человек должен понимать философию не как холодное зеркало, отражающее проходящие перед ним образы, а как одушевленное лоно, в котором эти образы трепещут, как непосредственный и наличный объект, как возможное приспособление реального, которое душа хранит как предшествующий, последующий и вечный идеал; этому жизненному объекту посвящаются все эти реалистические цели.

Но, выполнив эту цель, человек еще сохраняет страстные стремления, которые, как будто им удалось сломать прочную решетку, проявляются в последней улыбке умеющих умирать с достоинством. О, как прекрасно! — по-видимому, говорят себе те, кто умирает с достоинством. И в последний час надо плакать от боли за любимых, которые остаются, от огромного счастья, доставляемого свободой, которой тот, кто умирает, начинает, быть может, наслаждаться.

4

Критическое исследование — это соединение внимания и критерия. Это правильно, потому что так писала не французская критика, а немецкая; не критика Сент-Бёва, а критика Краузе, Фихте; не выставление напоказ того, кто порицает без объективного и аналитического изучения произведения, автора которого, так же как нашу симпатию, мы оставляем в стороне. Критика не порицание; даже в своем формальном значении, в этимологии, она является просто применением критерия.

Только ленивые люди, только боязливые умы говорят, что такого рода знания, которые можно было бы также назвать отшлифовкой и отделкой разума, не подходят нарождающимся народам.

Это, говорят, не снадобье и не продается; это, следовательно, не есть нечто полезное, как аптека; это не трава и не лечит; это, следовательно, не есть нечто полезное, как медицина; это не закон и не произносится по-латыни, время Альфонса Мудрого[7] неприменимо к народам Боливара[8]; это, следовательно, не есть нечто полезное, как наше право. Значит, эта жажда культуры, этот интерес к новому, эта скорбь по поводу незнания того, что знают другие, которая часто заставляла меня проливать горькие слезы, это стремление познать самого себя, эта полнота и блеск разума, которые достигаются благодаря культуре образования, — весь этот, правда, невидимый, но созидательный мир считается бесполезным и даже вредным для тех самых людей, первым символом веры которых является невидимость творца! Они отрицают бога, в которого они веруют, поскольку он им бесполезен!

Нет, не живешь вообще, а живешь лучше, узнаешь больше, действуешь энергичнее, получаешь большее наслаждение в любви, в отцовстве, в труде, по мере того как все больше осознаешь все эти возвышенные стороны жизни. Частое появление великих людей порождает непреодолимое желание подражать им. Если не видеть их вблизи и не подозревать об их существовании, то как может зародиться в душе движение, которое одно только и побуждает подражать им? При изучении жизни великих людей не только возникает это смутное желание, причем было бы пагубно сразу же не найти средства для его удовлетворения; при изучении их жизни можно увидеть, чего они достигли и как они этого достигли. Таким образом, они были хозяевами своих собственных крыльев.

5

...Его субъективная... при возрождении греческого принципа, состоящего в том, что все существующее поддается исследованию. Затем Кондильяк, философ ощущений.

Европеисты, — сомнение. —

Кант. — Платоновский идеалист. — Посвятил себя разработке вопросов познания.

От него ведут свое начало две философии: субъективная философия Фихте; объективная и пессимистическая — Шопенгауэра.

Фихте изучает человека в себе, как субъект всего того, о чем он думает и что остается в нем.

Шеллинг рассматривает человека как нечто аналогичное тому, что его окружает, и смешивает субъект с объектом.

Великий Гегель связывает их, а еще более великий Краузе[9] изучает их в субъекте, в объекте и в субъективной индивидуальной форме, в которой связь подводит изучающий субъект к изучаемому объекту. Я испытал большое удовольствие, когда обнаружил у Краузе эту промежуточную философию — секрет двух крайностей, которую я хотел назвать философией отношения.

Связи

Аристотель и Бэкон.

Декарт и Платон.

Метафизики и спиритуалисты.

Физики и материалисты.

Элейская школа и Дарвин.

Философский натурализм — Эмпедокл и Гераклит.

Мы, следовательно, не слушаем подражателей; а затем, устав от этой зрелости, снова станет господствовать чистая мораль, которая в другой морали будет представлять собой, как это было у Сократа, соединение духа и тела с той лишь разницей, что эта, сегодняшняя, более изученная, будет гибнуть более длительное время; точно так же, как гибель современного, более изученного Рима будет длиться дольше, чем гибель старого Рима.

6

Кант. — Платоновский идеалист — мечтал об универсальном гражданине. Разработка вопросов познания.

Фихте изучает субъект и задерживается на нем.

Шеллинг отождествляет его с объектом.

Гегель — и в этом его величие — устанавливает связь.

Краузе — и это еще более важно и более совершенно — изучает субъект, объект и то, как они соединяются, — связь.

Тиберген [10].

Философский натурализм — тот вид схоластики, который Абеляр создал как единственную форму свободы мышления в средние века и который стал впоследствии темницей и бичом свободной способности мышления.

Схоластика.

Подчинение философии теологии.

Союз философии и теологии.

Постепенное отделение.

7

Единственно, чем мне не удалось стать в философии,— это отчаявшимся как Леопарди, который был более искренним, чем те, кто либо в погоне за модой, либо по своему природному равнодушию и злобе подражает ему.

* *
*

Новость — позитивизм! Но ведь он был во всей философии, даже в самой древней, как здоровая реакция свободного разума человека на ложь и высокомерие служителей культа! Это постоянный метод в истории человека. Единственное, что изменяется и что с каждым своим появлением придает этому методу вид чего-то нового, — это большее знание, накопленное с течением времени.

8

Шопенгауэр.

«Страдание вечно» — Шопенгауэр.

Что вечно — это причина страдания. Страдание есть результат несоответствия между чувствующей природой — душой — и реальным существованием или же несоответствие между желаемым и достигнутым. Первый вид страдания — это страдание мыслителей и поэтов-сверхче-

ловеков. Второй вид — страдание людей. Первый вид страдания — страдание философское. Только его должно касаться мое исследование. Несоответствие это постоянное, но небеспрерывное. Познание самого себя не может дойти до того, чтобы лишить нас возможности познавать других.

Если мы страдаем из-за отсутствия соответствия между ранее предсказанным миром и действительным, пережитым миром, то неужели мы единственные, кто от этого страдает? Отношение между самими скорбящими уменьшает скорбь. Одиночество удручает нас, а когда мы находим брата по несчастью, мы уже не одиноки. Скорбь проходит, потому что моментально исчезает одна из ее причин: мы находим что-то из того, что мы ищем, и так как человек возвышенный, чувствительный и любящий всегда стремится сгустить краски, то он считает, что в той части, которую он нашел, он нашел все. *Благодаря воображению и экзальтации проходит скорбь — в этом и состоит удовольствие.*

Очень чистыми источниками удовольствия являются обе формы этого утешающего отношения: дружба и любовь.

9

Конт и Спенсер.

Совершенство органа не может быть бóльшим, чем того требует соответствие объекту, для которого он существует. В чем другом может орган быть совершенным? Правда, примитивная форма сердца представляет собой просто пульсирующий пузырь, расширение главной артерии; но эта примитивная форма сердца столь же совершенна, подходяща и полезна для животного, обладающего ею, сколь несовершенной, неподходящей и бесполезной была бы она для животного более сложного, которому требовался бы более сложный инструмент для кровообращения, или сколь несовершенной, неподходящей была бы форма этого более сложного инструмента для примитивного животного.

Если духовное развитие зависит от тела, то нужно доказать, что в соответствии с тем, как развивается тело, развивается и дух.

Зрение мне ни к чему, если нет объяснения того, что я вижу, если мое сознание не превращает видение в элемент суждения. Объект находится вне меня; но понимание объекта находится во мне. Я связан с ним. Познание порядка этой связи в том, что касается человека, и есть философия.

К этому сводится все философское исследование: *Я*, не-*Я* и как *Я* связано с не-*Я* — вот все три объекта философии. А в *Я* — то, что есть собственно индивидуальное и что приобретено и привнесено.

Несовершенство этого существования проявляется в том, что в нем имеется лишь несколько моментов абсолютного счастья, чистого счастья, каковыми являются моменты полного бескорыстия, моменты слияния человека с природой. (Эмерсон[11]. Вечер у Эмерсона: когда человек теряет чувство самого себя и растворяется в мире.)

Спенсер — подумаешь, новость! А Эйхгорн?[12]

А Броттенек?

10

Нужно посмотреть, развиваются ли дух и тело одновременно; есть ли, например, между материнской любовью курицы и материнской любовью женщины разница, соответствующая физической разнице между строением тела курицы и женщины.

* *
*

Искреннее смирение перед несчастьем порождает ту же внутреннюю красоту и величие, то же спокойствие и «спокойный дух», которые у католиков порождает «повиновение воле божьей». Спокойствие состоит не в том, чтобы верить, что именно бог посылает нам наказание и знает, для чего он это делает, и что это, мол, для нашего блага, а в том, чтобы переносить это наказание достойно, даже если мы и не видим, каким оно может быть для нас благом. В тысячу раз большая заслуга в философском смирении, чем в смирении христианском.

А почему бывшему миру не быть таким, каким его описал Эмерсон в одном месте: «The worlds is mind precipitated» [«Мир — это устремленный разум»], а в другом месте как бы для того, чтобы доказать, что он не видит противоречия между тем, что мир — это дух, а дух принимает постепенно усложняющиеся и возрастающие формы, он писал: «Mounts and striving to be man the worm through all the spires of form» [«Червь проходит через все изменения формы в своем стремлении стать человеком»].

НАШИ ИДЕИ
1892

Эта газета рождается по воле и на средства независимых кубинцев и пуэрториканцев, живущих в Нью-Йорке, чтобы без спешки, но неустанно содействовать организации свободных людей Кубы и Пуэрто-Рико в соответствии с современными условиями и потребностями этих островов и их будущей республиканской конституцией; чтобы поддерживать искреннюю дружбу, которая объединяет и должна объединять независимые группы, а также хороших и полезных людей, откуда бы они ни были, упорно и самоотверженно продолжающих вести борьбу за свое освобождение или искренне ее начинающих; чтобы выявить и разъяснить, каковы живые и реальные силы страны, каковы факторы ее единения и разобщения, с тем чтобы знание наших недостатков и ошибок, а также наших опасностей обеспечило то дело, для которого недостаточно одной романтической и неорганизованной веры нашего патриотизма, а также чтобы поощрять добродетель, где бы она ни встретилась. Эта газета рождается, чтобы объединять людей и научить их любить и жить в стремлении к правде. Газета оставляет за порогом, ибо это портит самое чистое намерение, личную заинтересованность, из-за которой помутневший рассудок низводит святое святых человечества и справедливости к личному желанию, а также фанатизм, который толкает людей на такое самопожертвование, польза и необходимость которого не оправдываются разумом.

Преступен тот, кто способствует в какой-либо стране развязыванию войны, которой можно избежать, но преступен и тот, кто не способствует неизбежной войне. Преступен тот, кто, видя, что страна идет к конфликту, возникновению которого содействует провокация и благоприятствует отчаяние, не готовит или не помогает готовить страну к этому конфликту. Еще бо́льшим становится преступление, если из предыдущего опыта известно, что дезорганизация в подготовке может привести к поражению самых славных патриотических сил или же посеять в победоносной стране семена ее будущего полного разложения. Тот, кто сегодня не помогает готовиться к войне, помогает разлагать страну. Простая вера в возможность войны уже налагает на тех, кто считает себя честным и здравомыслящим, обязанность содействовать очищению целей возможной войны или препятствовать их осквернению. Сильные предвидят, люди более слабые ожидают бури со скрещенными руками.

Война в стране, которая десять лет воевала и которая видит своих оставшихся в живых и верных героев, является неизбежным следствием непрерывного, скрытого или явного отказа народу,— который, пребывая в нищете, все же не дает развратить и дезорганизовать себя,— в необходимых для его счастья условиях. Следует не задавать себе вопрос, желательна война или нет, так как ни одна благочестивая душа не может желать ее, а вести ее таким образом, чтобы она завершилась миром в условиях республики и чтобы после войны уже не заслуживали оправдания и не были необходимыми те беспорядки, к которым пришлось прибегнуть для своего продвижения вперед народам Америки, появившимся на свет в годы, когда не все обладали, как это имеет место сейчас, политическими знаниями и способностью применять национальные силы в труде. Война страшит только мелкие души, неспособные предпочесть бесполезной жизни достоинство, полное опасностей.

В своих конкретных проявлениях война есть страшное бедствие, но страдание, приносимое ею, не должно останавливать прозорливого государственного деятеля, подобно тому как золотая монета, поскольку золото—драгоцен-

ный металл, не сетует, если ее дают в обмен на то, что стоит дороже ее. Когда составные части населения страны находятся в состоянии скрытой борьбы, отравляющей самые естественные отношения, нарушающей существование и как бы лишающей его корней, стремительное превращение этого неопределенного состояния войны в решительную войну означает экономию общественных сил, на которую стоит пойти. Когда обе враждующие группы страны живут в ней, стремясь явно или тайно к господству, их сосуществование может привести только к окончательному подавлению одной из них. Когда народ, управляемый своими незадачливыми руководителями с помощью ненависти и разобщения, вышел из первого испытания войной, невзирая на разногласия, из-за которых она закончилась, более сплоченным, чем он начал войну, то война не только не является тормозом для его цивилизации, а, наоборот, представляет собой новый период необходимого объединения различных его сил для превращения страны в прочную и плодотворную республику. Когда в стране испанцев и креолов война должна вестись не против испанцев, живущих в этой стране, а против зависимости от нации, неспособной управлять народом, который может быть счастливым только без нее, то у войны имеются естественные союзники в лице всех испанцев, желающих быть счастливыми.

Война есть метод политический, и он подходит для Кубы, ибо война окончательно ликвидирует беспорядок, который поддерживается и будет поддерживаться страхом перед войной; ибо в результате войны, в борьбе между теми, кто владеет страной и кто уже в глазах своих же выглядит жалким и дискредитированным, и сынами страны — естественными друзьями свободы — восторжествует свобода, необходимая для достижения подлинного благоденствия и наслаждения им; ибо война завершит дружбу и объединение районов и социальных слоев, без тесной и сердечной дружбы которых сама независимость была бы рассадником серьезных расхождений; ибо война даст трудящимся испанцам возможность своим нейтралитетом или помощью заставить забыть жестокость и слепоту, с которыми они в прошлой борьбе подавляли добродетель своих сынов; ибо войной будет достигнуто такое

счастье, которое сторицею вознаградит усилия, затрачиваемые на нее.

Война в глубине сердца, в часы, когда жизнь имеет меньшее значение, чем бесчестье, в котором она пребывает, является самой прекрасной и самой достойной уважения формой самопожертвования человека. Одни думают о себе больше, чем о себе подобных, и ненавидят справедливые методы, которые могут принести им неудобства или риск. Другие любят себе подобных больше, чем самих себя; своих детей — больше, чем саму жизнь; несомненное благо свободы — больше, чем всегда сомнительное благо безнаказанной тирании; они рискуют своей жизнью, чтобы дать жизнь родине. Таким образом, когда становится совершенно ясно, что справедливое и почетное примирение борющихся элементов на Кубе и в Пуэрто-Рико невозможно, а частичное примирение, к которому эти элементы могли бы стремиться, не было бы санкционировано нацией, которой они подчиняются, и оказалось бы только похвальной, но недостаточной передышкой, тогда те, кто способен на самопожертвование, объявляют войну, а уклоняются от нее только те, кто на него не способен.

Но если бы война стала началом эры мятежей и соперничества, которая после незаслуженной и маловероятной победы превратила бы страну, политую нашей чистой кровью, в арену местных споров или карьеристских амбиций; если бы война превратилась в суетливый и бесчестный консорциум людей, обладающих бо́льшими потребностями, чем способностью действовать, и представителей власти, склонных к поспешности и надменности, которых по понятным и отчасти благородным причинам обычно порождает милиция; если бы война означала господство какой-либо одной части нашего населения, наносящее урон и внушающее тревогу остальным, а не способ улаживания в обстановке взаимного уважения предубеждений, вызванных обидчивостью и высокомерием, то тех, кто содействовал войне и советовал начать ее, следовало бы обвинить в отцеубийстве. А в самой борьбе, которая началась бы не в результате призыва, а в силу своей неизбежности, почет стал бы уделом только тех, кто вырвал бы с корнем или постарался бы вырвать с корнем ее страшные зародыши; и позор стал бы уделом тех, кто в

результате интриг или из страха старался бы воспрепятствовать объединению всех сил борьбы без несправедливых и неблагоразумных исключений в таком соотношении, которое с самого начала не грозило бы опасностью затмить славу и сделало бы свободу недосягаемой для тирании. Но эта газета будет поддерживать войну, которой страстно желают все завтрашние герои, сознательно призывающие к тому, чтобы она велась со всем рвением, и вчерашние герои, которые, несмотря на уроки последнего десятилетия, сумели сохранить в целости свою веру в победу; ту единственную войну, которую кубинец, по природе свободный и мыслящий, требует и поддерживает; и это такая война, которая в соответствии с волей и потребностями страны и с уроками предыдущих усилий должна соединить в себе в естественной пропорции все факторы неминуемой борьбы, как желательные, так и неизбежные, и должна ценой величайших и согласованных усилий привести к победе, которую старания победителя или стремление недовольных групп не заставят на другой день померкнуть и которой не будет мешать пустословная и бабская политика использования национальных сил в насущных делах страны.

Здравомыслящий кубинец, знающий, в чем причины пороков и каково их оправдание, любит тех мужественных людей, которые сложили оружие не из страха перед врагом, а в силу рокового стечения обстоятельств, и восхищается этими людьми; в них все еще сверкает бескорыстная душа, являющаяся предметом сыновней зависти новых, по-юному нетерпеливых героев. Войны в силу тех же самых условий, которые придают им особые свойства, либо в силу той подлинной власти над сердцем, которую сохраняет человек, находившийся рядом с умиравшим, порождают привычку к авторитету и чувство товарищества; при этом ошибки, связанные с этой привычкой, иногда серьезные, не должны охлаждать чувство сыновней благодарности у тех, кто видит в них одну из основных добродетелей. Но патриотическая чистота тех, кто ушел из роскоши в бой, постоянное общение между собой людей с различными характерами и достоинствами, явившееся следствием затянувшейся войны, подлинное достоинство того, в чьей груди бьется сердце, испытанное в

тревоге, — все это дало Кубе такую милицию, которая не ставит, как другие, военную славу превыше родины. Те, кто вчера, опьяненные славой, сражались за независимость своей страны, сегодня пашут на полях, считают в банках, преподают в школах, торгуют в лавках, трудятся своими героическими руками в мастерских. С нетерпением ожидают они поколения, которое будет состязаться с ними.

Усиленно начинает биться сердце, когда из безопасных рубежей приветствуешь тех, кто, находясь под властью безжалостного властителя, молча собирается сбросить эту власть. Пусть знают там, где мы не хотим бесполезными уловками заговора укреплять угрожающий эшафот, что кубинцы, которым от чужой свободы нужен только способ обеспечить и свою собственную свободу, слишком сильно любят свою землю, чтобы возмутить ее без ее согласия; они скорее погибнут, охваченные тоской в изгнании, чем будут поощрять такую войну, в которой какому-либо кубинцу или нейтральному жителю Кубы пришлось бы страдать как побежденному. Битва, завязывающаяся, чтобы покончить с раздором, не должна породить другие раздоры. В ворота, которые должны открыть мы, изгнанники, менее достойные похвалы за это, поскольку мы более свободны, войдут с высоким чувством обретения новой родины в душе кубинцы, которые в результате долгого порабощения сильнее почувствуют необходимость замены пристрастного и барственного правительства другим правительством, к которому притекали бы все вольные и благородные силы страны. Простое изменение формы не заслуживало бы тех жертв, на которые мы готовы пойти; да и недостаточно было бы одной войны, чтобы завершить революцию, первая победа которой имела бы своим результатом только перемену места несправедливой власти.

В освобожденной родине нужно будет защищать народную политику, при которой должны будут путем взаимного признания приспособиться друг к другу части населения, могущие столкнуться друг с другом из-за какого-нибудь пустяка или из-за выгоды; и на развороченной земле, оставляемой нам в наследство бездарным правительством, должен подняться замечательный народ, действую-

щий новыми методами там, где, не угрожая ничьим правам, все будут мирно наслаждаться освобожденной жизнью. Эту победоносную новую жизнь нужно будет умно и любовно защищать от тех, кто в революции видит только возможность продолжать управлять страной в том же духе, какой они осуждали у своих врагов. Но это чрезмерное стремление в республиках к прошлому имеет такое же право на уважение, как и чрезмерное стремление к будущему. И решимость сохранить в свободной родине такие условия, при которых человек мог бы, полностью их используя, стремиться к счастью, никогда не воплотится в жизнь, пока не родятся такие кубинцы, которых до сих пор не было, или пока идея войны не попадет в другие руки — не превратится в борьбу, которая предусматривает исключение и презрение к тем, кого в глубине нашей души без слов вызываем на славную битву. Война подготовляется за пределами Кубы, так что в силу того же размаха, который мог бы встревожить боязливых, она должна обеспечить мир, который нарушила бы им незавершенная война. Война подготовляется заграницей во имя освобождения и для блага всех кубинцев. На бесплодных полях растет густая трава: лживые идеи распространяются среди раздраженных фабрикантов; чувство необходимости входит в пустынные помещения сознания, которое пока еще поглощено главным образом изучением бесполезных трудов о чужих цивилизациях и спорами о правах, почти всегда безнравственных. Революция скосит траву, разоблачит подлинную сущность лживых идей фабрикантов, откроет перед нашим сознанием реальные возможности его использования, которые через независимость людей обеспечили бы независимость родины. Уже созрела там слава, и настал час сорвать ее.

Всем будет польза от революции, которой будут содействовать все. И в силу закона, уйти от которого не во власти человека, те, кто из барского высокомерия или под влиянием социальных предрассудков исключит себя из революции, будут в том, что не относится к правам человека, лишены ее чести и ее воздействия. Честь не позволяет человеку требовать своей доли в победе, содействовать которой он отказывается; а вера — в известном смысле правильная — в бесполезность патриотизма уже

развратила многие благородные сердца. Патриотизм заслуживает порицания, когда к нему взывают, чтобы помешать дружбе между всеми людьми доброй воли всего мира, которые видят, как растет ненужное зло, и честно стремятся уменьшить его. Но патриотизм есть священный долг, когда идет борьба за то, чтобы создать на родине такие условия, чтобы люди там жили более счастливо. Тяжело видеть, как тот, кто отказывается бороться за право других, настаивает на своих собственных правах. Тяжело видеть, как наши сердечные братья, защищая стремление к деньгам, отказываются защищать важнейшее стремление к достоинству. Тяжело видеть, как люди только потому, что они называются рабочими, идут на сужение своих интересов, приносящее им больше вреда, чем блага; ибо эта изоляция людей одного рода занятий или определенного социального круга, пребывание их в стороне от настоящих разумных соглашений между людьми, у которых одни и те же интересы, ведут к группировке и сопротивлению представителей других профессий и других кругов; а насильственные смены властей и непрерывное беспокойство, которое в результате этой обособленности ощущалось бы в самой республике, были бы менее благодетельны для ее сынов, чем всеобщее уважение, при котором в условиях, когда каждый сохраняет за собой орудия своего повседневного труда, люди отличались бы друг от друга только жаром своего сердца или пылкостью своей души.

Революция, в которой гибли все кубинцы независимо от цвета кожи, будет одинаково справедлива для всех кубинцев независимо от того, родились ли они на континенте, где солнце обжигает кожу, или же происходят от народов, живущих там, где солнце греет не так сильно.

Если бы под социальным равенством следовало понимать в демократической системе равенств неравенство, несправедливое в любом случае, состоящее в том, что одну часть населения из-за того, что она обладает цветом кожи, отличным от другой части населения, лишают при ее обращении с населением, имеющим другой цвет кожи, права на сочувствие и выгоду, которым пользуется (иногда грубо) она сама, когда речь идет о ее членах, то «социальное равенство» было бы несправедливым для тех,

кто должен был бы испытывать его на себе, и неподобающим для тех, кто хотел бы навязать его. Тот, кто полагает, что культурный и порядочный человек, только потому что он негр, должен добиваться дружбы белого, который, отказав ему в ней, обнаружил бы тем самым, что он ниже негра, — тот плохо знает сильную душу цветного кубинца. Но если социальное равенство означает почтительное и справедливое обращение без ограничений в уважении, не оправдываемых соответствующими ограничениями способности или добродетели, друг с другом людей того или иного цвета кожи, которые могут сделать честь и делают честь человеческому роду, то социальное равенство есть не что иное, как признание явной справедливости природы.

А так как закономерно, что дети прощают родителям их ошибки и что друзья свободы открывают двери своего дома тем, кто любит и уважает ее, то революция на Кубе будет выгодна не только кубинцам, а революция в Пуэрто-Рико — не только пуэрториканцам, но и всем тем, кто будет чтить ее идеалы и беречь ее кровь. Угнетенный житель Антильских островов ненавидит в испанце не то, что он родился на земле Испании, а агрессивную и наглую оккупацию своей страны, отравляющую и сокращающую жизнь его собственных сынов. Это война не против хорошего отца, а против плохого отца; не против законного супруга, а против супруга — любителя приключений; не против свободомыслящего и благородного труженика, а против высокомерного и неблагодарного пришельца. Это война не против испанца, а против алчности и неспособности Испании. Сын получил на Кубе от своего отца-испанца первый совет, как быть гордым и независимым: отец снял с себя знаки различия, по которым видно было, какую должность он занимал в армии, чтобы его сынам не пришлось в один прекрасный день выступить против него: один знаменитый испанец погиб за Кубу на виселице; испанцы умирали на войне рядом с кубинцами. Те испанцы, которые ненавидят страну своих сынов, будут уничтожены войной, которую они сделали необходимой. А те испанцы, которые любят своих сынов и предпочитают палачам свободы ее жертвы, будут спокойно жить в республике, основанию которой они помогут. Война

должна вестись не во имя уничтожения хороших людей, а во имя необходимой победы над теми, кто противится их счастью.

Сын Антильских островов — это человек, в котором по самой его природе рассудительность в равной мере сочетается со страстным стремлением к свободе; и сегодня, когда в стране царит тот же беспорядок, что и двадцать четыре года назад, в результате политики бесполезного мира, в прошлом популярной только тогда, когда дело близилось к войне, и не приведшей к большему (во всяком случае по сравнению с тем, каким оно было двадцать четыре года назад) сплочению элементов, которые можно было бы объединить, поднимаются, чтобы заодно ликвидировать беспорядок, бдительные сыны, благоразумные, как государственные деятели, и пламенные, как проповедники, использовавшие перемирие для того, чтобы разобраться в случайных причинах печальнейшего поражения и устранить их и чтобы присоединить нарождающиеся силы к тем своим элементам, которые еще могут оказаться полезными, чтобы рука противника, имеющая большой опыт в преследовании, не опустилась бы на тех, кто без этой закваски, даваемой самой действительностью, мог бы вернуться к беспорядку и неопытности, из-за которых истекла кровью и погибла прочная слава прошлой войны. Вспыхивают пожары, и снова слышится призыв; и даже в робком очаге, уставшем от нищеты, слышится угроза; молча идет молодежь к могилам героев, чтобы почтить их память; и горн раздается одновременно и на собраниях эмигрантов, и на собраниях колонистов. Эта газета рождается в час опасности, чтобы бдительно охранять свободу, чтобы путем объединения ее сил содействовать их непобедимости и избежать новой победы врага над нами из-за нашей неорганизованности.

ЭНРИКЕ ХОСЕ ВАРОНА

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА

Человек не живет и не может жить замкнутым только в себе, обращенным только к своему внутреннему миру, прислушиваясь к биению только своего сердца и эгоистически созерцая идеал своих стремлений. Когда он находится во власти благородных чувств, потрясен красотой, движим героизмом или мужеством при выполнении долга, он неизбежно нуждается в том, чтобы передать свои переживания другим людям, равным ему по силе чувств, уму и моральным достоинствам. Но это нельзя сделать жестами, а язык оказывается бедным и невыразительным. Нужно так оживить образы, чтобы они ясно вставали перед нашим взором, нарисовать предметы такими красками, чтобы они радовали глаз, и вложить в звуки столько души, чтобы музыка овладевала всеми сердцами, делала их более чистыми и поднимала до уровня выражаемых ею чувств. Великое, благородное, чистое и возвышенное в мире и в жизни человечества всегда находит патетическое воплощение в неувядающих творениях скульпторов, художников, композиторов и поэтов. Таким образом, искусство, дополняющее язык и делающее его всеобщим, собирает, сохраняет и передает наиболее возвышенное из того, что человек видит, мыслит и чувствует. Искусство — это цветок культуры определенной эпохи, наиболее возвышенная эмоция народа или расы. Содержательная жизнь, отражаемая в произведениях искусства, воздействует на нас, передаваясь от поколения к поколению, и заключает в себе не конкретных людей,

общества или учреждения, ушедшие в прошлое, а те мимолетные и преходящие чувства, которые владели людьми в определенные моменты их жизни. Поэтому нас волнуют переживания, рожденные не в нашей душе, наша душа обогащается эмоциями людей, живших в другой стране и в другое время. Хотите вы, чтобы холодный и скептический исследователь нашего времени поддался порывам мистического аскетизма, воспринял и понял их? Никакое описание, никакая речь не могут сделать это так быстро и успешно, как, например, картина Сурбарана «Молящийся монах». На мрачном фоне, едва позволяющем различать очертания арок монастырской галереи, выделяется освещенный лучом света коленопреклоненный и неподвижный человек. Его руки судорожно сжимают пожелтевший череп, глаза же, затемненные падающей на них тенью от капюшона грубой рясы, обращены не на череп, а ввысь, во мрак с выражением благостной отрешенности, и весь он охвачен таким религиозным экстазом, что мы чувствуем, как он целиком поглощен созерцанием вечного света. Его руки держат земное — череп, трогают смерть, как бы убеждаясь в ничтожестве тленного человека, но его взор полон божественных видений, и его полуоткрытые губы издают не стоны боли, не вздохи агонии, а произносят пламенный гимн души, исполненной восторга перед величием вечного блаженства.

Хотите ли вы перенестись от замкнутой монастырской жизни с ее духовными спадами и порывами к жизни на площадях и в ратушах с их оживленным движением и народным энтузиазмом? Желаете ли вы постигнуть значение муниципалитета, который столь успешно содействовал развитию небольших государств побережья Северного моря? Тогда не копайтесь в пыльных архивах и не тратьте время на перелистывание холодных страниц древних описаний, а найдите какую-либо картину фламандского художника. Возьмем, например, «Ночной дозор» Рембрандта. Она наполнена живым содержанием: люди в разных позах, в разнообразных одеждах, по-разному вооруженные. На их лицах радость. Одни из них кладут на плечо тяжелые аркебузы, мушкеты, другие поднимают пики, третьи опираются на свои алебарды. Их предводитель выхватывает из ножен широкую шпагу, а знамено-

Энрике Хосе Варона

сец поднимает над головами этой группы знамя города. Сюжетом этой картины является выход муниципальной гвардии в праздничный день. Эти люди настолько воодушевлены, эти горожане настолько удовлетворены выполнением своих гражданских функций, что не трудно угадать в них дух тех скромных муниципалитетов, которые смогли победить наиболее опытных полководцев, отразить нашествие наиболее могущественных монархов и навести страх на грозные армады, господствовавшие тогда на морях.

И художнику необязательно дышать воздухом подобной свободы. Искусство вырывает тот кляп, которым недоверие тиранов затыкает уста народов. Справедливо говорится, что абсолютная монархия Франции представляла собой деспотизм, умеренный воздействием сатирических песен. Напрасно пытались спрятать за непроницаемым покровом интимную жизнь деспота и скрыть от жадного любопытства подданных, которые прекрасно понимают, что тот, кого выдают за полубога, является простым смертным, мрачные трагедии, развертывавшиеся в великолепных покоях царских дворцов. Из них мне приходит на память одна, в которой как бы сосредоточились все теневые стороны истории, ибо таково было неодолимое желание ее основного действующего лица. Один принц в расцвете лет, наследник наиболее обширной христианской монархии, заточенный в крепости своего отца, умирает странной и таинственной смертью, а несколько месяцев спустя умирает молодая королева, которая должна была разделить с ним супружеское ложе. После первого изумления, вызванного этим ужасным совпадением, глубокое молчание охватило страну. Это молчание было следствием страха перед мрачной фигурой Филиппа. Но в конце концов нашелся человек, который осмелился нарушить молчание. Прошло немного лет, и это трагическое событие предстало перед пораженным взором общества, чтобы дать будущим поколениям ключ к этой загадке. Кто же оказался настолько смелым? Художник, поэт Лопе де Вега. Его орудием явилось художественное произведение — драма «Преступление без наказания».

Итак, когда все молчит, когда общественное мнение кажется дремлющим, когда перо дрожит в руке писателя

и даже философ в своем убежище сомневается, надо ли прислушиваться к голосу разума, всегда есть в человеческой душе что-то, что бьется и борется за жизнь; даже если весь народ впадает в уныние, всегда найдется наиболее чувствительная душа, которая, вобрав в себя все чувства мрачных и бездушных эпох, вернет эти чувства в виде стона или сарказма. Микеланджело ваяет свою «Ночь» для тех, кто фактически не живет, а погружен в непробудный сон.

Гойя рисует свои дантовские видения во мраке, которым предрассудки окутывают общество, также погруженное в летаргический сон. Вспомните, в каком состоянии находилась Испания в его эпоху. Благородные усилия просвещенных и либеральных людей, окружавших Карла III, оказались недостаточными для того, чтобы освободить народ от ужасных предрассудков, укоренившихся в его сознании. Инквизиция, хотя и утратила былое могущество, все еще возвышалась над обществом подобно страшному призраку, царящему во мраке. Индекс запрещенных книг высокомерно возвышался как канон, воздвигнутый невежеством на пороге храма фанатизма. Вспомните это, и вы поймете, каким мужеством был протест художника, какой кровавой ценой платил он за то осмеяние, с помощью которого он разрушал боязливую осторожность своих современников. Я не знаю в истории искусств (за исключением некоторых сцен в аду, описанных в «Божественной комедии») ничего более сильного в своем возвышенном ужасе, чем картина Гойи, изображающая полузахороненный труп. Бледное и искаженное лицо трупа еще хранит последние конвульсии агонии, и кажется, что в его сознании еще не потухли последние проблески жизни, ибо вокруг него еще блуждают подобно ужасным кошмарам последние видения — гротескные фигуры, изображающие совершенные им ошибки, а возможно, и преступления. Среди этих фигур выделяется костлявая рука, держащая роковые весы. Но еще более ужасное и кошмарное мы видим в самой могиле: приподнявшись в последнем усилии и опираясь на левый локоть, умерший правой рукой пишет зловещее слово «Ничто!», которое как откровение вырывается из глубины могилы.

Располагая сильными изобразительными средствами, искусство не должно ограничиваться передачей внутренних переживаний отдельной личности, даже если они порождены социальной средой, в которой живет эта личность. Сфера деятельности искусства более широка, а его социальные функции более значительны. Если даже самого великого художника изолировать от общества, то, несмотря на то что источники его вдохновения полностью не разрушаются, поскольку они находятся в нем самом, неизбежно уродуется его гений и сводятся на нет его лучшие творения. Художник творит не для себя, он стремится передать свои переживания другим и приобрести сторонников своих идеалов. Он творит для себе подобных и нуждается в том, чтобы его взгляды были оценены, стали достоянием тысяч сердец и умов, где бы они могли еще больше облагородиться, а возможно, даже подвергнуться изменению. Художник дает тон, который остальные превращают в аккорд, и когда это достигается, что бывает всегда у подлинных мастеров, его переживания становятся переживаниями окружающих, а его стремления — стремлениями всего народа. Вот почему любое большое общее чувство, великие национальные чаяния сосредоточиваются в душе художника, чтобы затем воплотиться в такой форме, которая способна воодушевить даже наиболее холодных и апатичных людей. Таким образом были созданы великие творения искусства, которые передают и сохраняют живыми великие чаяния эпохи. Примером могут служить национальные гимны, а также эпические или легендарные поэмы различных народов, передающиеся из поколения в поколение. Что представляет собой плутовской роман, возникший в центре Европы в период позднего средневековья, распространившийся по Франции и Германии и затем перешедший в Англию, дошедший до наших дней и сохранивший такую силу и жизненность, что сумел вдохновить одного из выдающихся современных поэтов? Этот вид романа есть не что иное, как поэтическое выражение постоянной думы той эпохи, выражение упорной борьбы принципов и интересов, волновавших и разделявших народы тех стран, думы о схватке не на жизнь, а на смерть между разумом и силой. Это удачная аллегория, в кото-

рой народ без труда увидит самого себя, начинающего сознавать собственное достоинство и выставлять свои права, как бы воздвигая барьер против возрастающего наступления на них со стороны феодалов — сеньоров и придворного дворянства.

Общество — это такой организм, который, чем он сплоченнее, тем лучше может противостоять действиям окружающих его враждебных сил. Мы уже видели, каким мощным средством вызывать и поддерживать сплоченность между людьми является богатое и высокоразвитое искусство. Те, кто научатся одинаково чувствовать, научатся в то же время любить друг друга, потому что нет общности, которая сближала бы и объединяла больше, чем общность чувств. Там, где одни и те же произведения искусства одинаково почитаются, изучаются и получают высокую оценку, там не ищите разногласий, там нет границ, разделяющих людей, там есть обмен мыслями, там есть народ. Италия, разорванная чужеземцами на части, проданная своими же князьями тому, кто больше заплатит, раздираемая внутренними противоречиями, усугубленными недальновидной политикой католической церкви, вызывала глубокую боль у своих сыновей, жалость и презрение у иностранцев. Но она существует и сохраняется единой в сердцах итальянцев, единодушно, в унисон повторяющих скорбные терцеты Данте или пламенные октавы Тассо и в то же время обожающих Мадонн Рафаэля и присоединяющих свой голос к мелодиям Россини. Все эти великие мастера были главными предшественниками итальянского единства.

Я уже сказал раньше, что искусство удесятеряет великую силу языка. Вот почему его влияние не ограничивается одним каким-нибудь народом, его не могут остановить горы, и оно не умирает у берега бушующего моря. Искусство одного народа, когда оно приобретает подлинно художественный характер, излучает свет на всех окружающих или на тех, кто как-то связан с этим народом, оказывает на них плодотворное влияние в области культуры и просвещения, стимулирует их к развитию. Мы говорим не о народах, развивающих дружественные отношения путем торговли или обмена идеями, а о тех народах, которые сильно разобщены, разделены проти-

воположными интересами, вопиющей несправедливостью и, наконец, войною. В истории очень часто случается, что побежденный народ навязывает народу-победителю свою цивилизацию и свое искусство. Вспомните эту долгую борьбу двух народов, вековую борьбу между христианами и испанскими мусульманами. Их разделяло все: религия, расовые особенности, обычаи, политические интересы, идеология, и тем не менее великолепная мавританская культура превратила Андалузию в жемчужину Европы, оказала большое влияние на грубых воинов севера.

Эта культура настолько проникла в мысли испанского народа, который в длительной борьбе с мусульманами становился то господином, то рабом, что идеи мусульманских ученых и художников, находившихся при дворах кастильских королей, получили широкое распространение, а народ, который после восьмивековой битвы был снова изгнан в горячие пески Африки, сумел оставить в наследство народу-победителю воздвигнутые им великолепные памятники, чтобы тот мог научиться создавать новый архитектурный стиль. Эта культура оставила также свой неизгладимый отпечаток в виде тех слов, которые народ-победитель бессознательно заимствует у своих заклятых врагов для обозначения унаследованных от них предметов великолепного искусства.

Даже неумолимое время — этот великий разрушитель человеческих творений — оказывается бессильным перед истинными произведениями искусства. Только благодаря им смертный видит в какой-то степени осуществленным наименее реальное из всех своих горячих и постоянных желаний — бессмертие. Очень часто только благодаря им сохраняется наиболее ценное сокровище — душа народа. Что́ знаем мы о тех громадных восточных империях, о которых до нас через века донеслись лишь отзвуки их падения? Их удивительные басни и смешные легенды были лишь из чисто детского любопытства собраны греческими историками.

Но как только современная наука начинает смело разбирать развалины и руины, покрытые пылью веков, из-под обломков обелисков и массивных колонн, из мрака подземелья встает дух античности, оживает настенная

живопись, просветляется загадочное лицо сфинкса, пробуждается от своего летаргического сна пантеон чудовищных богов. Одним словом, искусство раскрывает нам загадку древнейших цивилизаций.

И если мы захотим тщательно исследовать совокупность наших представлений и понятий, не уходя при этом так далеко в глубь веков, если мы пожелаем раскрыть происхождение многих наших обычаев и склонностей и самого вкуса, с помощью которого мы оцениваем наиболее изысканные эстетические произведения, мы получаем яркое доказательство того, что все бессмертное в человечестве живет только благодаря таинству искусства. Эта цивилизация, которую мы так восхваляем, эта культура, которой мы так гордимся, проникнуты духом, не принадлежащим ни нам, ни нашим непосредственным предшественникам: это дух Греции и Рима — двух народов, одаренных разумом и высоким чувственным восприятием, светлый след которых не смогли стереть ни катаклизмы природы, ни революции людей. Знаете ли вы, почему и каким образом восторжествовало Возрождение? Оно заменило одну систему образования другой, нанеся поражение схоластике, выступавшей в форме логики, и поставив на ее место гуманитарные науки. Эти науки представляли собой не что иное, как изучение, интерпретацию и восхищение всем тем, что оставили нам греки и римляне, обладавшие высокоразвитым художественным вкусом, в области искусства и литературы. Эти науки знаменовали собой наиболее полный триумф художественной красоты, созданной уже исчезнувшими народами. В течение четырех веков Европа часто обращалась к Портику и Академии [1], к изучению Афин и Аргоса, к олимпийскому Ипподрому, к римскому Форуму и александрийскому Музею. И результатом этого явилось чудесное оплодотворение гением античности — жемчужины всей западной культуры — всего того, что было создано человечеством в средние века.

Таким образом, искусство как художественное отражение крупных общественных изменений и вечных чувств человека является весьма действенным средством общения людей, оно настолько очищает и усиливает их стремления и указывает направление и цель их дей-

ствиям, что укрепляет социальные связи между ними, в высшей степени содействует расцвету народов, повышает их мощь и влияние, служит средством распространения их изобретений и наиболее полезных и благородных идей и обеспечивает им благодарность и восхищение последующих поколений. Отсюда явствует без всяких доказательств, насколько важно для народов оказывать покровительство искусству.

Я не могу считать свою тему исчерпанной, не отметив предварительно одно существенное обстоятельство. Есть два способа обеспечить действенность этого покровительства, этой помощи, которая воодушевляет художника и ставит его в условия, благоприятные для творческого процесса. Один способ — официальное покровительство со стороны государства, другой — покровительство, которое я назвал бы народным, потому что оно стихийно возникает из недр народа, разумеется, когда он настолько просвещен и культурен, что способен оценить защищаемые и охраняемые им сокровища. Я не отрицаю значения первого способа, как это делают сторонники некоторых экономических школ, особенно в форме, практикуемой современными государствами, но считаю, что эта форма наталкивается на такие препятствия, которые на каждом шагу вызывают ее искажение и фальсификацию. Известно, что все задачи, решаемые государством в этом направлении, обходятся нам дорого; они обходятся нам еще дороже, когда их решение подчинено индивидуальному вкусу — в этом случае надо справедливо опасаться стремлений к личной выгоде и заботе о собственном тщеславии, а не о пользе и действительной необходимости, на которые должны расходоваться государственные средства. С другой стороны, как преградить путь вредным влияниям, способствующим процветанию посредственностей, и открывать его только людям достойным? Сколько фимиама курили в честь великодушия монархов! Но как мало от настоящего искусства во многих помпезных монументах! Ибо если мы исследуем многие из этих сооружений, то они окажутся либо лишенными содержания, либо несоответствующими своему назначению подобно громадам, возвышающимся на берегах широкого Нила и предназначенным хранить в себе горстку пепла,

в которую превращается любой смертный. Что только ни говорили историки о щедрости Людовика XIV, который, не довольствуясь назначением пенсий художникам, поэтам и ученым своей страны, делал подарки и устанавливал пожизненное жалованье для иностранных. Но как мало в королевских списках выдающихся имен и как много серых! Известно, что монарх знал, что Ришелье щедро награждал иностранных писателей, восхвалявших монарха, и таким образом как бы заранее просил их, как отмечает со свойственной ему непосредственностью Вольтер, быть достойными этой награды. Качество их произведений не входило в расчеты Ришелье. Действительно, со всех сторон раздавались похвалы в адрес французского мецената; и эту позолоченную пыль расчетливый король пускал в глаза своему народу, чтобы тот не обращал много внимания на скандальные истории, происходившие при королевском дворе.

Вторая форма — форма народного покровительства — является более справедливой, так как отдает должное действительному таланту, пробивающему себе путь собственным трудом, а поэтому и более долговечной, поскольку она не зависит от изменчивого вкуса и прихотей суверена или его министра, более плодотворной, ибо всегда идет по пути удовлетворения действительных потребностей эпохи или страны. Когда у большинства граждан пробуждается или сохраняется интерес к изящным искусствам, когда они жаждут их, поощряют их творения и проникаются их духом, тогда для художника создаются благоприятные условия и он пользуется уважением и удостаивается похвал. Когда культивируется и распространяется хороший вкус, когда он проникает в домашний быт и сказывается в убранстве домов, в обычаях, в праздничных церемониях, когда искусство входит в жизнь народа, тогда оно является жизнеспособным и порождает действительно бессмертные произведения. Вся гражданская архитектура христианских народов возникла таким образом. Все консистории Брюсселя и Лувра соперничают в монументальности и великолепии с величественными дворцами Капетингов или Бурбонов и даже затмевают их. По мере того как в Нидерландах укрепляются и распространяются гражданские свободы, а их народ,

обогащенный развитием промышленности и прикладных наук, обращает свои взоры к произведениям духа, расцвет изящных искусств достигает своего апогея. Брюгге, крупный центр торговли и богатств на севере, становится очагом художественной культуры и соперничает с королевой искусства в Средиземноморском бассейне — свободной Флоренцией. Антверпен и Амстердам, в которых пышно расцветает архитектура, дают миру новые школы художников, чья слава не затмила, однако, славу итальянских живописцев. В Испании, где старые города обладают еще достаточной жизнеспособностью, чтобы сопротивляться удушающей централизации королевской власти, возникает несколько очагов развития искусств. Так, в Севилье возникает новая школа живописи, в Валенсии — драматической поэзии; эти школы превосходят мадридские и передают туда своих учителей и свои методы.

Кроме всего сказанного данный вопрос имеет еще и другой очень важный аспект — моральный, который не следует игнорировать. Коллективное покровительство лучше защищает художника от всяких неизбежных опасностей, чем покровительство, исходящее от властей предержащих. Оно упрочивает его положение и обеспечивает ему независимость, абсолютно необходимую для создания искренних и правдивых произведений. Выдающийся поэт, усовершенствовавший тосканский язык и оставивший бессмертный поэтический памятник, автор «Иерусалима», был не кем иным, как слугой Альфонса д'Эсте [2]. Великий, неподражаемый Мольер был одним из гистрионов той труппы, которая развлекала Людовика XIV. Сегодня художник живет за счет своих произведений и своего таланта, и то, что он получает от публики, он возвращает ей сторицею. Даже актеры, лишенные поддержки и презираемые раньше за свой род деятельности, сегодня пользуются уважением наравне с остальными гражданами, и общество не ограничивает сферу их деятельности. Этого примера уже было бы достаточно, чтобы рекомендовать и отдать предпочтение именно данной форме покровительства искусству, являющейся столь же эффективной, как и официальной, но свободной от ее недостатков. Все народы, обладающие развитым самосознанием, коллективным сознанием, которого может

и не быть у некоторых более или менее многочисленных группировок людей, но без которого не может существовать действительно организованное общество, сознанием, которое объединяет их чувства, создает общие идеалы и позволяет разделять общие радости и страдания, всегда будут считать своим высоким долгом и своим девизом представить взорам иностранцев многочисленные и разнообразные произведения искусства, поощряемого и вдохновляемого их мудрой щедростью.

НЕ ПОРА ЛИ ОТКРЫТЬ НАМ ГЛАЗА?
1906

Марксистская теория, ставящая все общественное развитие в зависимость от экономического фактора, есть не что иное, как преувеличение одного действительно существующего факта [1]. Экономические потребности и порождаемые ими процессы не являются единственной движущей силой развития сложных явлений, развертывающихся в недрах человеческого общества. Но они лежат в основе наиболее важных и решающих явлений.

На мой взгляд, главную причину неустойчивого положения, в котором наш народ находится уже свыше столетия, следует искать в экономической структуре, в тех изменениях, которые она пережила, а также в том, как отразился этот главный факт на всех сторонах нашей социальной жизни.

Кубинское общество по характеру своей экономики является в основном аграрным; в начале прошлого столетия его главную экономическую силу составляла та часть населения, которая владела землей и обрабатывала ее. Именно благодаря ее деятельности в стране начались преобразования, которые впоследствии привели к развитию промышленности и торговли на Кубе. Однако политическая власть на Кубе принадлежала не ей, а военной и гражданской бюрократии, навязанной Испанией. Отсюда неустойчивая общественная организация, порождавшая заговоры, волнения, вторжения чужеземцев на остров в первой половине этого века и, наконец, великое восстание

1898 г.[2] Социальные силы, владевшие богатством и вкладывавшие его в производство, поднялись на борьбу за власть в обществе. По окончании десятилетней войны кубинцы утратили свое главенство в экономике и не добились политической власти.

Последняя война благодаря решительной интервенции Соединенных Штатов Америки передала кубинцам политическую власть, но не вернула им их былых экономических позиций. Таким образом, в нашей общественной структуре сохраняется неустойчивость, правда, уже в другом смысле. Хотя мы еще и владели частью недвижимого имущества, связанной с коммунальными услугами города, но эта часть была наименее выгодной, она меньше всего содействовала созданию новых богатств, меньше всего зависела от деятельности и способностей ее владельца. Мы являлись номинальными хозяевами значительной части нашей территории, но не располагали тем капиталом, который необходим для удовлетворения растущих потребностей сельскохозяйственного производства.

С другой стороны, первым следствием преобразования общества, завершившегося освобождением рабов, было появление многочисленного сельскохозяйственного пролетариата, оказавшегося в таких неблагоприятных условиях, что его нельзя было направить по пути нормального экономического развития. Прежний раб, как правило, не любивший землю, на которой он столько страдал, превращается в бродячего батрака, влекомого миражем городов и обманчивыми надеждами на полную свободу там от всякого труда.

Необходимость управлять страной при наличии таких серьезных затруднений должна была побуждать нас разумно и терпеливо подходить к решению двух больших проблем — к постепенному возвращению кубинцам экономического преобладания в своей стране и к закреплению крестьянского населения на земле с тем, чтобы улучшить условия их жизни и поднять их культурный уровень. Этого можно было добиться не исключительными законами, не предоставлением привилегий, а разумными финансовыми и политическими планами, распространением *культуры, особенно повышением технического* уровня страны, справедливым правосудием и обузданием ненуж-

ных страстей, вносящих в нашу жизнь только разлад и разногласия.

Я не собираюсь в сотый раз повторять, что мы заботились обо всем, кроме осуществления этих двух задач, являвшихся для нас не предметом выбора, а первостепенной необходимостью, ибо, не решив их, а мы их действительно не решили, мы должны были получить и получили еще более очевидную и неблагоприятную для нас экономическую неустойчивость, на которую я указал как на особенность нашего социального механизма.

Экономическое главенство, которое мы не попытались отвоевать, находится в чужих руках, а оно по своей природе таково, что мирится с политическим руководством чуждых элементов до тех пор, пока эти элементы не сопротивляются и не тормозят развития экономики. В противном же случае экономика входит с ними в противоречие, которое окажется для них роковым. В другом месте я уже говорил, что именно эти интересы крупного иностранного капитала, проявляющего большую активность на нашей земле, привели американский флот в наши порты и обусловили оккупацию нашей территории американской армией — армией «умиротворения». К этому я хочу добавить, что от того, как долго эти интересы иностранного капитала не будут задеваться и будут полагаться на наше благоразумие, будет зависеть срок военной оккупации нашей страны.

Заметим, что каждый лишний день нашей социальной разобщенности не только удлиняет этот срок, но и содействует нашему большему экономическому ослаблению и уменьшению наших сил в борьбе за промышленность и, наконец, ставит нас в такое положение, когда мы почти не можем наверстать упущенное время. А раз это так, то непостижимым заблуждением являются вспышки анархии, возникающие в различных районах, поддержка наблюдаемого всюду глухого недовольства, ярость и ожесточенная вражда, с которой мы преследуем друг друга, как если бы каждый кубинец являлся прирожденным врагом другого кубинца.

ЛОГИКА

Лекция третья

...Поскольку индивидуальное познание возникает из четкого отделения предмета от всего того, что не является им, изучение определенной отрасли науки требует, чтобы ее посредством абстракции отграничили от всех остальных. Отсюда постоянные усилия, направленные на точное разграничение каждой отрасли научного знания, пределы которых то расширяются, то сужаются, что нередко является причиной острых стычек, которые можно было бы назвать «пограничными».

Делая первые шаги в изучении логики, мы встречаемся с конфликтом именно такого характера. Какова ее действительная область? Каков ее предмет? Каковы ее пределы? Эти вопросы весьма интересные не только потому, что они вызывают разногласия даже среди выдающихся представителей философской мысли, но и по своим практическим последствиям, которые таит в себе их решение и которые влияют на направленность самой теоретической мысли.

Как уже было отмечено, познание истины есть нечто большее, чем цель, это сама необходимость. Но есть два способа познания истины: познание отношения между внешним предметом и субъектом, а также отношения между самими предметами. Первый способ — интуиция [1], т. е. непосредственное и прямое отношение между объектом и субъектом, *восприятие* первого вторым. Восприятие меняет свою степень, но не свою природу; если это умственное восприятие предмета, уже ранее проверенное,

то оно называется представлением. Когда я трогаю этот стол, ощущение от соприкосновения и мускульное ощущение указывают мне, что данный предмет твердый и гладкий. Затем, когда я смотрю на него, я воспринимаю его форму, размеры и цвет. Эти и другие ощущения, которые я могу получить о нем, дают мне представление о столе. Находясь вне этого помещения, я могу по собственному желанию или благодаря какой-либо ассоциации вызвать образ стола...

Истины, получаемые посредством интуиции, составляют постоянный фонд всех наших знаний. Если уничтожить какой-либо из каналов интуиции, то вы будете лишены возможности получать какие бы то ни было знания. Это первый, но не единственный путь познания. Область интуиции очень ограниченна. Наши познания были бы очень бедны, если бы наряду с этим способом мы не осуществляли бы также процесс познания путем выведения одной истины из другой... Интуиция в ее простейшей форме и даже в форме представления еще не вошла непосредственно в область логики...

...Интуиция, повторяемая внимательно и осмысленно, составляет одну из областей логики — область наблюдений, где не во всем можно полагаться на показания органов чувств. В любое тщательное наблюдение в той или иной степени входят многочисленные умозаключения... С умозаключениями мы уже вступаем в область собственно логики, ту область, где логика веками мирно покоится еще со времен Гаутамы и Аристотеля. Посредством умозаключения можно перейти от восприятия к представлению и наоборот, как непосредственно, так и опосредованно, с помощью промежуточных умозаключений или представлений. Существует вид непосредственно очевидных умозаключений, или то, что называют очевидными истинами, или суждениями тождества, о которых много говорилось в теории дедукции. Но существуют также и умозаключения, выводимые посредством индукции. Здесь мы встречаемся с одним из наиболее древних расхождений среди философов, для устранения которого, как я предполагаю, имеются уже все данные. Для современных английских логиков эмпирической школы, которую мы рассматриваем, все эти

виды умозаключений составляют специальную главу науки об истине. По мнению большинства философов-рационалистов и даже критиков, логика после предварительного изучения терминов, понятий и суждений должна заниматься лишь непосредственным умозаключением и дедуктивным умозаключением, т. е. предметом так называемой формальной логики. Эта логика называется так потому, что рассматривает операции умозаключения именно как формы мышления, как деятельность, которая осуществляется в пустом пространстве. Все это было хорошо изучено Аристотелем, который провозгласил себя отцом и основателем логики и не представлял себе возможности пойти дальше нее. Сам Кант утверждает, что по существу вся логика полностью была создана Стагиритом. Правда, формальная логика нашла ярого защитника в лице философа из Кёнигсберга. Согласно его мнению, правила логики должны быть рассмотрены a priori, т. е. как *независимые* от *всякого опыта*...

Все аргументы, представленные Кантом в защиту этого тезиса, воспроизведены в наше время Манселем, наиболее преданным учеником Гамильтона, который также разделял положения кантовской логики. Для всех них подлинным, единственным предметом логики является соответствие мысли самой себе, т. е. ненарушение закона тождества и принципа непротиворечивости...

Однако сам Мансель признает, что нужны *объективные данные*, чтобы мыслить о какой-либо вещи даже с точки зрения *формальной логики*. Большего нам и не нужно. То же самое утверждали и мы, ибо непонятно, для чего нужно отвергать определенные факты, составляющие основное условие мышления,— неужели только потому, что они являются материальными? Никогда не следует забывать, что истина представляет собой отношение, и поэтому ее не следует искать в одном из компонентов этого отношения, в голых фактах, ибо они находятся в определенной связи с нами. Ее не следует также искать изолированно в нашем сознании, ибо оно определяется внешними предметами...

Повторяемое сейчас Манселем утверждение Канта о том, что критерий материальной истины является одновременно невозможным и противоречивым, правильно.

Но существует ли критерий *рациональной истины?* Кто сможет доказать это? Не существует ни материальной, ни рациональной истины. Всякая истина одновременно и материальна, и рациональна, в противном случае она не является истиной. Критерия истины не могут дать ни эмпиризм, ни идеализм, он дается многократной проверкой соответствия умственных построений их материальным элементам...

Я предвижу те возражения, которые поступят со стороны формальных логиков. Существуют такие способы функционирования мышления (законы), которые приводят к правильным умозаключениям независимо от того, к какому объекту они применяются. И эти способы мышления, т. е. законы, составляют его преимущество. В ближайшем будущем мы займемся рассмотрением этих законов тождества и противоречия и увидим, что они базируются на основных отношениях различия и тождества, предполагающих различие двух элементов — объективного и субъективного...

Какая же логика является более правильной — гегелевская?

Согласно гегелевской философии, все прочие логические учения, кроме нее самой, имеют дело только с фактами, гипотезами, но ими не исчерпывается все содержание человеческого познания. За пределами многочисленных и разнообразных данных, доставляемых нам опытом, существует единое и неизменное бытие — ноумен по отношению к явлениям, вид по отношению к индивидам, его составляющим. Эти две стороны действительности являются не только противоположными, но и противоречивыми, однако мы вынуждены познать их в самих предметах. До сих пор, господа, вы ничего нового не услышали. Эта область неизменного есть не что иное, как последняя всеобщность, к которой приводит абстракция. Ноумен, субстанция — понятие, к которому пришли посредством многократного абстрагирования от всех особенностей, присущих *не-Я,* оставив у него только наиболее общее по отношению к *Я* — способность воздействовать на *Я*...

Но гегелевской философии нужны были такие понятия, которые свели бы многообразие к единству, отно-

сительное к абсолютному и т. д., и они были открыты гегелевской логикой в виде закона — синтеза *противоположностей*. Всякое противоречие этих двух терминов — тезиса и антитезиса — разрешается в синтезе, который в свою очередь порождает новое противоречие, разрешающееся затем в новом синтезе. Эта на первый взгляд бесконечная цепь противоречий догматически завершается по воле создателя школы в абсолюте, т. е. в том уже упомянутом нами тождестве, которое ни более ни менее как заканчивает исторический прогресс и развитие человеческого разума в эпоху Гегеля и в пределах его системы. Итак, господа, поскольку мы имеем дело не с противоречием, а с относительностью любой идеи, имеющей, как я уже сказал, корни в неразрешимом дуализме нашего мышления, то этот ряд последовательных синтезов не приводит ни к какому окончательному реальному синтезу, а только к *словесному*.

В этом состоит несостоятельность схоластики, а также и гегельянства. Когда речь идет об отношении или противоположности между объективным и субъективным, то гегелевская философия может лишь словесно привести их в гармонию и назвать этот искусственный синтез абсолютным.

Итак, можно утверждать, что гегелевская логика вопреки своему высокомерному догматизму далека от осуществления своих помпезных обещаний. С другой стороны, формальная логика произвольно сужает пределы той самой науки, которую она так отстаивает.

В логике есть учение об абстракции, исследующее в свете психологических данных принципы, на которых оно основывается. Это правильно, это соответствует научному разделению. Но в логике существует и другая часть — практическая, которая учит, как применять логические законы, показывает, как функционируют уже открытые механизмы умственной деятельности. Разве не является абсурдом отделять эту практическую часть логики от содержания науки, более того, противопоставлять ей науку? Мы уже доказали, что это является абсурдом даже и в том случае, когда кажется, что мышление функционирует в пустоте. Надо рассматривать не только форму, в которой совершается процесс мышления,

но и материальную реальность, на которую он воздействует. Таков единственный путь постижения истины. Таково наше стремление, такова наша высшая необходимость.

Правда, мы расширили пределы логики, но, с другой стороны, ее содержание оказалось хорошо очерченным. Логика — наука о доказательстве. Она начинает с простой интуиции, обеспечивает возможность наблюдения, тщательно заботится об эксперименте, позволяет делать необходимые обобщения и, основывая на этом прочном фундаменте дедуктивный метод, дает нам в руки все элементы для ясного доказательства. Вспомните, господа, что для Аристотеля логика являлась наукой о доказательстве. Если бы отец схоластики жил в наше время, то аристотелевская логика стала бы схоластикой.

МАНУЭЛЬ ГОНСАЛЕС ПРАДА

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ
1890

I

Рожденных в хижинах или во дворцах, бедных или богатых, невежд или ученых — всех нас в конце жизни ожидают саван, ложе в земле и вечная тьма, и единственными нашими спутниками будут черви и тлен. Могила — вот достойная развязка драмы!

Сильно ли страдают люди, умирая, или этому последнему кризису предшествует состояние безразличия? Смерть иногда бывает тихой и спокойной, а иногда мучительной. Одни действительно угасают постепенно, подобно духа́м, испаряющимся из флакона через еле заметное отверстие. Другие же умирают отчаянно, в страшных муках, словно жизнь вырывают у них по кускам огненными клещами. В старости люди сдаются смерти, в молодости — борются с ней. Как бы то ни было, смерть — это большое страдание и тяжелое засыпание, переходящее затем в неодолимый сон; это полярный холод и наконец исчезновение сознания и окаменение всего организма.

Воспевание красоты и величия трупа является не чем иным, как поэтической иллюзией или теологической выдумкой. Может ли кто-нибудь представить себе Ромео, который считает, что мертвая Джульетта более красива, чем живая. Труп отталкивает, внушает отвращение. Это статуя, лишенная чистоты мрамора, но со всеми ужасами и пороками плоти. Великими кажутся только погибшие на полях сражений, где можно увидеть глаза

с застывшим мужеством, руки, продолжающие сжимать меч, и губы, как бы пытающиеся закончить прерванный приказ.

Разлагающийся труп, по Боссюэ [1], не имеет названия ни в одном языке и представляет собой для простого народа самую ужасную сторону смерти. Кажется, что и после смерти продолжаются страдания человека, если обратить внимание на внешний вид покойника. Люди воображают не только то, что они должны умирать, но и то, что они должны умирать постепенно. Когда могила будет заменена крематорием, когда разлагающаяся плоть сгорит в голубом пламени и скрытый в гробу скелет превратится в горстку пепла в похоронной урне, фанатизм потеряет одно из своих наиболее действенных орудий.

Существует ли потусторонняя жизнь? Сохраним ли мы после смерти свою индивидуальность или растворимся во вселенной словно капля воды в океане? Возродимся ли мы вновь на земле или отправимся к другим небесным телам, чтобы положить начало ряду новых и разнообразных планетных и космических образований? Мы ничего не знаем, ибо огромная гранитная стена отделяет нас от смерти, и веками люди пытаются пробить эту стену острием булавки. Заявлять «это возможно, а это невозможно» — значит дойти до высшей точки самомнения или сумасшествия. Философия и религия провозглашают и проклинают, но провозглашения и проклятия ничего не доказывают. Где факты?

Должны ли мы в таком случае надеяться на что-либо, опускаясь в ту пропасть, которая приводила в трепет Тюренна и ужасала Паскаля? [2] Нет, не должны, чтобы не быть обманутыми или приятно удивленными, если там что-нибудь есть. Природа, которая создает цветы для того, чтобы их пожирали черви, и планеты для того, чтобы они были уничтожены взрывами, может также создать и человеческие общества, чтобы они были истреблены смертью. Кого же слушать? Никого. Разобрав все традиционные взгляды, мы видим, что остаются две великие проблемы, которые все еще не получили ни научного подтверждения, ни логического опровержения: бессмертие души и наличие «существующего вне универсума отлич-

Мануэль Гонсалес Прада

ного ото всего и неповторимого бога», как сказал Гегель[3]. К чему до сих пор сводились бог и душа? К двум гипотетическим сущностям, созданным воображением, чтобы объяснить происхождение вещей и деятельность мозга.

Даже если допустить, что за могилой не наступает конец, ничто не дает нам права сделать вывод, что мы прибудем к более гостеприимным берегам, чем земля. Вероятно, мы не можем присоединиться к мнению стоика, заявившего, что «в смерти мы обретаем благо, которое весь мир не сможет отнять у нас», поскольку мы не знаем, попадем ли через двери гробницы в праздничный зал или в логово разбойников. Возможно, был прав Ахиллес, когда среди теней Эреба усопших, поднявшийся из темных бездн, меланхолически ответил Одиссею:

> «О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
> Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
> Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
> Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый» *.

Является ли страх перед смертью простой уловкой природы, желающей привязать нас к жизни, или предчувствием грядущих несчастий? Когда наступает последний час, кажется, что все клетки организма испытывают ужас перед смертью и трепещут, как солдаты, идущие в бой.

На земле происходит борьба сил, а не выяснение вопроса о праве. В истории человечества мы наблюдаем не апофеоз справедливости, а устранение слабого. Но мы оттягиваем развязку земной драмы, чтобы придать ей моральный конец. Применяя к природе систему воздаяния, распространяя на все существующее наше чисто человеческое понимание справедливости, мы воображаем, что если природа сегодня делает нам зло, то на завтра она сохраняет для нас благо. Иначе говоря, мы открываем с ней *текущий счет*, думая иметь и дебет, и кредит. Любое учение о страданиях и воздаянии за них осно-

---

* [Гомер], Одиссея, кн. XI [пер. В. А. Жуковского, М.—Л., 1935, стр. 201].

вано на применении статей Моральной Бухгалтерской Книги.

Природа не может быть ни справедливой, ни несправедливой, а только созидающей. Нет никаких признаков того, что ей знакомы человеческая чувствительность, ненависть и любовь. Она — бездонное вместилище разума, божественность, проявляющаяся в бесконечном созидании, мать, живущая утробой, а не сердцем, созидающая, чтобы уничтожать, и вновь созидающая, чтобы вновь уничтожать. Одним ударом разрушает она творения, созданные тысячелетиями, не считаясь ни с веками, ни с жизнями, затраченными на эти творения, ибо она располагает двумя неисчерпаемыми атрибутами: временем и созидательностью. С одинаковым равнодушием взирает она на рождение микроба и на исчезновение небесного светила; она способна умертвить человечество, чтобы заполнить трупами пропасть, через которую должен пройти муравей.

Может ли эта природа, безразличная к судьбам людей на земле, стать справедливой или милостивой только потому, что мы сходим в могилу или приобретаем другую форму? Это все равно, что представить себе монарха, который перестал быть глухим к стонам несчастных только потому, что его подданные сменили свое жалкое жилище на такое же убогое пристанище и сбросили одни лохмотья, заменив их другими. Куда бы ни шли, мы не выйдем за пределы вселенной, не ускользнем от действия ее непреложных и вечных законов.

Ужасает мысль о том, к каким изменениям и к какому состоянию может привести нас течение жизни. Родиться — это, по-видимому, вступить в пляску смерти, чтобы никогда из нее не выйти и вечно кружиться в ней, не зная, как и почему.

Существует ли что-либо более печальное, чем наша судьба, более скорбное, чем наше рабство? Нас рождают, не спросив нашего согласия, мы умираем, когда этого не желаем, и идем туда, куда не хотим идти. Годами мы блуждаем по пустыне, и в тот день, когда мы нашли пристанище, вырыли колодец и посадили пальму, к нам стучится смерть. Когда мы хотим жить — приходит смерть, когда же хотим умереть — не можем. Какая разница

между камнем, падающим под действием земного притяжения, и человеком, уносимым неодолимой силой в неизвестность?

Почему мы не являемся хозяевами самих себя? Когда голова отягощает наши плечи, словно гора, когда сердце в нашей груди походит на побежденного, но не прирученного тигра, когда последний атом нашего существа испытывает ненависть и отвращение к жизни, когда мы прикусываем свой язык, чтобы не разразиться глупыми проклятиями, почему тогда у нас нет силы уничтожить себя по собственной воле?

Разве все люди стремятся к бессмертию? Для многих небытие представляется сладким погружением в бездонную морскую пучину, блаженным растворением в бесконечности, сном без кошмаров в бескрайней ночи. Умирающий Мирабо наслаждался мыслью о своем исчезновении. Разве мы всегда одинаково решаем проблему бессмертия? Порой, устав чувствовать и думать, мы впадаем в отчаяние от перспективы вечной деятельности и завидуем бесплотной бездеятельности небытия. В других случаях мы испытываем неутолимую жажду знаний, безграничное любопытство и страстно хотим жить, поскольку жизнь является самым первым и необходимым условием исследования и познания всего окружающего нас. Но бывает время, когда нам хотелось бы впасть в состояние нирваны, время от времени на миг возвращаться к сознанию, чтобы наслаждаться состоянием мертвого.

Но зачем так устрашать себя? Будь, что будет. Страх, как газ серных копей Неаполя, душит животных, которые обычно наклоняют голову к земле, а не людей, идущих с высоко поднятой головой. Когда приблизится час смерти, мы должны выйти ей навстречу и умереть стоя, как умер римский император. Обратим наши взоры к этой мистерии, даже если увидим устрашающие и свирепые призраки, протянем руки к неизвестному, даже если почувствуем острия тысячи кинжалов. Как говорит Гюйо, «пусть наше последнее страдание будет нашим последним любопытством».

Можно умереть по-разному: одни уходят из жизни, как испуганные рептилии, прячущиеся в расщелинах скал, другие идут навстречу мраку, как орел навстречу

буре. Хочу сказать здесь, не лицемеря, что человек должен принимать смерть с достоинством, не вымаливая себе последнее местечко на пиру вечности подобно нищему, просящему кусок хлеба у дверей замка феодала, который его всегда безжалостно избивал. Для человека лучше нести ответственность за свои поступки и броситься навстречу неизвестному подобно морскому разбойнику, который, не имея отечества, без флага выходит в безбрежное море.

II

Мы представляем себе мир как бесконечное повторение той картины, которую мы видим или которую создает наше воображение. Но какое значение имеет ограниченная сфера наших наблюдений? Какую объективную ценность имеют наши умозаключения? Мы познаем единство физических сил и материальное единство Вселенной, но кто знает, не находимся ли мы в положении обманутого зрителя, который бутафорные изображения принимает за действующих лиц.

Мы протягиваем руки пигмеев, чтобы охватить то, что отдалено от нас бесконечностью времени и необъятностью пространства. Мы гордимся тем, что нашли истину. В то время как мы питаем одну из самых сладких иллюзий, наблюдение и эксперимент разрушают сложившиеся у нас понятия и наши религиозные воззрения, как море смывает на пляже песчаные сооружения, построенные детьми. Все поколения стремятся открыть тайну жизни, все повторяют один и тот же вопрос. Но природа отвечает каждому из них по-разному, вечно храня в себе свою тайну.

Что представляют собой кристаллы минералов, клетки растений и ткань животных? Имеется какое-либо различие между соком и кровью? Является ли человек последней ступенью в развитии земных существ, или когда-нибудь он утратит свое современное превосходство? Возникаем ли мы при рождении из ничего или с нами происходит метапсихоз? Для чего мы приходим на землю? Все казалось бы нам сном, если бы страдание не доказывало реальность бытия.

Сомнение подобно полярной ночи окутывает все. Очевидно и неоспоримо, что в драме своего бытия люди исполняют двойную роль: палачей и жертв. Жить — значит убивать других, расти — значит впитывать наследие умерших. Мы являемся ходячим кладбищем, где мириады существ сходят в могилу, чтобы своей смертью дать нам жизнь. Человек со своей ненасытной и всепоглощающей утробой превращает вселенную в роскошное празднество. Однако не все существующее легко доступно ему: минералы и растения скрывают свои яды, животное имеет когти и клыки, микробы пожирают и разрушают организм человека: самый незаметный валит самого гордого.

К чему такая жадность к жизни? Даже если бы жизнь была сплошным благом, одной уверенности, что ты потеряешь ее, уже достаточно для того, чтобы превратить ее в зло. Если в мире каждую секунду умирает один человек, то сколько слез проливается за один только день! А сколько их пролито с тех пор, как существует человечество! Рождаемость, конечно, превышает сейчас смертность, но, придя в этот мир, мы мало наслаждаемся жизнью. Этот комок мяса, который мы называем новорожденным, это хрупкое существо, дремлющее с открытыми глазами, словно оно еще не освободилось от вечной спячки небытия, умеет жаловаться, но не смеяться. А сами роды, разве не являются они страданием всех страданий? На ложе роженицы происходит борьба между глупым и эгоистическим существом, стремящимся родиться, и умным и самоотверженным человеком, борющимся за то, чтобы дать жизнь другому.

Почему прекрасное солнце освещает печальные картины? Когда видишь смеющихся детей и думаешь, что завтра они умрут в страдании или будут жить в горестях, более жестоких, чем смерть, невыразимое чувство сострадания охватывает даже самые черствые сердца. Если один из тиранов Рима хотел, чтобы римский народ имел одну-единственную голову, которую можно было бы снести одним ударом, если английский юморист пожелал однажды, чтобы лица всех людей слились в одно лицо, чтобы он мог плюнуть сразу на все человечество, то кто не пожелал бы, чтобы у человечества было

единое лицо, чтобы с него можно было вытереть сразу все слезы?

Бывает иногда, испытываешь такой благородный порыв души, что хочется любить не только все человечество, но и всех животных и птиц, растения и воды, облака и даже камни. Хочется иметь огромные руки, чтобы обнять все существа, населяющие вселенную. В этом состоянии восхищаешься благородством элевсинов [4], которые в своих законах предписывали не убивать животных, и понимаешь тонкую чувствительность древних арийцев, которые в своих молитвах, обращенных к Индре [5], просили ниспослать благодать и счастье всем одушевленным существам и всем неодушевленным вещам. Истинное милосердие не ограничивается человеком: подобно огромному крылу простирается оно над всей вселенной.

К чему отрицать человеческую порочность? Есть люди, которые убивают даже своей тенью, как мансанилья на Кубе или дуо-упас [6] на Яве. Достоинство вызывает зависть, благодеяние порождает неблагодарность, добро влечет за собой зло. Наши друзья походят на те проклятые земли, где мы сеем пшеницу, а собираем чертополох. Женщины, которых мы страстно любим и которым отдаем весь пыл своей души, оказываются отталкивающими, как грязь на дорогах, или неблагодарными, как змея, пригретая на груди. Но что порождает порочность людей? Может ли несчастный быть добрым и терпеливым? Всякая измученная плоть восстает против земли и неба.

Если человек жестоко страдает в жизни, нельзя ли предположить, что то же происходит с животными, растениями и мертвой природой? Что скрывается за нашим казуистическим делением на материю неодушевленную и одушевленную, на существа неорганические и органические? Крупные толстокожие животные (пахидермы) и клещ, ливанский кедр и исландский лишайник, горный массив и морская песчинка — все являются «нашими спутниками в жизни», нашими братьями по несчастью. Древние философы считали небесные светила гигантскими животными. Не окажется ли божественная гармония, которую слышал Пифагор, стоном, издаваемым человечест-

вом, населяющим другие части вселенной? Существование есть страдание, и наиболее достойным деянием бога явилось бы превращение вселенной в ничто.

В этом бесконечном мучении нет более кровавой иронии, чем неизменное безразличие законов природы. Более того, чем является сама вселенная: актером, соучастником, палачом, жертвой или только орудием и ареной, где действует зло? Кто знает? Однако можно утверждать, что среди всеобщего и постоянного ужаса *некоторые* наслаждаются и разгуливают, как это делал Нерон, слыша стоны людей, постепенно охватываемых огнем и превращающихся в пылающие факелы.

Какой смысл продолжать войну всех против каждого и каждого против всех? Если смерть лишь вводит нас в убежище безропотного подчинения, поскольку всякое восстание уже бесполезно и смешно, то жизнь заставляет нас действовать и бороться. Мы не должны прозябать в жизни и заниматься только тем, чтобы рыть себе могилу, не должны окаменеть в неподвижности настолько, чтобы птицы вили гнезда на нашей голове.

Мало или почти ничего не значит один человек, но разве мы знаем судьбу всего человечества? На основании того, что мы до сих пор не разрешили проблему жизни, нельзя сделать вывода о невозможности ее разрешения вообще. Учитывая, откуда мы начали свой путь и где находимся сейчас, сравнивая, кем мы были и кем являемся, можно представить себе, куда мы придем и кем станем завтра. Мы были обитателями пещер, а теперь живем во дворцах, мы блуждали во мраке дикости, а теперь чувствуем мощный подъем внутренних сил, поднимающих нас в высоты разума и света. От нашего воинственного предка-людоеда произошли сегодняшние самоотверженные защитники слабых, борцы за справедливость и те, кто вводит себе болезнетворные микробы, чтобы найти средства против них. Бывший дикарь, который находил счастье в удовлетворении таких потребностей, как еда, сон и размножение, пишет «Илиаду», возводит Парфенон и определяет движение звезд.

Никакой сверхчеловеческий свет не осветил наш путь в темной ночи, никакой дружеский голос не ободрил нас в минуты упадка сил, никакая невидимая рука не

поддержала нас в вековой борьбе с хищниками и стихиями природы. Своим прошлым и своим настоящим мы обязаны самим себе. Тем, чем мы станем, мы также будем обязаны самим себе. Чтобы идти дальше, мы должны устремлять свой взор не вверх, а вперед.

Мы не вымаливаем себе жизни, но, поскольку ее нам дали, мы принимаем ее. Примем же ее, но не монополизируя и не стремясь извлекать из нее вечно одну только выгоду. Мы смеемся и влюбляемся над могилой наших родителей, наши дети будут смеяться и влюбляться над нашей могилой.

НАШИ ИНДЕЙЦЫ
1904

I

Наиболее выдающиеся социологи считают, что социология — наука, находящаяся на стадии становления, и предвещают появление в этой отрасли знания своего Ньютона, Лавуазье или Лайеля. Однако вряд ли существуют произведения, содержащие столько произвольных и догматических положений, сколько произведения последователей и эпигонов Конта. Социологию можно определить не только как искусство давать новые названия давно известным явлениям, но и как учение, насквозь пронизанное противоречивыми утверждениями. Не удивительно поэтому, что один крупный социолог делает вывод, прямо противоположный выводу другого крупного социолога. Подобно тому как некоторые идеологи ссылаются на наставников, описанных Скрибом, многие социологи походят на врачей Мольера: Ле Бон и Тард[1] недалеко ушли от Диафуаруса и Пургона[2].

Остановимся на вопросе о расе как одном из тех, относительно которых больше всего расходятся исследователи. Одни считают, что раса является основным фактором общественного развития, и сводят исторический процесс к борьбе рас. Другие сужают сферу действия этнических явлений, повторяя вместе с Дюркгеймом: «Нам не известно ни одно общественное явление, которое было бы обусловлено расовыми факторами». Новиков[3], хотя и считает мнение Дюркгейма преувеличенным, тем не менее без колебаний утверждает: «Раса, как

и вид, является в известной степени субъективной категорией, не проявляющейся вовне». И восклицает в порыве гуманности: «Все представления о якобы умственной неполноценности людей желтого или черного цвета являются порождением болезненного ума. Тот, кто, обращаясь к какой-либо расе, заявит: «...вот твой предел, дальше которого ты не пойдешь», слеп и безрассуден».

Действительно, этнология — удобное изобретение в руках отдельных лиц. Если принять деление человечества на высшие и низшие расы и отстаивать тезис о превосходстве белых и, следовательно, их монопольное право управлять всей планетой, то нет ничего более естественного, чем уничтожение негров в Африке, краснокожих в США, тагала на Филиппинах и индейцев в Перу. Поскольку в отборе лучших и вытеснении слабых и малоприспособленных осуществляется высший закон жизни, насильники заняты именно ускорением этого медленного естественного процесса. Многие не пишут об этом прямо, но дают понять между строк, как это делает Пирсон [4], когда говорит о «солидарности цивилизованных людей европейской расы в борьбе с природой и человеческим варварством». Вместо *«человеческого варварства»* следует читать: *«с людьми не белой кожи»*.

Более того, не только провозглашается уничтожение людей черного и желтого цвета кожи, но саму белую расу делят на народы, предназначенные для процветания, и народы, обреченные на вымирание. С тех пор как Эдмон Демолен опубликовал в 1897 г. свою работу «A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons» [«В чем состоит превосходство англосаксов»] *, стало модой восхвалять англосаксов и унижать латинян. Хотя некоторые латиняне являются такими же латинянами, как Атауальпа — галисийцем или Мотецума — провансальцем. Мы видим, как

---

* Дон Виктор Аррегине ответил ему книгой «В чем состоит превосходство латинян над англосаксами» (Буэнос-Айрес, 1900). Согласно Аррегине, длинное произведение сеньора Демолена — развитие одной из глав книги Тэна [5] об английском воспитании, рассматриваемое с его лучшей стороны, представляет собой не беспристрастное исследование, а апологию англосаксов с оттенком нравоучения, которая, несмотря на это, вскружила голову многим латинянам так называемой новизной.

в Европе и в Америке преуспевают кассандры, которые предсказывают пожар и гибель новой Трои. Некоторые пессимисты, воображая себя девкалионами будущего потопа и даже ницшеанскими сверхчеловеками, пророчат исчезновение человечества, словно речь идет о доисторических существах или о Луне. Некоторые придерживаются следующего взгляда, хотя окончательно и не сформулированного: преступления и пороки англичан или североамериканцев — это явления, свойственные всему человеческому роду и вовсе не свидетельствующие об упадке одного народа. Напротив, преступления и пороки французов или итальянцев — это аномалии и свидетельство деградации расы. К счастью, Оскар Уайльд и генерал Макдональд родились не в Париже, а заседания *круглого стола* императора Вильгельма происходили не в Риме.

Нам кажется, не стоит говорить, что мы не принимаем всерьез таких *дилетантов,* как Поль Бурже[6] или Морис Баррес, которые громят космополитизм или оплакивают упадок *благородной французской расы* из-за того, что дочь какого-то графа-сифилитика и чахоточной маркизы позволяет себе увлечься здоровым и сильным парнем незнатного происхождения. Что же касается мосье Гюстава Ле Бона, мы должны восхищаться его широкими познаниями и его высокой моралью, хотя он является таким же ярым сторонником Спенсера, как Макс Нордо учеником Ломброзо[7], а Геккель — Дарвина. Мосье Ле Бона можно назвать если не Торквемадой[8] и не Иродом, то Боссюэ[9] в социологии. Если бы он не был достоин уважения за его наблюдения над светом, мы сказали бы, что он в социологии то же, что доктор Сагредо в медицине.

Ле Бон предупреждает нас, что он ни в коем случае не трактует понятие «расы» в антропологическом смысле, потому что «чистые расы уже давно почти исчезли; исключение составляют дикие народы» *. И чтобы указать нам верный путь, по которому мы должны идти, он заключает: «Среди цивилизованных народов встречаются только исторические расы, т. е. расы, полностью

* Psychologie du Socialisme, Paris, 1898, p. 151—152.

созданные обстоятельствами истории». Согласно положению Ле Бона, испано-американские нации представляют собой именно такую расу, но настолько своеобразную, что она очень быстро перешла от детства к старости, пройдя в течение полувека те фазы, которые прошли другие народы в течение трех, четырех, пяти и даже шести тысяч лет. В своей работе «Психология социализма» он пишет: «Двадцать две республики Латинской Америки, хотя и расположены в наиболее богатых районах земного шара, не способны использовать свои огромные ресурсы». «Окончательная судьба этой половины Америки — возврат к первобытному варварству, если Соединенные Штаты не окажут ей колоссальную услугу, завоевав ее». «Наиболее богатые районы земного шара были доведены до уровня черных республик Сан-Доминго и Гаити: вот что сделала латинская раса с половиной Америки за период менее чем полвека» (стр. 224 и 473).

Ле Бону можно доказать, что раздражение детской кожи он принимает за гангрену девяностолетнего старца, сумасбродство молодого парня — за буйное помешательство старика. С каких пор революции предвещают разложение и смерть? Ни одна из испано-американских стран не страдает сегодня от такой социальной и политической нищеты, которая господствовала в феодальной Европе. В то время как феодальная эпоха рассматривается как определенный этап исторической эволюции, испано-американская революция рассматривается как последний и окончательный этап в развитии латиноамериканского общества. Мы также могли бы противопоставить Ле Бону-пессимисту Ле Бона-оптимиста, как противопоставляют Блаженного Августина-епископа Блаженному Августину-язычнику. Возможно, пишет Ле Бон, что после тяжелых бедствий, почти невиданных в истории беспорядков перед латиноамериканскими народами, наученными опытом и сумевшими избавиться от жадных притязаний своих враждебных соседей, стоит трудная задача — приобрести необходимые им качества, чтобы впредь добиваться успехов в жизни (стр. 244). «Проповедники могут добиться многого, потому что они умеют влиять на мнение людей, а мнение сегодня является решающим». «История так полна неожиданностей, и мир

идет по пути таких глубоких преобразований, что сегодня невозможно предвидеть судьбу империи» (стр. 245). Если нельзя предвидеть судьбу наций, то почему же Ле Бон предвещает гибель латиноамериканским республикам? Почему то, что могут осуществить в Европе *латинские* народы, не могут попытаться сделать в Новом Свете нации того же происхождения? Или, может быть, существуют два различных социологических закона: один для *латинян* Америки, другой для *латинян* Европы? К счастью, утверждение Ле Бона похоже на гвозди: с помощью одних гвоздей можно выбить другие.

Таким образом, если Огюст Конт стремился превратить социологию в чисто позитивную науку, то некоторые из его последователей превращают ее в нагромождение пустых рассуждений, лишенных научных оснований.

II

В работе «Борьба рас» Людвиг Гумплович пишет: «Всякий существенный и сильный этнический элемент ищет для осуществления своих целей любой слабый этнический элемент, который находится в радиусе его действия» *. Сначала конкистадоры, а затем их потомки создали в Америке такой этнический элемент, который оказался достаточно сильным, чтобы поработить и эксплуатировать местное население. Хотя утверждения Лас Касаса [10] считают преувеличенными, тем не менее нельзя отрицать, что вследствие ненасытной жестокости эксплуататоров слабый этнический элемент некоторых американских народов близок к вымиранию. Муравьи, приручающие блох, оказываются предусмотрительнее белого человека, ибо не уничтожают полезного им животного.

Положение Гумпловича следует связать с законом, оказывающим большое влияние на нашу общественную жизнь: если отдельный индивид поднимается над своим классом, он зачастую превращается в худшего врага этого класса. В эпоху рабства негров не было более жестоких надсмотрщиков, чем надсмотрщики из самих негров. Сей-

* Traducción anónima de la «España Moderna», Madrid.

час, вероятно, нет более жестоких угнетателей индейцев, чем сами индейцы, испанизированные или наделенные какой-либо властью.

Настоящим тираном масс, использующим одних индейцев для ограбления и закабаления других, является *представитель касты*, т. е. горный чоло или метис, а также мулат и самбо с побережья. В Перу мы наблюдаем этническое наслоение: за исключением европейцев и небольшого числа креолов, население делится на две неравные части — *кастовых*, или обладающих властью, индейцев и подчиненных индейцев. Сто — двести тысяч человек господствуют над тремя миллионами.

Существует оборонительный и наступательный союз, взаимная поддержка между господствующими слоями столицы и провинций. Если горный гамонал является политическим агентом господина из Лимы, то господин из Лимы защищает горного гамонала [11], когда последний варварски эксплуатирует индейца. Небольшие группы различных социальных слоев совершили столько же несправедливостей и имеют столько же отрицательных черт, сколько испанцы и *представители каст* в Перу. Перевороты, ограбления, банкротство кажутся ничтожными явлениями перед чудовищной алчностью *представителей каст*, стремящихся высосать все соки из человека. Их мало трогало страдание и смерть их близких, когда это приносило им выгоды. Эти люди грабили индейцев с помощью непомерных налогов, насильно привозили негров, чтобы заставить работать их под кнутом надсмотрщиков, они эксплуатировали китайцев, оплачивая горстью риса их десяти- или пятнадцатичасовой рабочий день. Они вывозили канаков [12] с их островов, чтобы заставить их умереть от тоски в бараках для невольников. Сегодня же они пытаются применять труд японцев *. Негров, кажется, стало меньше, китайцы исчезают, от канаков не осталось и следа, а японец не поддается угнетению. Но остался индеец, ибо триста или четыреста лет

* Когда в Перу речь идет об иммиграции, то имеются в виду не свободные люди, которые будут обрабатывать землю собственными силами и спустя несколько лет превратятся в мелких собственников, а парии, которые утрачивают свободу и за минимальный заработок приносят максимальную выгоду.

жестокого обращения не уничтожили его. *Отверженный,* он упорно цепляется за жизнь.

Вице-короли Перу неустанно осуждали произвол по отношению к индейцам и не жалели труда, чтобы добиться *сохранения им жизни, облегчения их положения и хорошего обращения с ними.* Короли Испании, *поддаваясь состраданию своих благородных католических душ,* разрабатывали гуманные мероприятия или поддерживали те, которые начинали проводить вице-короли. Королевские грамоты изобиловали благородными намерениями. Мы не знаем, можно ли из «Законов Индий» [13] сложить пирамиду такую же высокую, как Чимборасо, но мы знаем, что зло не искоренялось, хотя виновных иногда наказывали в назидание другим. Иначе не могло и быть: официально разрешалось эксплуатировать побежденного и одновременно от эксплуатирующих требовали гуманности и справедливости, иначе говоря, стремились к тому, чтобы гуманно совершать преступления или справедливо чинить несправедливости. Но чтобы покончить со злоупотреблениями, нужно было бы уничтожить существовавшую тогда систему распределения земли и налогов — одним словом, полностью изменить колониальный режим. Без труда американских индейцев опустела бы испанская казна. Сокровища, отправляемые из колонии в метрополию, представляли собой не что иное, как кровь и слезы, превращенные в золото.

Республика продолжает традиции вице-королевства. В своих посланиях президенты выступают за освобождение угнетенных и называют себя *покровителями индейской расы,* конгрессы разрабатывают законы, которые превосходят *Декларацию прав человека,* министры правительства издают декреты, посылают распоряжения префектам и назначают комиссии для проверки — и все это *с благородной целью предоставить права неимущему классу.* Однако послания, распоряжения, декреты и комиссии сводятся к лицемерным иеремиадам, пустым словам и избитым предписаниям. Представители власти Лимы, отдающие угрожающие распоряжения департаментам, знают, что эти распоряжения не будут выполнены, а префекты, получающие их из столицы, также знают, что им ничто не угрожает за их невыполнение.

То, что маркиз де Мансера писал в своих мемуарах в 1648 г., можно повторить и сегодня, предварительно заменив *коррехидоров* и *касиков губернаторами* и *помещиками:* «Врагами этих бедных индейцев является алчность их коррехидоров, священников и касиков, все они готовы обогащаться за счет пота индейцев. Чтобы как-то умерить их алчность, надо было бы приставить к каждому из них ревностного и авторитетного вице-короля. Из-за большой отдаленности от Испании здесь обходят ее распоряжения, и не хватает ни сил, ни настойчивости, чтобы вновь возбуждать жалобы» *. Признание устами самого вице-короля того факта, что эти *распоряжения обходятся,* знаменательно. Но особенно знаменательно заявление **, неожиданно сделанное защитниками индейцев Чукуит [14].

Существуют индофилы, которые в своих индивидуальных и коллективных начинаниях ведут себя как правительства в своей официальной деятельности. Организации, созданные ими для освобождения покоренной расы, не пошли дальше политической контрабанды, прикрытой знаменем филантропии. Защищая индейцев, они играли на чувствах жалости к ним, подобно тому как сейчас, прославляя Такна и Арика [15], они торгуют патриотизмом. Для того чтобы освободители вели себя честно, надо было бы, чтобы они за одну ночь пережили моральное возрождение, раскаялись, осознав весь ужас своих преступлений, и всегда действовали согласно принципу справедливости, т. е. чтобы из тигров они захотели вновь превратиться в людей. Но возможно ли все это?

Между тем, как правило, угнетатели сближаются с индейцем, чтобы обмануть его, поработить или развратить. И мы должны отметить, что не только представитель нашей национальной *касты* ведет себя негуманно

---

* Memoria del Marqueś de Mancera y Conde de Salbatierra. Memorias de los Virreyes del Perú, publicadas por José Toribio Polo, Lima, 1899. [Докладная записка маркиза де Мансера и графа де Сальватьерра. Мемуары вице-королей Перу, опубликованные Хосе Торибио Поло, Лима, 1899].

** La Raza indigena del Perú en los albores del siglo XX, Lima, 1903, Segundo folleto, p. VI [Индейская раса Перу в начале XX в., Лима, 1903].

или бесчестно: ведь европейцы становятся скупщиками шерсти, владельцами шахт или помещиками и оказываются хорошими сборщиками податей и прекрасными дельцами, которые могли бы соперничать со старыми энкомендеро[16] и современными помещиками. Животное с белой кожей независимо от того, где оно родилось, живет, одержимое золотой лихорадкой, и в конце концов поддается инстинкту хищничества.

III

Разве меньше страдает индеец в условиях республиканского строя, чем при испанском господстве? И хотя уже нет ни коррехидоров[17], ни системы энкомиенды, все еще продолжают существовать каторжные работы и насильственная вербовка людей. Те страдания, которые мы причиняем индейцу, достаточны, чтобы навлечь на нас ненависть человечества. Мы держим его в невежестве и рабском подчинении, унижаем казарменным режимом и с помощью алкоголя доводим его до скотского состояния. Мы вынуждаем индейцев уничтожать самих себя в междоусобных войнах и время от времени организуем травлю и побоища, как в Амантани, Илаве и Гуанта.

Конечно, об этом не пишут, но упорно придерживаются взгляда, что индеец не имеет прав, а имеет одни обязанности. Когда он справедливо протестует против беззакония, это рассматривается как неповиновение; когда же протест принимает коллективную форму, это рассматривается как признак восстания. Испанцы убивали индейцев, когда те пытались освободиться от ига конкистадоров. Мы, национальные республиканцы, уничтожаем их, когда они протестуют против чудовищного налогового бремени или не могут уже молчаливо переносить зверства какого-либо сатрапа.

Наша форма правления представляет собой великий обман, ибо не может называться демократической республикой то государство, в котором два или три миллиона людей фактически лишены прав. Если на побережье еще можно говорить о каких-то, хотя бы и незначительных, правах, напоминающих республиканские, то во внутренних областях страны, где по существу сохраняется фео-

дальный строй, открыто нарушается всякое право человека. Здесь не действуют ни законы, ни суды, потому что помещики и их управляющие сами решают все вопросы, присваивая себе функции и судей, и судебных исполнителей. Политическая власть на местах, вместо того чтобы поддержать бедных и обездоленных, почти всегда выступает на стороне богатых и сильных. Есть такие районы, где судьи и губернаторы находятся на службе у помещиков. Какой же губернатор, префект или субпрефект осмелится в такой обстановке выступить против помещиков?

Поместье создается на основе объединения мелких земельных участков, насильно захваченных у их законных владельцев. Сейчас помещик имеет такую же власть над своими батраками, как и нормандский барон. Дело доходит до того, что власть помещиков распространяется не только на назначение губернаторов, алькальдов и судей, но даже и на бракосочетания, на назначение наследников и на распределение наследства. За долги отцов помещики пожизненно закабаляют их детей. Они подвергают индейцев таким чудовищным наказаниям, как порка, заковывают их в кандалы и колодки, а также издеваются над ними, остригая им волосы, и т. д. Было бы чудом, если бы тот, кто не уважает ни чужую жизнь, ни чужую собственность, посчитался бы с честью женщины; всякая женщина, будь то девушка или замужняя, может стать объектом жестоких прихотей любого *сеньора*. Похищения и насилие признаются чем-то вполне нормальным, поскольку считается, что индеанкой следует овладеть силой. Кроме всего прочего индеец, разговаривая с хозяином, обязан стоять на коленях и целовать ему руку. И пусть не говорят, что помещики поступают так только потому, что они невежественные или малокультурные люди: сыновья некоторых помещиков еще в детском возрасте едут в Европу, воспитываются во Франции или в Англии и возвращаются в Перу со всеми внешними признаками цивилизованных людей. Но как только они вступают в пределы своих владений, они теряют европейский лоск и превосходят своих отцов по части бесчеловечности и насилия: под шляпой, пончо и светским лоском скрывается зверь.

Итак, поместья являются королевствами внутри республики, а помещики играют роль самодержцев под прикрытием демократии.

IV

Чтобы оправдать безразличие правительства к бесчинствам внутри страны и бесчеловечность эксплуататоров, некоторые пессимисты в духе Ле Бона ставят на индейца позорное клеймо, обвиняя его в отвращении к цивилизации. Можно подумать, что во всех наших городах построены великолепные школы с прекрасными, хорошо оплачиваемыми учителями, классы, которые пустуют лишь потому, что дети, подчиняясь запрету отцов, не стремятся получить образование. Можно подумать также, что индейцы не следуют моральному примеру господствующих классов или без всяких угрызений совести распинают всех проповедников высоких и благородных идей. На самом же деле индеец получил то, что ему дали: фанатизм и водку.

Что же мы понимаем под цивилизацией? Над промышленностью, искусством, знаниями и наукой возвышается мораль, как светильник на вершине огромной пирамиды. Но не теологическая мораль, основанная на потусторонней санкции, а человеческая мораль, которая не ищет и не будет искать никакой санкции далеко от земли. Sumum нравственности как для индивидов, так и для общества состоит в превращении борьбы человека с человеком во взаимное согласие во имя жизни. Там, где нет справедливости, милосердия и доброжелательности, нет и цивилизации. Там, где в качестве общественного закона провозглашается struggle for life [борьба за существование], царит варварство. Чего стоит знание Аристотеля, если в груди скрывается сердце тигра? Чего стоит дарование Микеланджело, если у человека свинская натура? Необходимо не только распространять в мире свет искусства и науки, но и творить вокруг себя благо. Обществами с высокоразвитой цивилизацией можно было бы считать такие, в которых совершать добро из обязанности превратилось в привычку, где благодеяние стало инстинктом. Разве правители Перу поднялись до такой

степени моральности? Разве они имеют право считать индейца существом, неспособным к цивилизации?

Политическая и общественная организация старой империи инков восхищает сегодня и реформаторов, и революционеров Европы. Правда, Атауальпа [18] не знал «Отче наш», а Калькучима [19] не размышлял о таинстве троицы, но культ солнца, вероятно, был менее абсурден, чем католическая религия, а великий жрец Пачакамак не был столь жестоким, как отец Вальверде [20]. Если гражданин Гуанна-Капака [21] охотно принимал цивилизацию, то у нас нет причин думать, что индеец республики отвергнет ее, ибо в противном случае вся раса была бы неизбежно обречена на физиологическое вымирание. С моральной точки зрения наш современный индеец находится на более низком уровне, чем тот индеец, которого застали конкистадоры. Однако этот моральный упадок индейцев является следствием политического их закабаления и вовсе не означает, что они абсолютно не способны воспринимать цивилизацию вследствие какой-то органической неразвитости и неполноценности. Во всяком случае можно спросить: чья в этом вина?

Факты опровергают доводы пессимистов. Во всех случаях, когда индейцы обучаются в школах или воспитываются в контакте с цивилизованными людьми, они становятся такими же культурными и нравственными, как и потомки испанцев. Мы постоянно соприкасаемся с людьми желтой кожи, которые одеваются, питаются, живут и думают так же, как слащавые *кабальеро* Лимы. Мы видим индейцев в учреждениях, магистратуре, в университетах и в литературных обществах, где они проявляют себя не менее способными, чем представители других рас. При определении того вреда, который причинили стране метисы, мулаты, индейцы или белые, нельзя установить между ними различные степени ответственности в totum revolutum [во всех изменениях] национальной политики. Поскольку в нашей стране существует сильное смешение крови и цветов кожи и каждый человек представляет собой результат подобного законного или незаконного смешения, то относительно большинства перуанцев трудно определить, что́ у них идет от черных и что́ от желтых. Никто не может быть назван чисто белым,

даже если он имеет голубые глаза и светлые волосы. Мы можем лишь напомнить, что Санта-Крус [22], один из государственных деятелей широкого кругозора, вышел из аборигенов. Десятки других индейцев были храбрыми, как Кауйде, и так же стойко переносили все пытки, как Олайя.

Новиков прав, утверждая, что «приписываемая желтым, индейцам и неграм неполноценность является выдумкой людей с больным воображением». Действительно, нет такого благородного поступка, который не мог бы быть совершен неграми или индейцами, так же как и нет такого подлого поступка, который не мог бы быть совершен белым человеком. Вместо того чтобы сравнивать всех людей белой кожи с людьми желтой кожи, давайте сравним одного индивида с другим индивидом; мы увидим, что многие представители цивилизации белых в душе являются кафрами и краснокожими. Возьмем, к примеру, таких выдающихся государственных деятелей, как король Англии Эдуард VII и император Германии Вильгельм II, представляющих как бы цвет расы. Но можно ли сравнить их с индейцем Бенито Хуаресом и негром Букером Вашингтоном? Те, кто, прежде чем занять трон, посещали таверну, игорный или публичный дом, те, кто с вершины империи приказывают уничтожать противника, не щадя ни детей, ни стариков, ни женщин, наделены белой кожей, но черной душой.

Разве только от невежества зависит упадок индейской расы? Конечно, невежество в нашей стране является баснословным, если вспомнить, что во внутренних ее областях нет ни одного человека, умеющего читать и писать, что во время войны в районе Тихого океана [23] индейцы считали эту войну гражданской войной между *генералом* Чили и *генералом* Перу, что недавно представители Чукуито направились в Такну, считая, что там находится президент республики.

Некоторые педагоги, соперничая с проповедниками панацей, считают, что, если человек знает все притоки Амазонки и среднегодовую температуру Берлина, он знает половину того, что необходимо для разрешения всех социальных вопросов. Если бы в результате какого-либо сверхъестественного чуда все неграмотные в нашей

стране проснулись бы завтра, не только умея читать и писать, но и с университетским дипломом в кармане, проблема индейцев все-таки осталась бы нерешенной. Неграмотный пролетариат сменился бы пролетариатом, состоящим из лиценциатов и докторов. Врачи без пациентов, адвокаты без клиентуры, инженеры без работы, писатели без читателей, художники без дела, преподаватели без учеников изобилуют в наиболее цивилизованных странах, составляя бесчисленную армию просвещенных умов и голодных желудков. Там, где земельные владения на побережье имеют четыре или пять тысяч фанег, где латифундии в горной части страны имеют тридцать и даже пятьдесят лиг[24], нации делятся на господ и рабов.

Если воспитание может превратить необузданное существо в существо разумное и великодушное, то образование указывает и освещает ему путь, по которому он должен следовать, чтобы не блуждать в лабиринте жизни. Однако наметить путь еще не значит пройти его. Нужна еще твердая воля и крепкие ноги. Кроме того, необходимо обладать чувством достоинства и независимости, а не покорности и подчинения, как у солдата и монаха. Образование может держать человека в состоянии покорности и рабства: ведь образованными были евнухи и грамматики Византии. Нужно, чтобы каждый занял на земле то место, которое ему соответствует, а не принимал то, которое ему навязывают. Требовать и получать свой хлеб, свой кров и кусок земли — неотъемлемое право всякого разумного существа.

Ничто так быстро, так радикально не изменяет психологию людей, как собственность. Когда человек перестает быть рабом голода, его психология бурно развивается. Только приобретая что-нибудь, человек поднимается по ступенькам социальной лестницы, потому что сами классы представляют собой группы, классифицированные в соответствии с накопленным богатством. В противоположность аэростату более высоко поднимается тот, кто больше весит. Тому, кто выдвигает лозунг: «Школа!», мы отвечаем: «Школа и хлеб!»

Индейский вопрос является не столько педагогическим, сколько экономическим и социальным. Как же его разрешить? Не так давно одному немцу пришла мысль

возродить империю инков[25]. Он изучил язык кечуа, поехал в индейскую область Куско и стал там вербовать сторонников этой идеи. Возможно, он предпринял бы попытку поднять их на восстание, если бы не умер, возвращаясь из своей поездки по Европе. Но разве возможно сегодня подобное возрождение? Попытка возродить империю инков сегодня явилась бы жалким подражанием величию прошлого.

Положение индейцев можно улучшить двумя способами: или сердца угнетателей смягчатся настолько, что они признают права угнетенных, или дух угнетенных станет достаточно решительным, чтобы покарать угнетателей. Если бы те деньги, которые индеец тратит на алкоголь и празднества, он употребил на приобретение винтовок и патронов и спрятал бы их в своей хижине или среди камней, то он изменил бы свое положение и заставил бы уважать и свое имущество, и свою жизнь. В таком случае он мог бы на насилие ответить насилием, наказывая хозяина, который отнимает у него шерсть, солдата, который от имени правительства насильно берет его в армию, и конокрадов, которые воруют у него скот и лошадей.

Индейцу надо не внушать чувство смирения и покорности, а развивать у него чувство гордости и решимость бороться. Чего, собственно, добился индеец за триста или четыреста лет покорности и терпения? Чем меньше над ним будут властвовать, тем от большего вреда он освободится. Существует один бесспорный факт: чувствуется большее благополучие в районах, отдаленных от крупных поместий, больший порядок и спокойствие царят в тех селениях, где реже бывают представители центральной власти.

Итак, индеец может добиться свободы только своими собственными усилиями, не ожидая пока его угнетатели станут гуманными...

ИНТЕЛЛИГЕНТ И РАБОЧИЙ
1905

I

Господа! Пусть у вас не вызовет улыбку то, что я начну с перевода следующих стихов одного поэта:

«К исходу жаркого дня, когда природа засыпает под лучами солнца подобно женщине, убаюканной ласками своего возлюбленного,

уставший и обливающийся пóтом крестьянский парень погонял быков домой. Но вдруг он остановился, увидев юношу, идущего навстречу и распевающего песню.

— Какой ты счастливый! — воскликнул он.— Всю жизнь только и делаешь, что поешь, я же от зари до зари пашу и сею.

— Ошибаешься, о землепашец! — ответил юный поэт.— Мы оба одинаково работаем и можем считать себя братьями. Ты имеешь дело с землею, я — с сердцами. Наш труд одинаково плодотворен. Созревшие зерна питают наше тело, а песни поэта воодушевляют и питают нашу душу».

Эти стихи поучительны, так как они показывают, что одинаково полезно сеять зерно и внедрять хорошие идеи в умы людей, что нет существенного различия между мыслителем и рабочим. Ученый и труженик цехов, вместо того чтобы идти врозь и считать себя врагами, должны шагать вместе.

Но разве существует чисто умственная деятельность и чисто физический труд? Размышляют и думают все: кузнец, когда кует железо; каменщик, когда воздвигает

стену; типограф, когда набирает текст; плотник, когда подгоняет пазы; подрывник, когда взрывает породу; рабочий, приготовляющий раствор для кладки кирпича, и т. д. Правда, есть один вид работы, который является слепым и чисто физическим,— это машинный труд. Но и там, где работает человеческая рука, лежит отпечаток умственной деятельности. Нечто обратное происходит в процессе так называемого интеллектуального труда: к нервной усталости работающего мозга присоединяется мускульная усталость исполняющей части тела. Как известно, художник устает от работы кистью, скульптор — от работы резцом, музыкант — от игры на инструменте, писатель — от работы пером, даже оратор устает от произнесения речей. Что является наименее материальной деятельностью, как не молитва? И все-таки мистик устает стоять на коленях и воздевать руки к кресту.

Творения человека живут за счет того, что в них вложена наша мускульная сила и нервная энергия. На некоторых железных дорогах каждая шпала — это жизнь одного человека. Когда мы едем по такой дороге, мы можем представить себе, что наш вагон катится по полотну, лежащему на человеческих трупах. Но когда мы проходим по музеям и библиотекам, мы можем также представить, что находимся на кладбище, где полотна, скульптуры и книги воплощают в себе не только мысли, но и жизнь их создателей.

Вы, обращаемся мы к пекарям, работая ночью, месите тесто, готовите хлебную закваску и поддерживаете необходимое тепло в печах. В это же время другие люди, журналисты, борясь со сном, также работают, но пером и умом. Когда в ранние утренние часы одновременно выходят из издательства газеты, еще пахнущие типографской краской, а из пекарен поступает ароматный вкусный хлеб, мы можем задать вопрос: кто совершил за эту ночь более полезную работу — пекарь или журналист?

Ежедневная газета подобна энциклопедии для народных масс, она содержит и знания в гомеопатических дозах, и науку в популярной форме и является книгой для тех, кто не имеет библиотеки,— чтением для малограмотных. А что такое хлеб? Он символ жизни, и, хотя сам не является счастьем, без него не может быть счастья.

Если в семье нет хлеба, наступают беда и раздоры. Если он есть, возникают радость и покой ребенок берет хлеб с восторгом, старик — довольно улыбаясь. Вегетарианец, враждебно относящийся к мясной пище, прославляет хлеб, считая его наиболее здоровым и укрепляющим силы продуктом. Миллионер, запретивший подавать к своему столу чистую воду, не смог сделать этого в отношении хлеба. Хлеб нужен и в доме Ротшильда, и в хижине бедняка.

Согласно древней легенде, королевы сами должны были печь тот хлеб, который предназначался для нищих пилигримов. В наше время хлеб пекут плебеи. Но в знак гостеприимства в России хлеб преподносят царям, когда они посещают какой-нибудь населенный пункт Николай II и все его ставленники по-своему отвечают на этот древний обычай — кнутом, саблями и пулями

Если журналист стал бы считать, что он выполняет более полезную работу, чем рабочие, мы на это ответили бы так: без пищи невозможна умственная деятельность. Конечно, есть глаза, которые не видят, но не существует желудков, которые не принимают пищу.

II

Когда мы выступаем за союз или единство разума и труда, мы этим вовсе не утверждаем, что интеллигенция должна стать для рабочих чем-то вроде опекуна или поводыря. Принципу гегемонии умственного труда над физическим соответствует общество, разделенное на касты. Начиная со времен крупных восточных империй в обществе существуют люди, присвоившие себе право заниматься исключительно умственной деятельностью, оставляя для народных масс обязанность верить и трудиться.

Несомненно, интеллигенция должна освещать путь, но не служить поводырем, особенно в периоды грандиозных социальных кризисов, когда рука претворяет в жизнь то, что продумала голова. Правда, идеи, зовущие к борьбе и воодушевляющие сегодня народные массы, исходят от мыслителей или отдельных выдающихся личностей. Так

было всегда. Справедливость является порождением мудрости. Как правило, невежество приводит к отрицанию прав людей и к убеждению, что все законы мира основаны на силе. Именно по этой причине человечество зачастую поступает так: страдает и молчит. Но вдруг кто-то высказал великую идею, и тогда все люди, дотоле смирявшиеся со своей тяжелой судьбой, начинают действовать под влиянием этой идеи, тянуться к ее свету подобно насекомым, летящим на солнечный луч, прорезавший мрак леса.

Самый большой недостаток мыслителей состоит в том, что они только себя считают способными познавать истину, полагая, что все остальные люди должны идти по пути, предначертанному ими. Революции начинаются сверху, а завершаются внизу. Озаренные светом идей, угнетенные понимают, в чем состоит справедливость, и вступают в борьбу за нее, не страшась трудностей и последствий. В то время как теоретики и сторонники умеренных решений настаивают на эволюционном пути или предаются чрезмерной детализации, народные массы сводят все проблемы к простому и ясному выражению, освобождая их от абстрактности и осуществляя их на практике. Одним словом, они поступают на манер Александра Македонского: не развязывают узел, а разрубают его мечом.

Какова цель революционера? Пробудить сознание народных масс, оказать влияние на них и толкнуть их к действию. Но следует отметить, что зачастую бывает так: народ, пришедший в движение, используя имеющуюся в его недрах огромную энергию, идет гораздо дальше того, что было задумано его вдохновителями. И вдруг те руководители, которые считали, что они воздействуют на инертную массу, видят, что имеют дело с жизнеспособным и активным социальным организмом, с умами, жаждущими излучать собственный свет, с твердыми волями, борющимися за установление своих законов. Отсюда возникает весьма распространенное явление в истории: люди, которые в начале революции кажутся передовыми и смелыми, оказываются нерешительными и ретроградными в самые острые моменты борьбы или после победы. Так, Лютер трусливо отступает, увидев, что его учение вы-

звало восстание немецких крестьян. Французские революционеры, борясь между собой, посылают друг друга на эшафот: одних за то, что толкали движение вперед, других за то, что они старались его задержать или повернуть вспять. Почти все революционеры и реформаторы похожи на детей: дети пугаются при появлении великана-людоеда, которого они сами своими криками вызвали в воображении.

Говорят, что человечество, вступив в новый этап своего развития, начинает с казни своих предводителей; правда, оно не сразу приступает к расправам, но обычно ими кончает, ибо случается, что друг становится врагом, а вдохновитель движения его противником. Всякая завершившаяся революция кончается властью, основанной на насилии; всякий победивший революционер, перерождаясь, превращается в консерватора. Какая идея не извращается при осуществлении ее на практике? Какой государственный деятель не утрачивает свой авторитет, находясь у власти? Люди (особенно политики) не выполняют своих обещаний, а надежды обездоленных далеки от действительности. В первый же день победы революции начинается ее перерождение и падение престижа ее лидеров.

Подлинные революционеры, начав борьбу, должны идти вместе с народным движением, не отставать от развития событий, изменяться вместе с ними; освобождаться от старых взглядов и воспринять новые не свойственно людям, считающим себя посланцами будущего и открывателями абсолютной истины. Мы не замечаем, что стареем и отстаем от поступательного развития, воображая при этом, что являемся еще молодыми и носителями нового. Мы не желаем признать, что младшее поколение имеет более широкий кругозор, чем мы, ибо оно сделало еще один шаг на пути прогресса. Почти все мы живем, преклоняясь перед умершими, считая их своим идеалом, или умираем рано, как гусеницы, не превратившиеся в бабочек. Одним словом, мы поступаем, как те матросы, которые, находясь посреди Атлантического океана, говорили своему капитану Колумбу: «Мы не хотим продолжать наше плавание, потому что дальше нет земли». Однако оказалось, что дальше была Америка.

Рассматривая вопрос об интеллигенции и рабочих, мы коснулись и вопроса о революции. Случайно ли это? Нет. Мы находимся под сенью знамени, водруженного на баррикадах; рядом с нами — деятели, которые рано или поздно призовут нас к борьбе за социальные требования. Мы говорим о значении Первого мая, которое по праву можно назвать праздником революционеров. Празднование Первого мая не только у нас, но и во всем цивилизованном мире свидетельствует о том, что человечество уже не волнуют второстепенные вопросы и оно требует коренных преобразований. В наше время никто уже не ожидает, чтобы парламент, каким бы он ни был, мог принести счастье обездоленным. Никто не ожидает также от правительств манны небесной, могущей насытить голодные желудки.

Парламенты принимают чрезвычайные законы, которые лишь ухудшают положение наиболее бедной части населения. Государственная машина действует не в интересах всей нации, а в интересах господствующей клики.

Итак, если признать несостоятельность политики как средства, с помощью которого можно достигнуть благополучия человека, то все ожесточенные споры относительно форм правления и о правителях утрачивают свое значение. Остается в силе *социальный вопрос*, тот высший вопрос, который пролетариат разрешит единственным эффективным способом — революцией. Но, конечно, не переворотом внутри страны, с помощью которого ниспровергают президентов и царей или республику превращают в монархию, а самодержавие — в демократический режим. Революция, осуществляемая пролетариями, будет всемирной, преодолеет национальные границы и даст человечеству возможность владеть и пользоваться благами земли.

III

В заключение следовало бы вкратце резюмировать высказанные нами мысли: если нам нужно избрать путеводную звезду, чтобы идти по тернистому пути жизни, то ею должна быть *справедливость*. Это значит, что

необходимо быть справедливым в общественном и личном плане, содействуя счастью других людей, а также не отказываясь от наслаждения собственным счастьем.

Справедливость состоит в том, чтобы каждому человеку дать то, что ему по праву принадлежит. Следовательно, мы должны сами давать себе все то, что нам причитается из земных благ. Само рождение налагает на нас обязанность жить. С другой стороны, эта обязанность дает нам право брать от жизни не только все необходимое, но и все удобное и приятное для нас. Сравним жизнь человека с путешествием по морю. Допустим, что земля — это корабль, а мы — пассажиры. В таком случае мы должны сделать все возможное для того, чтобы путешествовать в первом классе, где хороший воздух и хорошее питание, вместо того чтобы ехать в трюме, где затхлый воздух, спать на прогнивших досках и питаться отбросами со стола живущих в довольстве. Если на корабле достаточно припасов, все должны есть по потребностям. Если припасов мало, все должны получать одинаковый рацион — от капитана до последнего юнги.

Неоправданные лишения и жертвы сделали бы нас несправедливыми по отношению к самим себе. Конечно, благодаря жертвам и самоотверженности людей благородного духа человечество вступает на путь справедливости. Те простые люди, которые пожертвовали своим счастьем ради счастья других, которые мертвую почву эгоизма полили живительной влагой любви, достойны жить в памяти истории и в сердцах народных масс дольше, чем короли и завоеватели. Если бы человек мог превратиться в сверхчеловека, он достиг бы этого только путем самопожертвования. Однако самоотверженность должна быть добровольной, без принуждения. Никак нельзя согласиться с призывом, с которым имущие обращаются к неимущим: «Смиренно переносите все лишения и вы достигнете рая небесного. Мы же воспользуемся земными благами».

Законно принадлежащую нам часть благ мы должны завоевать, ибо богачи не отдадут их добровольно. В событиях 4 августа больше видимости, чем реального содержания: дворяне отказываются от одной привилегии, чтобы сразу потребовать две другие. Священники отка-

зываются сегодня от десятины, чтобы завтра вернуть себе ее с лихвой.

Символом собственности древние римляне избрали копье. Этот символ следует интерпретировать так: владение собственностью основано не на справедливости, а на силе. Собственник много не разговаривает, а сразу наносит удар. Сердце собственника обладает двумя качествами, свойственными железу,— твердостью и холодностью.

Согласно знатокам еврейской истории Каин является *первым собственником.* Мы не удивимся, если какой-нибудь социалист XIX в., рассматривая Каина как первого незаконного владельца земли и как первого братоубийцу, использует это совпадение, чтобы сделать страшный вывод: *собственность есть убийство.*

Итак, если одни прибегают к насилию и не рассуждают, то что же остается делать другим? Поскольку за народами признается право свергать своих дурных правителей, следует также признать за человечеством право освободиться от его беспощадных эксплуататоров. И теперь это стало всеобщим убеждением.

В теоретическом плане революция общепризнанна, поскольку никто не отрицает порочности существующего строя и необходимости проведения реформ, которые улучшили бы положение пролетариата. Даже католики создали свое учение о социализме.

В практическом плане революция неосуществима без борьбы и кровопролития, потому что те же люди, которые признают правомерность социальных требований, не пойдут ни на какие уступки. На словах они за справедливость, но на деле поступают подло.

К сожалению, сегодня многие не видят или притворяются, что не видят тех глубоких изменений, которые происходят в недрах современного общества. Подобным людям ничего не говорит отмирание устаревших воззрений, отход от ложного патриотизма, солидарность пролетариата, преодолевающая расовые и национальные различия. В отдаленных стонах они не различают криков голодных, поднявшихся на борьбу за хлеб. Они слышат, как дрожит земля, и не понимают, что это поступь революции. Они дышат в атмосфере, насыщенной запахом

разлагающихся трупов, и не понимают, что именно буржуазный мир издает этот смердящий запах.

Завтра, когда пролетарские легионы начнут атаковать бастионы старого общества, угнетатели почувствуют, что настал час последнего, решающего боя. Тогда они обратятся к своим армиям, но солдаты перейдут на сторону восставших. Угнетатели будут взывать к небу, но их боги останутся немы и глухи. И тогда они скроются в замках и дворцах, надеясь, что откуда-нибудь придет к ним помощь. Убедившись, что помощь не приходит и что море вражеских голов кипит со всех сторон, они посмотрят друг на друга и, испытывая друг к другу жалость (чего они не испытывали к другим), будут твердить с ужасом: *это нашествие варваров!* А бесчисленные голоса, слившись в один громовой голос, ответят: *нет, мы не нашествие варваров, мы могучая волна справедливости!*

ХОСЕ ЭНРИКЕ РОДО

АРИЭЛЬ
1900

Различие в ваших личных призваниях придаст различное направление вашей деятельности и заставит преобладать в душе каждого из вас одну определенную склонность к чему-либо, одну определенную способность над всеми остальными. Одни из вас станут деятелями науки, другие — деятелями искусства, третьи — людьми практического действия. Но превыше всех этих склонностей, которые должны будут связать каждого из вас в отдельности с определенным родом деятельности и с определенным образом жизни, в глубине своей души вы должны хранить сознание единства в том главном, что составляет основу человеческой природы, которое требует, чтобы каждый индивид был прежде всего человеком, у которого ни одно благородное свойство его души не осталось бы скованным и ни один высокий интерес не терял бы своей коммуникативной ценности. На первом месте прежде всяких профессий и всякой культуры стоит выполнение общего долга всех разумных существ. «Есть одна универсальная профессия — это быть человеком»,— великолепно сказал Гюйо.

И Ренан [1], говоря о неустойчивых и частичных цивилизациях, напоминает, что целью человеческого существа не может быть исключительно знание, или чувство, или воображение, а сам реальный и человечный человек, взятый во всей своей цельности; он определяет совершенный идеал человека, к которому индивид должен стремиться всеми своими силами, как возможность представить в отдельном человеческом типе сокращенную картину развития целого рода.

Стремитесь поэтому развивать по мере возможности не одну какую-то сторону вашего существа, а всю совокупность сторон. Не пожимайте плечами ни перед каким благородным и плодотворным проявлением человеческой природы под предлогом того, что ваша духовная организация как индивида связывает вас преимущественно с проявлениями другого рода. Будьте внимательными зрителями там, где не можете быть актерами. Когда навязывают какое-то весьма ложное и вульгаризированное понятие о воспитании, которое представляют себе так, будто оно подчинено исключительно утилитарной цели, когда пытаются нарушить с помощью того же утилитаризма и преждевременной узкой специализации естественную целостность человеческих существ и стремятся устранить из обучения всякое бескорыстное и идеальное начало, то не замечают, что это чревато опасностью подготовить для будущего людей ограниченных, неспособных видеть больше той единственной стороны действительности, с которой они профессионально связаны, людей, которые внутри одного и того же общества будут жить разделенными друг от друга ледяными пустынями своих душ в силу различной и ограниченной привязанности к какому-то одному роду деятельности.

Необходимость посвятить себя одной определенной деятельности, одной только форме культуры отнюдь не исключает стремления выполнить в силу внутренней гармонии человеческой природы общий долг всех разумных существ. Один определенный вид деятельности, одна определенная культура отдельного человека является всего лишь основным показателем его общей гармонии. Знаменитый стих, где говорится о том, как раб на древней сцене утверждал, что он человек и ничто человеческое ему не чуждо, составляет часть тех изречений, которые в силу своего неисчерпаемого смысла будут вечно звучать в сознании человечества. Наша способность понимать должна иметь своим пределом только невозможность понимать ограниченных людей. Не видеть в природе ничего, кроме одной лицевой стороны, а в человеческих мыслях и интересах — кроме одного-единственного интереса,— значит жить погруженным в сонный мрак, пронизываемый всего лишь одним лучом света.

Нетерпимость ко всему остальному, односторонность, если они возникают из всепоглощающей страсти, высокого энтузиазма, из одержимости каким-либо бескорыстным и идеальным намерением, могут заслужить оправдание и даже вызвать симпатию, но они превращаются в отвратительные качества, если в сфере обыденной жизни они обнаруживают ограниченность разума, неспособного отразить ничего больше, кроме некоторой видимости вещей.

К несчастью, это имеет место в те исторические эпохи, где культура достигла полного расцвета и где опасность подобного духовного ограничения людей имеет более реальное значение и приводит к более печальным результатам. Это значит, что закон эволюции проявляется в человеческом обществе так же, как и в природе, а именно усиливается тенденция к неоднородности, поэтому, по мере того как общая культура всего общества прогрессирует и развивается, соответственно ограничивается объем индивидуальных способностей человека, сфера действия каждого индивида сводится к более узкой специальности. Это развитие человеческой личности в направлении специализации, продолжая составлять необходимое условие прогресса, несет с собой тем не менее явные изъяны, которые не только сужают горизонт интеллекта каждого индивида, обязательно искажая его миропонимание, но также вредят чувству солидарности в силу разобщенности индивидуальных склонностей и привычек. Обратим внимание на эту опасность передовых цивилизаций. Высокий уровень социального развития имеет, согласно Конту, серьезный недостаток в той легкости, с которой появляются весьма ограниченные и односторонне развитые люди, «весьма способные в каком-то одном аспекте деятельности и чудовищно неспособные во всех остальных».

Обеднение человеческого интеллекта посредством постоянного культивирования одного только рода идей, одного только вида деятельности сравнимо, согласно Конту, с несчастной судьбой рабочего, которого разделение труда на производстве заставляет растрачивать все его жизненные силы и энергию на то, чтобы ежедневно выполнять одну неизменную операцию, связанную с изготовлением всего лишь одной детали.

Хосе Энрике Родо

В том и в другом случае моральный результат один: катастрофическое безразличие ко всей совокупности и многообразию человеческих интересов. И этот вид человеческого автоматизма, добавляет мыслитель-позитивист, есть не что иное, как следствие распространенного, весьма сильного влияния принципа специализации, и реальность этого принципа часто требует уже, чтобы при его оценке ему придавали его истинное значение *. Влияние этого принципа наносит большой ущерб не только прочности, но и эстетической стороне общественной структуры. Несравненная красота Афин, то вечно живое и непреходящее, переданное божественными его руками в наследство восхищенному и очарованному человечеству, возникают вследствие того, что этот город чудес создал свою концепцию жизни в соответствии со всеми способностями человека, на основе свободного и гармонического развития всех его сил, способных содействовать его славе и мощи. Афины сумели возвеличить одновременно идеальное и реальное, разум и инстинкт, духовные и физические силы человека. Афины тонко передали четыре стороны человеческой души. Каждый свободный афинянин описывает вокруг себя совершенный круг, где ни одно неупорядоченное движение тела не нарушает грациозной пропорции его линий. Это атлет и живая скульптура в гимнасии, это гражданин на Пниксе[2], это полемист и мыслитель в портиках[3]. Каждый из них упражняет свою волю во всех видах физической деятельности и свою мысль во всех видах плодотворных умственных занятий. Поэтому Маколей[4] утверждает, что один день общественной жизни в Аттике представляет собой более великолепную программу обучения, чем те, которые мы сегодня разрабатываем для наших современных учебных занятий. Из этого свободного и гармонического расцвета всех сил человеческой природы и возникло греческое чудо, неподражаемое и пленительное соединение вдохновения и спокойствия, весна человеческого духа, улыбка истории.

В наше время все возрастающая сложность цивилизации препятствовала отнестись со всей серьезностью к

* *A. Comte,* Cours de philosophie positive, t. IV, p. 430.

мысли о восстановлении этой гармонии, ибо она возможна лишь между элементами грациозной простоты. Однако внутри самой сложности нашей культуры, внутри дальнейшей дифференциации характеров, способностей, достоинств, что является неизбежным следствием общественного прогресса, следует сохранить разумное участие всех в разработке некоторых основных идей и представлений, которые поддерживали бы единство и согласие в жизни, в развитии некоторых духовных интересов, к которым достоинство разумного существа не допускает равнодушия.

Когда в человеческих обществах сильно доминирует чувство материальной выгоды и благополучия, что имеет место в настоящее время, то результаты ограниченности человека и односторонность его культуры являются особенно пагубными для распространения чисто умственных занятий, которые, будучи предметом любви для тех, кто посвящает им все благородные силы и упорство своей жизни, превращаются для огромного большинства людей в далекую и, возможно, не внушающую доверия область занятий. Всякий вид бескорыстного размышления, идеального созерцания, внутреннего покоя, при котором повседневные заботы о материальной выгоде временно уступают свое господство спокойному и благородному созерцанию вещей с высот разума, остается при теперешнем положении вещей в человеческих обществах чуждым миллионам культурных и образованных людей, у которых влияние воспитания или сила привычки сводят к автоматизму их деятельность, в конечном счете материальную. Итак, этот вид рабства должен рассматриваться самым горьким и оскорбительным из всех моральных проклятий. Я прошу вас защищаться на жизненном поприще против того, чтобы у вас не преобладала одна какая-нибудь корыстная цель, калечащая вам душу. Никогда не предавайтесь целиком одной какой-то страсти или выгоде. Даже внутри материального рабства имеется возможность спасти внутреннюю свободу — свободу разума и чувства. Не пытайтесь поэтому оправдывать рабство вашего духа занятостью работой или борьбой.

Я нахожу символ того, какой должна быть наша душа, в одной сказке, которую я воскрешаю в одном забытом уголке моей памяти. Жил-был патриархальный

король на Востоке, безграничном и простодушном, где нравится вить себе гнездо веселой стайке сказок. Королевство его переживало пору чистого детства торговых лавок Измаила и дворцов Пилоса. Впоследствии по традиции он остался в памяти людей гостеприимным королем. Безгранична была любовь короля к людям. Погрузившись в нее, все несчастья и невзгоды исчезали как бы под собственной своей тяжестью. К гостеприимству короля прибегал, как за белым хлебом, несчастный, одинокую душу которого ласкал бальзам его слов. Сердце короля, как чувствительная к звукам пластинка, отражало ритм и биение всех остальных людских сердец. Двери его дворца были открыты для народа. Все дышало свободой и радостью внутри этого великого храма, вход в который никогда не охранялся стражей. На открытых его портиках собирались в круг пастухи, посвящая свой досуг деревенским развлечениям; с наступлением вечера заводили разговоры старики, а группа жизнерадостных женщин раскладывала на тростниковых циновках цветы и виноградные лозы, которые и составляли королевский налог. Купцы Офира и бродячие торговцы Дамаска в любое время входили в широченные ворота королевского дворца и перед королевским взором выставляли со знанием дела ткани, драгоценности, благовонные вещества. Рядом с королевским троном отдыхали утомленные странники. Днем слетались к его столу птицы, чтобы собрать с него крошки, а утром дети прибегали шумными стайками к подножию ложа, где спал сребробородый король, и возвещали ему о восходе солнца. Его безграничная щедрость и великодушие распространялись и на несчастных людей, и на вещи. Природа также чувствовала его щедрое к себе расположение: ветер, птицы, растения, казалось, искали, как в мифе об Орфее или в легенде о святом Франциске Ассизском, его человеческой дружбы в этом оазисе гостеприимства. Из случайно упавшего семени произрастали и цвели левкои на стыках стен и полов развалин, и ни одна жестокая рука не осмелилась бы их вырвать, и ни одна злая нога не посмела бы растоптать их. Через широкие окна дворца протянулись внутрь королевских покоев смелые и любопытные вьюны. Усталые ветры оставляли надолго на королевском дворце

свой груз аромата и благозвучия. Поднимаясь с близкого моря, они, будто бы желая обнять его, вздымали пену на его волнах. Райская свобода, необъятное взаимное доверие всюду поддерживали атмосферу воодушевления нескончаемого праздника. Но внутри, в глубине королевского дворца, отделенная каналами, спрятанная от взоров простых людей, как «затерявшаяся церковь» Уланда[5] в глубине леса, в конце не ведомых никому тропинок тянулась таинственная зала, куда никому нельзя было входить, кроме самого короля, гостеприимство которого принимало на его пороге видимость аскетического эгоизма. Массивные стены окружали залу. Ни одно эхо внешнего шумного мира, ни одна нота, вырвавшаяся из общего созвучия природы, ни одно человеческое слово не могли проникнуть сквозь толщу каменных плит из порфира и нарушить глубокую тишину запретного для всех других пристанища. Благоговейная тишина хранила в нем целомудрие покоя. Свет, который пропускали блестящие витражи, был слабым и, пройдя неизменное расстояние, таял, как снежинки, попавшие из небесного безмолвия в теплое гнездо. Никогда и нигде не было столь глубокого покоя, как здесь,— ни в океанских гротах, ни в лесной глуши. Однажды, когда ночь была тихой и прозрачной, искусственная крыша, открывшись двумя створками, похожими на перламутровые раковины, дала возможность проникнуть через нее всему великолепию спокойных теней. В воздухе стоял, как неисчезающая волна, аромат водяной лилии, запах, ощущаемый в полудреме, созерцании собственного существа. Тяжелые кариатиды в умиротворенной позе охраняли мраморные двери. Изображения на фасаде говорили о глубоких размышлениях, об идеальном, о покое... и старый король утверждал, что, хотя и никому не позволено было сопровождать его сюда, его гостеприимство продолжало оставаться в этом таинственном убежище таким же, как и за его пределами, а его гостями, неосязаемыми, изысканными, были те, кого он представлял себе внутри стен этого убежища. Здесь мечтал, освобождался от действительности сказочный король; здесь взор его погружался внутрь, и мысли его в процессе размышления шлифовались, как камни, омываемые морской пеной; здесь на его благородном челе рас-

крывались белые крылья его души... И когда смерть пришла, чтобы напомнить ему, что он был в своем дворце не больше чем гость, это убежище, куда никто не мог проникнуть, кроме короля, осталось навсегда закрытым и безмолвным, навсегда погруженным в бесконечный сон; никто и никогда не осмелится осквернить это убежище, ибо никто не осмелился бы переступить непочтительной ногой его порог, где старый король пожелал остаться наедине со своими мыслями и мечтами.

Я переношу эту сказку на ваш внутренний мир. Щедро открытый всем направлениям внешнего мира, как дом доверчивого монарха, он вместе с тем должен иметь скрытую и таинственную келью, неизвестную непосвященным гостям и не принадлежащую никому, кроме спокойного разума. Только когда вы проникните в это не нарушаемое никем убежище, вы действительно сможете назвать себя свободными людьми. Но не будут свободными те, кто, неразумно отчуждая свой внутренний мир в пользу необузданной страсти или утилитарного интереса, забывает, что, согласно мудрому предписанию Монтеня, наша душа может быть объектом договора ссуды, а не цессии. Мысли, мечты, восхищение — вот имена благородных посетителей моей кельи. Мыслители древности классифицировали их в глубине своего благородного ума на досуге, который они считали самым возвышенным применением истинно рационального бытия, отождествляя его со свободой мышления, эмансипированного от всякого низменного ума. Благородный досуг они противопоставляли в качестве выражения высшего смысла жизни экономической деятельности. Связывая свою концепцию достоинства и жизни человека с этой высокой и аристократической идеей благородного досуга, классический дух получает свою поправку и дополнение в нашей современной вере в достоинство полезного труда: и оба эти устремления души могут придать индивидуальной жизни тот ритм, поддержание которого вряд ли нужно оспаривать.

Школа стоиков, которая восприняла закат античности как преддверие расцвета христианства, оставила нам в наследство, правда еще среди всех жестокостей рабства, простое и волнующее изображение спасения внутрен-

ней свободы в прекрасной фигуре Клеанфа [6], того самого Клеанфа, который, будучи вынужденным применять атлетическую силу своих рук, для того чтобы погружать бадью в воду и вращать жернова мельницы, размышлял в минуты жалкого досуга и записывал огрубелой рукой на дорожных камнях краткие изречения Зенона.

Всякое разумное воспитание, всякое совершенствование нашей человеческой природы должно взять за исходную точку стимулирование в каждом из нас этой двусторонней деятельности, которую символизирует Клеанф. Более того, основным принципом нашего развития, нашим жизненным девизом должно стать сохранение цельности своего характера. Ни одна отдельная наша функция не должна преобладать над этой высшей целью. Ни одна сила, взятая отдельно, не может удовлетворять всем разумным целям индивидуального существования, так же как и не может привести в согласие жизнь коллектива. Поскольку искажение и ограниченность индивида представляют собой результат того, что он посвящает себя исключительно одному виду деятельности и только одной области культуры, то ложь всего неестественного делает недолговечной славу общества, которое пожертвовало свободным развитием своих мыслей и чувств или в угоду торговой деятельности, как это было в Финикии, или в угоду войне, как в Спарте, или в угоду мистицизму в мрачную эпоху средневековья, или в угоду светской и салонной жизни, как это было во Франции XVII столетия. И предохраняя себя от всякого искажения своей моральной природы, стремясь к гармоническому развитию своего существа в самом благородном смысле, не забывайте в то же время о том, что самым простым и частым из всех искажений человеческого духа является при современном характере человеческих обществ то, которое лишает душу внутренней жизни, где имеет свою собственную сферу все тонкое и благородное, которое, если оно не защищено от действительности, сжигается дыханием нечистой страсти или изгоняется утилитарным интересом: это как раз та жизнь, которую составляют бескорыстное раздумье, идеальное созерцание, досуг в античном понимании, неприступное убежище из моей сказки.

ЭУКЛИДЕС ДА КУНЬЯ

СТАРАЯ ПРОБЛЕМА
1904

Некоторое время тому назад я прочел смелую диссертацию о своеобразнейшем праве, содержавшемся в древних обычаях Бургундии,— праве на ограбление...

Вспоминаю, что, удивленный столь революционным, особенно для той эпохи, противоречием между законами, я заметил, что это право отстаивает крупнейший из теологов, Фома Аквинский, и с таким блеском и обилием аргументов, что с помощью этой цельной структуры изложения опасный тезис представал в виде положительного принципа. Он действительно вызывал благородное и несравненное сочувствие, добиваясь того, чтобы эта нелепость излагалась и выглядела как одна из самых выразительных сторон справедливости.

Речь шла как будто о законах о бедных; и вот важные ученые воспользовались ими, разрушив с благородным негодованием барьеры общей морали, чтобы выступить в защиту огромного большинства ограбляемых, и пришли к заключению, что роскошь богачей представляет собою delitum legale [узаконенное преступление]. На них производила впечатление страшная проблема нищеты в ее двойном аспекте — материальном и философском, ибо о ней, возможно, свидетельствовали не столько удручающие рубища масс, ставших ее жертвами, сколько печальная неспособность цивилизации справиться с нею.

И так как им недоставало еще больше, чем сегодня, средств для устранения этого зла, они находили оправда-

ние существованию несчастных в алчности, в жесточайшей причине захвата богачами всех благ.

Бедняк становился привилегированной личностью, безнаказанно выступающей против всей экономической ортодоксии. Ограбление превращалось вместе с тем в естественное право законной самозащиты против смерти и в настоятельный долг перед жизнью.

Но сострадательные ученые мужи не пошли дальше этой уловки, этих декламаций. Препятствием было если не средневековое мировоззрение, неспособное дать точную оценку человеческому прогрессу в целом, то все та же духовная диктатура находившегося в расцвете сил католицизма, для которого нищета — красноречивейшее конкретное выражение догмы первородного греха всегда была ужасным и неизбежным отрицательным капиталом, увеличивающимся за счет лишений и жертв во имя страстной мечты о блаженстве на небесах...

С другой стороны, светские мыслители того времени и те, которые следовали за ними до XVIII в., не исходили из этой сентиментальной тональности. Они были скорее мечтателями, чем философами, их привлекали эстетическая сторона несчастья, захватывающее зрелище человеческого страдания, которому мы всегда сочувствуем из жалости. Их книги с огромными заглавиями, похожими на названия рассказов того времени, представляют блестящее и образное, но бесполезное выступление. Они как заглавия поэм. В самом деле, в «Утопии» Томаса Мора или в «Базилиаде» Морелли перспектива лучшей жизни, являющейся результатом беспристрастно распределенного богатства и упразднения привилегий, появляется среди обилия горячих дифирамбов, чтобы сильнее подчеркнуть в книгах страшные прологи с неописуемыми горестями и мучениями...

Предлагаемые меры отличаются крайней фантастичностью: от абсолютной уравниловки Джона Лилберна до восхитительного платонизма Фонтенеля и религиозного нигилизма Дидро; и чтобы не было недостатка в гротеске, суровом и нелогичном гротеске, присущем самым трагическим ситуациям, их венчает безумный коммунизм Кампанеллы с его тремястами монахами — тремястами бородатыми и меланхоличными аскетами, пытающимися

Эуклидес да Кунья

создать равноправную республику, которая означала бы крах всех достижений прогресса.

Итак, все это хорошо характеризует полную неуравновешенность душ, подвергшихся грубому воздействию противоречивых доктрин и оставшихся поэтому совершенно незатронутыми философским синтезом, который одновременно освободил бы их от традиционной приверженности католицизму, чьей миссии пришел конец, и от разрушительных импульсов победоносной метафизики.

Так, когда разразился решающий кризис 1789 г., было не удивительно, что осталась незамеченной и, возможно, была принесена в жертву великая проблема, возбуждавшая умы со времен Пифагора и Платона. Дело в том, что великая революция, вдохновленная социальной философией XVIII в., явила собою необычное зрелище, отвергнув с первых шагов собственных своих творцов. Гизо высказал глубокую мысль: никогда философия так не стремилась к управлению миром и никогда она не была столь лишена власти.

Философы сразу были оттеснены в мятежном волнении памфлетов и бурной риторики этой всегда недолговечной политической литературы, сообразующейся с неожиданными безумствами толпы. Основательному складу ума Даламбера был противопоставлен наделенный богатым воображением легкомысленный ум Верньо, а неумеренным мечтаниям Мабли — избыток объективизма трагического фата, которого прогуливала по улицам Парижа богиня разума...

Таким образом, последний удар в живот старого режима, уже давно подорванного и готового упасть сам собою, был сделан с избытком энергии, которая бросила на обломки старого порядка руины намечавшегося нового режима. Весьма соблазненная программой уничтожения привилегированных классов, представлявшейся ей огромной и недорогостоящей, революция закрепила в «Правах человека» суровый индивидуализм, который в духовном отношении означал отказ от ее лучших принципов, а в практическом отношении был равнозначен уничтожению народных цеховых организаций, т. е. единственного демократического творения средних веков.

«Права человека... Однако высшая формула этой философии предусматривала, преимущественно через растущую человеческую солидарность, как раз противоположное — долг, обязанности человека». Но это означало требовать слишком многого от политического безумия обстоятельств. Нужно было прежде всего, чтобы недавно обретенные льготы носили резко антиаристократический характер. Нужно было, чтобы ставший совершенно свободным крестьянин сделался полноправным хозяином земли, на которой он родился и где он столько времени жил, мечтая захватить феодальную землю, в то время как городской буржуа мог бы действовать свободно, распоряжаясь как угодно всем своим имуществом, не будучи зависим от глав ремесленных гильдий

И вокруг пустующего трона Капетингов разгорелось бурное соперничество невесть скольких миллионов королей-лилипутов...

Когда духовенство и аристократия лишились своих состояний (нередко ненадежных, как привилегии, подверженные капризам монархической власти), на их месте осталась неприкосновенная абсолютная и священнейшая буржуазная собственность, для которой знаменитый Кондорсе не нашел ограничений в тексте, представленном им Конвенту.

Поэтому, коротко говоря, выявилась тщетность осуществленных реформ: вместо узкого круга привилегированных, у которых эгоизм смягчался рыцарскими традициями дворянства, возникло еще большее число привилегированных из победившей буржуазии, которая, однако, оказалась еще не в состоянии понять общественную миссию собственности. Буржуазия, жадно стремящаяся господствовать на открывшейся свободной арене, усилила контраст между ее недавно приобретенным богатством и неизменившимся положением пролетариата, лишенного голоса в этой неразберихе и обреченного лишь безымянно сотрудничать в наполеоновской эпопее, когда вскоре, завершив революционную катастрофу, на сцене появился, воплощая скрытую реакцию старого режима, самый маленький из великих людей, восстановивший в сиянии ненавистной славы анахронизм военной деятельности.

Таким образом, с разрушением памятного творения Конвента выявилось вместе с тем, что оно имело скрытые возможности и ожидало лишь подходящей обстановки для осуществления принципов более справедливого распределения богатства. Для сурового Камю собственность «не была естественным правом, она являлась социальным правом»; к этой концепции присоединялся и романтический Сен-Жюст; и крайне резко, на яснейшем языке, который прославил его как предтечу современного коллективизма, несравненный Мирабо бросил в анархическую аудиторию собраний эти особенно суровые слова:

«Le propriétaire n'est lui même que le premier des salariés. Ce que nous appellons vulgairement la propriété n'est autre chose que le prix que lui paye la societé pour les distributions qu'il est chargé de faire aux autres individus par leurs consommations et leurs depenses. Les propriétaires sont les agents, les economes du corps social» [«Собственник сам является не более, как первым наемным работником. То, что мы в общежитии называем собственностью, представляет собою не что иное, как вознаграждение от общества за выплаты, которые он уполномочен делать другим лицам в возмещение их издержек и расходов. Собственники — агенты, экономы общественных сословий»].

Однако никто не слушал этих замечательных фраз, которые еще и сегодня, через сто с лишним лет, представляют собою синтез всей экономической программы социализма. Таким образом, несчастнейшей массе народа, которую революция освободила для смерти, оторвав от земли, чтобы привязать к триумфальной колеснице одержимого, остались, как в старые времена, лишь энергичные, но безобидные формулы некоторых канонизированных ученых мужей; и на рассвете XIX в., когда естественная философия уже подготовила человека к тому, чтобы преображать землю, возникло мрачное, отталкивающее, прискорбное и ужасное право — право на ограбление...

* *
*

Однако эта самая естественная философия, так сильно укрепившаяся в прошлом столетии и столь благоприяг-

ствовавшая промышленному подъему, но замкнувшаяся в области своих исследований, сама по себе была не способна к подлинному разрешению проблемы. Об этом говорят неудачи всех тех, кто рассматривал проблему, опираясь на естественную философию,— от поразительных утопий Сен-Симона и его необыкновенных учеников до безумств Прудона, смелых экспериментов Фурье и полного краха политики Луи Блана.

Следовало бы далее рассмотреть их. Если бы мы это сделали, то увидели бы, что, несмотря на все научные ресурсы, они мало в чем превосходили идеи средневековых мечтателей: та же сумятица утопических мер, настолько радикальных, потрясающих все основы общества, начиная с организации семьи, что они скорее внесли бы в проблему новые волнующие элементы и открыли бы в ней новые стороны, придав ей в равной степени революционный и сложный характер, способный сделать ее навеки неразрешимой.

* *
*

Так естественная философия дошла до середины прошлого столетия — до Карла Маркса, ибо действительно только с появлением этого несгибаемого противника Прудона научный социализм заговорил твердым, понятным и положительным языком.

Никакой идеализации: факты и непоколебимые выводы, вытекающие из строгого анализа объективных предметов; и опыт и наблюдения, приобретенные в процессе здравого обучения — через элементарные науки; и несгибаемая логика событий; и эта потрясающая аргументация без обиняков, без хитроумных силлогизмов, без трансцендентального идиотизма старой диалектики; философия, базирующаяся целиком на аксиомах, на подлинных труизмах так, чтобы не требовать от умов ни малейшего усилия для ее понимания, ибо она захватывает их независимо от их воли, и овладевает ими, и увлекает их силой своей простоты. Единственным источником производства и его прямого следствия — стоимости является труд. Ни земля, ни машины, ни капитал, даже вместе взятые, не производят ничего без рук рабочего.

Отсюда неизбежный вывод: все производимые богатства должны принадлежать тем, кто трудится, и дедуктивное понятие: капитал — это ограбление.

Нельзя отказать данному рассуждению в логичности.

В самом деле, разбив закон Мальтуса, в свете которого необъяснима цивилизация, и показав, в чем его противоречие, а именно что «каждый человек всегда производит больше, чем потребляет, причем продукт его труда производится в течение более длительного времени, чем то, которое необходимо для его воспроизводства», научный социализм разоблачает несправедливый характер экономической организации нашего времени.

Капиталистическая эксплуатация поразительно откровенна, она оценивает трудящегося ниже, чем машину. В самом деле, последняя при продолжительном простое бережно сохраняется хозяином; капиталист вынужден постоянно прибегать к предохранительным мерам, чтобы содержать машину в целости и сохранности, ремонтируя и полируя ее; а когда она умирает, скажем так, разрушенная взрывом или ослабленная вибрациями, которые изнашивают ее железную мускулатуру, это вызывает подлинное горе утраты, печаль от уменьшения богатства, безутешный траур по причиненному ущербу. Между тем рабочий, обреченный прозябать на заработную плату ниже прожиточного минимума, представляет собой машину, которая сохраняется сама по себе и к тому же плохо; свои страдания он вынужден переносить стоически; свои болезни, которые по злой иронии возрастают по мере промышленного развития, — отравление фосфором, свинцом, ртутью, окисью углерода — он лечит как может и когда может; а когда наконец умирает, иногда внезапно, раздавленный в шестернях своей страшной, однако хорошо обеспеченной компаньонки по работе, или медленно, позеленев от медных и цинковых солей, разбитый параличом вследствие отравления свинцом, воспаленный ртутными соединениями, удушенный окисью углерода, изъеденный мышьяковой пылью, страшно одурманенный нефтяными испарениями или пораженный «свинцовым ударом», когда он погибает, то никто не замечает его отсутствия в безымянной и безмолвной

массе, которая каждое утро вливается в ворота фабрик и заводов.

В этом сопоставлении проявляется преступная несправедливость, которую эгоизм капиталиста усиливает, не позволяя посредством низкой зарплаты, чтобы его орудия труда, состоящие из мускулов и нервов, сохранялись так же хорошо, как и металлические; и весьма существенно, что все социалисты пришли к тому, что отстаивают два основных принципа:

1) обобществление средств производства и обращения;

2) частная собственность только на предметы обихода.

Эти единодушно одобренные принципы господствуют у всех инакомыслящих социалистов, так что многочисленные разногласия, существующие между ними, касаются лишь того, как достичь этой цели. По мнению одних (можно упомянуть хотя бы Жана Лигга и Эд. Вайана), экономические и политические привилегии должны пасть при столкновении с насильственной революцией. Это разрушающий социализм, который между тем меньше устрашает буржуазное общество. Другие, как, например, Эмиль Вандервельде, занимают выжидательную позицию: все дело в том, будут ли реформы в зависимости от степени сопротивления буржуазии насильственными или же нет. Наконец, еще одни, самые спокойные и самые опасные, как, в частности, корректные эволюционисты Ферри и Колажанни, признавая отсутствие продуманного плана социальной организации, способной полностью изменить в один прекрасный день нынешний порядок вещей, отодвигают на второй план насильственные меры, всегда бесплодные, по их мнению, и пригодные лишь временно, попутно в том или другом месте, для того, чтобы открыть дорогу самой эволюции.

Проведя прекраснейшую параллель между развитием общества и развитием земли, Ферри показывает, как своими фантастическими катаклизмами Кювье напрасно взбудоражил геологию, стремясь объяснить преобразования, которые происходят на наших глазах, между тем как большие результаты, которые мы едва замечаем в ограниченных пределах жизни человека, представляют сумму отдельных действий, накопившихся на протяже-

нии геологических эпох. Применяя эту концепцию к обществу, он показывает нам нормальный процесс медленных реформ, происходящих в коллективном сознании и мало-помалу получающих отражение в практике, обычаях и письменном законодательстве, которые постоянно улучшаются.

Яснее не скажешь. В самом деле, социальные катастрофы могут вызываться только правящими классами, трусливыми консервативными классами, сопротивляющимися ходу реформ, как плотина, противостоящая спокойному течению реки, может вызвать наводнение. Однако даже в этом случае потрясение является временным: это — столкновение, которое наносит ущерб правительственной плотине, и больше ничего, ибо революционный характер социализма едва ли заключается лишь в его радикальной программе. Революция есть преобразование. Чтобы совершить ее, достаточно повышать сознательность пролетариата и в соответствии с положением, намеченным социалистическим конгрессом в Париже в 1900 г., продолжить политическое и экономическое объединение трудящихся.

Ибо революция не средство, она — цель; хотя иногда в случае необходимости средством является восстание. Однако это восстание не носит теперь прежнего драматического и шумного характера, как некогда. Первомайские праздники являются в этом последнем отношении весьма показательными. Чтобы поколебать всю землю, достаточно, чтобы великий легион на марше выполнил простейшее действие — скрестил бы руки...

Ибо его победа неизбежна.

Ее обеспечивают положительные законы общества, которые создадут спокойное царство наук и искусств, источников величайшего, нерушимого и растущего капитала, состоящего из высших достижений разума и сердца...

1 мая 1904 г.

ФЛОРЕНТИНО АМЕГИНО

МОЕ КРЕДО
1906

Господин президент!

Господа коллеги!

Дамы и господа!

Аргентинское научное общество удостоило меня звания почетного члена, являющегося самым высоким отличием, предусмотренным его уставом. С моей стороны было бы неблагодарностью не ответить на эту высокую честь выступлением на научную тему.

Прежде чем избрать подходящую для данного случая тему, я испытывал колебания, пока не решился представить вам синтетическую картину вселенной, какой я ее себе представляю.

* *
*

Нельзя разрушать просто ради удовольствия: разрушая, надо создавать нечто более совершенное.

Усилия человека всегда должны быть направлены к познанию истины, культ которой составит содержание религии будущего.

Разрушенное верование оставляет в нашем сознании большую пустоту. Поэтому мы не должны отказываться от одного верования, пока не сможем заменить его другим, более близким к истине.

В течение своей уже довольно долгой жизни я отказывался от многих верований, но никогда не ощущал в своем сознании никакой пустоты, ибо всегда мне

удавалось заменять их другими, более соответствующими новым знаниям, которые я приобретал.

Заранее прошу вашей снисходительности, ибо сейчас вы услышите утверждения, которые покажутся вам противоречащими многим истинам, считающимся окончательно доказанными, и доказать здесь эти утверждения я не смогу, ибо для этого нужны целые тома.

Поэтому данное сообщение я назвал «Мое кредо», и пусть каждый судит о нем согласно собственному критерию и знаниям.

* *
*

Я представляю себе вселенную как бы состоящей из одного осязаемого бесконечного — материи — и трех нематериальных бесконечных — пространства, времени и движения.

Материя и пространство относятся друг к другу как содержимое и содержащее. Пространство существует — это реальность, ибо во вселенной это единственно неподвижное, вечное и неизменное, служащее вместилищем материи. Невозможно представить себе нечто, не имеющее пространства или находящееся вне пределов.

Материя есть осязаемая субстанция, наполняющая вселенную, и мы не можем представить ее вне пространства; очевидно, что какая-то часть пространства, занятая одним атомом материи, не может одновременно быть занята другим.

Материя не имела начала, не будет иметь и конца. Ее неразрушимость очевидна, ибо нельзя представить ее вне пространства.

Неотделимо от пространства также и время, неосязаемое и бесконечное, которое мы можем определить как бесконечное чередование небытия, протекающее параллельно последовательным фазам вечного преобразования материи.

Неотделимо от материи и бесконечное движение, которое хотя и нематериально, но в отличие от бесконечного времени чувственно и осязаемо.

Таким образом, я определяю космос как совокупность четырех бесконечных: неизменное *бесконечное — пространство,* занимаемое другим *бесконечным — материей,*

в *бесконечном — движении*, в течение *бесконечного — времени.*

Оставим неосязаемые бесконечные — пространство и время и займемся осязаемыми бесконечными — материей и движением.

* *
*

Материя состоит из частиц, называемых атомами, они столь малы, что человек не в состоянии отделить их друг от друга.

Атомы непроницаемы; я представляю их одинаковыми по плотности, форме и размерам, обладающими одинаковым количеством движения.

При соединении атомов в более или менее сложные группы образуются все окружающие нас тела, внешне столь различные, даже так называемые элементы, которые считаются простыми, потому что их не удалось разложить на составные части.

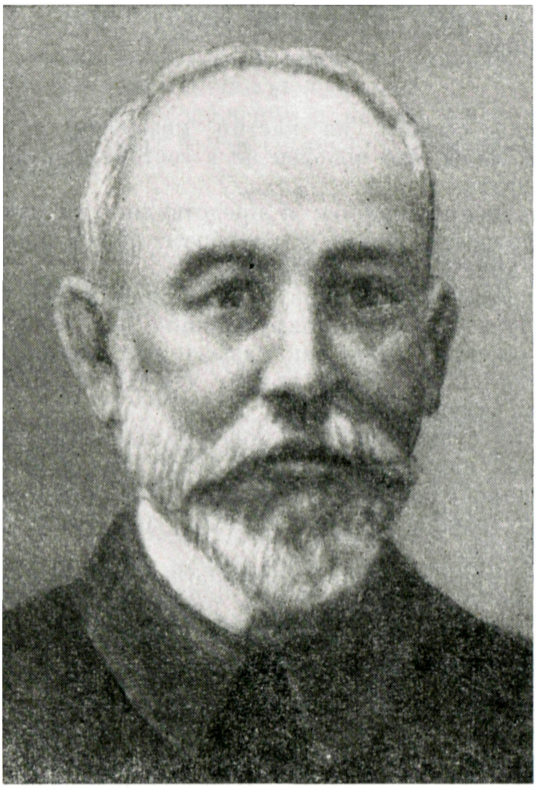
Сила не существует как нечто независимое от материи. Сила, движение, энергия — это различные слова, выражающие одно и то же. Сила, свет, тепло, электричество превращаются друг в друга: это различные формы движения.

Количество движения, имеющегося во вселенной, соответствует сумме атомов и в целом всегда одинаково. Это означает, что движение также неразрушимо, оно может лишь менять свое направление.

* *
*

Преобразование и эволюция материи подчиняются двум противоположным и одинаковым видам движения — центростремительному и центробежному.

При центростремительной эволюции, являющейся прогрессивной, материя движется к большей плотности; поглощая соответствующее количество движения, она дифференцируется, становясь все более разнообразной, постоянно приобретая все большую сложность. Поглощенное активное движение переходит в пассивное состояние, скрытое или потенциально действующее в виде притяжения.



Флорентино Амегино

При центробежной эволюции, являющейся регрессивной, материя движется ко все большему разрежению и в результате потери соответствующего количества движения становится все более и более однородной.

Потенциальное движение возвращается к первоначальной активности, преобразуясь из пассивного притяжения в активное (отталкивание).

В то время как какое-то количество материи совершает центростремительное движение, все более интенсивное по мере приближения к центру, другое такое же количество материи совершает центробежное движение, все менее интенсивное по мере удаления от центра; отсюда вытекает основной принцип, управляющий универсальностью движения, а именно *интенсивность движения обратно пропорциональна плотности материи.* Думаю, что закон тяготения Ньютона есть не что иное, как следствие более простого, только что сформулированного мною закона.

Это значит, что существуют миры, находящиеся в состоянии формирования, и миры, находящиеся в состоянии распада. Такое равновесие всегда существовало и всегда будет существовать. Для того чтобы образовались одни миры, необходимо, чтобы распались другие. Когда материя достигает последнего предела движения к центру, начинается обратное движение — движение от центра.

* *
*

Мы не знаем всех состояний, которые материя принимала или может принимать в результате постоянного движения, но многие нам известны, среди них мы можем назвать: твердое состояние, как, например, железо и камни; жидкое состояние, как, например, вода; газообразное состояние, как кислород и азот; огненное состояние, как вещества, которые при высокой температуре и давлении образуют центр земли — солнечное ядро; или светящееся состояние, как мельчайшие материальные частицы, окружающие солнце; эфирное состояние — материя, заполняющая межзвездное пространство; живое состояние — материя, образующая живые организмы; или состояние мысли — материя, составляющая деятельность мозга.

Между этими состояниями существуют промежуточные, все они преобразуются, переходя одно в другое. Твердое тело при нагревании становится жидким или при сильном нагревании газообразным; путем охлаждения или давления мы превращаем газ в жидкость и затем в твердое тело. И если мы не умеем придавать материи огненное, светящееся или эфирное состояние, то это происходит потому, что мы еще не обладаем достаточно мощными средствами, чтобы осуществлять эти превращения.

* *
*

Строение материи значительно более сложно, чем обыкновенно предполагают. Когда соединяются два элемента, то в связь вступают не их атомы, а группа атомов, т. е. молекулы, структура которых иная, чем у атома; и так как сложные группы атомов могут в свою очередь последовательно образовывать новые соединения, то ясно, что сначала перегруппируются более простые молекулы, чтобы образовать другие, более сложные. С другой стороны, очевидно, что каждому состоянию материи соответствует свое молекулярное соединение.

Молекулярные соединения имеют различную ценность в зависимости от их сложности и от самых сложных до самых простых находятся во взаимном подчинении. Чтобы перейти из одного, простого, молекулярного соединения в другое, более сложное и наоборот, материя должна пройти через промежуточные соединения.

Существует бесконечное многообразие соединений материи, находящихся во взаимодействии, начиная от мельчайшего атома эфирного состояния до молекул газообразного состояния и от них к планетам, звездам и самым обширным созвездиям вселенной. Наш земной шар по отношению к звездной системе, частью которой он является,— это мельчайшая молекула.

Каждому изменению состояния материи соответствует изменение соединения молекул. Молекулы светящегося состояния — это прозоты, они образуют прозотеры — тела, еще более отличающиеся от наших элементов. Концентрирующиеся соединения прозотеров — это меристы,

они образуют протоэлементы, которые, комбинируясь, создают элементы.

Молекулярные соединения газообразного состояния — это пневмоты; жидкого — гигроты; твердого состояния — эстереоты; живой материи — базибии; а мыслящей материи — нейроны и т. д. При нагревании твердого тела диссоциируются эстереоты, теперь масса состоит из гигротов и достигает жидкого состояния; с увеличением температуры диссоциируются гигроты, теперь масса состоит из пневмотов и принимает газообразный вид; и далее в этой последовательности все другие состояния.

Резюмирую: бесконечное разнообразие видов, в которых выступает материя, а также все физические и химические явления сводятся к движению то центростремительному, то центробежному, локализированному во времени и пространстве, которые видоизменяют материю, изменяя до бесконечности иерархический уровень и сложность молекулярных соединений.

Когда тело переходит в молекулярное состояние более высокого, т. е. более сложного, порядка, происходит поглощение тепла потеря активного движения, которое превращается в потенциальное: это происходит в соответствии с законом наибольшей плотности и ведет к концентрации материи. Когда тело переходит от более высокого молекулярного соединения к более низкому, более простому, имеет место отдача тепла, т. е. отдача потенциального движения, накопленного во время противоположного движения,— это происходит в соответствии с законом наибольшей разреженности.

* *
*

Если атомы непроницаемы, то молекулы проницаемы. В результате этой проницаемости различные формы материи сосуществуют, содержатся одни в других. Межатомные промежутки есть пространство, пустота. Между прозотами светящейся материи имеется пространство, в котором движутся атомы эфирной материи. Между пневмотами газообразной материи имеется пространство, в котором движутся прозоты и атомы. Самые сложные молекулы жидкого состояния, гигроты, оставляют прост-

ранство, в котором движутся пневмоты; между эстереотами твердой материи есть пространство, в котором движутся гигроты жидкой материи; и так, как бы включенные одни в другие, существуют все остальные молекулярные соединения более низкого порядка вплоть до атома. Отсюда можно сделать вывод, что пространства, существующие между молекулярными соединениями, тем более значительны, чем более высокой является степень сложности молекул.

Все это истинно от атома к прозоту, от него к пневмотам, гигротам и эстереотам, от спутников к планетам и от этих последних к солнцам и звездам, от звезд к созвездиям, от созвездий к туманностям... и от них до того, что находится еще дальше и чего мы еще не знаем!

Так движутся звезды в созвездиях, планеты — среди звезд, спутники — между планетами; так жидкая материя движется внутри твердой материи, газообразная — внутри жидкой, светящаяся — внутри газообразной и эфирная — внутри светящейся *.

* *
*

Различия в плотности элементов постепенно исчезают по мере перехода в процессе движения к большей плотности, от молекулярного соединения более высокого порядка к более низкому и менее сложному соединению.

Существует математическое, абсолютно точное доказательство того, что все элементы есть кратные атомы единой, лежащей в основе материи — эфира.

Скрытое, или потенциальное, тепло какого-либо тела — это сумма движения, потерянного молекулярными соеди-

---

* Если бы эта новая концепция вселенной оказалась верной, она заставила бы нас иначе, чем теперь, смотреть не только на физические, химические и биологические явления, но также и на космические. Чтобы не приводить новые примеры, скажу, что планеты, спутники и т. д., вместо того чтобы быть массами материи, последовательно отделившимися от солнечной массы, представляли бы собой независимые центры сгущения. С другой стороны, если бы движение нашей планетной системы было центростремительным, орбиты небесных тел, которые его составляют, находились бы в состоянии постепенного сокращения и планеты постепенно приближались бы к солнцу, куда и попали бы одни за другими в течение бесконечного времени.

нениями, составляющими это тело, в результате центробежного движения; здесь происходит переход от более низкого соединения к соединению более высокого порядка.

Так называемая *теплоемкость* — это явление противоположное, т. е. та же сумма движения, которую необходимо поглощать посредством концентрации, для того чтобы те же самые молекулярные соединения, поднятые до более высокого порядка, вернулись к более низкому. Это значит, что скрытое, или потенциальное, тепло увеличивается по мере перехода от менее плотных к более плотным соединениям и уменьшается таким же образом, только в обратном направлении.

Способность теплового поглощения (или теплового движения) тела равна количеству излученного им тепла; отсюда вытекает, что *количество тепла,* которое тело может получить, находится в обратной пропорции к так называемому *атомному весу,* выражающему сумму потерянного тепла (движение). Из этого можно сделать также вывод, что атомный вес эквивалентов различных элементов, взятых в абсолютно одинаковых физических условиях, равен способности теплового поглощения эквивалентов тех же элементов при тех же условиях; это доказывает, что эквиваленты различных элементов есть кратные атома единой основной субстанции, составляющей материю.

* *
*

Такие явления, или физические превращения тел, которые мы называем аллотропией, изомерией, смесью, насыщением, сцеплением, эластичностью и т. д., представляют собой простые перемены в порядке или расположении молекул, образующих тела. Эти перемены происходят под воздействием центростремительного или центробежного движения или комбинации обоих.

В явлениях, называемых химическими изменениями, имеет место диссоциация и перегруппировка молекул.

Наименьшая доля или часть одного элемента, которая может вступать в соединение с эквивалентом другого элемента, чтобы образовать сложное вещество, состоит, как ее эквивалент, из значительного числа молекул

различной сложности. Эти молекулярные соединения диссоциируются и перегруппировываются в молекулярные соединения одной и той же сложности, отличной от двух исходных. Сродство, валентность, атомность — это все одно и то же. Валентность тела зависит от числа взаимно подчиненных молекулярных соединений, которые могут постоянно распадаться, чтобы снова соединяться в другой форме и тем же способом с эквивалентными молекулами другого тела.

Сродство — это есть изменение и диссоциация молекулярных групп двух соединяющихся тел; их комбинация есть их взаимопроникновение, смешение и перегруппировка для образования новых равноценных молекул; если явление сопровождается выделением тепла (движение), то молекулы будут высшего порядка, если поглощением тепла (движение), то более низкого порядка.

То, что мы называем вечными и неизменными естественными законами, не содержит ничего вечного и неизменного; исключение составляют те немногие законы, которые управляют бесконечными вселенной; они возникли сами собой как бы для установления равновесия в природе и сохраняются до тех пор, пока продолжают сохраняться условия движения, которое их создало.

Естественными законами мы называем различные формы равновесия, которые образуются в результате борьбы центростремительного и центробежного движений; как только нарушается равновесие, закон перестает действовать, чтобы уступить место другой форме движения, другой форме существования, другому закону.

Естественные законы, так же как социальные законы и законы, касающиеся личности, подвергаются эволюции.

Вся материя вселенной в любом ее состоянии (твердом, жидком или газообразном), живая или мыслящая сначала прошла через светящееся состояние, а еще ранее через эфирное, т. е. все ее атомы были диссоциированы и двигались отдельно друг от друга. Но нет также атома эфирной материи, который не входил бы в состав светящейся материи, огненной материи, газообразной, материи жидкой или твердой; который не входил бы в состав живой, мыслящей материи.

Нет никакой существенной разницы между органическими телами и неорганическими, между живым и мертвым. Все тела, все элементы, входящие в состав живых организмов, входят также в состав неорганических тел. Следовательно, различие между органической и неорганической материей является вторичным, а не изначальным. Эта дифференциация имела место в относительно недавнюю эпоху, уже после того, как центростремительное движение придало массе нашей планеты форму земного шара.

Если учесть физические особенности организмов, то очевидно, что они могли возникнуть только тогда, когда плотность земного шара достигла высокого уровня и температура стала достаточно низкой для того, чтобы белковые вещества не свертывались, т. е. живые организмы имели начало; и так как они не состоят из субстанции, отличной от субстанции неорганического мира, то возможно только одно объяснение: живые организмы есть результат превращения неорганических тел.

* *
*

От простейших существ, или организмов, до неорганических тел только один шаг.

Жизнь есть не что иное, как сложная форма движения; и все ее наблюдаемые нами явления сводятся к тем формам движения, которые в более простой форме мы находим у неорганических тел.

Дыхание есть процесс окисления, полностью сравнимый с процессом окисления, наблюдаемым в минеральном мире. Питание в самой простой форме (абсорбция) полностью сравнимо с процессом образования капли воды в атмосфере, насыщенной парами. Если живые организмы рождаются и умирают или, что еще проще, если они имеют начало и конец, то то же самое имеет место и в неорганическом мире. Если живые организмы происходят от других сходных организмов, то то же самое происходит и с неорганическими телами, если не считать соединений элементов; кусок железа мы сегодня можем получить только из массы железа. Размножение также не является отличительной чертой живых организмов; его наибо-

лее простая форма — размножение путем деления на две части — есть отделение одной части материи от другой, сходной, такое же явление наблюдается и у минералов. Движение также не является отличительной особенностью живых организмов, ибо движение неотделимо от материи. Ощущение в наиболее простой форме неотделимо от движения.

Жизнь — это процесс непрерывного окисления, в ходе которого растраченная (сгоревшая) материя непрерывно восстанавливается. Жизненное движение бесконечно сложно в своих деталях, но если его рассматривать в целом, то это, с одной стороны, результат центростремительного движения, которое приводит организм к инертности и смерти, и с другой — центробежного движения, которое ведет его к расчленению. Организм есть поле битвы этих двух противоположных движений, которые его истощают и требуют непрерывной ассимиляции новой материи, обеспечивающей работу этой машине.

* *
*

Поскольку во вселенной все распределяется таким образом, чтобы сохранить равновесие, следует предположить, что количество живых организмов, или организованной материи, и количество движения, которым эта материя располагает, должны быть постоянными по отношению к массе земли и к сумме получаемого ею центробежного движения, или, более простыми словами, сумма живой материи и жизненного движения была и является неизменной в современных условиях нашей земли и будет такой до тех пор, пока эти условия сохраняются.

Это количество, или коэффициент, живой материи должно определяться одним из четырех органогенных элементов, служащих основой биоматерии. Таким элементом не может быть ни водород, ни кислород, имеющиеся в огромных количествах и входящие в состав неорганического мира. Не может быть им и углерод, имеющийся в изобилии в виде углекислого газа (ангидрид), постоянно выходящего в огромных количествах из недр земли.

Совсем другое — азот; весь азот, существующий на земном шаре, находится или в свободном состоянии в атмосфере, или в соединениях в организмах, или в производных веществах органического происхождения, находящихся в самых верхних слоях земли.

Таким образом, я считаю, что количество живой материи определяется количеством свободного азота, существующего на земле; оно не может ни увеличиваться, ни уменьшаться, не вызвав при этом нарушения равновесия в динамическом состоянии периферических областей нашей земли.

Будучи среди всех элементов наименее поддающимся горению, азот благодаря своей инертности и небольшому сродству образует основную канву тканей и, насколько возможно, удерживает другие элементы.

Если провести параллель между живой машиной и паровой, то увидим, что азот — это сталь, из которой сделана машина; углерод — это уголь, который кладут в топку, чтобы при сгорании он производил движение; кислород — это элемент, содействующий горению; водород — это вода, которая наполняет котел, т. е. носитель неустойчивости и обмена.

Углерод, кислород и водород имеются на земном шаре в достаточном количестве, чтобы обеспечить работу бесконечным миллионам живых машин; но нет стали, чтобы их создать, т. е. не хватает азота, который надо брать из атмосферы.

* *
*

Самозарождения не существует, об этом уже не спорят. Но раз живые организмы создавались в процессе эволюции неорганических тел в органические, естественно, что жизнь имела начало; тогда первые живые организмы могли образоваться путем самозарождения или, вернее, в результате спонтанной эволюции.

Но если спонтанная эволюция неорганической материи в органическую имела место однажды, почему это не происходит каждый день?

Именно потому, что существует коэффициент, ограничивающий количество материи, которая может принять

форму живой материи. Максимальное количество материи, которое может обрести жизнь, образует органический мир. Как только существо перестает жить, оно разлагается, и основной органогенный элемент — азот немедленно захватывается живыми организмами, которые его ассимилируют, лишая всякой возможности образовать спонтанные биосоединения. Очевидно, что химикам еще не удалось добиться образования живой материи именно потому, что она есть результат не простого соединения составляющих ее элементов, а следствие длинной серии последовательных синтезов, которые в природе не могут осуществляться спонтанно, ибо основной и необходимый для ее формирования элемент — азот немедленно захватывается живыми организмами.

Когда на земном шаре впервые образовалась живая материя, все органогенные элементы, входящие в настоящее время в состав органической материи, находились в свободном состоянии и могли легко комбинироваться во все более сложные соединения, пока не образовали базибию, живую молекулу; соединения базибии образовали ситобии, а эти последние — монеры, являющиеся первыми одноклеточными организмами, от которых происходят все другие.

Таким образом, самозарождение живой материи — это явление, которое имело место один раз и которое не может повториться снова. Это один из этапов эволюции материи, составляющей внешнюю оболочку миров, на пути к большей плотности; в прогрессивной эволюции эти этапы чередуются, но не повторяются.

С тех пор жизнь продолжается и будет продолжаться непрерывно, пока сохранится современное состояние равновесия нашей планетной системы.

С возникновением соответствующих условий для образования органической материи появилась жизненная форма движения как нечто неизбежное, фатальное, что должно было с необходимостью осуществиться в результате комбинации самых легких элементов, т. е. внешних элементов земной коры. Эти комбинации характеризуются неустойчивостью. Они и есть жизненное движение.

Таким образом, жизнь есть равнодействующая двух противоположных движений: 1) центростремительного

движения, ведущего к большей плотности и вызванного первичными комбинациями органогенных элементов и их все большим движением к центру; 2) центробежного движения, вызванного непосредственно поглощением теплового движения солнца или косвенно в виде питания. Ясно, что материя, образующая внешнюю оболочку других планет, прошла или должна пройти через этот же этап. С этой точки зрения наличие множества обитаемых миров представляется совершенно очевидным фактом.

* *

Если количество живой материи неизменно, то общая масса организмов неизбежно должна быть ограничена; количество организмов будет бо́льшим, если они малого размера, и меньшим, если организмы будут большой величины.

Это количество материи вначале распределялось между мельчайшими простейшими существами; впоследствии, в другие геологические эпохи, эта материя стала входить в состав все более совершенных организмов, и в нашу эпоху довольно значительная часть этой материи образовала человечество.

Таким образом, становится ясно, что количество одних организмов не может увеличиться без некоторого регулирования, т. е. без соответствующего уменьшения количества других.

Это служит также действительной причиной той борьбы за существование, о которой столько говорилось, но которую до сих пор не смогли должным образом объяснить. Если бы организмы могли питаться неорганической материей, за исключением азота, и ассимилировать ее в неограниченном количестве, то не было бы предела их размножению и они размножались бы до тех пор, пока хватило бы свободной материи. Однако этого не происходит, ибо количество живой материи ограничено количеством свободного азота, организмы могут питаться за счет организованной или доступной организации материи... Отсюда и борьба за существование. Одни существа должны погибнуть, чтобы другие могли жить.

* *
*

Жизнь в целом есть сумма неизменного движения, всегда одинакового, будет ли оно осуществляться огромным количеством организмов или их будет во много раз меньше. Количество жизненного движения неизменно и неразрушимо. Катаклизмы, эпидемии и т. д. здесь не имеют никакого значения. Непосредственное уничтожение одних существ привело бы соответственно к непосредственному увеличению количества других.

Смерть есть прекращение жизненного движения, она может быть только частичной; она задевает только индивида и нередко лишь одну из самых малых его частей.

При благоприятных условиях смерть протоплазмы может иметь место лишь в результате соприкосновения с разрушающими ее телами, настоящими ядами, которые вызывают или диссоциацию ее элементов, или такие движения, которые ее растворяют.

Существа в самой простой, первоначальной форме — одноклеточной — бессмертны, они живут до тех пор, пока находятся в среде, благоприятствующей продолжению их движений (жизни). Они умирают только тогда, когда одни пожирают других или когда отравляются продуктами диссимиляции. Микробы в меловых отложениях встречаются в слоях, насчитывающих, по всей вероятности, много миллионов лет; они еще живы или могут быть оживлены.

Самые сложные организмы не являются абсолютно автономными и обособленными: это большие соединения или колонии простых организмов, распределенные по группам, выполняющим различные функции, необходимые для сохранения движения (жизни) целого.

То, что у многоклеточных существ мы называем смертью, есть прекращение функций, которые для сохранения организма осуществляются одной или несколькими группами простых организмов. Разложение трупа есть не результат смерти или прекращения жизненного движения, а немедленное размножение миллионов микроорганизмов, которые дезорганизуют, разрушают колонию и кончают тем, что самоотравляются собственными выделениями. Так называемая естественная смерть есть пре-

кращение движения колоний, вызванное торможением работы ее различных соединений.

Мы не автономные индивидуальности, ибо мы являемся колониями бесконечного числа организмов; и вместе с нами не умирает наша целостная индивидуальность, ибо мы передаем ее нашим потомкам. Мы не являемся также чем-то совершенно независимым, ибо представляем собой продолжение всех наших предков без исключения, начиная от самых первых базибий; в силу того что живая материя всегда одна и та же, она последовательно прошла через все формы организмов, постепенно совершенствуясь в ходе бесконечной серии эволюций.

В своем развитии во времени филогенетические линии различных существующих организмов образуют неразрушимые формы, в которые выливается органическая материя, последовательно выделяющаяся из целого.

* *
*

Разнообразие, усложнение и совершенствование организмов получается в результате непрерывного приспособления к среде, которая также непрерывно эволюционирует.

Функциональное развитие в направлении приспособления, локализируясь в определенных областях организма, вызывает постепенное образование органов, предназначенных выполнять новые функции приспособления. Эти органы, повинуясь центростремительному движению, появляются в последующих поколениях во все более раннем возрасте, становятся все более зрелыми, пока не переходят в эмбриональное состояние. То же самое происходит с психическими особенностями: разумом, памятью, чувствами, идеями, языком, знаниями и т. д. Это непрерывный процесс инволюции, который доводит функции организма до потенциального состояния.

Максимум потенциальности содержится в зародыше, вбирающем в себя движение инволюции всех предшествующих поколений.

Индивидуальное развитие организма происходит в обратном направлении, т. е. в центробежном, и за неимоверно короткий отрезок времени он совершает все центро-

стремительное движение, произведенное предшествующими поколениями, последовательно повторяя все этапы, пройденные нашими предками от базибии до наших родителей. Это и есть онтогенез, повторяющий филогенез.

В области психической возникновение посредством центробежного движения особенностей, выработанных предыдущими поколениями, называется инстинктом. В природе самым типическим и удивительным примером проявления инстинкта является пчела.

Этот процесс в направлении центростремительности, в направлении последовательной инволюции черт и особенностей, которые приобретаются в результате развития различных функций организма, ничто не может остановить, он приведет к тому, что человек будущего появится на арене жизни со всеми нашими современными знаниями, заложенными в той потенциальной форме, которую мы называем инстинктом.

* *
*

Продолжительность жизненного движения многоклеточных организмов очень различна: одни животные живут несколько дней, другие — много веков. Есть растения, жизнь которых продолжается несколько часов, другие же живут тысячи лет. Долголетие также есть приобретенное свойство: это результат тенденции развития в сторону продления жизненного движения.

С возрастом органы не изнашиваются, так как образующая их материя постоянно обновляется. Прекращение жизненного движения имеет место вследствие того, что при достижении определенного возраста организм растрачивает больше, чем приобретает, т. е. диссимиляция превосходит ассимиляцию. Это происходит потому, что с годами различные органы начинают подвергаться минерализации, перегружаясь различными инертными частицами, которые по мере увеличения их количества препятствуют функционированию клеток и различных соединений, образующих живое целое; по мере расширения минерализации движение становится все более замедленным, пока не прекращается полностью и не наступает распад целого.

Твердо верю, что человеку когда-нибудь будет дана возможность отодвинуть на неопределенно далекое время срок наступления этого явления, которое считают неизбежным в определенный момент жизни.

Предел длительности жизни не вексель, подлежащий оплате в точно установленный срок, а открытый текущий счет, который мы должны стремиться закрыть как можно позже.

Я не думаю, что смерть всегда должна быть неизбежным и фатальным следствием жизни.

Я говорил, что в определенных условиях одноклеточные организмы бессмертны и что многоклеточные прекращают свое жизненное движение в силу постепенного притупления деятельности их органов, однако эта закупорка имеет место не в определенное и постоянное время, а имеет тенденцию откладываться на все более поздний срок в силу общей тенденции эволюции живой материи. Так, для некоторых организмов естественный предел их жизненного движения исчисляется отрезком времени, который в отдельных случаях достигает нескольких тысяч лет.

Условием жизни является движение, материя — носитель его; но чтобы сохранять движение, материя должна непрерывно обновляться.

Чтобы во всей совокупности организмов мог осуществляться обмен, необходимый для сохранения жизненного движения на поверхности земли, нужно, чтобы одна часть, половина, служила пищей второй половине; и состоят ли эти две большие массы живой материи из большего или меньшего количества индивидов, это не имеет никакого значения.

Следовательно, можно себе представить, и это не будет ни бессмыслицей, ни противоречием *современным* естественным законам, что некоторое количество бессмертных организмов будет жить постоянно за счет остального органического мира.

Дабы продлить срок жизни на неопределенно долгое время, необходимо, чтобы инертная материя в организме не препятствовала функционированию своих органов.

Тенденция в эволюции организмов в сторону долголетия имеет всеобщий характер и наиболее ярко выражена

у высших организмов. Но человек с помощью своих знаний мог бы сделать еще больше, а именно управлять эволюцией, давать ей определенное направление и решительно стать на путь бессмертия.

Нашим далеким потомкам, которые будут жить тысячелетия и обладать врожденными познаниями своих предков, унаследованными в виде инстинкта, более совершенными органами чувств, чем у современного человека, и бесконечно более высокой мыслящей материей, будет по силам решать важные проблемы вселенной, встающие в настоящее время перед нами в виде далеких туманностей; только тогда осуществится сказанное в пророческих строках Библии: «человек станет образом и подобием божьим».

ХОСЕ ИНХЕНИЕРОС

ТЕЗИСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОГО БУДУЩЕГО ФИЛОСОФИИ
1918

Господин президент академии!

Господа академики!

Я отдаю себе отчет о значении тех слов, которые произношу, вступая в вашу ученую среду. Это торжественный для меня момент, отдаленный от политической и общественной деятельности; я рассматриваю его как вершину моей университетской карьеры, но не моих исследований.

Я колебался, прежде чем избрать тему для своего выступления, представляющего собой лишь простые пролегомены к философии. Занятие научными исследованиями, которые с давних пор приносили плодотворные результаты, не позволило мне до настоящего времени написать что-либо относящееся к собственно философской проблематике, которая всегда глубоко интересовала меня. Я считал, что без солидной исследовательской подготовки в области опытных наук напрасно пытаться понять внеопытные проблемы, как нельзя возводить крышу здания, у которого еще не заложен фундамент. Исходя из опыта всех философов, достойных этого звания, я пришел к выводу, что философские идеи могут быть только естественным завершением моих научных исследований и что их ценность будет зависеть в первую очередь от широты этих исследований... *

* В университете я одновременно изучал две специальности, которые дали мне возможность овладеть естественнонаучными и

§ I. Лицемерие философов

Историческая перспектива.— Схоластическое наследство и принцип авторитета.— Социальный догматизм.— Лицемерие философов.— Теория двух истин.— Две философии внутри философии.

Привычка оценивать время по шкале, связанной с индивидуальной человеческой жизнью, заставляет нас склоняться к тому, чтобы рассматривать небольшие колебания, происходящие внутри каждого исторического цикла, как великие изменения; увлеченные подробностями пути, который мы проходим в данный момент, мы часто теряем способность видеть основные ритмы, характеризующие новые направления в развитии человечества.

Из-за этой частой потери *исторической перспективы* многие люди, глядя на краткую панораму своего века, склонны видеть новые философские направления в мелких стычках полемистов, в которых успех одних над другими определяет моды *, и не удивительно, что современники считают гениальными философами простых со-

---

медико-биологическими науками. Я самостоятельно изучил социальные науки и не был безразличен к словесности. Потом я специализировался в области невропатологии и психопатологии и преподавал эти предметы на медицинском факультете (1900—1905), затем перешел на кафедру психологии при факультете философии и словесности (1904—1911), где начал преподавать этику, логику, эстетику, которые я всегда считал «психологическими науками». С 1911 г. я пытался постичь историю философии, но только сейчас, в 1918 г., я осмеливаюсь высказаться по философским проблемам...

* Если оставить в стороне их возможные заслуги в других областях науки и литературы, то мне представляется очень показательной метафизическая неспособность этих полемистов, получивших в последней половине века предпочтение малокультурной публики: инфантильный материализм Бюхнера, мистические хитросплетения Бутру, биологическая чепуха Вейсмана, банальные проповеди Эйкена, виталистический эволюционизм Бергсона, монизм Геккеля, антифилософская направленность взглядов Джемса, не говоря уже о псевдофилософской болтовне ученых или литературных критиков. Какую философскую проблему они поставили, обновили или решили? Какую оригинальную систему они создали? Ловкие софисты, они удовлетворяли желания своих верующих, узревших в их писаниях слово, вдохновляющее их в вере, которой они уже придерживались, или признак осуждения верований, которых они боялись.

фистов, подогревающих какую-либо страсть своих слушателей, не подозревая, что полвека спустя упоминание о них заставит улыбнуться историков философии.

Эта неточная оценка явлений есть результат частого забвения того факта, что метафизика — единственный вид философии, который не может стать наукой и который является strictu sensu [в строгом смысле] всей философией; такая оценка обязана глубокому забвению того, что истинная цель философии состоит в формулировании правильных гипотез относительно проблем, находящихся за пределами опыта. Философ — это тот, кто ставит новые метафизические проблемы или по-новому пытается ставить старые, кто формулирует или согласовывает правильные гипотезы, чтобы их решать. Кроме этих случаев титул «философа» обыкновенно присваивается ученым или литераторам по необдуманности или из вежливости.

Я думаю, что философское возрождение не пошло дальше нерешительного лепета; метафизические системы, пришедшие на смену средневековой теологии, не представляли собой чего-то нового. Хотя они и были основаны на разуме или на опыте, они все-таки не смогли освободиться от *схоластического наследства,* которое продолжало оказывать губительное влияние на философию на протяжении четырех веков; таким же образом в современных нациях продолжают жить многие принципы и характерные институты феодального общества.

Дюжина крупных философов пыталась следовать путями, которые, как им казалось, вели к истине; но влияние прошлого было всегда так велико (в одних случаях оно выражалось в виде официального преследования, в других — как сопротивление вековой рутины), что большинство примирилось с существующими некоторыми ложными положениями: господствующее суеверие заставляло считать их необходимыми для поддержания социального порядка. Напрасно один из мыслителей с горечью воскликнул свое неопровержимое «E pur si muove!» [«И все-таки она вертится!»][1], напрасно другой написал свое «Требование свободы мысли»: принцип авторитета — политического, религиозного, социального, образовательного — закрыл на замок уста еретиков, и почти все великие

Хосе Инхениерос

философы держали в тайне «опасные истины» * или отреклись от них, уступив «общераспространенным верованиям».

Я считаю, что доктрины философов будут непонятны, если игнорировать политическую и религиозную историю общества, в котором они писали **; их личные идеи не могут быть абстрагированы от убеждений, стремлений и идеалов, характерных для их эпохи в целом, их социальной среды, ибо они всегда составляют точку их опоры или мишень их нападок. Несомненно, что в каждом обществе существовали интересы, созданные и подкрепленные принципами, которые считались вечными и совершенными. Эти принципы, всегда обобщенные в форме *социального догматизма,* были силами, противостоящими как всякому прогрессу и подлинному совершенствованию метафизических проблем, так и улучшению обычаев и преобразованию законов. История философских обновлений, как и история этических и политических обновлений, имела своих мучеников: все великие философы были в какой-то степени еретиками по отношению к социальному догматизму своей среды и своего времени.

Необходимо признать тем не менее, что в силу общечеловеческих свойств и зрелого возраста, в котором мно-

---

* «Опасные истины»... Те, кто может объединить эти слова, должны были бы быть логичными и открыто заявить о своей неукротимой ненависти к подлинной метафизике. Что́ же ищет метафизика, если не истину? Как может отказаться от нее тот, кто стремится приблизиться к истине? Нельзя одновременно бояться истины и изучать метафизику, разве только если стремиться сохранить это имя для *палеометафизики* прошлых времен. Кто боится выводов любой из гипотез, относящихся к внеопытным проблемам, может ограничиться разработкой позитивных наук и примирить их с менее беспокойными общераспространенными верованиями; никто не обязан думать своей собственной головой, если он может присоединиться к «неопасным» верованиям, которые уже продуманы в головах других.

** Все великие политические изменения совпадали с некоторыми обновлениями философских направлений; с учреждением церкви все религии начинают действовать как политический организм, преследующий земные цели. Существуют тем не менее историки философии, которые совершенно определенно заявляют о своем намерении не смешивать с церковью политические и религиозные вопросы, а это все равно что в искусстве хлебопечения отказаться от воды и дрожжей.

гие люди посвятили себя философии, почти все предпочли спокойствие или успех преследованиям и огорчениям, которые обычно вызываются честным изложением своих взглядов; в этом состоит со времен Возрождения *лицемерие философов,* подкрепляемое, быть может, воспоминанием о Сократе, Гипатии[2], Бруно. Эта трусливая предосторожность, как правило, заставляла их скрывать некоторые из своих мнений и отыскивать способ диалектически примирить их с социальным догматизмом, чтобы не навлечь на себя репрессии со стороны политической или религиозной власти. Это достойное сожаления отречение от изложения своей собственной истины имело лишь редкие исключения; как правило, они прямо или косвенно уступали тем самым догмам, которые пытались исправлять. Таково мое впечатление от чтения трудов великих гениев, вынужденных открыто заявить о своем присоединении к тому, во что они уже не верят, или темными рассуждениями разбавлять истины, которые они не отваживаются утверждать открыто *.

Философское лицемерие возникло в самом Возрождении. Вам известен странный университетский фарс, окончившийся изобретением *теории двух истин,* позволяющей ее приверженцам зажечь одну свечу Ормузду, а другую — Ариману[3]; одна истина, философская, создавала ересь как привилегию хитрых философов, между тем как другая истина, теологическая, укрепляла догматизм, необходимый для поддержания суеверия невежественного народа.

В таком состоянии, за редким исключением, пребывали философы на протяжении четырех веков. Сожалею,

---

* Я говорю исключительно о философах, наиболее заслуживающих такого имени без различия школ: Бэкон, Галилей, Юм, Локк, Спиноза и Декарт, Лейбниц и Кант, Гегель и Спенсер. Полагаю, что все десять *были атеистами* в силу неизбежной логической необходимости, но все десять *притворялись теистами,* уступая социальному догматизму. *Лицемерие философов* не имело бы значения, если бы речь не шла о таких великих умах. *Университетская философия* была справедливо осуждена Шопенгауэром как одна из сторон повседневного «социального приспособления» в борьбе за существование, хотя он и поддерживал ее положения по другим, личным мотивам.

что не могу оправдать их, говоря, что они разделяли заблуждения, свойственные их времени; изучение их работ заставляет меня обычно думать противоположное и делать вывод, что много раз они сознательно изменяли своей собственной истине ради того, чтобы не оскорбить общераспространенное мнение или для того чтобы избежать преследований власти. Я различаю, таким образом, *сознательное лицемерие* философов и их невольное заблуждение: первое было безнравственностью, второе — слишком человеческим явлением *.

В менее отдаленные времена это классическое лицемерие потеряло свою первоначальную наивную форму; стало ясно, что невозможно продолжать говорить о двух истинах, не вступая в противоречие с самыми простыми правилами логики и морали. Наиболее ловкие философы сумели ввести в философию безвредное, на первый взгляд, разграничение между моральными и естественными науками; это позволило возродить пресловутые две истины, ибо было понятно, хотя ясно об этом и не говорилось, что по своим методам и предмету это антагонистические науки, которые должны исследовать различные по своей сущности истины.

В своем самом последнем выражении классическое лицемерие проявляется в виде концепции *двух философий внутри философии:* одной из них социальный догматизм предоставляет свободу в исследовании истины, оставляя за другой привилегию отрицать этико-социальные выводы этого исследования. Возьмите компиляции конца прошлого века — естественнонаучные или идеалистические, позитивистские или мистические, и почти во всех вы сможете прочитать, что существует философия природы и философия духа. Мы снова видим две различные истины — подлинное лицемерие.

---

* Если бы работы Канта свелись к *решению основного вопроса «Пролегомен»,* критическая философия была бы образцом логичности и ясности. К несчастью, Кант сначала с тем же упорством старался скрыть идеи, ведущие к этому *решению,* как и впоследствии — доказать истинность идей, не подтверждающих его. Трансцендентальный логицизм Канта мог быть ошибкой; восстановление им метафизических мифов было лицемерием.

§ 11. Философский кризис XIX в.

Конфликт между метафизикой и моральными догмами.— Кризис метафизики.— Позитивизм и спиритуализм против метафизики.— Крах метафизики в XIX в.— Возможность обновления метафизики.

Когда в европейском обществе широко распространились идеи, которые североамериканская и французская революции взяли в качестве возможной основы нового социального режима, вся философия оказалась совершенно заслуженно дискредитированной в результате лицемерия тех, кто были ее самыми выдающимися деятелями в течение предыдущего века. Некоторые из их учеников напрасно продолжали лепетать их обманчивые рациональные полуистины, уже враждебные нелепостям феодальной схоластики, но еще не до конца искренние по отношению к новому духу.

Мудрец из Кёнигсберга[4], которого больше хвалили, чем читали, осудил старую метафизику от имени другой, которую сам же поспешил дискредитировать под давлением социальных догм, несовместимых с его собственной логикой. После него в XIX в. стала заметной коренная несовместимость результатов опыта и предпосылок старого социального догматизма: исследование истины постоянно порождало гипотезы, опасные для некоторых принципов, которые выдавались за основу морали. Этот *конфликт между метафизикой и моральными догмами* препятствовал обновлению первой. Многие моралисты имели наглость заявить, что допустимо пожертвовать любой истиной во имя спасения этих моральных принципов; некоторые по крайней мере пытались обновить основы этики так, чтобы она сохранила свою социальную действенность независимо от всякой метафизической предпосылки *.

* Эта последняя эволюция только начинается и, мне кажется, является необходимой предпосылкой будущего обновления философии. Поясню это: феодальное общество пожертвовало всеми метафизическими гипотезами, несовместимыми с принципами, служившими основой некоторых интересов, свойственных этому политико-этико-социальному режиму. В будущем я вижу возможность существования других режимов на основе непрерывного обновления результатов социального опыта, независимых от новых гипотез, которые могут быть сформулированы для объяснения внеопытных проблем.

Следствием этого конфликта был *кризис метафизики*, вызванный философами, которые согласились подчинить ее этике, как в прошлом другие философы — теологии.

Те, кто был склонен пожертвовать любой новой возможной истиной, ища себе убежище в комментировании предыдущих систем, т. е. в *палеометафизике*, претендовали на звание метафизиков; чтобы не брать на себя труд исправлять старые гипотезы в соответствии с непрерывно совершенствующимися результатами опыта, они предпочитали заниматься диалектическим толкованием прошлых философских систем, изменяя их литературный облик. Понятая таким образом, их метафизика превратилась в мертвую науку, в ученую эристику предрассудков и легенд, которые было невозможно одушевить с помощью тонких литературных рассуждений, всегда бесплодных по своему конструктивному значению, хотя иногда и привлекательных своей хитрой полемикой. Новые софисты предались ученым комментариям, подобно тому как артисты, лишенные вдохновения, становятся критиками. Метафизика отказалась создавать гипотезы о внеопытном и превратилась в бесцветную тавтологию.

Многие современные мыслители стали питать отвращение к подобной метафизике, и основание своему отвращению они усматривают, и здесь они не ошибаются, в том множестве бессмыслиц, которые циркулируют под этим названием, делая его подозрительным. Поэтому они приходят к выводу, что первым условием интеллектуального прогресса является освобождение от всякой метафизики. Мне кажется, что они смешивают метафизику с ее извращениями. Здесь они уподобляются тем, кто утверждает, что фрукты несъедобны, если сгнила какая-то их часть; получается своеобразный парадокс, ибо некоторые из тех, кто объявляет себя врагом всякой метафизики, с наибольшим усердием разрабатывали гипотезы, ведущие к более совершенным метафизическим системам, чем классические *, хотя по своей структуре ни одна из них еще не заслужила сравнения с ними.

* Не мысля себе философию как нечто находящееся вне метафизических гипотез, я думаю, что если считать последние ненужными, то будет невозможно отличить философию от науки, так как первая сводилась бы к системе второй. Поэтому, на

Из этой неспособности современных философов создать новую метафизику сторонники палеометафизики нелогично заключают об абсолютной невозможности найти новые пути и преодолеть противоречия между результатами опыта и наиболее далекими от него гипотезами; но поскольку у них нет конструктивных решений и они ограничиваются побелкой надгробных памятников, не всегда достойных уважения, то фактически они осуждают на смерть всю философию, хотя и считают себя единственными, кто ее разрабатывает.

В то же самое время те, кто отказывается от всякого гипотетического объяснения внеопытного, считая такое объяснение невозможным, полагают, что метафизика должна быть заменена эпистемологией, т. е. одной общей теорией, или философией наук.

Итак, *крах метафизики XIX в.* проявился в двух аспектах. Позитивизм во всех его формах предстал как преднамеренный отказ от всякого объяснения внеопытного; превосходный для научного исследования, он не заменил метафизических гипотез и привел к их смешению с научными гипотезами. Спиритуализм во всех его формах означает еще больший крах метафизики, ибо он уже откровенно начинает признавать свой религиозный характер, отказываясь быть философией и превращаясь в мистицизм; вместо того чтобы искать знание, независимое от общераспространенных убеждений, он пытается примирить научное знание с религиозными суевериями; это не расцвет метафизики, а прославление этико-аффективного в противовес логико-критическому; вместо того чтобы преодолевать рационализм Возрождения, спиритуализм возвращается к ложным началам, предшествовавшим ему во всех теологических системах *.

мой взгляд, с провозглашением конца метафизики утверждается смерть всей философии, ибо другие философские отрасли, как я объясню далее, стремятся уже стать науками.

* Поколение, предшествовавшее моему, прошло через две философские моды: позитивистскую и мистическую. Мое поколение особенно ощутило влияние второй. Я не застал первую и не предался современной. В развитии философии моды влияют лишь на тех, кто не имеет собственных взглядов; ни один из поддавшихся влиянию господствующей в его среде моды не

Итак, пять причин определили философский кризис XIX в.: сохранение феодального образа мыслей в современном обществе; лицемерие философов; подчинение метафизических гипотез еще не обновленным принципам этики; своеобразный парадокс, состоящий в том, что метафизиками называют себя те, кто стремится помешать разработке новых метафизических гипотез, отказ от этого звания со стороны тех, кто продолжает создавать их; смешение истории прошлых систем с созданием новых систем.

После некоторого изучения именно так я понимаю кризис метафизики в XIX в. Политические, социальные и религиозные интересы, чуждые стремлению исследовать истины, содействовали извращению ее значения. Метафизиками называли себя мистики, которые выступали против всех новых гипотез, могущих нарушить распространенные убеждения, и антиметафизиками — ученые, настаивавшие на распространении новых гипотез за пределы опыта *.

Я не такой пессимист, как другие **. Верю в *возможность обновления метафизики;* в современной мысли я нахожу некоторые плодотворные зачатки и в менее состарившихся обществах замечаю моральное обновление, которое будет содействовать ее развитию.

заслужил имя философа. Свободный от этих обычных влияний, я говорю о будущем философии, думая о доктринах, которые будут считаться правильными через один или два века, не принимая во внимание дюжины мод, которые добавятся к философским направлениям XIX и XXI вв.

* Я не думаю, что некоторые попытки научных объяснений, претендовавших в прошлом веке на решение внеопытных проблем, были чем-либо иным; я отмечаю это в качестве похвалы. Те, которые мне известны, кажутся мне недостаточным, робким зондированием почвы в новом мире, первым лепетом на еще недостаточно выученном языке. Хотя они не создали ничего окончательного для замены классических метафизических систем, возвращение к последним является неоправданным; кроме их лицемерия, которое я считаю очевидным, их противоречие с наиболее достоверными результатами нашего современного опыта делает их непригодными для того, чтобы посредством истинного объяснения приблизить нас к решению внеопытных проблем.

** Наименее извращенными представителями этого двоякого пессимизма были Бутру и Ле Дантек.

§ III. Герменевтика[5] и палеометафизика

Метафизика или палеометафизика? — Восхищаться прошлым не означает обеднять будущее. Генеалогия метафизических гипотез. Идолы театра.— Бальзамировать трупы не значит порождать детей.

§ IV. Вечность внеопытного

Обновление метафизики.— Вечность внеопытных проблем.— Вечность внеопытного остатка.— Вечность метафизики.— Будущее «ab imis» ниспровержение внеопытных проблем и гипотез.

На протяжении столетий вплоть до наших дней метафизика постоянно понималась великими философами * как сверхнаука, а менее просвещенными полемистами, которые борются с нею или восхищаются ею, будучи одинаково некомпетентными, — как ненаука.

Первая концепция — единственная интересующая нас, и только в связи с ней мы можем говорить о возможном *обновлении метафизики.*

Умрет ли когда-нибудь этот единственный вид философии, который не может превратиться в науку? С эпохи Возрождения этот вопрос повторяется одними потому, что они боятся этого, другими потому, что они желают этого. Самое простое сопоставление философов пяти различных веков, или пяти философов одного века, или пяти глав одной философской работы может показать нам, что не было точно понято значение границ этого вопроса.

Надо ли бояться, что развитие науки упразднит метафизику, или что она снова станет «служанкой» теологии, или превратится в служанку этики, или сведется к проблемам логики, или будет поглощена психологией, или, на-

---

* Непосредственные ученики Стагирита[6] точно определили место метафизики: «То, что должно читаться *после* физики», полагая, очевидно, бесполезным читать это *до*. Философы, пытавшиеся создать метафизику, независимую от теологии, именно так понимали это; мы не можем назвать никого, кто создавал бы метафизику, игнорируя науку своего времени. Наоборот, это игнорирование очень часто имело место среди полемистов, борющихся с метафизикой от имени всех наук или с науками от имени метафизики.

конец, она окаменеет в классических формах, завернувшись в саван истории философии? Эти предположения кажутся мне необоснованными. Возможно, что культура XX в., вместо того чтобы отрицать существование проблем, не разрешимых опытным путем, будет стремиться ставить их по-новому; она не будет закрывать на них глаза и попытается приблизиться к ним путями, которые с каждым разом будут становиться все более уверенными. Она не будет придерживаться явно бесплодных методов для отыскания далеких истин; она не будет исходить из логически недоказуемых или опытно противоречивых принципов.

Мы не знаем ничего во вселенной, что не изменялось бы: самые отдаленные звезды, наша солнечная система, планета, на которой мы живем, ее кора, обитающие на ней существа, все наши идеи; а разве метафизические гипотезы, выдуманные человеком, нашли свое окончательное и неизменное положение равновесия? Вопрос, если поставить его ясно, кажется таким банальным, что тут же вытекает единственный ответ. К метафизике, как и ко всем творениям человеческого разума, приложимо высказывание эпохи Возрождения: обновиться или умереть. Именно беспрерывно обновляясь, она будет жить, в ее смерть могут верить только те, кто, закрывая глаза на возможность ее будущего бесконечного обновления, считает ее догматической и не поддающейся совершенствованию.

Те, кто не верит в метафизику, приходят, сами не желая того, к утверждению, постулирующему ее необходимость: до настоящего времени человек не смог разрешить некоторые вопросы, поставленные его любознательностью, за пределами его опыта. Для этого оказались недостаточными известные до сегодняшнего дня мистические, диалектические и научные методы, хотя это не уменьшает значения последних для всего, что может быть объектом опыта *.

---

* Ввиду относительной ценности научных методов некоторые невежественные люди делают необоснованные выводы и советуют отказаться от этих методов, поскольку они не смогли решить «все» проблемы; они требуют возвращения к мистическим

В том, что мы называем вселенной, существует много сторон, недоступных нашему современному опыту, неизбежно ограниченному структурой наших органов чувств и инструментов, расширяющих возможности восприятия этих сторон.

Всегда ли будут существовать части вселенной, недоступные опыту? Ignorabimus? [Мы не знаем?]. Любой из ответов, данных на этот законный вопрос, будет логически неверным; никто этого не знает. Те, кто спорил на темы такого рода, ставили себе целью не разрабатывать метафизические гипотезы, а лишь высказаться за или против догм, чуждых желанию исследовать истину. Единственным логическим ответом был бы самый простой: судя по тому немногому, что мы знаем, ничто не позволяет нам думать, что люди за время, когда они еще будут жить на этой остывающей планете, решат все проблемы, стоящие за пределами опыта. Можно, следовательно, утверждать о *вечности* внеопытных проблем.

Меня заставляет думать, таким образом, не бессилие человеческого рода, не существование тайн, которым предназначено вечно оставаться неразгаданными, что я считаю смехотворным, не в обиду будет сказано это философу из Кёнигсберга и мыслителю из Аквино[7].

Мы познаем вселенную как совокупность постоянно изменяющихся взаимосвязей; даже если представить вселенную доступной опыту, то ее изменчивость предстает в виде постоянного изменения объектов и условий опыта; возможность окончательного познания вселенной могла бы иметь место только в том случае, если бы человеческий опыт продолжал развиваться и тогда, когда вселенная вступит в стадию инерции или космического равновесия, при котором не будут изменяться даже самые незначительные связи. Никакая подлинная космология не дает возможности представить существование человеческой жизни на Земле после наступления космического равно-

---

и диалектическим методам, которые в течение многих веков лишь запутывали эти проблемы. Подобную логику применяют суеверные люди, предпочитающие знахарство медицине именно потому, что последняя признает существование неизлечимых в настоящее время болезней.

весия вселенной; таким образом, возможность опыта всегда меньше, чем изменчивость его объектов и условий, что означает вечность внеопытного остатка за пределами опытного *.

Я употребляю термин внеопытное отнюдь не из желания быть оригинальным, а лишь для того чтобы избежать неверных определений, уже имеющихся в других терминах, которые не являются его синонимами, хотя и похожи на него. «Внеопытное» не соответствует ни «сверхъестественному» в общераспространенных верованиях, ни «абсолютному» у пантеистов, ни «трансцендентальному» у априористов, ни «умонепостижимому» у релятивистов, ни «непознаваемому» у агностиков; все эти понятия включают в себя свойства вещи в себе, это ноумены в противоположность феномену как объекту опыта **. Внеопытное, наоборот, связано с возможностью человеческого познания; поскольку объекты познания бесконечно меняются во времени и пространстве, совершенствование человеческого познания никогда не исключает вечность внеопытного остатка.

Вечность внеопытных проблем дает право утверждать о *вечности метафизики,* восстановить для этого последнего слова его первоначальный, аристотелевский смысл. На нашем менее точном языке мы можем сказать: *бесконечная возможность проблем, стоящих за пределами человеческого опыта, требует вечности гипотетических объяснений, которые образуют метафизику.*

Признавая *вечность* метафизики, я очень далек от того, чтобы постулировать ее *неизменность,* ибо это совсем другое. Каждый, кто изучает историю философии, знает, что содержание внеопытных проблем менялось много раз, так же как изменялись метафизические гипотезы в тече-

---

* В такой форме утверждения Ignorabimus, в корне противоположной классическим, нет необходимости предварительно отличать видимость от действительности, ноумен от феномена, относительное от абсолютного и т. д.; ее смысл относительно границ познания совсем другой.

** Сам Спенсер в первой части своих «Основных начал», имеющей своей целью примирить их с общераспространенными верованиями посредством непознаваемого, кончил тем, что стал говорить о ноуменах и феноменах.

ние всех веков, во всех странах, во всех школах *. Это означает, что вечность метафизики подразумевает вечность внеопытных проблем, но никоим образом не доказывает правильность гипотез, с помощью которых до сегодняшнего дня пытались объяснять такие проблемы. Я очень далек от того, чтобы считать исчерпанными возможности объяснения, и считаю недостаточным все, которые я знаю, не отрицая, что среди множества бессмыслиц есть некоторые очень остроумные для той эпохи, в которую они были выдвинуты.

Я считаю, что благодаря усилиям тех, кто будет разрабатывать метафизику в XX в., она будет иметь в XXI в. некоторые особенности, вытекающие из *будущего переосмысливания «ab imis»* [*«начиная с самих основ»*] *внеопытных проблем и гипотез.* Это не будет неопределенный «пересмотр философских ценностей», который всегда имеет место в желании позлословить по адресу людей самой лучшей репутации, свойственном тем, кто ставит целью создать себе репутацию за счет тех, кто ее уже имеет; это скромное занятие, называемое некоторыми критикой, станет уделом полемистов, лишенных творческих способностей. В будущем имени философа будет удостоен только тот, кто поставит себе целью заменить верными гипотезами такие гипотезы, неправильность которых уже доказана. Я не сомневаюсь, что эта работа будет очень медленной, долгой, но думаю, что она исключит всякую новую попытку примирения между явной ложью и возможными истинами **.

---

* Эта банальность, которую я предпочел бы опустить, относится к такому роду знаний, которые всегда считают известными, для того чтобы умолчать о них. Таким образом удается избежать присоединения к вытекающим отсюда очень важным выводам.

** Четыреста лет спустя после Реформы[8] в наиболее цивилизованных странах, кажется, было достигнуто право свободного исследования; настоящая свобода мнения и критики будет способствовать в XX в. введению в метафизику некоторых критериев, тщетно провозглашаемых с самого начала эпохи Возрождения. Тем не менее я не строю иллюзий относительно этого предсказания. Признание свободного исследования законами не сопровождается еще социальной терпимостью, которая должна быть его дополнением, чтобы оно было эффективным. Немногие осмеливаются пользоваться некоторыми свободами, предоставляемыми законом, к которым, однако, общераспространенные

Если бы мы считали, что пресловутое «лицемерие философов» является неизбежным для всех, то предпочли бы объявить бесполезным исследование подлинных гипотез, претендующих на приблизительное выражение истины.

Философское обновление будет возможным только при условии, если мы не будем искать нового соглашения между общераспространенными религиями, в которые не верят, и опытными истинами, которых нельзя отрицать. Чтобы рассеять недоверие и пренебрежение к метафизике, которые она заслужила в последнем веке, метафизика должна быть полностью обновлена в постановке ее проблем, методологии ее гипотез, ее языке, ее структуре.

§ V. Проблемы метафизики

Ложные проблемы.— Проблемы, оставшиеся от средневековой схоластики.— Бог, бессмертие души, свобода воли. Содержание этих классических проблем.— Современные метакосмические, метабиологические, метапсихические проблемы. Внеопытное обусловлено опытным.— Очищение этих проблем познания.

§ VI. Методология метафизики

Изменчивость метафизических гипотез.— От опытного к внеопытному.— Ошибочные методы.— Правильные методы.— Логические черты внеопытных гипотез.— Определение их истинности.— Логика математическая и логика метафизическая.

§ VII. Метафизика будущего

Предмет метафизики.— Универсальность.— Возможность совершенствования. — Антидогматизм. — Безличность. — Постоянное естественное развитие.

После того как мы установили природу внеопытных проблем и логические условия правильных гипотез,

---

убеждения относятся враждебно. Люди самой свободной нации являются рабами суеверий своих соседей, своих семей, которые образуют некий суд, чей образ мыслей более ограничен, чем у святой инквизиции. Огромное большинство человечества живет «жизненной ложью», заставляя всех уважать себя, истины боятся больше, чем взрывчатых веществ.

метафизика будущего уже не представляется нам чистым синтезом наук в позитивистском смысле или неопределенным, независимым от науки гаданием в духе мистицизма. Внеопытное, будучи объектом ее гипотез, продолжает оставаться вне наук; но так как внеопытное обусловлено опытным, то правильность его гипотез не является независимой от наук. Следовательно, можно было бы прийти к точному определению предмета метафизики: *предметом метафизики является формулирование правильных гипотез о внеопытных проблемах.*

Гипотезы, сводящиеся к гармоничному и связному объяснению внеопытного, составляют *метафизическую систему*. Можно себе представить, что метафизика будущего будет находиться в *процессе постоянного формирования* и будет иметь некоторые необходимые особенности: универсальность, возможность совершенствования, антидогматизм и безличность.

I. Она будет представлять собой преодоление всех форм опыта, так как все они граничат с внеопытными проблемами, и отсюда будет вытекать ее *универсальность*. Области метафизики будут более широкими, чем те, которые были предоставлены ей в системах прошлого, не потому что сокращается область опытного, а потому что расширение опытных знаний позволит лучше поставить проблемы, стоящие за пределами опыта, и создаст возможность умножить правильные гипотезы, пытающиеся объяснить внеопытное *.

---

* «Универсальность» в указанном смысле не имеет ничего общего со знаменитым «исследованием абсолютного», о котором всегда говорят, никогда не приближаясь к нему, те, кто игнорирует относительное и не хочет взять на себя труд изучить его. Абсолютное как «абсолютное существо», существующее в себе и само по себе в качестве сущности относительного, не представляет собой проблему, а является вариантом гипотезы о первопричине и совместимо со всеми формами монизма и пантеизма. Абсолютное как антитезис относительного и преходящего — абстракция, относящаяся не к бытию, а к атрибутам. Если мы скажем, что опытное — это относительное, а внеопытное — абсолютное, мы ничего не достигнем; это означало бы заменить два ясных слова двумя словами, не обладающими такой ясностью. В других значениях «абсолютное» означало бы «трансцендентальное», «ноуменальное» и т. д., еще больше слов. Если утверждать, что человек может познать только относительное, то гипотеза о том, что может существовать трансцендентальное,

2. Другой особенностью метафизики будет безграничная *способность совершенствования* метафизических гипотез и замена замкнутых систем открытой системой, находящейся в состоянии непрерывного становления.

В прошлом гипотезы могли формулироваться как неизменные, окончательные и совершенные *истины*, потому что не учитывалась их опытная основа; в будущем они должны будут рассматриваться как *«приблизительные»*, которые могут совершенствоваться, ибо если опытное познание подвергается изменению, то изменяться должны также внеопытные гипотезы, для которых оно является отправным пунктом познания *.

3. Особенностью, логически вытекающей из предыдущей, будет *антидогматизм* в историческом ** значении слова «догма»: истина, рассмотренная как абсолютная и непогрешимая, исключающая всякую возможность исправления. С этой точки зрения все внеопытные гипотезы

абсолютное, неверна, ибо будет противоречить всем результатам нашего опытного познания. Думаю, что в Абсолютном можно увидеть лишь одну сторону гипотезы о первопричине, оторванную от нее и неверно выдвинутую в качестве самостоятельной гипотезы. В любом случае оно является не ложной проблемой, а лишь неверной гипотезой.

* Десять лет тому назад, говоря о возможности создания научной философии просто как «метафизики опыта» [9], я отметил, что представлял себе ее как «систему гипотез, основанную на законах, доказанных частным опытом, и необходимую для объяснения проблем, стоящих за пределами настоящего или возможного опыта» (т. е. внеопытных).

«Это будет система, находящаяся в состоянии непрерывного становления, она будет иметь метод, но не будет иметь догм. Она будет непрерывно совершенствоваться по мере изменения опыта».

«Разработанная людьми, эволюционирующими в среде, которая также эволюционирует, она явится неустойчивым равновесием между увеличивающимся опытом и исправляемыми гипотезами».

Сегодня я не смог бы найти слова, более точно излагающие мои идеи по этому вопросу.

** Противоположность «скептицизма» и «догматизма» в части, касающейся особой проблемы достоверности познания, — это другой вопрос; обе позиции кажутся мне логически объяснимыми. Необходимо отметить, что, если говорить на точном языке, мы могли бы прийти к тому, что все философы всех школ в метафизике должны были бы быть скептиками в силу самой природы внеопытных гипотез.

будущего будут в своей сущности критическими, т. е. исправимыми и доступными совершенствованию, как только вступят в противоречие с результатами опыта. Это ни в коей степени не означает, что они должны быть не гипотетическими, а трансцендентальными» *.

В целом, я думаю, что усилится тенденция не рассматривать выдвинутые гипотезы в качестве *окончательных* утверждений. Терпимость к философским мнениям, которые не соответствуют общераспространенным верованиям, будет увеличиваться с каждым днем; надо думать, что в будущем сократится число неправильных гипотез, навязанных принципом авторитета, и поэтому уменьшится возможность нового догматизма.

4. Подобно тому как науки становятся с каждым днем все более безличными, ибо их развитию содействует все большее число компетентных людей, думаю, что разработка подлинных метафизических гипотез будет характеризоваться растущей *безличностью*.

Это было немыслимо в тот период, когда создавались неизменные совершенные системы, построенные на основе эстетических критериев и написанные, как поэмы. Индивидуальными будут критика и изменение одной или нескольких гипотез; гениальными личностями будут те, кто время от времени будет давать наиболее сильный толчок всей проблеме. Это не исключает того, что самые значительные изменения в дальнейшем станут осуществляться группами или школами, которые будут содействовать сближению гипотез между собой, в этом совпадают мнения многих исследователей, придерживающихся противоположных доктрин **.

---

* Привычка видеть рядом термины «критический» и «трансцендентальный» приучила нас смотреть на противоположные особенности как на дополняющие друг друга. То, что рассматривается как трансцендентальное, не может быть объектом критики; «чистый разум», доступный «критике» человеческого разума, не был бы трансцендентальным. Разве только предположить, что «критика» также может быть «трансцендентальной», но в этом случае человек не мог бы ее осуществить, ибо он обладает не «чистым разумом», а лишь «человеческим».

** Мне кажется, что метафизические гипотезы будущего (если предположить равенство способностей и опыта их авторов) с каждым разом будут становиться все более верными или более

Метафизика перестанет быть красивой мозаикой неточностей, и метафизики не будут узурпировать область, принадлежащую поэтам. Их творческое воображение начнет трудиться на основе данных современного опыта, бесконечно более широких, чем данные, известные всем классическим метафизикам *.

Любой набросок одиночки станет лишь прощупыванием или предварительным этапом других непрерывно совершенствующихся поисков; таким образом, подлинную метафизику можно будет представить как *непрерывное естественное развитие*. Думаю, что если бы в XXI в. какой-нибудь поэт, проявив оригинальность, построил систему, основанную на чистой фантазии, его труд был бы оценен по его литературной ценности, но не нашел бы места в истории философии.

Заслуживает ли названия «метафизики» критическая и безличная система гипотез, находящаяся в непрерывном развитии и способная совершенствоваться? Думаю, что никакое другое название как в этимологическом, так и историческом смысле не подходит ей лучше, чем это.

Нет сомнения, что как позитивисты, так и мистики, борющиеся за преобладание в университетах и в моде, с большими трудностями будут приспосабливаться к новому смыслу, который воспримет «метафизика», смыслу, отличающемуся от того, который она имела в XIX в. для тех и других, и нередко ему противоположному.

§ VIII. Философский язык

Философский словарь.— Обновление философской лексики.— Точный смысл терминов.— Правильные отношения и правильные термины.

точными. В прошлом этого не было, ибо кроме различий личного характера огромное влияние оказало давление среды, которое обусловило лицемерие философов.

* Если считать, что разумная жизнь имеет в человеческом роде свою верхнюю границу, которая не может быть расширена, то следует предположить, что появление великих философов будет все более редким вследствие непрерывного расширения экспериментальных знаний, которые будут служить основой внеопытных проблем. Возможно, что в последние пятьдесят лет это было одной из причин, способствующих кризису метафизики.

§ IX. Структура

Неправильное противопоставление наук метафизике.— Расчленение философии на научные отрасли.— Различие между моральными и естественными науками.— Естественное формирование опыта.— Проблемы, стоящие за пределами экспериментальных отраслей науки.— Метафизика будет единственной философской отраслью.

В момент своего возникновения философия представляла собой универсальное знание. Выделившись внутри нее, метафизика сохранила это свойство и понималась как сверхнаука о внеопытном, оставив физике, своему близнецу, все опытное, т. е. все науки *.

По мере того как результаты физики вступали в противоречие с некоторыми метафизическими гипотезами, те, кто считал необходимым их «спасти», вместо того чтобы заменить другими, более правильными, склонились к тому, чтобы поставить философию *вне* наук, но не *над* ними, подготовляя пресловутое лицемерие двух истин.

В эпоху Возрождения усилилось *неправильное противопоставление наук метафизике*, и последней пришлось стать сообщницей теологии. Только частично и не без труда философам удалось освободить ее от этой ноши; однако, не осмеливаясь противоречить теологии, ибо это было небезопасно, они решили искать в пределах разума такую область, которая позволила бы жить в мире с абсурдной теологией и с опасными для них науками.

Ввиду невозможности преодолеть эту постоянную трудность в XVIII в. началось *расчленение философии*,

---

* Человеческий опыт имеет только один естественный результат: познание действительности для приспособления к ней. Науки образуются, естественно, благодаря разделению труда в соответствии с различными сторонами, которыми явления предстают нашему опыту. Явления группируются по своим сходным чертам, каждая группа имеет тенденцию стать объектом частной науки и принимает методику, наиболее соответствующую ее развитию, т. е. ту, которая при наименьших затратах дает больше. Разделение наук, хотя и искусственное, не является произвольным; разделив космологическое единство на части, люди стремятся только сделать более легким изучение всего опытного, имеющегося в нем.

которое продолжалось в XIX в., философия перестала быть универсальной наукой и превратилась в группу наук, каждая из которых имела свой особый предмет и задачи.

Отделились, чтобы больше не входить в нее, все разделы естественного права, стала исчезать из философских трактатов и программ теодицея. Из тех и из этой родились социально-юридические науки и науки о религии, имеющие позитивный характер и чуждые метафизическим спекуляциям.

Логика, эстетика, этика уже начали формироваться как *науки,* имеющие чисто опытные цели: исторические, нормативные и т. д. И хотя специалисты каждой из этих наук по мотивам личного тщеславия доказывают приоритет своей науки, неспециалисты единогласно утверждают, что все это «психологические науки», если рассматривать логический, эстетический и моральный опыт как различные аспекты одного опыта, взятого в трояком его аспекте — специфическом, социальном и индивидуальном.

Внеопытные проблемы психологических наук остаются за метафизикой, хотя эта тенденция еще не совсем определилась; специалисты каждой из этих наук любят заниматься метафизическими гипотезами, стоящими за пределами экспериментальной области их деятельности, что допустимо до тех пор, пока они не начинают ошибочно считать, что их доля в метафизике и есть вся метафизика.

Не имея точного понятия о том, что такое наука и что такое философия, многие опасались, что последняя исчезнет, расчленясь на отдельные науки. Вследствие неспособности определить характер не противоречащей наукам метафизики и, может быть, вследствие боязни последствий, вытекающих из отказа от гипотез, ложность которых доказана, распространилась удобная привычка называть «моральными науками», или «науками о духе», те науки, которые в настоящее время расцветают на ветви, отделившейся от классического философского древа. Это позволило построить их как науки, не затрагивая соответствующих метафизических проблем, и дало возможность предположить, что они не такие науки, как другие (ибо они относились к душе, или духу, а не к

телу, или материи), и позволило думать, что они не подчинялись некоторым методологическим условиям, в необходимости которых в других науках никто не сомневается.

Я настаиваю на предвзятости некоторых философских позиций, ибо вообще считаю, что они представляют собой не искренние заблуждения, а хитрые уловки, для того чтобы избежать рискованных вопросов.

Разграничение между естественными и моральными науками носило именно такой характер, его успех объяснялся тем, что оно было удобно для всех. Не является ли это хитроумной вариацией грубой выдумки о двух истинах философии и теологии, которую никто не осмелился бы так просто и плоско воспроизводить в наши дни?

Я не представляю себе двух видов наук и двух разных методов исследования истин, доступных нашему опыту; если моральные науки действительно науки, то от физических, биологических, социальных и других наук они отличаются только своим предметом; если бы они отличались от них по своей сущности, они не были бы науками ни моральными, ни имморальными *.

Считаю, однако, что они на пути к тому, чтобы стать науками; все, кто их создает, действуют так, будто они уже являются таковыми; все, кто их углубляет, полагают, что, поднимая их до уровня других наук по предмету и методам, они содействуют «увеличению их достоинства»; для меня очевидно, что эволюция, начавшаяся в XIX в., в XX в. очистит их наконец от схоластической скверны.

Для меня не секрет, что в пользу существующего в настоящее время разделения, которого довольно часто придерживаются различные спиритуалистические, позитивистские, мистические и научные системы, говорит и

---

* В силу одного из самых распространенных idola fori [идолов рынка], после того как эти науки окрестили «моральными», стали верить, что это название обозначает свойство не только отличное, но и противоположное «естественным наукам». Означало ли это, что они изучают чуждый природе опыт или что они искусственны по своему содержанию и методам? Думаю, что достаточно говорить ясно, чтобы рассеять путаницу, вытекающую из того, что номинальное различие принимают за существенное.

то презрение, с каким представители естественных наук смотрят на моральные науки за большую живучесть в них старых неверных гипотез и за приверженность к этим гипотезам многих представителей моральных наук, боящихся «опасных истин» *.

Я считаю правильным, что «психологические науки» составляют отдельную группу наук, но не согласен с тем, что они стоят ниже биологических, физических, социальных наук и т. д.; все они в одинаковой степени «науки» и в одинаковой степени «естественные» **.

Экспериментальная область психологических наук охватывает не только человеческое. Она включает и умственное развитие всех живых существ, в которых можно наблюдать психологические функции и психологическую взаимозависимость, свойственную группам или сообществам животных, а также индивидуальное умственное развитие, обусловленное видом (наследственность) и обществом (воспитание). В таком понимании, более высоком,

---

*Что́ станет с традиционными «принципами» этики, когда будет признано, что моральные истины не отличаются от других естественных истин? Волнующее многих возражение исходит из неверной гипотезы о «неизменности» принципов «единой» морали. Я считаю, что замена этой неверной гипотезы другими, более соответствующими моральному опыту человеческого общества, решит эту волнующую проблему; всем известно, что почти все современные моралисты согласны с тем, что основы принуждения и санкционирования, которые в другой эпохе считались чисто теологическими или рациональными, являются *социальными, изменчивыми* и *многообразными*.

** Когда проводится разграничение между «науками о природе» и «науками о духе», то не понятно, чем отличаются последние от «психологических наук», ибо психология лишилась бы своего предмета, если бы перестала изучать функции «духа».

Самые преданные представители «наук о духе» — это спиритуалисты, поскольку они отождествляют дух с душою, сохранив для духа классические атрибуты последней. Однако известно, что философы, разрабатывающие эти науки, неправильно отказываются от какого бы то ни было сосуществования с их самыми искренними представителями.

К сожалению, вся эта путаница имеет место не потому, что просто не знают, о чем говорят, — это было бы еще простительно. Обособление «наук о духе» отвечает известным целям: прежде всего желанию доказать, что они не противоречат некоторым религиозным убеждениям, хотя об этом и не говорится ясно из опасения попасть в глупое положение.

чем обычное, психологические науки изучают *различные аспекты естественного формирования опыта* *.

В этом процессе естественным путем дифференцируются различные формы опыта: логический, моральный и эстетический; каждая из этих форм составляет объект частной науки. Исходя из того, что мы уже видим в них, можно сделать заключение, что применение научных методов в соответствии с генетическим критерием будет последовательно поднимать эти формы опыта на более высокую ступень точности, которую в настоящее время занимают другие науки о природе.

Психологические науки (которые часто называют «моральными», или «науками о духе») оставят метафизике изучение *проблем, стоящих вне их опыта;* эти проблемы могут быть только предметом метафизических гипотез, правильность которых будет зависеть в каждый данный момент от того, насколько они не противоречат соответствующим формам опыта.

Все другие науки (которые принято называть «науками о природе») выдвигают проблемы, стоящие за пределами их собственного опыта; все они будут содействовать обогащению метафизики, которая станет, таким образом, настоящей цельной системой гипотез, объясняющих так называемые мировые загадки **.

---

* Следовательно, психология является филогенетикой (сравнительной психологией), социогенетикой (социальной психологией) и онтогенетикой (индивидуальной психологией). Не буду повторять то, чему я учил десять лет тому назад на руководимой мною кафедре факультета психологии, что уже изложено мною в «Основах психологии» и что в совокупности казалось мне наиболее полным и наиболее точным из всего, что писалось относительно будущей структуры этой науки.

** Я считаю, что вся «философия духа», если она действительно спиритуалистическая философия (а не чисто идеалистический монизм, который с точки зрения метафизики аналогичен материалистическому монизму), неизбежно является неполной метафизикой, поскольку она стремится быть лишь системой метафизических гипотез, стоящих за пределами «наук о духе», и не занимается метафизическими гипотезами, стоящими за пределами «наук о природе». Нет сомнения, что многие трансцендентальные идеалисты — толкователи Гегеля, с исключительной ловкостью используя двусмысленное слово «дух», делают так, что нельзя понять, относятся ли они к рационалистам или к анимистам.

По этим и многим другим, связанным с ними причинам я считаю возможным предвидеть, что в течение XX в. изменение, уже начавшееся в структуре философии, будет продолжаться: она будет освобождаться от превратившихся в науки областей, и *метафизика станет ее единственной областью.*

Поскольку вся философия войдет в состав метафизики, то последняя выиграет в объеме и точности, приступив к разработке своих гипотез с той самой точки, которая станет для *всех наук* пределом их опыта (всякий раз временно). Тогда не будет ни двух противоречивых истин, ни истин, принесенных в жертву, ни опытных истин, доступных совершенствованию и противоположных абсолютным истинам догмы или абсолютным истинам разума, а будет гармоническая система, состоящая из совершенствующихся законов и непрерывно обновляемых правильных гипотез.

Какова бы ни была экспериментальная область, за пределами которой находится внеопытная гипотеза, нельзя допустить, чтобы эта гипотеза противоречила другим внеопытным гипотезам, также рассматриваемым как истины. Без единства нет системы; логический идеал всякой метафизической системы есть общая направленность всех ее внеопытных гипотез к созданию подлинной космологии.

§ X. Человеческие идеалы

Непрерывная разработка идеалов.— Идеал — гипотетический прообраз совершенства, полученный на основе опыта.— Условия, при которых идеалы являются правильными.— Идеалы имеют тенденцию к универсализации.

Господин президент академии!
Господа академики!

Люди каждого поколения — это звенья бесконечного ряда поколений; мы выполним свою роль, если используем усилия предыдущего поколения и подготовим условия для труда тех, которые придут на смену нам. Ничто не началось с нами и не кончится с нами; не сомневаюсь, что будущие поколения, обладая более совершенным опытом и знаниями, чем мы, смогут более ясно видеть

те проблемы, которые для нас являются загадками. Я выражаю надежду, а не опасение, что через сто лет какой-нибудь новый академик, занимая мое кресло, сможет с благосклонной иронией высказаться о моих прогнозах относительно философии будущего, удивляясь при этом, что я полностью не освободился от метафизических остатков средневековья... Мне это не кажется невероятным.

Обычно в старости люди перестают верить тому, в чем были твердо убеждены в юности. При распаде нашей личности, представляющем собой индивидуальное изменение, среди обломков начинают выступать мрачные призраки, являющиеся наследием рода и рутиной общества. Поскольку у меня нет уверенности в том, что я буду одним из исключений, которые довольно редки, позвольте мне, господа академики, прежде чем наступит это странное время, высказать свою оптимистическую веру в способность человека к непрерывному совершенствованию. Как человек, я верю, что будущее человечества благодаря торжеству справедливости среди народов будет лучше, чем настоящее; как аргентинец, верю, что развитие солидарности между классами приведет нацию к великому будущему; как профессор, верю, что университеты будут иметь больше свободы в исследовании истины; как отец, верю, что наши дети будут жить в социальной среде, более способствующей процветанию добродетели.

Молодежи, являющейся надеждой человечества, народов, культуры, семьи, я считаю себя обязанным сказать последнее и самое искреннее слово моей не бесплодной юности.

Уважайте прошлое в точном соответствии с его достоинствами, но не смешивайте его с настоящим и не ищите в нем идеалов будущего: неправда, что *всякое прошлое было лучше настоящего.* Смотрите всегда вперед, даже если будете ошибаться: для человечества лучше ошибаться, различая при этом рассвет, чем успешно предугадывать вечернюю молитву. И не сомневайтесь, что потом другие всегда будут смотреть дальше; для того чтобы служить человечеству, своему народу, своей школе, своим детям, необходимо твердо верить, что *любое будущее будет лучше настоящего.*

ТЕЗИСЫ

Тезис первый

Философское Возрождение не пошло дальше неясного лепета; наследие схоластики и социальный догматизм воспрепятствовали правильному обновлению метафизических гипотез в философских системах, заменивших средневековые теологические учения. *Лицемерие философов,* направленное на примирение их собственных мнений с общераспространенными религиозными учениями, проявилось в теории двух истин, которая в настоящее время нашла свое выражение в концепции двух различных философий: философии природы и философии духа.

Тезис второй

Философский кризис XIX в. наступил вследствие того, что исследование истины породило гипотезы, опасные для некоторых моральных догм. Позитивизм выступил как преднамеренный отказ от всякого объяснения внеопытного и привел к смешению метафизических и научных гипотез. Спиритуализм возник вновь как восхваление этико-аффективного в противовес логико-критическому, вместо того чтобы преодолеть рационалистический цикл, возвратился к ложным началам, предшествовавшим ему в средневековых теологических учениях.

Тезис третий

Метафизику как творческую разработку новых гипотез нельзя смешивать с философской историологией; *герменевтика — это палеометафизика* гипотез, выработанных на основе более неполных опытов, чем современные. Можно восхищаться талантом великих философов-классиков и показать, что только они имеют историческую значимость для генеалогического восстановления метафизических гипотез. Их усилия достойны подражания, но нужно не восхвалять их, а попытаться сделать в этом

веке и на основе опыта этого века то, что пытались сделать они на основе опыта своего века.

Тезис четвертый

Поскольку объекты опыта бесконечно меняются во времени и пространстве, способность совершенствования человеческого опыта никогда не приводит к исключению *вечности внеопытного*. Бесконечность существования внеопытных проблем означает вечность внеопытных гипотетических объяснений, которые составляют постоянно изменяющуюся и совершенствующуюся метафизику.

Тезис пятый

Классические *проблемы метафизики* в настоящее время сформулированы неточно; представляется несомненным, что каждая из них содержит другие проблемы, которые могут быть поставлены правильно. Изменение результатов опыта беспрерывно будет изменять правильность внеопытных проблем и гипотез, сформулированных для их объяснения.

Тезис шестой

Там, куда не дойдут экспериментальные гипотезы наук, вступят в действие гипотезы, которые метафизика распространяет за пределы опыта. Верность научных гипотез зависит от возможности доказать их опытом; метафизические гипотезы стремятся к логической верности и считаются недоказуемыми опытом. Правильность внеопытных гипотез будет определяться посредством норм, которые создадут *методологию метафизики* как подлинную логику внеопытного гипотетического знания.

Тезис седьмой

Предметом метафизики является формулирование правильных гипотез о внеопытных проблемах; гипотезы, направленные на гармоническое объяснение внеопытного, составляют метафизическую систему. *Метафизика буду-*

щего будет находиться в процессе непрерывного обновления и будет иметь некоторые необходимые особенности: универсальность, возможность совершенствования, антидогматизм и безличность. Она будет представлять собой преодоление всех форм опыта, так как все они граничат с внеопытными проблемами.

Тезис восьмой

Для того чтобы точно поставить метафизические проблемы, необходимо полное *обновление философского языка.* Точность любого логического процесса обусловлена точностью понятий; с несовершенными понятиями нельзя будет разработать совершенную логику; из совершенных связей между несовершенными понятиями нельзя сделать совершенные заключения.

Тезис девятый

После отделения от философии различных опытных наук будет и дальше продолжаться уже начавшийся процесс *изменения структуры,* до тех пор пока философия не составит единый предмет — метафизику, предназначенную разрабатывать внеопытные гипотезы относительно того, что находится за пределами опыта всех наук. Эта гармоничная система, пытаясь объяснить внеопытное на основе опытного посредством непрерывно обновляемых гипотез, опирающихся на все более совершенствующиеся законы, не породит двух видов противоречивых истин и осуществит синтетическое единство, представляющее собой цель всякой подлинной метафизики.

Тезис десятый

Человеческие идеалы есть внеопытные гипотезы, обусловленные опытом и сменяющиеся в зависимости от опытной среды. Их ценность для человека зависит от их правильности. Наиболее правильными являются те, которые соответствуют развитию опыта, гипотетически предвосхищая то, что в будущем будет предметом опыта.

МОРАЛЬНЫЕ СИЛЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1920

I. Аморальность капиталистического режима

За несколько лет до начала войны все моралисты без различия школ были единодушны, отмечая растущее разложение практической морали в наиболее развитых капиталистических странах. Лихорадочное стремление к обогащению и спекуляция подрывали ощущение социальной солидарности. Среди некоторых общественных слоев, не занятых полезным для общества трудом, паразитические навыки и лень приводили к тому, что борьба среди людей за существование становилась все более неразборчивой в средствах.

Эти незначительные меньшинства антисоциальных элементов навязывали законы и обычаи в каждой стране, образуя плутократию и привилегированную олигархию, разлагавшие государственный механизм; политика и финансы вступали в сговор, чтобы узаконить накопления, привилегии, протекционизм, объединение в тресты и тысячу других средств спекуляции за счет производительных классов. Категорический призыв «Обогащайтесь честно или нечестно!» уже выполнялся в духе второй части этой дилеммы; капитализм как система представлял собой накопление капитала, приобретенного не собственным трудом, а путем эксплуатации чужого труда.

По мере того как государство становилось политическим орудием капиталистической плутократии, оно превращалось во все более многочисленную паразитическую фауну, которая высасывала и обращала в собствен-

ную пользу жизненные силы общества. Болезнь заражала всех и вся. Общественная администрация превращалась в убежище бюрократов-бездельников, промышленность и торговля подтачивались расфранченными спекулянтами, политические партии вырождались в шайки бесчестных торговцев, церкви забыли свои религиозные учения и предавались материальному занятию накопления богатств, любовь меркантилизировалась и превратилась в грязные брачные сделки, а личная деятельность людей сводилась к тому, чтобы ловко урвать побольше плодов чужого труда. В атмосфере этой мрачной деградации такие понятия, как родина, политика, дружба, религия, семья, труд, стали утрачивать моральную ценность, превращаясь в оправдательные софизмы, служащие интересам больших и малых спекулянтов.

Этот упадок практической морали не был, однако, результатом врожденной порочности людей; это было естественное, неизбежное следствие капиталистического режима. Индивиду, если он не мирился с вечным рабским состоянием наемного труда, приходилось ожесточенно бороться против других, противопоставляя эгоизму эгоизм, враждебности — враждебность, притворству — притворство. Каждый человек конкурировал со своим ближним: банкир — с банкиром, промышленник — с промышленником, бюрократ — с бюрократом, рабочий — с рабочим. Интересы продавца противоречили интересам покупателя. Права женщин противоречили интересам мужчин. Дети желали смерти родителям, чтобы получить в наследство их состояние. Супруги при разводе обвиняли друг друга во всех грехах, чтобы получить себе незаслуженные пенсии. Избиратели эксплуатировали кандидатов, а избранные обманывали избирателей. Правители выжимали все из управляемых, священники — из верующих; военные обрекали на голод народы, которые они должны были защищать. Вся жизнь человека, богатого или бедного, деятельного или бездельника, молодого или старого, была поглощена одной заботой — обогащаться за счет ближнего или помешать другим делать это за его счет.

Этого наброска, хотя и поверхностного, достаточно, чтобы понять, что глубокие экономические причины при-

вели к таким печальным моральным последствиям для всего человечества. Люди приспособляли свои идеи и чувства к этой атмосфере соперничества и обмана, привыкая строить свое благополучие на несчастье другого. Этические идеалы справедливости и солидарности постепенно вытеснялись такими порочными чувствами, как страсть к обману и угнетению.

Философы и моралисты старых школ пытались объяснить это зло дискредитацией догматических принципов теологической и рационалистической морали; прибегая к диалектике слепых или лицемерию спиритуалистов, они утверждали, что исцеление столь серьезных недугов надо искать в реабилитации самых старых, изъеденных молью догматических учений.

Другие, более современные идеологические течения утверждали, что нравственность является функцией социальной среды. В связи с этим делали вывод, что этическое возрождение человечества требует коренного изменения социальных и экономических отношений для достижения большей солидарности между индивидами и народами.

Антагонизм интересов плутократии самых могущественных государств развязал мировую войну. Чтобы обеспечить свое господство, экономический империализм маскировался патриотизмом и идеализмом, разжигая этим в наивных массах самые низменные инстинкты насилия и разрушения, заполнив миллионами человеческих жертв мрачные окопы, где люди гибли без славы и героизма. Фарисейская дипломатия взаимного обмана приносила свои естественные плоды; правительства паразитических классов защищали свою мошну ценой жизни трудящихся классов.

Идеалы? Патриотизм? Религия? Честь? Очень скоро стали замечать, что плутократические классы, поглощенные лишь расширением сферы своих доходов, не придавали никакого значения этим словам. Германия и Англия боролись за мировые рынки, обещая своим союзникам и сателлитам какую-то долю при получении доходов от столь важного предприятия. Бо́льшее вырождение общественной морали невозможно себе представить.

Если вначале были еще какие-то сомнения, то они рассеивались по мере того, как в ходе войны становились очевидными аморальные маневры спекулянтов, поставщиков и скупщиков, организованных в международном масштабе для извлечения барышей из голода народов, ослабленных страшным кровопусканием.

Тем временем профессиональные политики обманывали обреченных на верную смерть людей, пытаясь доказать им, что ужасная бойня есть благородная жертва во имя возвышенных идеалов; среди всех карикатур этого времени была одна очень выразительная, она изображала немецкого и английского капиталистов, одновременно кричащих друг другу: «Будем защищать наши барыши, пока не погибнет последний рабочий!»

По окончании войны во всей наготе обнаружилась моральная деградация капиталистического общества, обнажилась историческая обреченность его экономического строя. Бесстыдные политиканы свели мир между народами к грубой коммерческой сделке, осуществленной в Версале, обманув надежды тех, кто поверил в их ложные идеалы социального переустройства. Было замечено, что единственная цель победивших правительств, равно как и побежденных, состояла в укреплении привилегий своих капиталистов; этим углублялась (если ее вообще можно углублять) пропасть экономической безнравственности всей системы.

Когда народы поняли обман и возникла угроза их выступления против его организаторов, паразитические классы подготовились к обороне, пустив в ход все заржавевшее оружие традиционализма. Политики, преследовавшие церковь, без колебания стали требовать от трудящихся классов религиозного послушания; эксплуататоры из правительства опозорили патриотизм, защищая иностранных капиталистов и выступая против трудящихся своей собственной страны; говоря о порядке и восстановлении, они посеяли насилие и хаос; говоря о мире, они отравили мир ужасной ненавистью.

Капиталистический режим точно ненасытная пасть. К чему стремился этот режим по окончании войны? — Сохранить свой паразитический образ жизни и удержать трудящиеся классы в экономическом рабстве. Чего

требуют победившие паразиты? — Барышей, привилегий, доходов, денег. Что защищают побежденные паразиты? — Барыши, привилегии, доходы, деньги. Как велико моральное падение этих политиков, пытающихся свести на нет жертвы народов ради колоссальной и ужасной авантюры торговцев без чести и совести!

Эта совокупность стремлений, противоречащих справедливости, отражается в уме получающих прибыли как систематическое и связное целое. Это *старое моральное сознание,* которое не остановится перед самыми недостойными средствами для достижения своих преступных целей: увековечить привилегии паразитов, сохранить эксплуатацию чужого труда, воспрепятствовать человеческому согласию.

В условиях такого морального разложения, являющегося следствием капиталистического режима, необходимо признать бесполезным любое средство, не ставящее себе целью ликвидацию учреждений, на которые этот режим опирается. Зло достигло огромных размеров; мелкие реформы и уступки со стороны паразитических классов уже недостаточны для того, чтобы продолжать обманывать трудящиеся классы.

Моральной основой социального мира должны быть справедливость и солидарность. Справедливость наступит только тогда, когда станет невозможной эксплуатация человека человеком, когда необходимым условием права на жизнь будет обязанность трудиться; солидарность наступит только тогда, когда исчезнут паразитические классы, когда все человеческие существа станут братьями на основе совместного труда.

Провозглашение этих идей абсолютно исключает возможность достижения социального мира до тех пор, пока не будут ликвидированы порожденные капитализмом интересы и связанные с ним учреждения. Чтобы ликвидировать в обществе привилегии и паразитизм, необходимы новые юридические, политические и экономические отношения. В нынешнем обновлении мира трудящиеся классы являются самой крепкой надеждой морального возрождения человечества в соответствии с некоторыми принципами, нашедшими свое первое практическое применение в русской революции.

II. Новое сознание человечества

Конкретные условия, созданные мировой войной, усилили паразитизм и аморализм капиталистического общества, усугубив его пороки, несовместимые с социальной солидарностью; но из самых глубин этой катастрофы общества возникли более могущественные моральные силы, способные приступить к его этическому возрождению в соответствии с новыми принципами. Труд восстал против паразитизма, справедливость — против привилегий. Постепенно определились идеалы и стремления, характеризующие глубокую революцию, произошедшую в умах людей, и образующие *новое моральное сознание человечества.*

Это сознание формировалось в течение многих месяцев и лет, и против него оказались и окажутся в дальнейшем бессильными ложь и лицемерие реакционных классов. Когда ужасы бойни стали особенно велики, раздались первые героические, хотя еще и одинокие, голоса; их было немного, и они не имели решающего влияния. Атмосфера фарисейства и безумия, созданная плутократическими правительствами, опьянила политиков с нечистой совестью; народы были отправлены на бойню при печальном соучастии желтых социалистов, которые, таким образом, в час испытания отреклись от своих проповедей международного братства, получив взамен местечки в министерствах воюющих держав.

Был момент, когда зарницы идеализма осветили горизонт. Президент Вильсон возродил некоторые надежды у людей, напуганных ужасами войны. Его слова выражали высокие принципы, и можно было верить, что какая-то частица строгой пуританской морали сохранилась среди коррупции капитализма янки. Это было мимолетное сияние. В момент подведения итогов идеалы были побеждены вожделением; поборники справедливости поняли, что политики были не в состоянии освободиться от низкого меркантилизма того режима, которому они служили. Дипломатия правительств оказалась неспособной обеспечить народам мир.

Моральному падению паразитических классов противостояли моральные силы трудящихся классов, утвер-

ждавшие всеобщую волю к обновлению мира. Крах прошлого заставил закладывать новый фундамент для будущего и ускорил выявление некоторых ясных и конкретных стремлений. В противовес аморальности и паразитизму капиталистического общества возникла необходимость передать средства производства в руки самих производителей, технически организованных в трех планах: местном, региональном, международном. Против имморальности политического парламентаризма нашлось такое средство, как представительная форма правления, охватывающая все социальные функции. Имморальности суеверного невежества был противопоставлен принцип широкого образования. Экономическая справедливость, политическая справедливость и справедливость в области воспитания являются сегодня кардинальными принципами, направляющими новое сознание человечества.

Как и следовало предвидеть, целебный кризис общества начал сказываться в первой из капиталистических стран, изнуренных войной. Просвещенное меньшинство русского народа с проницательностью, сравнимой только с его энергией, вырвало государственный механизм из рук паразитических классов, поставив его на службу трудящимся классам. Глубокое моральное значение этого события вскоре синтезировалось в удачной и выразительной формуле «кто не работает, тот не ест», она означала, что справедливость — высший идеал этики и права — требует, чтобы каждый человек выполнял полезную функцию в обществе, в котором он живет.

Окруженные капиталистическими государствами и издерганные заговорщиками из разложившегося самодержавия, освободители-идеалисты русского народа вынуждены были организовать свои силы для борьбы против внутренних и внешних врагов. С примерной твердостью, которая может быть только у людей, не являющихся профессиональными политиками, они заговорили с народами мира на новом языке, изложив свои цели всеобщего обновления, и на деле доказали искренность своих намерений. С этого момента — ноября 1917 г. — русская революция стала символом нового сознания человечества и пробным камнем в различении сторонников паразитизма от сторонников труда. Все, кто желает «восстановить»

имморальный капиталистический режим, — враги России; все, кто желает «строить» новый режим на новых, более справедливых моральных основах, являются ее сторонниками.

Борьба между этими двумя коллективными сознаниями приняла международный характер. Капиталистические правительства поняли, что новая мораль трудящихся ставит под угрозу их паразитические привилегии; поэтому среди развалин войны они сделали попытку поправить свои дела на основе общего сопротивления требованиям производительных классов. Перед обновляющим движением, существующим, например, в России, они согласились уступить второстепенное, чтобы сохранить существенное, вступив на путь «реформизма», стремящегося укрепить капиталистический режим; чтобы сделать более действенным этот маневр, они удовлетворили личное честолюбие желтых социалистов, предложив им место за своим столом. С чувством стыда за человеческое достоинство мы должны сказать, что многие из этих политиков, достигших старости в парламентских кулуарах, поспешили стать опорой капиталистического режима. Изменив доверию, которое им оказали трудящиеся, они предательски перешли в ряды паразитов.

Привилегированные классы располагают средствами принуждения для организации блокады России и изоляции трудящихся классов от всего мира: регулярными армиями, средствами транспорта и связи, явной и тайной полицией, авантюристами, наемниками, белой гвардией и ста другими средствами угнетения, действенность которых измеряется их взаимной выручкой под защитой государства. Они располагают также средствами информации и общественного одурманивания — от телеграфа и печати до парламентской трибуны и алтаря, приспособленных для служения интересам паразитических классов в двойном — национальном и международном — масштабе. Наконец, на их стороне подлое соучастие желтых социалистов всего мира, самых честолюбивых, ослепленных надеждами на участие в консолидации капиталистического режима, и самых трусливых, запуганных наемников.

Достоин удивления тот факт, что множество столь ужасных препятствий не остановило замечательного потока симпатий, вызванных русской революцией во всем мире. В 1918 г. считанные единицы осмеливались выразить свою симпатию к большевикам; в 1919 г., несмотря на террористическую деятельность органов общественного одурманивания, значительная часть трудящихся и независимых людей с волнением следила за судьбой русского народа; в 1920 г. большинство рабочих, членов профсоюзов и социалистов решительно поддержало дело России вопреки воле руководителей, которые боролись против России с усердием, свойственным ренегатам, у которых раненое самолюбие смешивается с кошмарами раскаяния.

В условиях враждебной пропаганды укрепилась вера тех, кто симпатизирует России. Ни фальшивая пропаганда, ни софистические аргументы, ни грязные маневры не смогли ослабить веру трудящихся мира. Мы говорим веру, ибо теперь речь идет о вере в будущее, о вере, которая ждет больших обновлений и которую не могут подавить небольшие временные трудности и препятствия. Так же как на первой фазе христианства, реформации и французской революции, новое моральное сознание человечества приобрело некоторые черты мистицизма, необходимые для действенного служения идеалу.

Поскольку условия экономического развития каждого народа очень различны, вера в русскую революцию не означает желания всюду имитировать ее методы; это всего лишь приверженность к одной из многочисленных форм, которые может принимать современная революция в мире, это солидарность с героическими людьми, давшими наиболее действенный толчок развитию новых идеалов.

Многие невежественные люди думают, что русская революция — это локальное явление, уже законченный процесс; они делают вывод о необходимости или отвергнуть ее, или имитировать, как будто нет другой альтернативы. Исторический критерий оценки настоящей социальной революции заставляет думать совсем обратное. Русская революция есть первая экспериментальная фаза необходимого международного процесса; русский

эпизод — это не исторически законченная революция, а лишь первый шаг начавшейся революции, ее нельзя ограничить рамками России, немыслимо также, чтобы во всех странах она проявилась в тех же самых чертах.

Христианство не одновременно проникло во все страны мира, оно не применяло одни и те же методы и не привело к одним и тем же результатам у народов, общественное сознание которых оно обновляло. Но при различных обстоятельствах звучало единство веры в евангельскую мораль; ереси и раскол пришли после победы. До этого, в период борьбы и преследований, расхождения были просто предательством.

Аналогичное состояние умов наблюдается и по отношению к современной социальной революции. Россия — это Галилея, большевики — апостолы. Верить в русскую революцию, присоединиться к ней — это значит верить в будущее, в справедливость и в моральный прогресс человечества. Критическое отношение к ней в период борьбы доказывает отсутствие веры, это удел врагов; разногласия и оговорки равны ее отрицанию, они более вредны, чем откровенное, открытое предательство. В решающий момент коллективного действия было бы нелепостью, если бы каждый боец скрестил руки перед общим врагом, чтобы спорить о теоретических или тактических деталях. Двигаться или стоять, верить в прошлое или в будущее, верить в реакцию или в революцию. Всякий, кто против реакции, действует как революционер; всякий, кто выступает против революции, действует как реакционер.

В противовес имморальности капиталистического режима, посеявшего в мире несправедливость, угнетение и войны, формируется новое сознание, стремящееся обновить социальные учреждения. Сегодня революционный дух стал коллективным символом веры в возможность жить в мире лучшем, чем сегодняшний; реакционный дух — это отсутствие веры, приверженность к материальным интересам, порожденным капиталистической имморальностью. Две единственные партии, на которые сегодня разделяется человечество, поступают разумно, повторяя апостольскую формулу «кто не со мною, тот против меня». Потомство решит, кто из них лучше понимает

смысл социальной эволюции, но пока наши современники должны будут стать на одну или другую чашу весов или подвергнуться опасности витать в пустоте.

III. Конфликт между двумя типами морального сознания

Нельзя игнорировать тот факт, что человечество находится на решающем рубеже. Две морали мира вступили в конфликт, и нет надежды на их примирение. Привилегии и справедливость несовместимы: если укрепляется привилегия, гибнет справедливость; если торжествует справедливость, исчезает привилегия. Борющиеся стороны уже ясно осознали свою роль в современном историческом моменте; никакой оптимизм не дает основания предполагать, что прошлое уступит дорогу будущему без борьбы.

Хотя некоторые области нашей планеты, между прочим наименее цивилизованные, свободны от конфликтов и насилия, все же необходимо признать, что человечество в целом проходит через фазу гражданской войны. В каждом районе она проявляется в сотне форм, сегодня молчаливо и торжественно, завтра смело и бурно, с постоянно чередующимися перемириями и военными действиями без надежды на примирение. Это война не на один день, не на один год, ибо в ней не ставится на карту стабильность какого-либо правительства или слава генерала; это война принципов, идеалов, веры, война между революционным сознанием и сознанием реставраторским; или мы создадим новый моральный мир, или мы останемся жить в мире, который в течение пяти лет наполнил все подлостью и кровью,— середины быть не может; обманчивые «восстановительные» припарки — это ухищрения фокусника. Люди, способные делать выбор, стоят перед недвусмысленной дилеммой: или ниспровержение морали паразитизма и укрепление веры в наступление более справедливой морали, или защита капиталистического режима и отрицание возможности морального обновления, при котором обязанность трудиться становится основой всякой справедливости.

Французская революция поставила цивилизованный мир перед аналогичным духовным конфликтом; тогда пришлось сделать выбор между абсолютизмом божественного права и конституционализмом народного суверенитета. В процессе борьбы не существовало средних форм сознания; можно было быть с Францией или против нее, не впадая в иезуитские ухищрения. Сегодня, как и тогда, необходимо сделать выбор между привилегиями, защищаемыми непроизводительными капиталистами, и справедливостью, которой жаждут созидающие трудящиеся. Нельзя обманывать себя и позволять обманывать других: либо мы вместе с Россией, либо против нее. Вера, век тому назад обращенная к Парижу, сегодня обращена к Москве; душа французского Конвента перешла к русскому Совету. В историческом аспекте — так, как будут об этом судить через сто лет,— Верховный Союзнический Совет есть повторение Священного союза, а один из ренегатов-социалистов, Мильеран, взял на себя печальную роль Меттерниха.

Внутри каждой страны сегодня существуют два непримиримых государства: одно — капиталистическое государство, находящееся в состоянии разложения и имеющее в своем распоряжении могущественные средства для сохранения власти и продления своего существования; другое — находящееся в стадии формирования социалистическое государство, созидательные возможности которого зависят исключительно от завоевания власти трудящимися классами.

Преобразование капиталистического государства в социалистическое не может осуществляться без сопротивления привилегированных классов; но те, кто считает естественным применение насилия для защиты своих привилегий, должны признать и право трудящихся применить насилие для защиты справедливости.

Такой конфликт между правительствами и народами в национальном масштабе делает невозможным решение международных послевоенных проблем. Желания правительств противоположны страстным желаниям их народов; нельзя остановить мировую катастрофу посредством соглашений между политиками капиталистических государств, чья мораль отличается от морали, вдохновляю-

щей трудящиеся классы. Нынешняя Лига Наций уступит место будущей Лиге Народов.

Но до тех пор пока не осуществится это преобразование, не будет мира в мире. Во всех странах будет сохраняться современное состояние диктатуры, капиталистической или пролетарской.

Было бы глупо думать, что в современной гражданской войне обе партии будут действовать в рамках законности. Капиталистические «тресты» не будут соблюдать законность. Все профсоюзы трудящихся также не будут ее соблюдать. Диктатура не имеет другого смысла; никто из них не может всерьез испытывать страх перед другой диктатурой, забывая о собственной.

Отношение французских реакционеров к русской революции типично для капиталистической морали: большевистское правительство есть диктатура, потому что оно отказывается платить царские долги. Правители Франции имели мужество снять с себя маску, заявив: если бы Ленин заплатил царские долги, он был бы святым, но так как он этого не делает, он — диктатор. В то же время правнуки Дантона не поколебались признать авантюриста Врангеля законным правителем только за то, что он взял на себя обязательство заплатить эти долги. Обещание не трудное для того, кто брал на себя такую финансовую ответственность, не обладая никакими другими ресурсами, кроме тех, которые он получил у простодушных французских капиталистов!

Последняя откровенность французского правительства, звучащая несколько цинично у людей, обманувших наши ожидания призывами к бескорыстному идеализму, раскрыла всю моральную нищету, до которой опустился дух паразитизма. В то же время она подчеркнула моральную трусость желтых социалистов, отказавшихся от своей обязанности моральной поддержки России, ибо, вместо того чтобы по-рыцарски признать свою первую ошибку, они покрыли себя позором, защищая интересы капиталистов и выступая против идеалов трудящихся.

Столь противоположные точки зрения нельзя будет примирить в будущем. Или правительства будут продолжать интриги с помощью лживой тайной дипломатии, или народы решатся говорить друг с другом при

помощи открытой и правдивой дипломатии. Это две непримиримые в международном плане морали. В то время как реакционеры пытаются с помощью тайных махинаций спасти капиталистические прибыли, новая моральная сила грозит расстроить их козни, требуя, как это делали век тому назад аргентинские революционеры: «Народ хочет знать, в чем здесь дело».

Таким образом, моральный мир, взбудораженный конфликтом между двумя формами общественного сознания, находится в разгаре кризиса. Вере в возможность увековечить прошлое уже противостоит вера в возможность обновления будущего. Весьма различные моральные силы вдохновляют приверженцев той и другой веры; у одних эта вера основывается на меркантильных интересах, у других она вырастает из надежды, опирающейся на высокие идеалы.

Это дает возможность понять бесплодность трехлетней пропаганды, которая велась при помощи печати и телеграфа против русской революции. Кампания клеветы в духе «старого сознания» не имеет никакого морального значения для тех, кто обладает «новым сознанием»; те, чьи взоры обращены к будущему, не верят тем, кто говорит от имени прошлого. И так же как не нашлось ни доводов, ни аргументов, которые могли бы ослабить симпатии хотя бы одного сторонника России, не нашлось аргументов, способных склонить на ее сторону хотя бы одного французского ростовщика.

IV. Победа моральных сил

Идеалы русской революции уже одержали окончательную победу над всеми своими врагами. Трех лет героического сопротивления было достаточно, чтобы доказать миру, что не все ее стремления были иллюзиями, заставив даже самых ярых своих врагов поверить в реальность ее принципов социальной справедливости. Действия сторонников насилия, слепота невежественных, чванство богатых, измена трусливых ничего не смогли сделать с революцией в течение трех лет; в сотнях случаев революционным армиям помогала побеждать несокрушимая

вера в справедливость дела, за которое они боролись, вера, возвышавшая эти победы.

Немного примеров такой благородной борьбы знало человечество. Народ, изнуренный самой страшной войной за материальные интересы, вдруг поднимается на борьбу во имя благородных идеалов мира и братства; поднимается против собственного самодержавия, против всех тираний, заливших весь мир кровью; избранное меньшинство вдохновляет эти перемены, берет на себя громадную ответственность, требующую титанической энергии, и бросает вызов всем правительствам, поддерживающим привилегии, паразитизм и несправедливость. Этот мужественный жест будоражит мир, вселяя надежду на лучшее будущее, которая заставляет сильнее биться бескорыстные сердца, а людей с неспокойной совестью — содрогаться в тоске и раскаянии. Никто не осмеливается оплакивать падение царского режима, моральное загнивание которого уже не было тайной даже для его сообщников и союзников.

Правительства всех стран мира очень скоро заметили, что русская революция — это не локальный политический эпизод, а первый акт великого исторического процесса, призванного вызвать глубокое обновление всех политических, экономических и моральных ценностей. Чувствуя эту опасность, сотни врагов объединяются против революции, чтобы осквернить ее, блокировать и раздавить. В первый момент казалось невозможным, чтобы вооруженный русский народ смог противостоять напору армий союзников, у которых после уничтожения тевтонского чудовища когти окажутся свободными.

Горизонт международной политики покрывается тучами. Единственный правитель, который украшал идеалистическими побрякушками торговый флаг союзников, спешит убрать их в решающий момент; свободные люди, возлагающие на Вильсона свои надежды, большие или маленькие, поняли, что ничего нельзя ждать от правителей, являющихся рабами капитализма.

Интересы, рожденные имморальностью старого режима, ополчаются против революции. Они мобилизуют телеграф и печать, чтобы обманывать весь мир глупыми выдумками о «бандитах» из Москвы, сочинительством

всевозможных небылиц о «терроре», убийствах, кражах, пожарах... Но к счастью, говорят они, правительства Соединенных Штатов, Англии, Франции, Японии имеют миллионы и войска у русских границ... Это дело нескольких дней... Так проходит весь 1919 г., и удивленный мир видит бегство янки, французов, японцев вместе с авантюристами-наемниками, продавшими свою шпагу за золото иностранным капиталистам, — деникиными, колчаками, юденичами. Все побеждены, все обращено в бегство.

1920 год знаменуется эволюцией капиталистической стратегии. Несмотря на блокаду в области информации, левые всех стран начинают высказывать свои симпатии революционной России; против этой опасной солидарности изобретаются новые формы пропаганды, поддерживаемой разложившимися желтыми социалистами. И поскольку победителей уже нельзя называть «бандитами», их называют теперь «тиранами» разоренных народов; защитники капитализма облачаются в тогу апостолов демократии и свободы... А на третий год со дня прихода большевиков к власти мир узнает, что эти «тираны» сумели посрамить армию, которую французские ростовщики вооружили на Украине, в Польше и в Крыму, обратив в бегство сегодня Петлюру, завтра Пилсудского, пока не дали последний пинок Врангелю.

Таковы факты, которых, если не лгать, никто не может отрицать. Для дельцов, привыкших к цифрам, речь идет о «военных победах», в которых грубость победила грубость, насилие — насилие.

Мы думаем иначе. В России победили моральные силы, вдохновляемые верой их руководителей, помогавшие им создать такую крепкую организацию, что она выдержала совместное наступление напуганного капитализма и желтых предателей. Это моральные победы, и самая крупная из них не поражение двадцати армий у ее границ, а изменение общественного мнения всего мира, даже собственных врагов о русской революции.

В начале 1919 г. утверждали, что большевики — это презренные убийцы, которые в слепой ярости против всего, что означает культуру и цивилизацию, убивают в силу врожденной жестокости, бессовестно грабят, развращают

дочерей, сжигают художественные памятники. А в конце 1920 г. никто, у кого имеется моральная ответственность, а анонимные журналисты и профессиональные политики ее лишены, никто не осмелился бы подписаться под такими выдумками, боясь попасть в нелепое положение.

Мнение всех левых — искренних либералов, социалистов, лейбористов без различия оттенков — подчеркивает свои симпатии к революционной России, разоблачая активную пропаганду капиталистических правительств, вступивших в тайный сговор в Лиге Наций, и желтого социализма, потерпевшего крах во II Интернационале.

С этим положением уже начали мириться некоторые дальновидные правительства; английское правительство, например, не стыдится поддерживать почти дипломатические отношения с большевиками, что равносильно признанию нового режима, рожденного революцией. Очень скоро и другим правительствам, не исключая самых упрямых, в силу необходимости придется с этим мириться.

Это большая и поразительная победа: разбиты вековые предрассудки и обычаи, что содействует формированию «нового сознания» человечества. Эта моральная победа нерушима: она переживет перемены и реставрации, которые будут мешать прогрессивному становлению более справедливого социального строя.

У народов уже началась эра полного обновления, благородные политические, экономические и этические результаты которого нам дано только предвидеть.

Столь великое дело нуждается в уме и действии новых поколений, молодежи, полной энтузиазма и оптимизма: она может созидать будущее, ибо она не связана с прошлым; в этот первый час наступления новой эры идеалы справедливости и надежда на солидарность становятся ее достоянием.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

ЭСТЕБАН ЭЧЕВЕРРИА

Эчеверриа, Эстебан (1805—1851) — видный аргентинский мыслитель, поэт и литератор первой половины XIX в. Родился в Буэнос-Айресе, первоначальное образование получил в колледже «Моральные науки». В 20-х годах учился в Париже, здесь впервые познакомился с учением Сен-Симона. В 1837 г., в условиях жестокой диктатуры Росаса, группа интеллигентов во главе с Эчеверриа создала тайное общество под названием «Молодая Аргентина», целью которого была борьба против национального угнетения, за классовое равенство, свободу и прогресс. Эта организация подверглась репрессиям со стороны Росаса. В 1840 г. Эчеверриа был вынужден эмигрировать в Монтевидео.

Эчеверриа был передовым, демократически настроенным мыслителем. Писал по вопросам политической экономии, философии, истории искусства, литературы. Является автором поэм «Пленница» (1837), «Павший ангел» (1846), вошедших в золотой фонд аргентинской литературы. В своих произведениях Эчеверриа остро откликался на все важные события современной жизни, осуждал социальную несправедливость, эксплуатацию, произвол, выступал за демократическое преобразование аргентинского общества, считая, что покончить со старым режимом можно только революционным путем. С восторгом встретил он весть о революции во Франции 1848 г.

Полное собрание сочинений Эчеверриа в пяти томах было впервые издано в 1870—1874 гг. Перевод работ, включенных в настоящий сборник, выполнен по последнему изданию сочинений Эчеверриа: *E. Echeverría*, Obras Completas, vol. I, Buenos Aires, 1951.

Социалистическое учение Майской Ассоциации

«Dogma Socialista de la Asociación de Mayo». Работа написана в 1837 г., впервые опубликована полностью в Монтеви-

део в 1846 г., выдержала много изданий. Некоторые ее разделы написаны Хуаном Батистой Альберди (1810—1884), передовым мыслителем того времени, одним из организаторов «Молодой Аргентины».

В этой работе Эчеверриа беспощадно обнажает язвы и пороки аргентинского общества того времени, паразитизм правящей верхушки. Вместе с тем в этом произведении, представляющем собою манифест тайного общества «Молодая Аргентина», излагаются идеи и принципы, на которых должна строиться политическая партия, призванная бороться за демократическое преобразование страны, социальное равенство и прогресс.

Работа написана под сильным влиянием утопического социализма Сен-Симона и Фурье.

[1] *Сыновья героев Мая и Июня* — имеются в виду аргентинские патриоты М. Морено (1778—1811), Б. Монтеагудо (1787—1825), Х. Кастельи (1764—1812) и другие, возглавившие революционное восстание в мае 1810 г. против испанского владычества, закончившееся победой восставших и образованием первого аргентинского национального правительства — Временной правительственной хунты, которая получила название Патриотической.— *40.*

[2] *Бог — центр и периферия нашей религиозной веры; христианство — его закон.* Это и подобные ему высказывания Эчеверриа о христианстве навеяны влиянием представителей так называемого христианского социализма (Леру), развивавших идеи о христианстве как выразителе «общечеловеческой правды и социальной справедливости». В то же время, как не трудно заметить, Эчеверриа подвергает резкой критике католическую церковь, практические действия которой не имеют ничего общего с лицемерно провозглашаемым ею учением. «Тираны,— пишет он в этом же разделе своей работы,— выковали из религии цепи для человека, и из этого возник нечистый союз власти и алтаря».— *55.*

[3] *Естественная религия* — это понятие было введено английским философом и теологом XVII в. Гербертом Чербери, считавшим, что все люди от рождения обладают определенным количеством простых идей о божестве, к которым добавляют затем разнообразные догматы, вводят особый культ и т. д. В трактовке философов-деистов (например, Вольтера) положения естественной религии, сводящиеся к признанию бога как верховного зодчего мира и необходимости почитать его посредством добрых дел, не являются врожденными, но каждый разумный человек должен прийти к ним, потому что они — сама истина.— *55.*

[4] *Леру, Пьер (1797—1871)* — французский мелкобуржуазный социалист-утопист. Первоначально выступал сторонником взглядов Сен-Симона, затем создал собственную теорию так называемого христианского социализма, подвергшуюся резкой критике со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии». Пропагандировал равенство в мелкобуржуазном понимании. Взгляды Леру приобрели широкую известность в 30—40-х годах XIX в.— *75.*

[5] *Моренисты, сааведристы, ривадависты, росисты* — боровшиеся за власть в стране группировки, возглавляемые лидерами креольской знати: Морено, Сааведра, Ривадавия и Росас.— *93.*

[6] *Унитарии* — сторонники сильной централизованной власти, выражавшие интересы помещиков и верхушки буржуазии провинции Буэнос-Айрес, во главе которых стоял Ривадавия, президент Аргентины (1826—1827).

Федералисты — сторонники сохранения широкой автономии провинций, выражавшие интересы помещиков внутренних районов страны. Во главе федералистов стоял Росас, который, одержав победу над унитариями, стал президентом Аргентины (1829—1852) и установил в стране жестокую диктатуру. Борьба между унитариями и федералистами определяла внутриполитическую жизнь Аргентины вплоть до конца XIX в.— *95.*

Февральская революция во Франции

«Revolución de Febrero en Francia» — в этом произведении Эчеверрриа стремился раскрыть исторический, политический, социальный и философский смысл Февральской революции во Франции (1848 г.), оказавшей большое влияние на идеологию освободительного движения в Латинской Америке. Данную работу он написал, будучи тяжело больным. При жизни опубликована только та ее часть, которая помещена в настоящем сборнике. Эта часть была направлена автором издателю журнала «Conservador», выходившего в Монтевидео, со следующими словами:

«Вы оказали бы мне большую услугу, опубликовав в своем журнале прилагаемый текст части моей работы, которую я заканчиваю и опубликование которой не смог до сих пор осуществить.

Я решил послать Вам именно эту часть работы потому, что она содержит основную идею написанной мною работы, и потому, что с течением времени может уменьшиться ее актуальность. Ваш покорный слуга

Эстебан Эчеверрриа.

22 июля 1848 г.».

Далее следует текст из «Социалистического учения Майской Ассоциации», воспроизводимый автором не дословно (ср. настоящее издание, стр. 91).— *102.*

[2] *Энциклопедия XIX в.*— «Новая энциклопедия» («Encicloperdie nouvelle»), издававшаяся Леру во Франции в 30-е годы XIX столетия и пропагандировавшая идеи Леру и его сподвижников.— *106.*

ДОМИНГО ФАУСТИНО САРМИЕНТО

Сармиенто, Доминго Фаустино (1811—1888) — выдающийся аргентинский государственный деятель, ученый и публицист.

Родился в г. Сан-Хуан. Прошел сложный жизненный путь от служащего магазина, шахтера и солдата до президента Аргентинской республики (1869—1874). Сармиенто выражал интересы передовых слоев аргентинской буржуазии, стремящейся ликвидировать феодальные порядки и пагубное наследие испанского господства. Всей своей деятельностью он способствовал развитию передовой науки и культуры в Аргентине.

Сармиенто — автор многочисленных работ (одна из главных — «Конфликт и гармония рас в Америке», 1883), посвященных преимущественно социологическим проблемам развития Аргентины.

Факундо

«Facundo». Полное название работы «Civilización y Barbarie. Vida de Juán Facundo Quiroga. Y aspecto físico, costumbres y hábitos de la República Argentina» («Цивилизация и варварство. Жизнь Жуана Факундо Кирога. Физическая характеристика, привычки и обычаи Аргентинской республики»). Это одна из ранних работ Сармиенто (1845). В ней всесторонне освещается экономическое и политическое положение Аргентины 20—40-х годов XIX в., дается оценка различных политических деятелей этой эпохи. В форме острого политического памфлета Сармиенто клеймит кровавого диктатора Росаса, при котором «нож стал орудием правосудия».

Касаясь характеристики природы Аргентины, нравов и обычаев народа, Сармиенто преувеличивает влияние географической среды на историческое и социальное развитие народа.

Книга написана под влиянием европейского утопического социализма, которое в те годы испытывал Сармиенто.

Перевод включенного в сборник раздела дается по изданию: *D. F. Sarmiento*, Facundo, México, 1957.

[1] Имеется в виду борьба между унитариями и федералистами, которая приняла особенно ожесточенный характер в 40-х годах XIX в., когда диктатор Росас беспощадно расправлялся со своими противниками, уничтожая тысячи людей.— *121.*

[2] *Росас* — см. прим. 6 к стр. 95.— *126.*

[3] *Кечуа* — наиболее многочисленная группа современных индейских народов, населяющих Южную Америку. Язык кечуа был общегосударственным в империи инков.— *129.*

[4] *Лавалье, Хуан* (1797—1841) — аргентинский генерал, отличившийся в период борьбы за независимость Латинской Америки. Будучи сторонником централизованной власти в стране, боролся против диктатора Росаса.— *129.*

[5] *Пончо* — вид плаща в латиноамериканских странах.— *138.*

[6] *Мансилья, Лусио* (1792—1871) — аргентинский генерал, участник борьбы за национальную независимость. В 1845 г. командовал силами, разгромившими англо-французский флот в сражении под Облигадо.— *139.*

ГАБИНО БАРРЕДА

Барреда, Габино (1818—1881) — известный мексиканский общественный деятель, философ-позитивист. Родился в г. Пуэбла-де-лос-Анхелес. Получил медицинское и юридическое образование. В Париже слушал лекции Конта. Принимал активное участие в проведении ряда прогрессивных реформ, связанных с культурным развитием Мексики. Так, например, участвовал в 1867 г. в комиссии по реформе системы образования, которая была осуществлена на основе позитивистских идей.

Главное место в его работах занимает социально-политическая проблематика. Основные его произведения собраны в издании «Сочинения, дискуссии, речи» — «Opúsculos, discusiones, discursos», México, 1877.

Письмо к К. Мариано Рива Паласио, губернатору штата Мехико

«Carta, dirigida al C. Mariano Riva Palacio, Gobernador del Estado de México». Это письмо от 10 октября 1870 г. раскрывает теоретические принципы, на основе которых была осуществлена реформа системы образования в Мексике. Перевод письма дается с сокращениями по книге «Исследования»: *G. Barreda,* Estudios, México, 1941.

[1] *Идеология*—здесь имеется в виду учебная дисциплина.—*148.*

ТОБИАС БАРРЕТО

Баррето де Менезес, Тобиас (1839—1889) — видный бразильский политический деятель, философ, юрист, поэт, литератор. Родился в г. Кампосе, провинции Сержиппе. Получил юридическое образование. Мировоззрение Баррето пронизано демократизмом. Баррето был горячим сторонником эволюционной теории Дарвина и естественнонаучного материализма Геккеля. В философских вопросах придерживался в основном материалистических взглядов. В своих работах «Очерки и исследования по философии и критике» (1875), «Немецкие исследования» (1883) и других подверг резкой критике теологию, идеализм, эклектизм. Баррето был первым бразильским мыслителем, который познакомился с учением Маркса и солидаризировался с некоторыми его положениями.

Речь без пиджака

«Um discurso em mangas de camisa» — знаменитая речь Баррето, произнесенная им перед народом г. Эскады. Опубликована в 1879 г. в «Jornal do Recife».

Несмотря на то что в «Речи без пиджака» и «Примечаниях» к ней содержатся противоречивые, а порой ошибочные положе-

ния, она тем не менее отражает прогрессивную, демократическую направленность мыслей автора. Здесь дается критика утопического социализма, утратившего к 70—80-м годам XIX в. прежнее свое влияние на мыслителей Латинской Америки.

Перевод статьи и примечаний дается с незначительными сокращениями по полному собранию сочинений Баррето: *T. Barreto*, Obras Completas, v. IV, Rio de Janeiro, 1926.

[1] *Энженьо* — в Бразилии сахарный завод вместе с плантацией сахарного тростника.— *164*.

[2] *Бейль, Пьер* (1647—1706) — один из ранних буржуазных просветителей во Франции. В своем главном труде «Исторический и критический словарь» (1695—1697) он проводил идею несовместимости религии и знания, веры и философии, противопоставив религии «естественный свет разума». По словам Маркса, Бейль «разрушил метафизику с помощью скептицизма, подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции» *(К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, стр. 141).— *166*.

[3] *«Свобода, хотя и запоздалая...»* — слова освобожденного раба из одной поэмы Вергилия, послужившие девизом для патриотического движения «Конфиденса Минейра» в конце XVIII в. Целью этого движения, возглавлявшегося национальным героем Тирадентесом (ок. 1748—1792), было освобождение Бразилии от португальского колониального режима.— *168*.

[4] *Орсини, Феличе* (1819—1858) — итальянский буржуазный демократ. Боролся за национальное освобождение Италии. В 1858 г. произвел неудачное покушение на императора Наполеона III — врага национального объединения Италии. Был казнен в том же году.— *169*.

[5] *Битва при Аваи* — сражение, разыгравшееся на берегах реки Аваи 11 декабря 1868 г., в котором бразильские войска под командованием Камиаса победили парагвайские войска диктатора Лопеса.— *169*.

[6] *Габелли, Аристидес* (1830—1891) — итальянский педагог. Основное внимание уделял вопросам образования и воспитания. Считал, что народ нужно освободить прежде всего от невежества. Основное произведение — «Человек и моральные науки» (1869).— *171*.

[7] *Со времен брюмера или термидора* — указание на даты контрреволюционных государственных переворотов во Франции в конце XVIII в. 9 термидора 2 года (27 июля 1794 г.) крупная буржуазия свергла диктатуру якобинцев, возглавлявшихся Робеспьером, и установила свою власть в лице Директории. Завершением этого процесса буржуазной контрреволюции явился переворот 18 брюмера 8 года (9 ноября 1799 г.), в результате которого была свергнута Директория и установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта.— *172*.

[8] *Сеттембрини, Луиджи* (1813—1876) — видный итальянский историк литературы, профессор. Придерживался либеральных взглядов. Выступал против французского господства в Италии,

принял участие в революции 1848 г. Главное сочинение — «Уроки итальянской литературы».— *172.*

[9] *Чтобы обнаружить, как показал Маркс, нищету философии* — имеется в виду труд Маркса «Нищета философии» (1847), в котором была подвергнута сокрушительной критике концепция Прудона, изложенная в книге «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846). Беспощадно обнажая философскую нищету прудонизма, одного из самых вредных и опасных учений мелкобуржуазного социализма того времени, Маркс вместе с тем развивал здесь основоположения научного пролетарского мировоззрения.

Высокая оценка «Нищеты философии» — одно из свидетельств знакомства Барреро с учением Маркса и критического отношения к распространившимся в Латинской Америке идеям прудонизма.— *173.*

[10] *Лекки, Вильям Эдвард Хартполь* (1838—1903) — английский буржуазный историк, на взгляды которого оказал влияние позитивизм О. Конта. Автор «Истории возникновения и влияния духа рационализма» (1865), «Истории Англии XVIII века» (1878—1890).— *174.*

[11] *Гартман, Эдуард* (1842—1906) — немецкий философ, «последовательный идеалист и последовательный реакционер в философии» (*В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 53). Философия его крайне пессимистична. Главное сочинение — «Философия бессознательного» (1869). Мировой процесс, согласно Гартману, представляет собой борьбу разумного начала и бессознательной воли, в ходе которой человечество последовательно избавляется от трех иллюзий: иллюзии счастья людей на земле, иллюзии счастья в потустороннем мире и иллюзии достижения счастья в результате социального прогресса.— *177.*

[12] *Леопарди, Джакомо* (1798—1837) — итальянский поэт и мыслитель. Один из наиболее ярких поэтов-пессимистов. Как в своих стихах, так и философских диалогах проводит мысль, что в мире господствует зло.— *177.*

[13] *Что стало с Великим храмом на востоке Иосафатовой долины...*— по-видимому, имеется в виду храм Богоматери, одно из древнейших «святых мест» в окрестностях Иерусалима, в Иосафатовой долине, который был разрушен крестоносцами в 1161 г. Впоследствии этот храм наряду с другими «святынями» Иерусалима стал очагом религиозного одурманивания масс и приносил церковникам огромные доходы от многочисленных паломников-христиан различных стран мира.— *178.*

[14] *Шеффель, Иосиф-Виктор* (1826—1886) — немецкий поэт и романист. Известен своим культурно-историческим романом «Эккегард» (1862) о немецкой старине.— *179.*

[15] *Юнг, Бригам* (1801—1877) — глава протестантской секты мормонов в США.— *183.*

[16] *Френзель, Карл* (1827—1914) — немецкий писатель, журналист и театральный критик.— *183.*

[17] *Гумбольдт, Александр* (1769—1859) — выдающийся немецкий ученый-естествоиспытатель. Стихийный материалист. По

своим политическим взглядам — умеренный либерал. Написал много научных трудов, из которых основным является «Космос» (5 томов), переведенный на многие языки мира.— *186.*

[18] *Лабулэй, Эдуард Рэне Лефевр* (1811—1883) — французский реакционный правовед и политический деятель. Автор книг «Религиозная свобода», «Свобода образования» и др.— *189.*

[19] *Американский револьверизм* — бандитизм.— *190.*

[20] *«Молодая Германия»* — литературная группа, возникшая в 30-х годах XIX в. в Германии и находившаяся под влиянием Гейне и Бёрне. Отражая в своих художественных и публицистических произведениях оппозиционные настроения мелкой буржуазии, писатели «Молодой Германии» (Гуцков, Винбарг, Мундт и др.) выступали в защиту свободы совести и печати. Взгляды младогерманцев отличались идейной незрелостью и политической неопределенностью; вскоре большинство из них выродились в заурядных буржуазных либералов.

«Молодая Англия» — кружок реакционных политических деятелей и литераторов, принадлежащих к партии тори. В 1841—1845 гг. существовала как особая группа в парламенте. Деятельность «Молодой Англии» отражала недовольство земельной аристократии усилением могущества буржуазии. Представители «Молодой Англии» пытались использовать народные массы в борьбе с буржуазией. В революцию 1848—1849 гг. «Молодая Англия» открыто стала на сторону реакции.

Молодая Россия — весьма условное обозначение одного из ярких периодов в истории русской общественной мысли — периода 30—40 годов XIX столетия, когда были созданы кружки (Станкевича, Огарева, Герцена и др.), объединявшие передовых людей русского общества и противостоявшие реакционным патриархально-самодержавным кругам России.— *190.*

[21] *Гервинус, Георг-Готфрид* (1805—1871) — немецкий историк. Автор ряда книг по истории немецкой литературы и поэзии. Основное произведение — «История XIX столетия» (1856—1859) написано с либеральных позиций.— *191.*

[22] *Гнейст, Генрих Рудольф* (1816—1890) — немецкий ученый и публицист. Известен своими изысканиями в области государственного права в Англии: «История государственных учреждений в Англии» (1882), «Английский парламент» (1886) и др. Написал ряд работ по политическим вопросам Германии.— *192.*

[23] *Санктис, Франческо де* (1817—1883) — итальянский писатель, литературный критик и философ. Принимал участие в национально-освободительном движении и революции 1848 г. в Неаполитанском королевстве. Его литературно-критические работы: «Критические этюды» (1866), «История итальянской литературы» (1870) — направлены против реакционного романтизма и церковного мракобесия. Длительное время примыкал к гегельянцам. В конце своей деятельности ставил под сомнение принципы идеалистической философии.— *192.*

[24] *Французские сектанты знаменитой школы* — речь идет о школе, созданной в 1825 г. учениками Сен-Симона (Базаром, Анфантеном и др.) вскоре после его смерти. В первые же годы

деятельность школы приняла мистическо-сектантский характер. Во время Июльской революции (1830) на стенах Парижа появился манифест за подписью «начальников учения Сен-Симона Базара и Анфантена», в котором французам, «привилегированным детям человечества», обещалось «окончательное уничтожение феодализма и всех привилегий рождения». Школа впоследствии выродилась в религиозную общину.— *192.*

[25] *Нуаре, Людвиг* (1829—1889) — немецкий писатель, автор философских сочинений «Мир как развитие духа» (1874), «Монистическая мысль» (1875) и др.— *194.*

ХОСЕ МАРТИ

Хосе Марти-и-Перес (1853—1895) — выдающийся мыслитель, общественный деятель, писатель и публицист, национальный герой Кубы.

Родился в Гаване в семье сержанта испанской армии. С шестнадцати лет встал на путь борьбы за независимость Кубы. Часто из-за преследования властей вынужден был жить за границей: в Испании, США, Франции, Аргентине, Гондурасе и других странах Латинской Америки, сотрудничая в различных газетах Нью-Йорка, Буэнос-Айреса и т. д.

В 1871 г. его высылают в Испанию. Здесь Марти публикует свой гневный памфлет «Политическая тюрьма на Кубе», разоблачая ужасные условия, в которых содержатся борцы за независимость.

С 1881 г. Марти переезжает в Северную Америку, где с присущей ему страстностью и энергией ведет подготовку революционного освобождения Кубы, выступая как один из основателей «Революционной партии Кубы» (1891). В марте 1892 г. основывает в Нью-Йорке газету «Patria» («Родина») — официальный орган партии. В апреле 1895 г. Марти отправляется на Кубу, чтобы принять непосредственное участие в начавшихся революционных событиях. 19 мая 1895 г. Марти был убит в стычке с испанскими войсками. В своих произведениях — будь то статья, политический памфлет, историко-философское исследование, новелла — Марти выступает как великий революционер-демократ, пламенный трибун, отважный борец за справедливое дело, как талантливый писатель. Его труды переиздавались неоднократно.

Перевод работ Марти, включенных в настоящий сборник, сделан по полному собранию его сочинений: *José Martí,* Obras completas, V. 1—2, La Habana, 1946.

Испанская республика перед лицом Кубинской революции

«La República Española ante la Revolución Cubana» — статья написана Марти в Мадриде в феврале 1873 г., когда Испания была провозглашена республикой. В яркой, остро полемической

форме Марти ставит в ней вопрос о том, что взаимоотношения между Испанией и Кубой должны строиться на основе уважения прав и свободы каждой страны. Именно этого ожидает Куба от Испанской республики. Эта статья сохранила всю свою актуальность и сегодня, когда героический народ Кубы отстаивает свободу и независимость своей родины от посягательств империалистических держав.

[1] *Сагунт* — город в древней Испании, который был сожжен его жителями, не пожелавшими сдаться карфагенянам (III в. до н. э.). На его территории был построен новый город Сагунто.

Баямо — город на Кубе, колыбель народного восстания 1868 г. против испанского владычества, который также был сожжен жителями во время сражения с испанскими войсками.—*202.*

[2] *Мартос, Кристино* (1830—1893) — испанский государственный деятель, адвокат и журналист. После революции 1868 г. был министром иностранных дел, затем министром юстиции и, наконец, президентом Национального собрания.— *204.*

[Философские идеи]

[Conceptos filosóficos]. В 1877 г. Марти во время пребывания в Гватемале прочитал курс лекций по истории философии в Нормальной школе (учебное заведение типа педагогического института). Готовясь к лекциям, он сделал ряд заметок, часть которых сохранилась и воспроизводится в настоящем сборнике в том виде, в каком они дошли до нас. Хотя эти заметки носят конспективный характер, тем не менее они позволяют сделать вывод о наличии уже в данный период определенной материалистической тенденции в философских воззрениях Марти.

[1] *Веды* — древнейшие литературные памятники индийской культуры. По мнению большинства ученых, период ведической литературы охватывает около тысячи лет: середина второго — середина первого тысячелетия до н. э. Слово «веда» (санскр.) означает «знание», «ве́дение». Являясь по своему содержанию религиозной, ведическая литература вместе с тем имеет огромное значение для изучения истории философии, психологии, этики, права, эстетики, языка, естествознания и, наконец, самих форм общественной жизни Древней Индии. Важнейшие в философском отношении тексты Вед переведены на русский язык в сборнике «Древнеиндийская философия (начальный период)», М., 1963.— *213.*

[2] *Законы Ману* — знаменитый древнеиндийский сборник предписаний, определяющий обязанности и общественный долг каждого индийца в соответствии с догматами брахманизма.— *213.*

[3] *Пураны* — древние и раннесредневековые санскритские литературные памятники, содержащие мифы о богах, о возникновении и разрушении вселенной, а также мифы о происхождении царей.— *213.*

[4] *Махабхарата, Рамаяна* — древнеиндийские эпические поэмы. Первая повествует о великой войне двух древнеиндийских кланов — Кауравов и Пандавов. Вторая рассказывает о жизни и подвигах героя и полубога Рамы.— *213.*

[5] *Азгард* — в скандинавской мифологии небесное царство, где обитатели — азы — могущественный род богов, который был обязан своим происхождением великанам.— *214.*

[6] *Эдды* — древние памятники исландской культуры (середины XIII в.). Представляют собой сборник мифологических и героических песен. В песнях отражено древнее скандинавское общество периода разложения родового строя.— *214.*

[7] *Альфонс X, Мудрый* (1252—1282) — кастильский король, сыгравший большую роль в борьбе с феодальной знатью. С его именем связано начало национального объединения Испании.— *221.*

[8] *Боливар, Симон* (1783—1830) — выдающийся руководитель освободительного движения против испанских колонизаторов в Латинской Америке. Деятельность Боливара была направлена на укрепление молодых государств, образовавшихся в Латинской Америке после освобождения от испанского владычества, и имела прогрессивное значение; одна из латиноамериканских республик была названа в его честь Боливией. Имя Боливара поныне пользуется огромной популярностью в Латинской Америке.— *221.*

[9] *Краузе, Кристиан Фридрих* (1781—1832) — немецкий философ-пантеист. Автор многочисленных сочинений по философии. Внимание к себе он привлек так называемой практической философией — теорией религии, нравственности и права,— которая получила некоторое распространение в Европе, особенно в Испании, и в странах Латинской Америки. В молодости Марти испытал влияние краузизма.— *222.*

[10] *Тиберген* — ученик Краузе и издатель его сочинений.— *223.*

[11] *Эмерсон, Ралф Уолдо* (1803—1882) — американский философ, поэт и публицист. В своем мировоззрении Эмерсон исходил из принципа морального самоусовершенствования и сближения с природой. В морально-философских трактатах («Природа», 1836; «Опыты», 1841—1844 и др.) критиковал с романтических позиций капиталистическое общество. Этические идеи Эмерсона оказали определенное влияние на Марти.— *225.*

[12] *Эйхгорн* — по-видимому, речь идет о немецком ученом, историке-правоведе Карле Фридрихе Эйхгорне (1781—1854), который пытался обосновать справедливость и необходимость вечного господства дворянства, к истории которого он свел по существу всю историю немецкого народа.— *225.*

Наши идеи

«Nuestras ideas» — первая статья Марти в газете «Patria» («Родина») 14 марта 1892 г. Непосредственно осуществляя ру-

ководство газетой, Марти публиковал в ней свои статьи, зовущие к борьбе за свободу народов Кубы и Латинской Америки. Почти за 6 лет существования газеты (последний номер вышел 31 декабря 1898 г., уже после смерти Марти) было выпущено 522 номера.

ЭНРИКЕ ХОСЕ ВАРОНА

Варона, Хосе Энрике (1849—1933) — видный представитель передовой философской и социологической мысли Кубы. Родился в Пуэрто-Принципе. Учился в Гаване, где получил степень доктора философии. С 1880 г. преподавал в Гаванском университете.

Варона написал ряд интересных работ по философии, логике, психологии, эстетике, раскрывающих его материалистическое в своей основе мировоззрение, несмотря на ряд уступок позитивизму.

К числу главных его трудов относятся: «Лекции по психологии» (1901), «Начала логики» (1902), «Империализм в свете психологии» (1905), статьи «Великие люди» (1886), «Толстой» (1899), «Социальное значение искусства» (1900).

Перевод работ Варона, включенных в настоящий сборник, дается по юбилейному изданию избранных произведений, выпущенному в Гаване к столетию со дня рождения мыслителя: *Varona,* Su pensamiento representativo, La Habana, 1949.

Социальное значение искусства

«La importancia social del arte» — статья направлена против приверженцев «чистого искусства». В ней подчеркивается мысль, что искусство должно стать художественным отражением жизни народа, его чаяний и стремлений, должно воспитывать в народе высокие и благородные чувства.

[1] *Портик* — имеется в виду одна из наиболее долговечных и влиятельных философских школ античного мира, школа стоиков, получившая свое название по месту собраний ее приверженцев: «стоа» (греч.) буквально означает «портик».

Академия — главное философское учреждение античных идеалистов, основанное Платоном в Афинах, в саду, посвященном легендарному герою Академу.— *247.*

[2] *Автор «Иерусалима...»* — Тассо, Торквато (1544—1595), крупнейший итальянский поэт эпохи Возрождения. С 1565 г. был придворным поэтом кардинала Луиджи д'Эсте, а с 1571 г.— феррарского герцога Альфонса д'Эсте. Тассо является автором знаменитой эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580). Имеется русский перевод поэмы.— *250.*

Не пора ли открыть нам глаза?

«¿Abriremos los ojos?» — статья написана в октябре 1906 г., вскоре после восстания на Кубе, направленного против амери-

канского господства и подавленного американскими войсками, оккупировавшими Кубу в 1906—1909 гг. Статья призывает к объединению национальных сил для борьбы за независимость Кубы.

[1] Это высказывание Варона в сущности направлено не против марксизма, а против вульгарного экономического детерминизма. В Латинской Америке многие, даже передовые мыслители, были плохо знакомы с марксизмом, часто им были известны лишь отдельные его стороны и положения, к тому же иногда искаженные противниками К. Маркса.— *252*.

[2] *Великое восстание 1898 г.*— имеется в виду война США с Испанией в 1898 г., в которой Испания потерпела поражение, а Куба, получив формальную независимость по Парижскому мирному договору (1898), была оккупирована США (1898—1902).— *253*.

Логика

«Lógica». Публикуемый в сборнике отрывок из «Логики» Варона представляет собой одну из лекций, прочитанных им в Гаванском университете.

[1] Под *интуицией* (intuitio (лат.) — созерцание) Варона понимает непосредственное усмотрение истины.— *255*.

МАНУЭЛЬ ГОНСАЛЕС ПРАДА

Прада, Мануэль Гонсалес (1848—1918) — известный перуанский философ, литератор и публицист, организатор Национального союза, или радикальной партии. Написал ряд ярких произведений, отличающихся острой социально-политической направленностью. Среди них следует выделить «Свободные страницы» (1894), «Наши индейцы» (1904), «Интеллигент и рабочий» (1905). В них он выступает как борец против феодального варварства, колониализма, в защиту угнетенных индейских масс, выступает за революционное преобразование социальной действительности. Праду называют предвестником нового, единого Перу.

Переводы работ Прады даны по избранным его произведениям: *Manuel Gonzalez Prada,* Selección y Prólogo de Luís Alberto, Sánchez. México, 1945.

Смерть и жизнь

«La muerte y la vida» — работа написана в 1890 г. Главная мысль этого произведения сводится к тому, что люди «не должны прозябать в жизни»; в жизни надо действовать и бороться.

[1] *Боссюэ, Жак-Бенинь* (1627—1704) — французский писатель, епископ, идеолог католической реакции и французского абсолютизма. Придерживался крайне реакционных политических взглядов, преследовал прогрессивную литературу, содержавшую критику Библии. В своих сочинениях, большую часть которых

составляют церковные проповеди, развивал мысль о божественном провидении, которое якобы определяет историческое развитие человечества и делает королей своими наместниками на земле. Наиболее известны его «Надгробные речи» (1689), в которых дан обзор политической жизни Франции XVII в.— *264*.

[2] *...Ту пропасть, которая приводила в трепет Тюррена и ужасала Паскаля* — автор хочет сказать здесь, что мысль о смерти была невыносимой даже для Блеза Паскаля (1623—1662), выдающегося французского мыслителя, математика и физика, уединившегося в последние годы своей жизни в Пор-Рояльском монастыре и предавшегося религиозным размышлениям о загробной жизни; а также для такого бесстрашного полководца Франции, каким был Анри де ла Жур д'Овернь Тюрреп (1611—1675).— *264*.

[3] Неточное изложение позиции Гегеля по данному вопросу. В действительности Гегель считал, что бог есть абсолютный дух, т. е. абсолютная сущность всего существующего, а не нечто вне универсума.— *266*.

[4] *Элевсины* — жители города Элевсина в Древней Греции, известные своими религиозными празднествами.— *271*.

[5] *Индра* — первоначально бог грозы и бури, позднее бог войны в индийской мифологии.— *271*.

[6] *Мансанилья* и *дуо-упас* — растения с ядовитым соком.— *271*.

Наши индейцы

«Nuestros indios» — написана в 1904 г. Индейский вопрос — одна из важнейших социальных проблем Перу, тесно связанная с аграрным вопросом, поскольку основную массу крестьянского населения страны составляли именно индейцы. Прада разоблачает существующий в Перу строй как «великий обман», когда демократической республикой называется государство, в котором два или три миллиона людей фактически лишены прав.

В данной работе подвергается также критике социальный дарвинизм, вскрывается реакционная сущность взглядов представителей психологического направления в социологии (Ле Бон, Тард и др.).

Работа публикуется с незначительными сокращениями.

[1] *Ле Бон, Гюстав* (1847—1931) — французский этнограф и социолог, представитель психологического направления в социологии. Согласно его утверждению социальные действия людей, как индивидуальные, так и коллективные, определяются в основном чувствами и религиозными верованиями и носят иррациональный характер. Его этнография пронизана расистскими идеями.

Тард, Габриэль (1843—1904) — французский социолог, один из основоположников психологического направления в социологии, автор книг «Законы подражания» (1860), «Социальная логика» (1895), «Социальные законы» (1898) и др. В них он стремился «объяснить» все явления социальной жизни двумя психологическими факторами: изобретением и подражанием; изобретение-

де доступно гениальным одиночкам, подражание — удел огромного большинства. Провозгласив «существование социального закона подражания», он объявил его движущей силой общественного развития.— *274*.

[2] *Диафуарус* и *Пургон* — персонажи (врачи) известной комедии Мольера «Мнимый больной».— *274*.

[3] *Новиков, Яков Александрович* (1849—1912) — буржуазный антрополог, примыкал к социологической школе, которая вслед за Спенсером переносила на общество законы биологического развития человеческого организма. Новиков жил во Франции и писал на французском языке. Автор книг «Будущее белой расы» (1897), «Критика социального дарвинизма» (1910) и других, в которых выступает против насилия, считая его необязательным средством в борьбе между народами.

В условиях Латинской Америки, где коренное индейское население подвергалось чудовищному насилию и просто физическому истреблению, идеи Новикова получили некоторое распространение.— *274*.

[4] *Пирсон, Карл* (1857—1936) — английский философ-позитивист; главное произведение — «Грамматика науки» (1892), в котором он излагает свои взгляды на науку, сводя ее лишь к констатированию и описанию фактов, не выявляя их сущности и причин. Пирсон отрицательно относился к философии, исключив ее из составленной им классификации наук. Приобрел известность как распространитель расистских идей.— *275*.

[5] *Тэн, Ипполит* (1828—1893) — французский философ-позитивист, историк, искусствовед и литературовед, написавший ряд философских, эстетических и историко-литературных работ: «История английской литературы» (1863—1864), «Философия искусства» (1865), «Об уме» (1870).

В Перу взгляды Тэна об эволюционном развитии, о дифференциации функций в обществе использовались «просвещенной олигархией» для оправдания своего господства.— *275*.

[6] *Бурже, Поль* (1852—1935) — французский писатель, произведения которого отмечены печатью декаданса.— *276*.

[7] *Ломброзо, Чезаре* (1835—1909) — итальянский психиатр и криминалист, основатель реакционного антропологического направления в буржуазном праве. Объяснял преступность наличием в обществе особого типа «преступного человека», обладающего врожденным предрасположением к совершению преступлений. — *276*.

[8] *Торквемада, Томас* (1420—1498) — «великий инквизитор» Испании, известный своей жестокостью. — *276*.

[9] *Боссюэ* — см. прим. 1 к стр. 264 — *276*.

[10] *Лас-Касас, Бартоломе* (1474—1566) — испанский епископ в Мексике, историк, видный гуманист испанского Возрождения. В ряде мемориалов, представленных королевскому правительству, он гневно обличал бесчинства и зверства испанских конкистадоров. В книге «История Индии» Лас-Касас резко осуждал насильственное подчинение народов и завоевательные войны, выступал за облегчение жизни индейцев. Его сочинения представляют

ценный источник для изучения периода завоевания Латинской Америки, для понимания «цивилизаторской миссии» испанских колонизаторов.— *278.*

[11] *Гамонал* — индейский касик, т. е. влиятельное лицо (главным образом помещик), сосредоточившее в своих руках фактическую власть в определенной местности. Гамоналы выступали за предоставление широкой автономии региональной администрации, что позволяло им осуществлять свою полную власть и отвергать все требования индейцев. Гамонализм является одной из причин, тормозивших решение индейской проблемы и аграрного вопроса.— *279.*

[12] *Канака* — термин, употреблявшийся колонизаторами на территории современных Эквадора и Чили для обозначения людей желтой расы.— *279.*

[13] *«Законы Индий,* или Новые законы» — ряд предписаний (эдиктов), принятых Карлом V в 1542—1543 гг. Эти законы несколько ограничивали права испанских колонистов в отношении туземного населения — индейцев. В частности, индейцев запрещалось обращать в рабов. Согласно «Новым законам» индейцы считались лишь подданными короля. Однако из-за упорного сопротивления феодалов «Законы Индий» остались фактически пустой формальностью.— *280.*

[14] *Чукуито* — провинция в Перу.— *281.*

[15] *Такна* и *Арика* — территории, расположенные на границе Перу и Чили и принадлежавшие Перу до Тихоокеанской войны (1879—1883). После поражения Перу в этой войне Такна и Арика были по договору переданы Чили на 10 лет.

В 1929 г., после вмешательства США, стремившихся подчинить Перу и Чили, Такна была возвращена Перу, Арика осталась за Чили.— *281.*

[16] *Энкомендеро* (исп.) — буквально попечитель. Так называли белых колонистов, назначаемых испанскими королевскими властями для осуществления общего надзора за индейским населением. За свои функции энкомендеро получал право облагать индейцев оброком, использовать их бесплатный труд для обработки своих поместий. Энкомиедная система способствовала развитию феодальных отношений в Южной Америке.— *282.*

[17] *Коррехидоры* — испанские чиновники, выполнявшие как судебные, так и административные функции в городах и провинциях феодальной Испании и Латинской Америки, где пользовались почти неограниченной властью, проявляя невероятную жестокость по отношению к индейцам.— *282.*

[18] *Атауальпа* — верховный инка, последний правитель Перу, который был казнен в 1532 г. испанскими завоевателями во главе с Писарро, захватившими и разграбившими все государство инков.— *285.*

[19] *Калькучима* — индейский военачальник периода завоевания испанцами Перу.— *285.*

[20] *Пачакамак* — бог в мифологии древних инков.

Вальверде, Винсенте (XVI в.) — испанский священник, проводил насильственное обращение индейцев в христианство.— *285.*

[21] *Гражданин Гуаина-Капака* — имеется в виду гражданин государства, основанного в середине XV в. одним из предводителей инков Гуаина-Капак на месте завоеванного им древнеиндейского государства Кито (территория современного Эквадора) со столицей Кито.— *285.*

[22] *Санта-Крус* (1792—1862) — государственный деятель, президент Боливии с 1831 по 1835 г.— *286.*

[23] *Война в районе Тихого океана* — война (1879—1883) между Чили, с одной стороны, Перу и Боливией — с другой. Была вызвана стремлением Чили захватить богатые селитрой районы Перу и Боливии. Кончилась победой Чили.— *286.*

[24] *Фанега* = 64,5 *кв. м; лига* = 557,2 *кв. м.*— *287.*

[25] *Империя инков* — ее образование относится к 1438 г. Империя простиралась от южной части современного Эквадора до северной части Чили, включая территорию Перу и Боливии. Столицей был г. Куско. Империя была разрушена испанскими колонизаторами в 1532 г.— *288.*

Интеллигент и рабочий

«El intelectual y el obrero» — работа написана в 1905 г.; в ней, как и во многих других, Прада остро ставит проблему социального равенства и справедливости, которая, по его мнению, может быть разрешена только «единственно эффективным способом — революцией». Однако в его трактовке вопроса о революции, рассматриваемого им абстрактно, сказывается значительное влияние анархизма.

ЭНРИКЕ ХОСЕ РОДО

Родо, Энрике Хосе (1872—1917) — уругвайский философ-идеалист, классик латиноамериканской литературы. Философские взгляды Родо изложены в известных художественных произведениях «Ариэль» (1900), «Мотивы Протея» (1909) и др. Философия Родо имеет ярко выраженную этическую и эстетическую окраску. Его волнуют главным образом проблемы, связанные с духовной свободой личности, поведением индивида и т. д.

Ариэль

«Ariel» — это произведение, посвященное американской молодежи, написано в 1900 г. и выдержало много изданий. В художественной форме Родо выражает свои философские взгляды. Ариэль олицетворяет творческое начало, благородство и изящество разума. Ариэль борется с Калибаном — воплощением низменных чувств и грубого утилитаризма.

В предлагаемом в настоящем сборнике отрывке из «Ариэля» ставится вопрос о необходимости гармонического развития человека и борьбы с порабощающим личность утилитаризмом.

[1] *Ренан, Эрнст* (1823—1892) — известный французский писатель, философ, историк и филолог. Его воззрения характеризуются скептицизмом. Его работы «Будущее науки» (1843, опубл. 1890), «Опыты морали и критики» (1860), «Аверроэс и аверроизм» (1852), «Философские диалоги и фрагменты» (1876), «Жизнь Иисуса» (1863) и другие пользовались большой популярностью во многих странах, в том числе и в Латинской Америке.— *301.*

[2] *Пникс*— холм в Древних Афинах, к западу от Акрополя. В конце VI—IV вв. до н. э. на Пниксе проводились народные собрания, где решались важные политические вопросы.— *305.*

[3] *Портик* — галерея, образуемая колоннами, несущими перекрытие; портики были широко распространены в античную эпоху (в Древней Греции) и служили местом собраний, гуляний и т. д.— *305.*

[4] *Маколей, Томас Бабингтон* (1800—1859) — английский буржуазный историк, публицист и политический деятель.— *305.*

[5] *Уланд, Людвиг* (1787—1862) — немецкий поэт, представитель позднего романтизма. Его стихи переводили В. А. Жуковский, А. А Фет, Ф. И. Тютчев и другие русские поэты.— *308.*

[6] *Клеанф* (ок. 330—232 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-стоик. Сначала был кулачным бойцом. Придя в Афины, стал слушать лекции Зенона, а по ночам носил воду и месил тесто. После смерти Зенона стал преемником его в управлении школой. Из его сочинений сохранился «Гимн к Зевсу».— *310.*

ЭУКЛИДЕС ДА КУНЬЯ

Эуклидес да Кунья (1866—1909) — видный прогрессивный мыслитель, писатель и социолог Бразилии. Для творчества Куньи характерно противоречие между его во многом неверными теоретическими взглядами и прогрессивными социально-политическими устремлениями. Оставаясь мелкобуржуазным революционером, Кунья сочувственно относился к марксизму. Свои социологические воззрения он изложил в главном произведении «Сертаны» и целом ряде статей на исторические и научные темы, опубликованных в разное время. Подавляющее большинство статей вошло в сборники «Контрасты и сопоставления» (1907) и «На полях истории» (1909).

Старая проблема

«Um velho problema» — статья написана в мае 1904 г., вошла в сборник «Контрасты и сопоставления». Круг вопросов, рассматриваемых в статье, показывает, что Кунья пытается осмыслить некоторые идеи учения Маркса. В статье дается резкая критика утопического социализма и уравнительного коммунизма, который, однако, иногда смешивается с буржуазным радикализмом. Перевод дается по изданию: *E. da Cunha, Contrastes e confrontos.* Porto, 9 ed., (s. a.).

ФЛОРЕНТИНО АМЕГИНО

Амегино, Флорентино (1854—1911) — выдающийся аргентинский ученый-материалист. Преподавал в муниципальном колледже в г. Мерседесе, с 1902 г. — директор Национального музея Аргентины.

Амегино выдвинул гипотезу о том, что человек впервые появился в Южной Америке. Открытия Амегино в области палеонтологии принесли ему мировую известность. К числу его главных естественнонаучных работ относятся: «Прошлое человека в Ла-Плате» (1880—1881), «Ископаемые млекопитающие в Южной Америке» (1880), «Вклад в изучение ископаемых млекопитающих Аргентинской республики» (1889).

Всю жизнь Амегино неустанно и мужественно боролся за передовую науку. Благодаря его деятельности в Латинской Америке получили распространение материалистические идеи Дарвина. Философские воззрения Амегино, носящие в основе материалистический характер, изложены в следующих работах: «Филогения» (1884), «Мое кредо» (1906), «Происхождение и продолжительность жизни (материя, жизнь, смерть и бессмертие)», опубликованная после его смерти.

Мое кредо

«Mi credo» — речь, произнесенная Амегино 4 августа 1906 г. на торжественном собрании, посвященном XXIV годовщине со дня основания Аргентинского научного общества, где Амегино был избран его почетным членом.

В этой речи Амегино излагает свою материалистическую философскую концепцию. В течение многих лет Амегино не осмеливался сделать это, опасаясь, что не будет понят окружающими, находившимися под сильным влиянием идеализма. Теперь, обращаясь к президенту общества, Амегино сказал: «Если столь высокое научное общество республики удостоило меня такого почетного звания, то это является доказательством того, что оно считает меня умным. А если я являюсь таковым в данный момент, то неужели через час, после произнесения моего признания, оно сочтет меня сумасшедшим? Не думаю. Более того, случись так, то, согласно поговорке, гласящей «один сумасшедший делает еще сотню», с этого собрания я уйду в хорошем сопровождении».

В этой работе многие термины изобретены ее автором и не соответствуют принятой научной терминологии.

Перевод дается по изданию: «Obras completas», vol. XV, La Plata, 1934.

ХОСЕ ИНХЕНИЕРОС

Инхениерос, Хосе (1877—1925) — виднейший аргентинский ученый, философ, социолог и психолог. Родился в Буэнос-Айресе.

Изучал медицину в университете Буэнос-Айреса. Защитив докторскую диссертацию на тему «Симуляция сумасшествия», руководил кафедрой экспериментальной психологии того же университета. Им написано немало работ по вопросам философии, психологии, морали, в которых обнаруживается сильная материалистическая тенденция его мировоззрения. Инхениерос был одним из организаторов Аргентинской социалистической партии. После победы Октябрьской революции с большой симпатией относился к молодой Советской республике.

Основные труды: «Симуляция сумасшествия» (1900), «Средний человек» (1913), «Основы психологии», «Аргентинская социология», «Тезисы относительно будущего философии» (1918), «Моральные силы русской революции» (1920).

Перевод работ, включенных в настоящий сборник, дается по полному собранию сочинений: *J. Ingenieros,* Obras completas, Buenos Aires, 1957.

Тезисы относительно будущего философии

«Proposiciones relativas al porvenir de la Filosofía» — работа написана в 1918 г., в настоящем сборнике публикуется с сокращениями, однако таким образом, что по заголовкам и подзаголовкам ее разделов читатель имеет возможность составить представление о ее структуре в целом. В этой работе Инхениерос пытается определить место философии в системе научного знания, цели и задачи философии будущего в противовес позитивистам, отрицавшим значение философии как науки. Однако позитивный аспект работы является менее обоснованным, нежели критика буржуазных философских концепций XIX в.

[1] «E pur si muove!» (итал.) — «И все-таки она вертится!». Эти слова приписывают выдающемуся итальянскому ученому и мыслителю Галилео Галилею (1564—1642), который произнес их вслед за тем, как по принуждению инквизиции публично отрекся от учения Коперника.— *349.*

[2] *Гипатия* (Ипатия) (370—415) — женщина-философ, математик и астроном из Александрии. Ей принадлежат книги, содержащие толкование произведений Платона, Аристотеля и других греческих философов, а также сочинения по математике и астрономии. Гипатия пала жертвой религиозного фанатизма: по наущению епископа Кирилла была растерзана толпой.— *352.*

[3] *Ормузд* — среднеперсидское название бога Ахурамазды, олицетворявшего доброе творческое начало. Изображался в виде крылатой человекоподобной фигуры.

Ариман — греческое название древнеперсидского бога Анхра-Майнью, олицетворявшего злое начало и вечно боровшегося со своим братом Ахурамаздой.— *352.*

[4] *Мудрец из Кенигсберга* — имеется в виду крупнейший немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804), который родился и прожил всю жизнь в Кенигсберге.— *354.*

[5] *Герменевтика* — искусство перевода и объяснения (Гермес в древнегреческой мифологии был посредником между богами и людьми). В XIX в. термин «герменевтика» применялся для наименования особого метода классической науки о языке, позволяющего интерпретировать памятники древней литературы.— *358.*

[6] *Ученики Стагирита* — последователи учения Аристотеля (384—322 гг. до н. э.), который родился в г. Стагире, греческой колонии на Фракийском побережье Халкидии.— *358.*

[7] *...философу из Кенигсберга и мыслителю из Аквино* — речь идет об Иммануиле Канте и Фоме Аквинском (1225—1274), крупнейшем теологе средневековья, учение которого — томизм — стало в современных капиталистических странах официальной доктриной католической церкви.— *360.*

[8] *Реформа* — имеется в виду Реформация — широкое социально-политическое движение, охватившее в XVI в. большинство стран Европы и принявшее форму борьбы против католической церкви. Движение носило антифеодальный характер.— *362.*

[9] *Десять лет тому назад, говоря о возможности создания научной философии просто как метафизики опыта...* — имеется в виду статья Инхениероса «Принципы психологии», опубликованная им в журнале «Медицинская Аргентина» в 1909 г.— *365.*

Моральные силы русской революции

«Las fuerzas morales de la Revolución Rusa» — статья написана в ноябре 1920 г. и впервые опубликована в сборнике работ Инхениероса «Новые времена» («Los tiempos nuevos»). Этот сборник был издан в том же году, когда империалисты всех стран наряду с организацией военной интервенции пытались восстановить против Советской России мировое общественное мнение, прибегнув к широкой кампании клеветы, лжи и фальсификации целей Октябрьской революции. Инхениерос решительно встал на сторону тех, кто открыто заявил о своей моральной поддержке Советской России. Русской революции и России Инхениерос посвятил ряд статей. Кроме статьи, публикуемой в этом сборнике, в книгу «Новые времена» вошли, например, такие его работы, как «Действующая демократия в России», «Всеобщее образование в России», «Экономические уроки русской революции».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абеляр, Пьер (1079—1142) 223
Августин Блаженный (354—430) 277
Александр Македонский (356—323 до н. э.) 176, 292
Альберди, Хуан (1810—1884) 93
Альфонс X Мудрый (1252—1282) 221
Аристотель (Стагирит) (384—322 до н. э.) 215, 222, 256, 257, 260, 284, 358
Арно, Антуан (1612—1694) 104
Аррегине, Викто́р 275
Атауальпа (уб. 1532 г.) 275, 285

Байрон, Джордж (1788—1824) 177, 190, 191, 192
Бакунин, М. А. (1814—1876) 182
Баррес, Морис (1862—1923) 276
Бейль, Пьер (1647—1706) 166
Бергсон, Анри (1859—1941) 348
Бёрне, Людвиг (1786—1837) 187
Блан, Луи (1811—1882) 319
Боливар, Симон (1783—1830) 221
Боссюэ, Жак-Бенинь (1627—1704) 264, 276
Бруно, Джордано (1548—1600) 352
Бурже, Поль (1852—1935) 213, 276
Бутру, Эмиль (1845—1921) 348, 357
Бэкон, Френсис (1561—1626) 73, 105, 107, 218, 222, 352
Бюхнер, Людвиг (1824—1899) 348

Вайан, Эдуард (1840—1915) 321
Вальверде, Винесенте (XVI в.) 285
Вандервельде, Эмиль (1866—1938) 321
Вашингтон, Букер (1858—1915) 286
Вейсман, Август (1834—1914) 348
Верньо, Пьер (1753—1793) 316
Вико, Джамбаттиста (1668—1744) 105
Вильгельм II (1859—1941) 276, 286
Вильена, де (1384—1433) 218
Вильсон, Вудро (1856—1924) 383, 392
Вольней, Константин (1757—1820) 128, 213
Вольтер, Франсуа (1694—1778) 249

Врангель, П. Н. (1878—1928) 390, 394

Габелли, Аристидес (1830—1891) 171
Галилей, Галилео (1564—1642) 218, 352
Гамильтон, Уильям (1788—1856) 257
Гартман, Эдуард (1842—1906) 177, 178, 183
Гаутама (Будда) (VI—V вв. до н. э.) 256
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) 222, 223, 259, 266, 352, 372
Гейне, Генрих (1797—1856) 184, 188
Геккель, Эрнст (1834—1919) 194, 276, 348
Гераклит Эфесский (ок. 530—470 до н. э.) 222
Гервег, Георг (1817—1875) 191
Гервинус, Георг-Готфрид (1805—1871) 191
Герцен, А. И. (1812—1870) 191
Гёте, Иоганн Вольфганг (1749—1832) 174, 180, 186, 194
Гизо, Франсуа (1787—1874) 316
Гипатия (из Александрии) (370—415) 352
Гладстон, Уильям (1809—1898) 169
Гнейст, Генрих (1816—1890) 192
Гойя, Франсиско Хосе де (1746—1828) 243
Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) 136
Гумбольдт, Александр (1769—1859) 186
Гумплович, Людвиг (1838—1909) 278
Гюйо, Жан Мари (1854—1888) 268, 301

Даламбер, Жан Лерон (1717—1783) 316
Данте, Алигьери (1265—1321) 176, 190, 245
Дантон, Жорж Жак (1759—1794) 390
Дарвин, Чарлз (1809—1882) 187, 222, 276
Декарт, Рене (1596—1650) 104, 107, 222, 352
Демолен, Эдмон (1852—1907) 275
Джемс, Уильям (1842—1910) 348
Дидро, Дени (1713—1784) 314
Дюркгейм, Эмиль (1858—1917) 274

Жоффруа, Жюль-Луи (1743—1814) 189

Зенон (из Китиона) (ок. 336—264 до н. э.) 310
Зибель, Генрих (1817—1895) 172

Калькучима 285
Кампанелла, Томмазо (1568—1639) 314
Камю, Арманд-Гастон (1740—1804) 318
Кант, Иммануил (1724—1804) 105, 222, 257, 352, 353
Кардозо, Айрес 163
Карл III (1716—1788) 243
Карл X (1757—1836) 185
Катон, Марк (95—46 до н. э.) 173
Кауйде 286
Клеанф (ок. 330—232 до н. э.) 310
Колажанни (1847—1921) 321
Колумб, Христофор (1451—1506) 293
Кондильяк, Этьенн Бонно де (1715—1780) 221
Кондорсе, Жан Антуан де (1743—1794) 105, 317
Конт, Огюст (1798—1857) 178, 224, 274, 278, 303, 305
Корнель, Пьер (1606—1684) 217
Краузе, Кристиан (1781—1832) 220, 222, 223

Крёниг 184
Кювье, Жорж (1769—1832) 321

Лабулэй, Эдуард (1811—1883) 189
Лавалье, Хуан (1797—1841) 129
Лавуазье, Антуан (1743—1794) 274
Лайель, Чарлз (1797—1875) 274
Лакордер, Жан Батист (1802—1861) 159
Ламартин, Альфонс де (1791—1869) 190
Ламенне, Фелисите Робер де (1782—1854) 61
Лас-Касас, Бартоломе (1474—1566) 278
Ле Бон, Гюстав (1847—1931) 274, 276—278, 284
Ле Дантек, Феликс-Александр (1869—1917) 357
Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646—1716) 103, 105, 352
Лекки, Хартполь (1838—1903) 174
Ленин, В. И. (1870—1924) 390
Леопарди, Джакомо (1798—1837) 177, 223
Леру, Пьер (1797—1871) 75, 104, 106, 107, 109, 113
Лессинг, Готхольд Эфраим (1729—1781) 103, 105
Лигг, Жан 321
Лилберн, Джон (ок. 1614—1657) 314
Локк, Джон (1632—1704) 352
Ломброзо, Чезаре (1835—1909) 276
Лопе де Вега, Феликс (1562—1635) 242
Луи-Филипп (1773—1850) 185
Людовик XIV (1638—1715) 249, 250
Лютер, Мартин (1483—1546) 177, 292

Мабли, Габриэль Бонно де (1709—1785) 316
Мадзини, Джузеппе (1805—1872) 191
Макдональд, Джемс Рамсей (1866—1937) 276
Макиавелли, Никколо (1469—1527) 174
Маколей, Томас Бабингтон (1800—1859) 305
Мальбранш, Никола (1638—1715) 104
Мальтус, Томас (1766—1834) 320
Мансель, Генри (1820—1871) 257
Мансера, де 281
Мансилья, Лусио (1792—1871) 139
Маркс, Карл (1818—1883) 173, 319
Мартос, Кристино (1830—1893) 204
Мати, Карл (1806—1868) 167, 186
Меттерних, Клеменс (1773—1859) 390
Микеланджело, Буонарроти (1475—1564) 243, 284
Мильеран, Александр Этьенн (1859—1943) 390
Милль Джон Стюарт (1806—1873) 188—192
Мирабо, Оноре Габриель (1749—1791) 162, 268, 318
Мольер, Жан Батист (1622—1673) 250, 274
Монтень, Мишель де (1533—1592) 309
Мор, Томас (1478—1535) 314
Морелли (XVIII в.) 314
Мотецума II (ок. 1466—1520) 275

Наполеон I (1759—1821) 131, 162
Наполеон III (1808—1873) 168, 169
Нерон, Клавдий Цезарь (37—68 н. э.) 272
Новиков, Я. А. (1849—1912) 274, 286

Нордо, Макс-Симон (1849—1923) 276
Нуаре, Людвиг (1829—1889) 194
Ньютон, Исаак (1642—1727) 274, 329

Олайя 286
Орсини, Феличе (1819—1858) 169

Паласио, Мариано Рива (XIX в.) 143
Паскаль, Блез (1623—1662) 49, 103, 105, 264
Перро, Шарль (1628—1703) 105
Петлюра, С. В. (1877—1926) 393
Пилсудский, Юзеф (1867—1935) 393
Пирсон, Карл (1857—1936) 275
Пифагор (р. ок. 580—ум. 500 до н. э.) 271, 316
Платон (427—347 до н. э.) 215, 222, 316
Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) 319

Рафаэль, Санти (1483—1520) 245
Рейно, Жан Эрнст (1806—1863) 106
Рембрандт, Харменс ван Рейн (1606—1669) 240
Ренан, Жорж Франсуа (1847—1930) 301
Ричард II (1367—1400) 188
Ришелье, Арман Жан дю Плесси (1585—1642) 217, 249
Росас, Хуан (1793—1877) 126
Россини, Джоаккино (1792—1868) 245
Руге, Арнольд (1802—1880) 191

Санктис, Франческо де (1817—1883) 192
Санта-Крус (1792—1862) 286
Сен-Жюст, Луи Антуан (1767—1794) 318
Сен-Симон, Анри (1760—1825) 54, 105, 106, 188, 319
Сент-Бёв, Шарль Огюстен (1804—1869) 220
Сеттембрини, Луиджи (1813—1876) 172
Скотт, Вальтер (1771—1832) 130
Скриб, Эжен (1791—1861) 274
Сократ (ок. 469 — 399 до н. э.) 222, 352
Солон (р. ок. 638—ум. ок. 559 до н. э.) 84
Спенсер, Герберт (1820—1903) 224, 225, 276, 352, 361
Спиноза, Бенедикт (1632—1677) 352
Стагирит, см. Аристотель
Стендаль, Анри (1783—1842) 193
Стефен, Фицджеймс (1829—1894) 176
Сурбаран, Франсиско (1598—1664) 240

Тард, Габриэль (1843—1904) 274
Тассо, Торквато (1544—1595) 245
Тиберген (XIX в.) 223
Токвиль, Алексис Шарль (1805—1859) 77
Торквемада, Томас (1420—1498) 276
Трейчке, Генрих (1834—1896) 172, 188
Тэн, Ипполит (1828—1893) 275
Тюрго, Анн (1727—1781) 105
Тюренн, Анри (1611—1675) 264

Уайльд, Оскар (1856—1900) 276
Уланд, Людвиг (1787—1862) 308

Фалес из Милета (ок. 624—547 до н. э.) 213, 214
Ферри, Энрико (1859—1929) 321

Филипп II (1527—1598) 242
Фихте, Иоганн Готлиб (1762—1814) 105, 220, 222
Фома Аквинский (1225—1274) 313
Фонтенель, Бернар ле Бовье (1657—1757) 105, 314
Франциск Ассизский (Бернардо Джованни) (1181 (1182)—1226) 307
Фрейнд, Леонард 185
Френзель, Карл (1827—1914) 183, 186
Фридрих-Вильгельм II (1744—1797) 189
Фурье, Шарль (1772—1837) 319

Хазлит, Вильям (1778—1830) 190
Хуарес, Бенито (1806—1872) 286

Цезарь, Гай Юлий (100—44 до н. э.) 176

Шампольон, Жан Франсуа (1790—1832) 213

Шеллинг, Фридрих Вильгельм (1775—1854) 222, 223
Шеффель, Иосиф-Виктор (1826—1886) 179
Шопенгауэр, Артур (1788—1860) 177, 187, 222, 223, 352

Эдуард VII (1841—1910) 286
Эйкен, Рудольф (1846—1926) 348
Эйхгорн, Карл (1781—1854) 225
Эльзе, Карл (1821—1889) 235
Эмерсон, Ральф Уолдо (1803—1882) 225, 226
Эмпедокл (ок. 490—430 до н. э.) 222
Эсте, Альфонс II д' (1533—1597) 250

Юм, Давид (1711—1776) 352
Юнг, Бригам (1801—1877) 183

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ассоциация 44, 45, 47, 48, 77, 78, 82, 89, 97, 112
Атом 327, 330—334

Бог 44, 55, 56, 215, 217, 266, 363
Борьба за существование 284, 339, 378
Братство 44, 45, 47, 50, 51, 89, 114—116, 162, 175, 177

Буржуазия 317
Бытие 214, 258, 269
Власть
— законодательная 82
— исполнительная 82
— общественная (социальная) 47, 53, 82, 83
— политическая 252, 253, 283
— судебная 82
Война 116, 203, 228—233
— гражданская 64, 66, 69, 388, 390
— между угнетателем и угнетенным 109
— мировая (первая) 380—381, 383
Восприятие 255
Время 326, 327, 331

Государство 57, 58, 109, 115, 126, 127, 160, 282, 379
— капиталистическое 389
— социалистическое 389

Движение 326, 327, 329, 331—340, 343
— жизненное 336, 338, 340, 342, 343
— формы 327, 335, 338
Дедукция и индукция 148
Демократия 48, 69—71, 73, 75, 76, 77, 79, 81, 84—86, 89—91, 103
Диктатура
— капиталистическая 390
— пролетарская 390
Догматизм социальный 348, 351, 352, 354, 375
Дух 216, 219, 222, 224—226

Жизнь 49, 76, 263, 264, 269, 270, 272, 273, 335—338, 340, 342, 343
— и смерть 263, 264, 266—268, 270, 272, 340, 343

Закон, законы 42, 46, 47, 52, 71—73, 75, 78, 81—86, 90, 253, 322
— бытия (мира) 49, 216
— времени и места 101
— естественный (природы) 73, 78, 216, 271, 334, 343
— логические (мышления) 258, 259
— моральный (долга) 113, 114
— развития 49
— социальные 78, 104, 334
— тождества и противоречия 257, 258

Идеализм 258
Империализм 380

Индивидуализм 190—192, 316
Индукция 256
Интеллигент (интеллигенция) 289—297
Интуиция 216, 217, 255, 256, 260
Искусство 75, 76, 84, 89—91, 239, 242, 244—249, 251
— как средство отражения 247
— социальные функции 244
Истина 256—258, 260, 348, 352—354, 365, 371, 373, 375
— критерий 257, 258
— познание 255
История 112, 185, 214

Капитал, капитализм 164, 319, 320, 378, 382, 392
— иностранный (на Кубе) 254
см. *эксплуатация*
Католицизм 178, 179, 314, 316
Класс, классы 52, 72, 73, 80, 90, 163, 164, 278, 287, 374, 380
— неимущий 280
— паразитические 380—385
— правящие 322
— привилегированные 316, 384, 389
— производительные 378, 385
— пролетариев 80, 110, 111, 253, 289—297, 317, 322
— реакционные 383
см. *равенство*
Контрреволюция 73, 74
Культура 89, 183, 239, 246, 247, 253, 303, 306, 359

Личность см. *человек*
Логика 255—260, 260, 358, 369
— гегелевская 258, 259
— математическая 363
— метафизическая 363
— формальная 257, 259
— эмпирическая школа 256, 257

Материализм 215
Материя 271, 326—334, 336, 337, 339, 342, 343
— живая 336—339, 341, 343
— мыслящая 344
— органическая и неорганическая 335, 337—339, 341
— формы 331
— эволюция 327, 329, 338, 343, 344
Метафизика (как внеопытная наука) 215, 216, 354—359, 361—365, 367—369, 372, 375—377
— и наука 368, 370, 373
— предмет 364
Молекулы 330—334, 338
Мораль 59, 60, 133, 175, 222, 284, 354, 378—380, 385, 388, 391
— капиталистическая 389, 390
— трудящихся 385, 389
см. *этика*
Мышление 149, 257—259

Народ, народы 46, 49, 50, 66—69, 74, 75, 77, 79—85, 87, 90, 91, 98, 115, 116, 160, 164, 165, 168, 185, 199, 200, 202, 203, 207—211, 278, 292, 386, 392, 394
— воля 200, 203, 204, 206, 207, 209, 210
— суверенный 78, 79, 210
— и демократия 85
— и законодатель 82, 84, 85
— и личность 77
— и свобода 167, 210
— и правительство 389, 390
— и руководители 391
— как источник власти 67
см. *нация*
Наука, науки 45, 76, 89—91, 183, 247, 368—371, 378
— и философия 368—370
— разделение наук 368
Нация, национальность 43, 48, 50, 52, 65, 66, 72, 75, 85, 91, 168, 199, 287, 374
Независимость 66, 202, 204, 209, 211
— граждан 45
Неравенство 45, 53

Образование 144, 146, 247, 287
Обучение 143, 144—147, 150, 302
Общество 44—47, 49, 53, 70, 80, 88—90, 103, 108, 111—113, 115, 134, 245, 252, 284, 291, 303
— буржуазное (капиталистическое) 321, 381, 384
— американское 100, 101
— бразильское 163
— кубинское 252
Объект 216, 222—225, 255
Опыт 349, 354—356, 359—361, 364—368, 370—373, 375
Освобождение (эмансипация)
— политическое 74
— социальное 66, 74
Отечество см. *Родина*
Ощущение 108, 256, 336

Патриотизм 42, 161, 234
Позитивизм 223, 354, 356, 375
Познание 108, 222, 224, 225, 255, 256, 258, 261, 365
— средства 216, 219
Политика 45, 76, 84, 89, 90, 91, 232, 294
Понятие 257
Право, правá 46, 47, 52, 54, 55, 78, 81, 111, 113, 207, 209, 211, 234, 384
— ассоциации 78
— гражданские 42, 53, 79, 90
— естественное 46, 72, 78, 81, 318
— индивидуальное 78
— личное 45, 79, 90
— публичное 73
— социальное 318
— частное 72
— человека 46, 78, 109, 200, 317
Представление 256
Природа 214—216, 218, 219, 225, 264, 266, 267
Прогресс 44, 45, 47—49, 84, 91, 102, 116, 133
— моральный 135
— социальный (общественный) 82, 101, 115, 306
Производство 76
— средства 111, 321, 385
Пролетариат см. *классы*
Промышленность 76, 80, 84, 89—91
Пространство 326, 327, 331, 332

Рабы, рабство 42, 109, 110, 112, 202, 208, 253, 306, 382
Равенство 44, 45, 47, 48, 50, 52, 53, 57, 77, 81, 89, 92, 114, 115, 161, 162
— классов 77, 81, 86, 90, 103
— социальное 54, 234, 235
Разум
— индивидуальный 78
— коллективный 77—79
— общественный 82—84, 90
Раса 129, 130, 151, 239, 274, 275, 276, 277, 280, 281, 285, 286
— индейцы 129, 130, 274—288
— негры 130, 208, 235, 278, 279, 286
Рационализм 104, 356
Революция 49, 69, 70, 74, 92, 94, 99, 102, 203, 232—234, 277, 292—294, 296, 322, 386, 387
— в области идей 102
— политическая 99
— социальная 99, 103, 183, 387, 388
— американская 66, 70, 94, 100, 102
— кубинская (1873 г.) 199, 205, 235
— июльская (во Франции) 105
— майская (в Аргентине) 44, 66, 92, 93
— Октябрьская (русская) 379—394
— февральская (во Франции) 98—117
Религия 55—58, 75—76, 80, 84, 89—91, 136, 179—182, 264
— господствующая 57
— государственная 58
— естественная 55

— позитивная 55, 56
— христианская 44, 56, 59, 75, 114, 117, 387
Республика 86, 199, 204, 207, 209—212, 229, 234, 282
— аргентинская 122, 127
— испанская 199, 200, 203—212, 280
— кубинская 199, 204, 210, 211
— французская 1848 г. 98, 116, 199
Рефлексия 216
Реформизм 386
Родина (Отечество) 42, 43, 45, 48, 74, 92, 109, 110, 112, 113, 200, 203, 206, 232—234

Свобода 42—45, 47, 48, 50, 53, 54, 56, 58, 61, 66, 74, 77, 78, 86, 89, 92, 97, 114, 115, 161, 162, 167, 168, 186—189, 192—194, 199, 205, 210, 212, 229, 232, 249
— гражданская 77, 81, 200
— личности (человека) 67, 109, 113
— мышления 223, 306, 309
— совести 56—58
Семья 109, 110, 112, 113
Собственность 109, 110, 112, 113, 287, 296, 318, 321
— буржуазная 317
Сознание 257
Социализм 318, 322
— научный 319, 320
Социология 274, 276, 278
Способности 48, 49, 53, 54, 75, 78, 85
— к совершенствованию 100, 104—108, 374
Спиритуализм 215, 354, 356, 375
Субстанция 258, 333, 335
Субъект 216, 222, 223, 255
Суверенитет 68, 75, 77, 80, 81, 83, 84, 91
Суждение 256, 257
Схоластика 223, 247, 259, 375

Тирания (деспотизм) 40, 42, 53, 60, 92, 109, 113, 189, 199
Труд 110, 291, 303, 319, 383, 384
— интеллектуальный (умственный) 290, 291
— материальный 76
— машинный 290
— физический 289

Умозаключение 256—258

Философия 48, 66, 71, 75, 76, 84, 89—91, 99, 104, 105, 107, 112, 117, 173, 213—217, 219, 220, 222, 223, 225, 264, 316, 318, 319, 348, 349, 353—358, 369, 372, 377
— духа 353, 375
— наук 356
— природы 353, 375
— объективная 222
— субъективная 216, 222
— метафизическая 215
— эклектическая 105
— гегелевская 258, 259
— французская 105
— Сен-Симона 105, 106
— стоиков 309

Цивилизация 45, 49, 100, 136, 229, 247, 284, 305

Человек 104, 105, 107—110, 112, 113, 115, 183, 214, 220, 222, 225, 239, 269, 270, 272, 301, 302, 342—344, 359, 384
— гражданин 42, 45, 47, 52, 53, 59, 67, 73, 80, 222
— личность 75, 77, 78, 82, 87, 90, 190, 304, 310
Человечество 48—50, 56, 103, 112, 116, 117, 175—177, 272, 275, 339, 348, 388

Эволюция 337, 341
Экономика 252, 254
Эксплуатация 110, 378
— капиталистическая 320
— труда 379, 383
Эмпиризм 258
Эстетика 369
Этика 354, 355, 357, 358, 369, 371, 384 см. *мораль*

БИБЛИОГРАФИЯ

Alberdi, Juán Bautista. Estudios económicos, Buenos Aires, 1934; Cartas inéditas a Juán María Gutierrez y a Felix Frías, Buenos Aires, 1953; Bases y puntos de partida para la organización política de la república argentina, Buenos Aires, 1852.

Альберди, Х. Б. Преступление войны, М., 1960.

Alvarez, Agustín. ¿A dónde vanos? Buenos Aires, 1952.

Altamirano, Ignacio Manuel. Discursos, Paris, 1892.

Ameghino, Florentino. Obras completas y correspondencia científica, v. I—XXIV; La Plata, 1918—1935. Среди них: Filogenía, v. IV; Los infinitos, v. XIII; Noción de espacio y noción de Dios, v. XIX; Orígen poligénico del lenguaje articulado, v. XIX; Mi credo, v. XV; Ampliaciones a «Mi credo», v. XIX; Orígen y persistencia de la vida (La materia, la vida, la muerte y la inmortalidad), v. XIX.

Anales de la Asociación Metodófila Gabino Barreda, v. I, México, 1877.

Antología del pensamiento de la lengua española en la edad contemporánea, México, 1945.

Barreda, Gabino. Opúsculos, Discusiones y Discursos, México, 1877.

Barreto, Tobias. Ensaios e estudos de philosophia e critica, Recife, 1875; Estudos allemães, Rio de Janeiro, 1892; Questões Vigentes, Obras completas, v. IX, Rio de Janeiro, 1922.

Bello, Andrés. Filosofía del entendimiento, México, 1948.

Cunha, Euclides da. Contrastes e confrontos, Porto, 9 ed. [s. a.].

Echeverría, Estéban. Obras completas, Buenos Aires, 1951.

Hostos, Eugenio María de. Obras completas, v. I—XXI, París, 1954.

Hernández, Fortunato. La materia, la inteligencia y la vida, México, 1901.

González Prada, Manuel. Páginas libres, París, 1894; Horas de lucha, Lima, 1908; Anarquía, Santiago, 1936; Nuevas páginas libres, Santiago, 1937; Antología del pensamiento democrático americano. Manuel González Prada, México, 1945. В том числе: Discurso en el teatro Olimpo, 1888; Libertad de escribir, 1889; Propaganda y ataque, 1888; El intelectual y el Obrero, 1905; Nuestros indios, 1904; La muerte y la vida, 1890.

Ingenieros, José. Obras completas, v. 1—20, Buenos Aires, 1957. Среди них: La simulación en la lucha por la vida, v. 1; Sociología Argentina, v. 8; Principios de psicología, v. 9; El hombre mediocre, v. 10; Hacia una moral sin dogmas, v. 11; La evolución de las ideas argentinas, v. 13; Proposiciones relativas al porvenir de la filosofía, v. 14; Las doctrinas de Ameghino, v. 15; Los tiempos nuevos, v. 16; Emilio Boutrous y la filosofía francesa, v. 17. La cultura filosófica en España, v. 18; Las fuerzas morales, v. 19.
Luz y Caballero, José Cipriano de la. Obras de José de la Luz y Caballero, v. 1—13, La Habana, 1945; La polémica filosófica, La Habana, 1946—1948.
Martí, José, Obras completas, v. I—II, La Habana, 1946.
Марти, Хосе. Избранное, М., 1956.
Mestre y Domínguez, José Manuel. De la filosofía en la Habana, La Habana, 1952.
Montalvo, Juán. Biblioteca ecuatoriana mínima, México, Puebla, 1960; Siete tratados, Besanzón, 1882.
Mora, José María Luís, México y sus revoluciones, v. 1—3, México, 1950; Ensayos, ideas, retratos, México, 1941.
Ramírez, Ignacio. Obras de Ignacio Ramírez, v. I—III, México, 1889.
Rivera y Sanromán, Agustín. La filosofía en la Nueva España. Zamacois. Lagos, 1885.
Rodó, José Enrique. Ariel, Montevideo, 1947; Motivos de Proteo, Montevideo, 1941.
Sarmiento, Domingo Faustino. Obras selectas, v. 1—4, Buenos Aires, 1944—1945; Facundo o civilización y barbarie en las pampas argentinas, Buenos Aires, 1955; Polémica literaria, Buenos Aires, 1955; Conflicto y armonía de las razas en América, v. 1—2. Buenos Aires, 1883.
Sierra, Justo. Evolución política del pueblo mexicano, México, 1950.
Varela y Morales, Felix. Obras de F. Varela, v. I, La Habana, 1961.
Varona, Enrique José. El pensamiento vivo de Varona, Lima, 1960; Por la Patria en la colonia y en la república, La Habana, 1949; Medardo Vitier, Enrique José Varona, su pensamiento representativo, La Habana, 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Р. Бургете. Философия обновления 5

ЭСТЕБАН ЭЧЕВЕРРИА

Социалистическое учение Майской ассоциации (перевод А. Б. Зыковой) 39
К аргентинской молодежи и ко всем достойным сынам родины . . . . . —
Символические слова 44
1. Ассоциация . . . . . —
2. Прогресс 49
3. Братство. — 4. Равенство. — 5. Свобода . . . 50
6. Бог — центр и периферия нашей религиозной веры; христианство — его закон 55
7. Честь и самоотверженность — движущая сила и норма нашего социального поведения 59
8. Признание всей подлинно революционной славы, как индивидуальной, так и коллективной; презрение ко всякой узурпированной и незаслуженной известности 62
9. Продолжение прогрессивных традиций Майской революции 66
10. Отказ от ретроградных традиций, подчиняющих нас старому режиму 69
11. Эмансипация американского духа 73
12. Организация страны на демократической основе 77
13. Согласование принципов 86
14. Слияние всех прогрессивных учений в одном центре 89
15. Искренность симпатий, объединяющих нас с двумя великими силами, боровшимися за власть во время революции 92
Февральская революция во Франции (перевод А. Б. Зыковой). 98
Философский смысл Февральской революции во Франции 103

ДОМИНГО ФАУСТИНО САРМИЕНТО

Факундо (перевод А. Б. Зыковой) 121
Глава I. Физическая характеристика Аргентинской республики, ее особенности, обычаи и идеи . . . —

ГАБИНО БАРРЕДА

Письмо к Мариано Рива Паласио, губернатору штата Мехико (перевод В. Р. Мартинеса) 143

ТОБИАС БАРРЕТО

Речь без пиджака (перевод Г. А. Калугина) 155
Примечания и дополнения к «Речи без пиджака» . . 171
I. По поводу Французской революции 172
II. Братство — просто религиозное понятие . . 175
III. Церковь и театр. Религия 179
IV. Ошибочное мнение. 185
V. О свободе 186

ХОСЕ МАРТИ

Испанская республика перед лицом Кубинской революции (перевод М. И. Зайцевой) 199
[Философские идеи] (перевод М. И. Зайцевой) 213
Наши идеи (перевод М. И. Зайцевой) 217

ЭНРИКЕ ХОСЕ ВАРОНА

Социальное значение искусства (перевод В. Р. Мартинеса) 239
Не пора ли открыть нам глаза? (перевод В. Р. Мартинеса) 252
Логика. Лекция третья (перевод В. Р. Мартинеса) . . . 255

МАНУЭЛЬ ГОНСАЛЕС ПРАДА

Смерть и жизнь (перевод В. Р. Мартинеса) 263
Наши индейцы (перевод В. Р. Мартинеса) 274
Интеллигент и рабочий (перевод В. Р. Мартинеса) 289

ХОСЕ ЭНРИКЕ РОДО

Ариэль (перевод А. В. Дерюгиной) 301

ЭУКЛИДЕС ДА КУНЬЯ

Старая проблема (перевод Г. А. Калугина) 313

ФЛОРЕНТИНО АМЕГИНО

Мое кредо (перевод А. Р. Бургете) 325

ХОСЕ ИНХЕНИЕРОС

Тезисы относительно будущего философии (перевод А. Р. Бургете) 347
§ I. Лицемерие философов 348
§ II. Философский кризис XIX в. 354
§ III. Герменевтика и палеометафизика 358
§ IV. Вечность внеопытного . . . . . —
§ V. Проблемы метафизики 363
§ VI. Методология метафизики . . . . . —
§ VII. Метафизика будущего . . . . . —
§ VIII. Философский язык 367
§ IX. Структура 368
§ X. Человеческие идеалы 373
Тезисы 375
Моральные силы русской революции (перевод А. Р. Бургете)
I. Аморальность капиталистического режима 378
II. Новое сознание человечества 383
III. Конфликт между двумя типами морального сознания 388
IV. Победа моральных сил 391

Примечания 397
Указатель имен 418
Предметный указатель 423
Библиография 427

ПРОГРЕССИВНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (XIX — начало XX в.). М., изд-во «Мысль», 1965. 431 с. (Академия наук СССР. Ин-т философии).

1Ф

Редактор *М. Делограмматик*

Младший редактор *М. Кельнер*
Оформление художника *В. Максина*
Художественный редактор *Г. Чеховский*
Технический редактор *Р. Москвина*
Корректоры *Л. Севастьянова, С. Новицкая, О. Мельникова*

Сдано в набор 22 ноября 1963 г. Подписано в печать 2 февраля 1965 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Бумажных листов 6,75. Печатных листов 22,14. Учетно-издательских листов 20,23. Тираж 4500 экз. А-03010. Цена 1 р. 40 к. Заказ № 815.
Темплан Соцэкгиза 1963 г. № 57

Издательство
социально-экономической литературы «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 20 «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Отпечатано с матриц в типографии им. Котлякова
издательства «Финансы» Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати. Ленинград, Садовая, 21.
Заказ № 182.

1 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»